

РЫЦАРИ СОРОКА ОСТРОВОВ
МАЛЬЧИКИ И ТЬМА

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

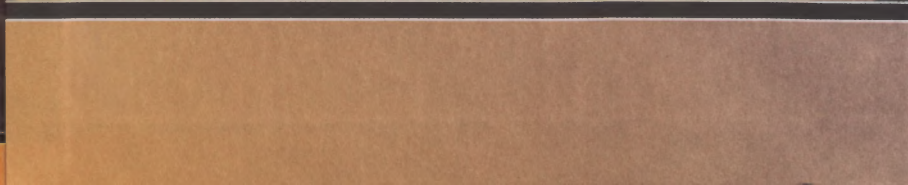
СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

РЫЦАРИ СОРОКА ОСТРОВОВ
МАЛЬЧИК И ТЬМА

З В Е З Д Н Ы Й

ЛАБИРИНТ

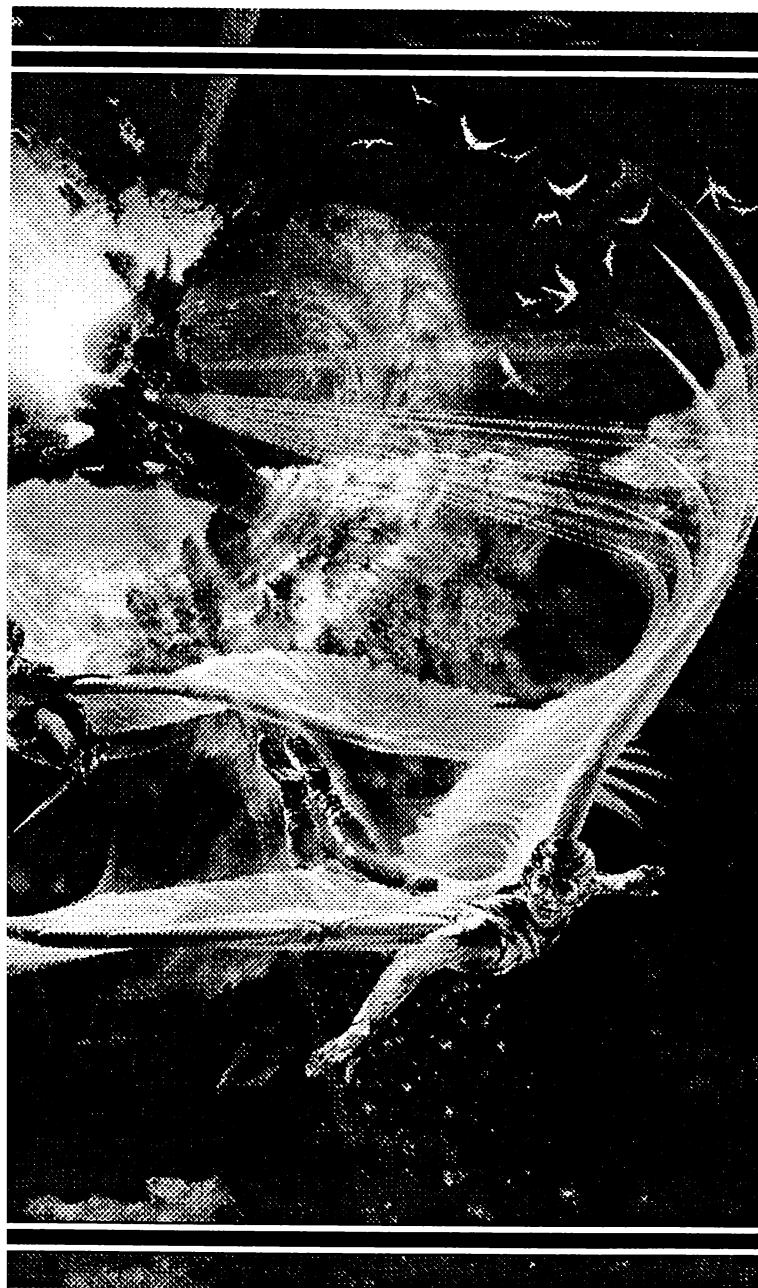

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

РЫЦАРИ СОРОКА ОСТРОВОВ
МАЛЬЧИК И ТЬМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО **АСТ** • МОСКВА

2003

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Л84

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художник В. Бондарь

Подписано в печать 13.01.03. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 10000 экз. Заказ № 134.

Лукьяненко С.В.

Л84 Рыцари Сорока Островов. Мальчик и Тьма: Фантаст. романы / С.В. Лукьяненко. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 412, [4] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-016310-X

«Рыцари Сорока Островов» — роман, с которого началась популярность Сергея Лукьяненко. Штормы и призраки, странные ритуалы, полуигровые правила вполне реальных поединков и войн... Как разобраться в этой кровавой игре, выдуманной злым, чуждым разумом?

«Мальчик и Тьма» — роман, сразу же после выхода прозванный «черной жемчужиной Сергея Лукьяненко». История поисков. История приключений. История страшных чудес и странных миров. История о том, что истинного врага найти порою не легче, чем истинного друга. Да и как может быть иначе, если за дело берутся Сумрак, Свет и Тьма...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

РЫЦАРИ СОРОКА ОСТРОВОВ

Посвящается Гуле

...дети могут воевать со взрослыми. Взрослые тоже воюют с детьми, они одичали. Но дети не воюют с детьми ни на одной планете — они еще не посходили с ума!

Владислав Крапивин

Часть первая

ЗАМКИ И МОСТЫ

РАССВЕТ

(Вместо вступления)

Раньше мне очень хотелось увидеть рассвет. Нет, не восход солнца — это уже не рассвет, это начало утра. А мне хотелось уловить тот миг, когда отступает ночь, темное небо становится сиреневым, прозрачным, чуть розовым на востоке. Но поймать мгновение рассвета оказалось так же трудно, как поймать момент наступления сна.

Еще секунду назад вокруг была ночь, тяжелая и беспросветная, словно бы даже окрепшая в предутренние часы. И вдруг что-то неуловимо меняется. Проходит минута, другая — и ты понимаешь, что воздух светлеет, темные пугающие силуэты превращаются в обыкновенные деревья, а небо становится чистым и нежно-фиолетовым. Это — рассвет. Наверное, он приходит, когда уже не остается сил выдерживать ночь. Это еще не утро, это просто конец темноты. Это — рассвет.

1. Фотография в газету

Район был чужим. Я шел по узкому каменному бордюру, отделяющему тротуар от дороги, раскинув для равновесия руки. Несерьезно, конечно, но у меня было слишком уж плохое настроение.

Лето выдалось неудачным. Нет, начиналось оно совсем неплохо — я на «отлично» окончил седьмой класс и перешел сразу в девятый. Не потому, конечно, что я вундеркинд и могу за неделю выучить программу восьмого класса. Просто в школе проходила какая-то дурацкая реформа, по которой учиться полагалось с шести лет и одиннадцать классов. Вот всех нас и перевели из седьмого прямо в девятый. Мы, разумеется, не спорили. Теперь можно было на вопрос о возрасте спокойно отвечать: «Учусь в девятом». Улавливаете разницу? Четырнадцать лет — или девятый класс.

А вот потом началась полная ерунда. Все мои друзья как сговорились — разъехались в летние лагеря или с родителями на курорты. Один даже попал в международный компьютерный лагерь и уже прислал фотографию, где он стоял в обнимку с двумя американцами. Вид у штатовцев был порядком помятый, наверное, с ними многие хотели сфотографироваться... Но все равно было немного завидно. К тому же из всего нашего района в городе я остался один.

Соскочив с бордюра, я остановился на перекрестке. Нет ничего скучнее, чем бродить одному по улицам, которые знакомы с детства. Тем более когда город маленький, как и множество других городков вокруг. Правда, наш особенный — в нем есть заводы, на которых делают космические спутники и всякую секретную технику. Но это интересно разве что иностранным шпионам.

Ну а мне приходилось болтаться по городу, скучать и поддерживать авторитет района. Проще говоря — лезть в драки с мальчишками из других компаний.

Мимо прошагали два пацана, на год-полтора младше меня. Краем глаза я заметил, как один из них, прищелкнув языком, сплюнул на асфальт и покосился мне вслед. Мальчишки еще не доросли, чтобы прицепиться ко мне, пусть даже я и был чужаком, идущим по их району. Но на презрительный плевок они отважились.

Я остановился. Развернулся к мальчишкам. Ласково спросил:

— Что, побакланить хочется?

Побакланить — значит подраться. Но ребятам этого явно не хотелось. Наверное, я выглядел слишком воинственным или чересчур сильным.

Усмехнувшись, я пошел дальше. Мальчишки за моей спиной, пытаясь сохранить остатки самолюбия, что-то сказали вполголоса. Слишком тихо, чтобы стоило оборачиваться и продолжать беседу.

Мне хотелось дойти до парка. Там могли оказаться знакомые ребята, с утра отправившиеся загорать на озеро. В крайнем случае можно было искупаться и одному.

У нас в городе замечательный парк. В нем растут высоченные деревья, многим из которых лет сто, не меньше. Когда городок только строили, лес в этом месте не тронули, а только выкорчевали кусты и убрали старые сухие деревья.

Озерцо, вокруг которого раскинулся парк, тоже привели в порядок и насыпали отличный песчаный пляж. Я представил, как торопливо разденусь на берегу, брошу на скамеечку одежду, побегу к воде... Настроение у меня сразу подскочило. Что может быть прекраснее в каникулы, чем жаркое солнце и прохладная вода?! Ну... разве что какое-нибудь захватывающее приключение.

И тут я услышал громкий голос.

— Мальчик! Мальчик!

Я обернулся и увидел, что ко мне спешит незнакомый высокий парень. На груди у него болтался кожаный чехол фотоаппарата, лицо покраснелось от бега. Он был довольно толстым, в темной клетчатой рубашке, в широких мешковатых штанах. Я молча смотрел, как он бежит ко мне, слыша краем уха и шум машин на улице, и бесконечный разговор старушек на скамеечке. Ничего удивительного не могло случиться здесь, у каменных ворот парка, в жаркий летний полдень, на глазах у десятков людей. Так я тогда думал...

А парень уже остановился передо мной, поправил ладонью волосы и, счастливо улыбаясь, произнес:

— Мальчик, хочешь сфотографироваться для газеты?

Если честно, на такой вопрос есть лишь один ответ. Парень даже не ждал моего согласия. Он что-то торопливо подкручивал в своем фотоаппарате и все говорил, не умолкая ни на секунду. Он — корреспондент городской газеты. Сейчас в ней хотят поместить большую статью про молодежь нашего города. Ну и, как положено, сфотографировать для статьи нескольких ребят... Я чем-то понравился журналисту, и он решил непременно напечатать в газете мою фотографию.

Настоящих корреспондентов я никогда в жизни не видел, но почему-то считал, что они должны выглядеть

по-другому. Не такими потными и лохматыми, что ли... Предложи мне этот парень куда-нибудь с ним пойти, я бы непременно отказался. Люди бывают разные... Но корреспондента вполне устраивал шумный, людный парк с маячившим неподалеку милиционером и любопытными старушками. Наверное, я и в самом деле очень фотогеничный, как говорила моя одноклассница Инга. Очень хорошая и умная девчонка, только вот не всегда поймешь, говорит она серьезно или шутит. Я с ней даже иногда ссорюсь из-за этого.

Парень навел свой фотоаппарат, замер. Как-то странно улыбнулся. Я так улыбаюсь, когда чувствую себя виноватым, а сознаться не хватает смелости. Мною овладел непонятный страх. Но палец корреспондента уже плавно давил на кнопку.

Фотоаппарат шелкнул. Очень громко шелкнул, обычные «Зениты» снимают гораздо тише. И наступила темнота.

2. Замок Алого Щита

Темнота окружала меня со всех сторон. Я хотел закричать — и не смог. Дернулся в сторону — и понял, что не могу сдвинуться с места. Вокруг была темнота, и холод, и больше ничего. Меня самого — и то словно бы не было.

Темнота взорвалась. Это было именно взрывом — что-то гулко ударило в уши, я кувыркнулся и с радостью сообразил, что никуда я не делся, весь на месте. Но тут до меня дошло, что ни на каком я не на месте.

Я висел в воздухе, метрах в десяти над зем... То есть не над землей, не было там никакой земли. Подо мной розовел маленький песчаный островок — километра два в диаметре, с круглым озерцом в центре. Несколько незнакомых деревьев с мелкой темно-зеленой листвой росли по его берегам. А вокруг острова до самого горизонта ярко и празднично голубело море, белые пенистые волны застыли, накатываясь на берег... И вдруг все сдвинулось с места. Волны дернулись и с шумом прокатились по песку. Воздух перестал быть холодным, в лицо дохнуло жаром, неожиданным даже для лета, и солеными брызгами, какими-то слишком уж солеными... А я

начал стремительно падать вниз, горячий воздух мягко ударил в лицо, перевернул меня набок. Так вот,

боком, едва успев выставить руки, я и упал на берег Тридцать шестого острова.

Мне было так нестерпимо больно, что я заплакал, еще не придя в себя. А потом что-то прохладное коснулось моего лба, и я услышал тихий голос:

— Если он умрет, то из-за тебя, Крис. Я еще вчера говорила, что площадка мала...

Голос был девчоночий, тонкий и сердитый. Я вначале не сообразил, про кого она говорит, а потом до меня дошло. Я умру? Фигу! Я собрал все силы и открыл глаза.

Подо мной был песок — мягкий, горячий; надо мной — чистое безоблачное небо, а в нем желтый солнечный диск. А еще надо мной склонились незнакомые мальчишки и девчонки. Одна из них держала у меня на лбу мокрую ладонь. Когда я открыл глаза, девчонка вся просияла.

— Тебе лучше? Правда?

— Правда, — машинально ответил я. Это было уж слишком — вначале скучный, тягучий как резина день, а потом трахнуться с неба на какой-то островок... И тут я оцепенел от страха. Как же я попал сюда? Я ведь стоял у самого входа в парк, и улыбающийся фотограф ловил меня в объектив камеры...

Я бы здорово испугался. Но тут посмотрел на лица ребят — и увидел, что они улыбаются. Не обидно, но все равно... Они понимающе улыбались! Они знали, в чем дело! Значит, и я узнаю... Страх сразу прошел. Я встал и огляделся, не обращая на мальчишек никакого внимания.

Островок был действительно маленьким, да еще озеро в центре... Получалось что-то вроде огромного розового бублика — кольцо мелкого песка диаметром метров восемьсот, не больше. Кое-где из песка выглядывали острые камни и шершавые, изогнутые веточки кораллов. Я подумал, что со мной было бы, брякнись я на такую штуку, и мне стало жутко. Это была приятная жуть, которая приходит уже после неслучившейся беды. Дальний край острова поднимался пологим песчаным холмом, заросшим реденьким кустарником вперемежку с чахлой желтеющей травой. Я обернулся, заканчивая осмотр островка. И ахнул от изумления. Метрах в сорока от меня вставал из песка замок. Совсем крошечный, очень аккуратный, жмушийся к берегу и нависающий над самой водой. Но у него было все, что полагается иметь настоящему замку: вы-

сокие стены из розового мрамора, сторожевая башня метров десяти—пятнадцать в высоту, узкие окна-бойницы, ворота из серого металла. Однако это было еще не самое удивительное. С трех сторон замка, обращенных к морю, ровными дугами выгибались тонкие розовые мосты. Они шли над морем, поднимаясь на головокружительную высоту, и опускались на островках вдали, кажется — возле таких же замков. Это было очень красиво, но в тот момент я думал не о красоте и не о том, как можно выстроить на затерянном в море островке такой замок и такие мосты. Меня почему-то брала досада, что, падая, я не успел ничего этого разглядеть и теперь стою с видом полного идиота. Я порядком разозлился и заговорил с окружавшими меня ребятами довольно грубо:

— Может, хватит на меня смотреть? Я не на витрине!

Но они не обиделись. А самый старший, на вид лет семнадцати, то есть года на три старше меня, сказал:

— А ты молодец. Совсем не боишься.

И протянул руку:

— Меня зовут Крис.

— Дима, — буркнул я.

Все вокруг меня были ужасно, до черноты загорелые, и немудрено: солнце жарило с неба изо всех сил, а они стояли почти раздетые. Ребята попросту в плавках или в шортах, явно самодельных, с бахромой по низу. Лишь у двоих были еще выцветшие футболки. Девчонки, которые помладше, тоже носили шорты и майки, только самая старшая, которая помогла мне прийти в себя, была в коротком застиранном платье. Самый приличный вид имел Крис — в вытертых джинсах и черной футболке. Но, как и другие ребята, он зарос волосами, словно дикобраз — иглами. У нас в классе таких пышных волос не имела ни одна девчонка. Я невольно ухмыльнулся, даже не задумываясь, какой вид будет у меня после нескольких месяцев на необитаемом острове. Коротко, хоть и неумело постриженным оказался лишь один мальчишка, мой ровесник. На тонком пояске джинсовых шорт у него висел маленький включенный плеер. Наушники были надеты, только один сдвинут, чтобы слышать разговор. Когда я узнал его прозвище — Меломан, — оно меня ничуть не удивило.

Самый младший из ребят, лет одиннадцати, в оранжевых плавках и смешной белой кепочке от солнца, громко сказал:

— А наш замо́к — замо́к Алого Щита! Он лучший на Островах!

И отступил назад, словно сам испугался своей смелости. Все засмеялись. Я тоже невольно улыбнулся, потому что понял — ничего со мной не случилось, а вокруг настоящие, хорошие ребята.

3. Правила Игры

Комнат в замке оказалось немного. Одна, узкая и длинная, называлась Турнирным залом. Было шесть маленьких спален, в них жили мальчишки, по двое в каждой. Потом две большие — в первой жили три девчонки, во второй — одна, самая старшая — Рита. Всего на острове, без меня, было шестнадцать человек. Самый старший — Крис, а самый младший — тот малыш в кепочке. Его все звали Малёк, чуть снисходительно, как младшего братишку. Было еще несколько комнат, в одной Рита и девчонки помладше — Таня, Лера и Оля — готовили еду, в других хранили разные вещи. А самая большая комната называлась Тронным залом. В него меня и повели после того, как я оказался на острове. В Тронном зале не было никакого трона, там и стульев-то почти не было. Зато посредине стоял огромный круглый стол из потемневших от времени выщербленных досок. Вокруг стола теснились перевернутые доньшками вверх пустые деревянные бочонки, на которых ребята тут же расселись. Все это скорее напоминало кают-компанию старинного корабля, чем обстановку рыцарского замка. В зале оказалось довольно светло — в трех стенах были проделаны широкие окна, застекленные и заделанные изнутри толстой решеткой. На той стене, которая не имела окна, висел большой круглый щит диаметром метра два, не меньше. Щит покрывала ярко-алая эмаль — сразу видно, что он служил не оружием, а просто эмблемой. Меня усадили на один из немногих настоящих стульев и начали, толкаясь и перебивая друг друга, объяснять сразу полтора десятка вещей. Тогда Крис заставил всех замолчать и начал рассказывать сам. Я слушал его и не знал, то ли смеяться над его словами, то ли плакать. Похоже, следовало плакать...

Все ребята попали на остров так же, как я. Их просили сфотографироваться — для журнала или просто так, — они соглашались и... И оказывались на острове.

Сообразить, в чем тут дело, было несложно. Но на всякий случай я спросил:

— Так это был не фотограф?

Крис кивнул:

— Конечно. Просто у него прибор, замаскированный под фотоаппарат.

— У кого?

Ребята переглянулись, словно решая, можно ли мне все говорить. Наконец Крис сказал:

— У пришельца. Это вовсе не человек, тот, кто тебя фотографировал. А этот остров — он не на Земле, а где-то на другой планете.

У меня холодок пробежал по спине, и не от слов Криса, а от того спокойствия, с каким он говорил. Я не выдержал и перебил его:

— Откуда ты знаешь?

— Они сами сказали. — Крис положил руку мне на плечо и добавил: — Ты только не злись, Димка. Мы-то тут ни при чем. Я вот уже семь лет живу на острове.

— Что?!

Я подскочил на месте. Семь лет? Выходит, и я здесь останусь надолго? А мама с папой? Что они подумают? Они же будут меня искать, решат, что я утонул или еще что-нибудь случилось... Ни я, ни Крис тогда не знали, что никого из нас дома не ищут, что случившееся с нами куда удивительнее простого похищения.

Рита осторожно взяла меня за руку и потянула куда-то.

— Идем...

Я машинально пошел следом. Крис тоже двинулся за нами, а остальные остались на месте. «Наверное, они тут самые главные», — подумал я. И тут меня осенило.

— Крис, а почему у тебя такое странное имя?

— Оно не странное, это английское имя, — чуть изменившимся голосом сказал Крис. — Я же из Англии.

Это меня почему-то доконало. Я сразу поверил во все, поверил до конца...

— У нас еще Януш из Польши, — негромко сказала Рита. — А все остальные ребята наши, из России. Каждый месяц кто-нибудь новый появляется. Но обычно их невысоко сбрасывают, над самым песком, а ты метров с восьми упал. Я думала, что разобьешься, а ты крепкий...

Они с Крисом завели меня в маленькую комнату, где стояла пара кроватей, а на стене, перекрещиваясь, висели два коротких меча. Вначале они показались мне настоящими, только какого-то странного цвета. Потом я понял, что это лишь игрушки: мечи были деревянными. Правда, сделаны они были здорово — когда в первом или втором классе я с друзьями играл в рыцарей, мы фехтовали чуть обструганными палками...

— Ложись и поспи, — ласково сказал Крис. — А завтра мы тебе все подробно объясним.

Я и правда хотел спать, то есть даже не спать, а забыться, хоть на мгновение. Но вначале мне непременно надо было выяснить одну вещь...

— Крис, откуда нельзя вернуться домой? Это... навсегда?

Секунду Крис молчал, а я с ужасом ждал ответа. Но Крис сказал именно то, что я и хотел услышать:

— Вернуться можно, Димка. Но это очень трудно.

Все равно... Я обязательно вернусь. Обязательно... На кроватях не было одеял, да они и негодились бы при такой жаре. Я стянул покрывало, лег на холодную белую простыню и через несколько минут заснул.

Открыв глаза, я прекрасно помнил, где нахожусь. И еще в ушах у меня звучали последние слова Криса: вернуться можно... На соседней кровати лежал Малёк. Но едва я приподнялся, как и он тоже вскочил — наверное, давно не спал, а ждал, пока я проснусь. Мы неловко улыбались, посматривая друг на друга. В общем-то он был совсем еще маленький, но и у него можно кое-что узнать...

— Малёк, а где все?

— На мостах, — с готовностью ответил он. — А девчонки обед готовят.

— А ты?

— А меня с тобой оставили, — смутился он. — Все показать и рассказать про Игру.

Так я впервые услышал это слово — Игра.

И, конечно же, сразу спросил, что это такое. Малёк даже досадливо поморщился от моего вопроса.

— Ой, Игра — это совсем просто. Там есть три главных правила — не играть после развода мостов, не играть в поддавки и не смотреть вверх, когда заходит солнце.

Так я впервые узнал правила Игры.

А Малёк тем временем снял со стены деревянный меч, подал мне. Он был такой взаправдашний, что я вытянул его перед собой и залюбовался. Малёк сказал:

— Это Тимуркин меч. Но твой тоже будет не хуже, Крис обещал подобрать... А если честно, у нас с оружием плохо, — неожиданно серьезно добавил он.

Так я впервые взял в руки оружие Игры.

Повертел меч и попросил Малька:

— А теперь объясни мне все подробно. Ладно?

4. Южный мост

Все это было и глупо, и смешно, и немного жутко. В море, а может быть, в океане, а может быть — на полностью покрытой водой планете имелось сорок маленьких островов. На каждом острове стоял замок со своей эмблемой и названием. Каждый остров, а точнее замок, был связан мостами с тремя соседними островами. Нашими соседями были Двенадцатый, Двадцать четвертый и Тридцатый острова — иначе говоря, острова Веселых Братьев, Горячей Воды и Черных Звезд. У нашего острова был тридцать шестой номер. На всех островах жили мальчишки и девчонки, попавшие туда так же, как и мы. На каждом острове — человек по десять—пятнадцать... И вся эта орава играла. Во что? Ну вроде как в рыцарей. Сражались этими самыми деревянными мечами и кинжалами, пытались захватить соседние острова...

— Зачем? — тут же спросил я.

И Малёк спокойно разъяснил — тот остров, рыцари которого завоюют все сорок островов, считается победителем. И все, кто жил на этом острове, возвращаются домой. На Землю.

— И сколько островов вы уже завоевали? — Я сразу перешел к главному.

Малёк пожал плечами.

— Ни одного. Когда-то мы захватили Двенадцатый остров, но потом рабы взбунтовались...

— Какие рабы?

— Ну, ребята с Двенадцатого острова... Когда мы их захватили, они стали нашими рабами. Должны были за нас сражаться, а на Землю все равно не вернулись бы.

Ничего себе! Я бы тоже взбунтовался. Очень надо играть за кого-то, а самому остаться на островах! Голова у меня прямо гудела от мыслей, я не знал, что и спросить у Малька. Хорошо хоть, что ему уже стало скучно.

— Димка, — протянул он, — пойдем искупаемся...

И я как-то сразу вспомнил про море. Пусть остров был нашей тюрьмой. Но море-то ни в чем не виновато! Я вспомнил, каким видел его вчера — огромным, голубым, даже на взгляд теплым, — и тут же спрыгнул с кровати.

— Пошли! Я только оденусь...

— Ты джинсы обрежь, — покровительственным тоном посоветовал Малёк. — Возьми у девчонок ножницы и сделай шорты. Жарко ведь...

Совет был неплохим, но следовать ему не хотелось. Это как-то унижало меня, примиряло с островом, словно я действительно собирался остаться здесь надолго. Неопределенно пожав плечами, я затянул ремешок.

— Ремень хороший, — тем же умным тоном сказал Малёк.

Что в нем хорошего? Обычный оранжевый кожаный ремешок, не очень-то подходящий к вытертым джинсам.

— Пряжка хорошая, тяжелая, — разъяснил Малёк. — Если в бою меч сломается, можно ремнем отбиваться.

Я засмеялся. Пряжка и верно тяжелая, если такой ударить, получится гораздо сильнее, чем тоненьким деревянным мечом...

Мы вышли из комнаты в узкий коридор из такого же розового мрамора, что и весь замок. Малёк то забегал вперед, то останавливался, распахивая все двери по сторонам и вопя что попало. Там были комнаты других ребят, но в них никого не оказалось.

— Что они делают на мостах? — спросил я.

— Караулят, не дают напасть... — Малёк веселился от души. Мы спустились на этаж ниже, туда, где находился Тронный зал, и Малёк завопил в распахнутые деревянные двери: — Ритка-нитка, голодное племя водоплавающих индейцев идет к морю!

— Идите, — спокойно отозвалась Рита, видно, привыкшая к его фокусам. — Но через час я все со стола убираю, и вы останетесь голодными до обеда. Доброе утро, Дима!

— Доброе утро! — пробормотал я.

Рита стояла возле стола и резала хлеб. Она улыбнулась и добавила:

— Да вы бегите, ребята. Это же твой первый день на острове, Димка, а в первый день можно ничего не делать.

— Да здравствует первый день! — завопил Малёк. И деловито сообщил: — Я твой сопровождающий и тоже могу ничего не делать.

И мы бросились дальше. Вылетели из дворца — наружные двери были раскрыты — и уже через минуту дурачились в воде — теплой, соленой, в которой дрожало повисшее в небе солнце. И не вылезали до тех пор, пока теплая вода не стала казаться нам холодной, а я всерьез не испугался, что Рита нас не дожидется и мы останемся без завтрака. Но Малёк посмотрел на солнце и уверенно сказал, что можно еще полчаса погреться на песке. И мы разлеглись под розовой стеной замка — так, чтобы на голову падала тень, а все остальное загорало...

— Малёк, а как тебя зовут на самом деле? — спросил я.

— Игорь, только у нас Игорей и без меня целых три. Вначале звали Игорем-маленьким, а теперь просто Мальком. Пробовали звать Малышом, но я не согласился.

— Малыш и Карлсон, — хмыкнул я. — Читал?

— Не-а, — виновато протянул он. — Я когда сюда попал, еще не умел читать. А здесь этой книжки нет. Но Рита мне ее рассказывала...

— Малёк, объясни мне еще раз правила Игры, — попросил я.

Мой сопровождающий вздохнул, словно учитель, которому попался непонятливый ученик:

— Значит, так... Цель Игры — захватить чужие острова. — Малёк говорил явно чужие, взрослые слова, и это было немного смешно. — Оружие Игры — мечи и кинжалы... У Игоря-длинного есть арбалет.

— С деревянными стрелами?

— Угу. Нельзя сговариваться с чужим островом и играть в поддавки. Нельзя ночью воевать...

— Почему?

— Ночью мосты разводятся. Понимаешь, они из такого камня, который от нагревания сильно расширяется. Посредине моста есть зазор. Утром мосты нагреваются, половинки сходятся, и мост делается целый. А сразу после захода солнца или просто в пасмурную погоду мост раздвигается. Дыра делается метра в четыре, так что не перескочишь. Да и нельзя перепрыгивать, нужно сразу кончать Игру.

Малёк сердито взглянул на меня.

— Нельзя, накажут!

— Кто?

Он посмотрел вверх и с неохотой сказал:

— Ну эти... пришельцы. У нас один мальчик, Ростик, пустил стрелу после захода солнца, когда мосты разошлись. А вечером пошел купаться — и утонул.

Я опасливо взглянул вверх. Небо было голубым, чистым, и ничего в нем не было: ни летающих тарелок, ни крылатых чудовищ. Но мне, как, наверное, и Мальку, стало казаться, что оттуда следит кто-то невидимый. Невидимый и страшный. До этого я храбрился, все-таки Игра — это и есть Игра. Деревянным мечом разве что шишку набить можно... А этот Ростик утонул по-настоящему. И из-за чего? Из-за дурацкого правила.

— А почему нельзя смотреть вверх во время заката? — спросил я, вспомнив вдруг еще более дурацкий закон.

— Не знаю, — честно признался Малёк. — Только посмотришь вверх — ослепнешь.

Меня больше не радовали ни шелест прибоя, ни яркое солнце. Оказывается, не только остров был против нас, безмятежное небо тоже грозило бедой. Мелкий песок, на котором мы лежали, вдруг показался мне колючим и до отвращения сухим, словно грязная придорожная пыль. Я поднялся:

— Пошли завтракать.

— Идем... — У Игоря-маленького тоже испортилось настроение. Мы побрели к замку. Озеро обходить не хотелось, и мы пошли вдоль берега. Там было неглубоко, до колена, вода оказалась горячей, как кипяток, но у дна вертелись какие-то рыбки.

— Мы со стен замка рыбачим, — сказал Малёк. — Закидываем удочки в самое море и рыбачим. Девчонки уху варят.

Замок розовел на солнце, нарядный, как елочная игрушка. «Разгромить бы этих пришельцев, — подумал я. — А здесь устроить какой-нибудь курорт...» От этих мыслей мне стало смешно. Разгромить! Пришельцев, которые взяли да и перенесли нас на другую планету! Да у них техника в сто раз лучше земной! Даже целая армия тут ничего не сделает! Нет, эту Игру надо выигрывать по их правилам...

Железные ворота замка вдруг закрипели, раскрываясь, и из них выскочила Ритка. Метнулась к нам, и лицо у нее было такое перепуганное, что я невольно уставился в ворота — может, за ней гонится какое-то чудовище?

— Ребята, на южном мосту... Ребята... — Ритка всхлипнула, и я понял, что ничего больше от нее не добьешься — в лучшем случае она разревется. Впрочем, и так все было понятно. Вслед за Игорьком я бросился к воротам.

5. Дерево и сталь

Мост был узким, метра два в ширину. По краям поднимались низенькие, в метр, перильца из того же розового мрамора, что и мост и весь замок. Хуже всего было, что мрамор моста оказался чертовски гладким, ноги скользили. Я пытался бежать ближе к краю, там плитки выглядели шероховатыми. Зато сразу стало страшнее — уж слишком далеко под нами дрожала морская гладь. Мы с Мальком бежали уже минут пять, наш замок остался позади, и напутствий, которыми засыпали нас девчонки, слышно уже не было. И хорошо... Я вспомнил, как они притащили оружие, но меня стали отговаривать идти на мост. В первый день можно не играть... Что я, предатель, что ли? На южном мосту, где дежурили всего трое ребят, шла ожесточенная схватка. Таня увидела ее с дозорной башни — сегодня была ее очередь наблюдать за мостами — и подала сигнал тревоги. А меня пытались отговорить помогать ребятам! Мало ли, что ты не умеешь фехтовать... Тоже мне мушкетеры. Мастера деревянного клинка... Я несея за Мальком, а меч, тот самый, который он мне показывал утром, мотался у меня на поясе.

В центре мост слегка выгибался вверх, подъем был пологим, почти незаметным, но скрывал от нас картину боя до последнего момента. Ветер все крепчал, и немудрено — до воды теперь была добрая сотня метров. Я старался не смотреть вниз, но со страхом чувствовал, что мост раскачивается от его порывов. Разве можно так строить — километровый, не меньше, мост, и ни одной опоры! Но тут мы добрались до середины моста, до самой высокой его точки. И сразу все увидели.

Наших ребят спасало лишь то, что мост очень узкий и драться могли только две пары. А не то их бы давно смяли — со стороны вражеского острова наседали не меньше десятка парней. Нападавшие были такие же загорелые и так же богато одетые, как и мы. Но отличить их было нетрудно — в их руках беспощадно сверкали стальные мечи! Настоя-

шие, острые даже на вид. Я увидел эти мечи и оцепенел. Сердце застучало часто-часто. Какая же это Игра? Это издевательство! Они с настоящим, смертельным оружием, а мы с деревянными игрушками! Мне захотелось крикнуть, что так нечестно, хотя я и понимал, что глупее ничего не придумаешь. Но тут я увидел такое, от чего сердце у меня словно оборвалось: Один из нападавших размахнулся, и его меч обрушился на Криса, который сейчас один загораживал им проход. Двое других наших ребят, Януш и Толик, почему-то стояли за его спиной... Так вот, Крис не стал уворачиваться от удара, а поднял свой меч, отражая его. И пока блестящий стальной клинок падал на Криса, я успел подумать, что металлический меч перерубит деревяшку пополам и еще заденет Криса по лицу...

Два меча, стальной и деревянный, скрестились. До нас долетел скрежет, и я увидел, как от удара посыпались искры. Тем временем Крис прыгнул вперед и ударил сам. Его меч ескользнул вдоль вражеского и попал в плечо. И нападавший, мальчишка примерно моего возраста, вдруг закричал. Отчаянно, так не кричат, когда получают удар палкой. Даже Крис отступил назад, а Малёк рядом со мной ойкнул. А тот незнакомый мальчишка медленно сел на мраморные плиты моста. По руке у него текла кровь. Настоящая... И на деревянном мече Криса тоже темнели багровые пятна.

Схватка на мгновение прекратилась. Крис отступил назад, а между двумя отрядами теперь сидел окровавленный мальчишка. Наконец его товарищи бросились к нему и оттащили обратно. А я посмотрел на Януша с Толиком. Внимательно посмотрел, не так, как раньше. И сообразил, что Януш не случайно держит меч в левой руке — правая у него обмотана темной от крови тряпкой. А Толик не зря приложил левую руку к животу — точно так в кино зажимают рану солдаты. Но мы-то не солдаты!

Крис обернулся, и я увидел, какой тоскливый у него взгляд. Но тут он заметил нас и успокоенно махнул рукой. Малёк подбежал к нему. А я продолжал стоять.

Мы же не солдаты!

А те, с Двадцать четвертого острова, снова полезли в драку. Крис теперь дрался плечом к плечу с Мальком. Я поразился, глядя, как ловко орудует мечом самый маленький боец нашего острова. Конечно, отбить даже несильный удар взрослого парня у него не хватило бы силенок. Только он и

— Толик, — я сглотнул застрявший в горле комок, — так, значит, вы убиваете?

Толик взглянул на меня исподлобья и ничего не сказал. Да и зачем, и так все ясно.

А нападавшие тем временем утомились. Я подумал, что оборона мостов была в общем-то несложной задачей. Главное — чтобы часовых было достаточно и можно было быстренько менять уставших и раненых. Тогда нас вовек не завоюют.

И мы никого не завоюем.

Крис отошел к нам, шлепнул меня по плечу влажной, вздрагивающей от усталости ладонью. Он был здорово вымотан, но без единой царапины.

— Молодец, что пришел, — выговорил он, переводя дыхание. — Хочешь попробовать?

— Аппетита нет, — хмуро ответил я.

Солнце жарило в небе, круглое и пронзительно желтое, как перезревший лимон. Далеко-далеко, маленькие и безобидные, катились волны. И пестрели по сторонам разноцветные пятнышки островов. Невесомые паутинки мостов связывали их в причудливый узор.

— Крис, завоевать хотя бы один остров можно лишь чудом. Сорок островов не завоеует никто и никогда.

Крис быстро взглянул на Толика. И тихо, с прорезавшимся акцентом, сказал мне:

— Не делай выводов так быстро. Дома поговорим.

Игорек и Януш уверенно отбивались от врагов. Те и нападали уже вяло, больше для порядка. Узенький мост не позволял им навалиться всем сразу, используя преимущество в численности, или фехтовать более виртуозно, побеждая за счет техники. Двое мальчишек могли остановить здесь любую толпу. Как спартанцы в Фермопилах... Рыжие кудри Януша золотились от солнца, он дрался спокойно, сосредоточенно, а Малёк, наоборот, азартно. Но оба они были уверены в себе. Такие драки для них привычное дело...

Среди нападавших особенно выделялся один мальчишка — высокий, худощавый, лет четырнадцати. Этот мальчишка все пытался проскользнуть между Мальком и Янушем, но у него ничего не получалось. И не получилось бы, сколько бы он ни пытался. Вот только он вдруг перестал лезть в драку. Чуть отступив назад, легко вспрыгнул на низенькие перила моста и пробежал по ним. Мы и опомниться не успели, как он оказался в тылу у Януша и Малька.

Он стоял, раскинув для равновесия руки, чуть покачиваясь. Я смотрел на него и никак не мог сообразить, чего же он не спрыгивает обратно на мост. Ясно же, что после этого начнется грандиозная свалка, в которой нас неминуемо сомнут. Думал я об этом спокойно, даже с каким-то восхищением этим парнишкой. У меня в голове еще не укладывалось, что здесь проигрыш равнозначен смерти... А тот мальчишка об этом знал. И он понимал, что победу для своего острова завоюет ценой собственной жизни, что кого-кого, а уж его-то убить успеют. Наверное, вначале, в горячке схватки, он не подумал об этом, а теперь ему стало страшно. Он вдруг жалко, умоляюще улыбнулся и раскрыл рот, чтобы сказать что-то. Может быть, попросить перемирия. Но Крис уже прыгнул к нему, вскидывая свой меч, который мне казался деревянным, а мальчишке с чужого острова — стальным.

Перила были узкими, очень узкими. Мальчишка уже не мог спрыгнуть на мост — он попал бы под удар Криса. Тогда он пригнулся, уклоняясь. И потерял равновесие.

Я вскрикнул, но голоса своего не услышал — закричали все. Мальчишка исчез с моста так быстро, словно его сдернули вниз сильной рукой. Через секунду мы уже перегнулись через перила, не оглядываясь друг на друга, не ожидая удара в спину, мгновенно забыв, кто здесь с какого острова.

Он падал томительно медленно, словно парил в воздухе. Меч мальчишка выронил, и тот кувырчался над ним, отставая и на глазах теряя свой стальной блеск, деревенея. Только сейчас, видя это бесконечное падение, я осознал, на какой высоте находится мост. А мальчишка все падал. Может быть, эти мгновения лишь казались нам бесконечными. Время умеет растягиваться, когда тебе очень страшно...

Мальчишка уже превратился в крошечное пятнышко на фоне воды. «Сейчас...» — с замирающим сердцем подумал я. И тут внизу сверкнула яркая белая вспышка. Это походило на вспышку магния, но его потребовалось бы не меньше килограмма. Даже глаза заболели. Я зажмурился, а когда снова посмотрел вниз, там не было никого.

А потом меня резанул знакомый голос.

— Ребята!

Двадцать четвертый остров шел в атаку. Они были совсем рядом. А Малёк стоял рядом со мной, и по лицу его текла кровь. В него метнули нож.

...Я больше не думал об Игре. Здесь все было настоящее — друзья и море, враги и замки. И выбор был прост — ты или тебя. Я кидался вперед, и мой меч звонко отбивал чужие удары. Помню, один раз на меня набросились трое — старше и сильнее. Но кто-то — кажется, Толик, — подбежал и встал рядом.

И враги стали отступать. Не думаю, что в этом много моей заслуги. Просто все сложилось вместе — страшная смерть их товарища, получасовая драка, наше с Игорьком появление... Ну и мои неумелые, наполненные страхом и отчаянием удары, наверное, тоже. Так иногда бывает, и честь победы достается тому, кто просто опоздал к началу схватки...

Я опередил и Толика, и Януша, и Криса. И неожиданно оказался один на один с отставшим противником.

Первое, что бросилось мне в глаза, — он был посветлее других. Не такой загорелый и чуть аккуратнее подстриженный, хоть и длинноволосый. Еще через секунду до меня дошло, что это девчонка лет четырнадцати, и я опустил меч. Не знаю, сумел бы я ударить парня, даже после всего случившегося на мосту... Девчонку я не могу ударить точно. А она стояла, опустив меч, повернувшись ко мне лицом и не пытаясь убежать. Вид у нее был вполне соответствующий: обрезанные чуть ниже колен джинсы, завязанная на животе узлом блузка, волосы, перетянутые на лбу широкой черной лентой. И все равно что-то в ней казалось знакомым, земным. Из той моей жизни, которая оборвалась вчера со щелчком фотоаппарата.

Девчонка стояла и смотрела на меня. Знакомо смотрела.

— Инга... — одними губами выдохнул я.

Это было невероятнее всего случившегося. Фантастичнее Игры и прищельцев. Этого просто не могло быть! Ингу я видел всего два дня назад. Да, возможно загореть за пару дней, при желании за тот же срок реально обтрепать одежду и исцарапать руки. Даже с прической можно сделать что-нибудь такое, от чего волосы покажутся длиннее. Но глаза, выражение лица — они так быстро не меняются! Инга выглядела сейчас гораздо старше. Оттого, наверное, я и не узнал ее сразу...

— Тихо, — шепотом сказала Инга. — Приходи сюда ночью, на мост. И никому не говори про меня.

Она повернулась и бросилась к своим.

Игорька ранило несильно. Он даже уверял, что ему совсем не больно, словно мы не видели набегающих ему на глаза слез. Крис с Янушем остались на мосту, а мы с Толиком отвели Малька в замок. По дороге Толик рассказывал про Януша. Он здесь недавно, с месяц, его все учат русскому языку, но говорит Януш пока плохо. Толик вспоминал какие-то забавные словечки Януша, хохотал. Мне это казалось диким. Только что мы видели, как погиб мальчишка с соседнего острова, только что рубились насмерть, а он уже смеется. Но и Малёк смеялся, вздрагивая при этом от боли. А у меня перед глазами стояли то падающий в море пацан, то замершая под моим мечом Инга.

В тот вечер ребята вернулись с мостов раньше обычного — на небо набежали тяжелые тучи. Быстро стемнело, и ветер стал холодным. Мы с Толиком стояли на балконе: так я про себя называл опоясывающую замок террасу, с которой и начинались все три моста. На нее же выходили окна наших комнат, которыми запросто пользовались вместо дверей. Толик весь вечер разъяснял мне, где и что находится, и я уже не слишком путался. Замок был в общем-то небольшой. Комнаты, где мы жили, Тронный зал, кухня, Турнирный зал (я бы назвал это длинное, с высоким потолком и зарешеченными окнами помещение просто спортзалом). Ну, еще множество узких коридоров, подвал под замком и пустые комнаты в сторожевой башне. Честно говоря, мне замок показался снаружи гораздо просторнее. Наверное, большую часть площади занимали толстенные каменные стены.

Толик был весь перебинтован. Ему наложили на раны какую-то белую мазь, и он уверял, что к утру на коже останутся лишь тонкие белые шрамики. Малёк подвергся той же процедуре, но его еще и уложили в постель, а Толика даже не пытались. Не обращая внимания на свои быстро побуревшие повязки, он таскал меня по замку, пока не добрался до балкона.

— Хочешь научиться слушать мост?

Я кивнул, не совсем представляя, чему меня собираются учить. Толик мгновенно растянулся у самого начала моста, прижался ухом к гладким плиткам.

— Ложись и вслушивайся.

Я послушно лег. И услышал слабое глухое потрескивание.

Это расходились, остывая, половинки моста. Почему-то мне стало жутко. Похожее ощущение было у меня только

однажды, когда я был с классом на экскурсии в самой настоящей шахте. Ну, не в самой шахте, конечно, а на поверхности. Тогда я подошел к забранному решеткой отверстию вентиляторов, гнавших воздух с полукилометровой глубины. И услышал гул мчавшегося из темноты, из узких запутанных коридоров, ветра. Было в нем что-то такое, что по коже побежали мурашки. Какая-то слепая, равнодушная мощь и незримый холод десятков стальных лопастей, несущих воздух к поверхности.

Так и здесь. В потрескивании сжимающегося камня таилась абсолютно нечеловеческая, тупая сила. Точно так же завтра утром, с восходом солнца, мост начнет сходиться. Словно две каменные руки сойдутся в смертельном рукопожатии, стискивая очередную жертву...

— Печатляет? — гордо спросил Толик.

Я кивнул, поднимаясь. И вздрогнул, увидев, что на плитках, где лежал Толик, остались влажные темные пятна. Толик перехватил мой взгляд, усмехнулся:

— Да не бойся, Димка. На островах не умирают от ран. Только в бою... Хочешь, развяжу бинт? Сам увидишь, рана уже затянулась.

— Я верю, — честно ответил я. — Не надо.

Постепенно возвращались с мостов ребята. С южного — Крис с Янушем, с восточного — Тимур, Сержан и еще двое ребят, имен которых я не помнил. Самый воинственный вид был, несомненно, у Тимура. Дежурить на мост он ходил с двумя мечами, закрепленными в специальных ножнах за спиной так, что длинные рукоятки торчали над плечами. Не знаю, действительно ли он фехтовал обоими мечами сразу, но выглядело это внушительно. Да и по возрасту Тимур был старше меня не меньше чем на год. С Сержаном мы были ровесниками, ну а их напарники (из разговоров я наконец-то уловил их имена — Игорь-длинный и Ромка) выглядели немного младше меня. Большинство ребят попадали на острова лет в двенадцать-тринадцать. Малёк, «сфотографированный» в неполные шесть лет, и я, сделавшийся участником Игры в четырнадцать, казались исключениями из правил.

Последними пришли те мальчишки, которые охраняли западный мост. Еще два Игоря, Илья, Костя. Они начали было рассказывать, как на них нападали ребята с Двенадцатого острова, но, встретив иронический взгляд Криса, замолчали. Тогда заговорил наш командир. Он коротко сообщил,

что в схватке с врагами двое его товарищей оказались ранены, но мужественно продолжали бой. Меня это немного удивило, но я не стал спорить. Потом он рассказал про Малька — тут все было совершенно правильно, но когда перешел ко мне... Выходило чуть ли не так, что именно я разогнал всех нападавших, спас от смерти самого Криса, а вдобавок еще проявил редкостное благородство, пощадив оцепеневшего от страха противника. У меня даже слов не нашлось, чтобы ему возразить. Да к тому же, услышав про «оцепеневшего противника», я едва удержался от того, чтобы сказать, сколько лет с ним знаком... Конечно, если мне не померещилось.

Внезапно я засомневался, действительно ли встретил на мосту Ингу. Вспомнилось, что она так и не назвала меня по имени. Ну а предложение встретиться ночью, тайком... Это вполне подходило для девчонки, прожившей на островах несколько лет и пораженной тем, что ее вдруг пощадил в бою, но совсем не подходило для Инги. Она в таких вопросах никогда не проявляла инициативы...

Прервало мои размышления появление Риты. Она постояла немного среди нас, о чем-то шепотом спросила Криса, а потом громко позвала:

— Ребята, ужинать.

Повторять приглашение ей не пришлось. Мы перешли в Тронный зал и набросились на еду. Мясо, хлеб, картошка, огурцы. Чай с конфетами... Это уже было чересчур. Ладно, где-то в глубине острова могли расти пшеница и картофель. Но конфеты — дешевая и приторно-сладкая карамель в блеклых обертках, — они-то на деревьях не вырастут! Я разгладил обертку — на ней не оказалось ни единого слова. Просто рисунок: синие морские волны, а в них зеленый островок... Наклонившись к сидящему рядом Толику, я прошептал:

— Слушай, откуда все это?

— От хозяев, — спокойно ответил он.

— От кого? — не понял я.

Толик, дожевывая кусок мяса, разъяснил:

— Да от пришельцев.

Наверное, в голове у меня сработал какой-то предохранитель, потому что я перестал удивляться. Всю порцию удивления, отпущенную мне на этот день, я уже израсходовал и теперь спокойно выслушал рассказ о кухонных шкафах, в которые каждый вечер складывают остатки пищи, а ут-

ром на полках находят свежие продукты, мыло, затягивающую раны мазь, свечи. Иногда — новые мечи.

За окнами быстро темнело. Все разбрелись по замку, и в Тронном зале осталось человек пять. Игорь-Меломан замер у окна с надетыми наушниками. Я хотел было попросить у него плейер, но не решился. Из всех ребят Меломан казался самым замкнутым и молчаливым... По всему замку зажгли свечи, и это получилось неожиданно красиво: на розовом мраморе стен задрожали загадочные тени, потолок исчез в полутьме, в оконных стеклах затанцевали отраженные язычки пламени. Тимур вытащил откуда-то затрепанную книжку, примостился у стола, где горел втиснутый в стакан целый букет свечек, и принялся читать. Игорь-длинный и просто Игорь сели играть в шахматы. Из любопытства я несколько минут наблюдал за игрой. Впрочем, больше игры мне понравились сами шахматы — очень красивые и по виду старинные.

Крис подошел ко мне сзади и обнял за плечи.

— Нравятся?

— Шахматы? Ага.

— Это я сюда с ними попал, — с заметной гордостью сказал Крис. — Тут все вещи только те, что были у нас с собой. Может, сыграем?

— Спать хочется, — почти искренне ответил я. Почти, потому что спать мне ужасно хотелось, но делать я этого не собирался.

— Ну ладно,— подозрительно легко согласился Крис. — Я тебя провожу до комнаты.

Мы вышли в коридор. Здесь было множество высоких незастекленных окон, в которые тянуло прохладой.

— Как по-английски «очень холодно»? — спросил я.

— Итс вери коулд, — рассеянно ответил Крис. Потом остановился, взял меня за руку, посмотрел сверху вниз своими жесткими серыми глазами. — Димка, ты очень умный парень, но... Никогда не повторяй того, что ты сказал мне на мосту. Никогда.

— А что я сказал?

— Что невозможно завоевать сорок островов.

— Но...

— Да, ты прав. Сорок островов не завоеешь. Это все понимают, хотя обычно не так быстро. Но вслух этого не говорят. Иначе жить не захочется. Понял?

Я понял. А еще я понял, что для горя и страха нет таких предохранителей, как для удивления. Как бы ни было грустно, но может быть еще хуже. И от того, чтобы не разреветься как маленькому, меня удерживало только одно — Инга.

7. Двойники

Хорошо, что Малёк спал, когда я зашел в комнату. Крис сказал, что я буду жить в ней, а Тимур, занимавший ее раньше, пойдет на место Криса. Ну а наш командир найдет себе комнату где-нибудь в сторожевой башне. Он был хороший парень, Крис, наш предводитель в замке Алого Щита на Тридцать шестом острове...

Я лег на кровать. Эта ночь была прохладной, и кто-то положил на кровать одеяло. Оно было толстое, наверняка теплое, но я не стал в него кутаться, чтобы не уснуть. Я лежал и думал, что завтра с самого утра мне придется дежурить на каком-то мосту, и не просто дежурить, а драться, может быть, даже убивать. А иначе погибну сам. Толик уже успел мне рассказать, что некоторые ребята, попав на остров, так и не решались драться по-настоящему, пытались помирить острова и гибли...

— Крис хитрый... — вдруг пробормотал Малёк. Потом еще что-то неразборчивое, сразу понятно — во сне. Повернулся на другой бок, в слабом свете из окна забелела его перевязанная голова, и сказал: — Не надо, он и так ничего не сделает...

Я осторожно встал, наклонился над Игорьком. Спит. Послушал, но он больше ничего не сказал. Тогда я поправил на нем одеяло и отошел к окну. Оно было очень низко от пола, а открылось совсем легко, обдав меня холодным ветром. Я закрыл его, поискал свитер, оделся и лишь после этого выбрался из комнаты на террасу.

Небо затягивали тучи, но в одном месте они разошлись, и там мерцало незнакомое созвездие — ровный кружочек из ярких звезд. Не знаю, как в Южном полушарии, а наше небо такие созвездия не украшали. Я имею в виду земное небо...

— Нарекаю тебя Оком Пришельца, — прошептал я и хихикнул. Честно говоря, мне было не по себе.

Белесый силуэт замка быстро растаял в ночи. В нем не светилось ни одно окно, а света редких звезд, про-

глядывавших сквозь тучи, было мало. Мне показалось, что чуть заметно светятся сами тучи. А потом я перестал думать про тучи и звезды, так как середина моста приближалась, и я рисковал угодить в раскрывшийся на ночь проем. Замедлив шаги, я крепче прижал ладонь к перилам. Узкая мраморная полоска оказалась почти горячей. Она остывала и делилась со мной накопленным за день теплом... Вытянув руку вперед, я медленно шел в темноте, готовый в любой момент, почувствовав под пальцами пустоту, остановиться. Но мост все не кончался и не кончался, упорно поднимаясь вверх.

Пройдя еще немного, я понял, что беспокоился зря. Инга захватила с собой фонарь.

Она сидела на своей половине моста, свесив ноги в пустоту. Между нами была пропасть метров пять шириной, а на дне этой пропасти еле слышно билась вода. Рядом с Ингой стоял древний жестяной фонарь с толстой свечой внутри и лежала смотанная веревка.

— Это ты? — Она даже не удивилась. Подняла фонарь повыше, рассматривая меня, потом стала разматывать веревку. Я сомневался зря, это была Инга. — Держи!

Скользкая нейлоновая плетель хлестнула меня по ногам, исчезая в проеме. Я поймал конец веревки со второго или третьего раза, обвязал вокруг перил со своей стороны, а Инга — со своей.

Подергав веревку несколько раз и, видимо, удовлетворившись результатами, Инга недоуменно спросила:

— Дима, а чего ты еще ждешь? Или перебираться тоже предоставишь мне?

Только теперь я сообразил, что мне придется сделать. Проползти по веревке несколько метров — это, конечно, не подвиг. Если веревка натянута над тихой речушкой или мягкими поролоновыми матами... А здесь было беспокойное ночное море и сто метров высоты.

Я обхватил веревку. Взглянул на неподвижную фигурку Инги. И пополз. Нет, страха я не чувствовал. Наверное, потому, что в темноте невозможно в полной мере ощутить высоту и представить последствия падения.

Когда я оказался на чужой части моста, мои пальцы никак не хотели отпускать влажный нейлоновый шнур. Вцепившись в него, я молча смотрел на Ингу.

— Я так и думала, что ты легко перелезешь, — сказала она.

После таких слов обратная дорога перестала меня волновать. Я небрежно пожал плечами:

— Ерунда... Упражнение для первоклассника. Ты не замерзла?

На Инге была темно-синяя штормовка, размера на два больше, чем следует.

— Нет.

Мы замолчали. Я отвел глаза от Ингиного лица, подвинул ногой фонарь, стоящий слишком близко к краю моста. Как-то странно начинался у нас разговор. Будь на месте Инги знакомый мне мальчишка, мы бы сейчас хохотали и орали во все горло. Даже с любой из своих одноклассниц я чувствовал бы себя свободнее. А с Ингой, хоть мы и дружим с самого детства, у меня уже целый год такая чертовщина.

— Удивительно, что мы попали сюда вместе, — начал я.

— Удивительно, что мы вообще здесь, — поправила Инга.

Я начал немного злиться. Она что, не может хотя бы завизжать от радости, что мы встретились? Стоит и смотрит поверх головы, словно ей нестерпимо скучно... Я взглянул на нее. И вдруг понял, что Инга вовсе не спокойная или равнодушная. Она вся сжата, сдавлена какой-то болью или страхом.

— Инга... Что с тобой? — растерянно спросил я.

Она наконец-то посмотрела мне в глаза.

— Дим... Как у меня дома? Родители сильно... волнуются?

— Не знаю, я давно у вас не был...

— Целый месяц?

— Какой еще месяц?

Я подумал, что родители Инги непременно позвонили бы моим, когда она исчезла. Да и у меня спросили бы, не знаю ли я, где она может быть...

— Какой еще месяц? — переспросил я. — Мы три дня назад по телефону разговаривали. А у вас дома я был на той неделе, когда мы в кино ходили.

— На той неделе я в кино не ходила. Я на кухне дежурила, в нашем замке.

— А с кем же я тогда смотрел кино?

— Не знаю. — Инга фыркнула. — Вспомни, тебе лучше знать.

Я оперся о перила. Вкрадчиво спросил:

— Инга, ты давно на острове?

— Месяц.

Меня это даже не удивило. Видимо, я начал догадываться.

— Инга, неделю назад мы ходили в кино. Потом несколько раз болтали по телефону и видели друг друга в школе. Я попал на остров два дня назад.

Инга протянула руку, коснулась моих пальцев. Я вздрогнул.

— Дим, ты правду говоришь или так... чтобы я не волновалась?

— Инга, нас никто с Земли не крал. С нас сняли копии.

— Значит, мы двойники?

— Ага.

Инга вдруг заулыбалась. Первый раз с тех пор как мы встретились. Весело и беззаботно, словно все неприятности остались позади.

— Нам от этого никакой пользы нет, — хмуро сказал я. — Пусть даже наши двойники дома, но мы-то здесь!

Глаза у Инги сделались удивленными. Она негромко произнесла:

— Как это «пусть даже»... А родители? Тебе их не жалко?

Я почувствовал, как краснею. Конечно, если дома остались наши двойники, то ни мама, ни папа не волнуются, они не знают, куда я попал. Инга правильно обрадовалась... Но внутри у меня все переворачивалось от мысли, что я — это не я, а всего лишь копия. Так обидно мне еще никогда не было. Хотя, по сути, обижался я сам на себя.

А Инга на глазах становилась прежней. Улыбка ее стала задорной и немного хитрой.

— Димка, я так рада, что ты сюда попал...

— Спасибо.

Мы засмеялись. Инга щелкнула пальцами по нейлоновому шнуру, натянутому как струна. Сказала:

— Теперь можно придумывать, как отсюда сбежать.

— Как?

— Ну, в принципе есть всего два пути, — разъяснила она. — Или завоевать все острова...

— Не получится.

— Или разыскать пришельцев и всыпать им.

Я закашлялся, сдерживая хохот.

— Ин... Инга... Ты гений. Всыпать... Именно всыпать. Ты еще не пробовала этим заняться?

— Нет, — очень спокойно ответила она. — Я старалась не рисковать. Я же не знала, что дома осталась другая Инга.

Она сказала это твердо, как бы все объясняя. И по этой твердости я понял — уж теперь-то она не будет «стараться».

— Инга, но если с нами что-то случится здесь, то... случится по-настоящему. Мы другие люди, не те, которые остались дома. Ты не боишься?

— Чего? На Островах нет никого старше семнадцати лет. Мы сможем прожить года три-четыре, а потом...

Она замолчала. Тряхнула головой, отбрасывая с глаз челку.

— Меня это не устраивает.

Секунду я с удивлением смотрел на нее. Она смелая девчонка, но именно девчонка. И склонности к подобным авантюрам у нее никогда не было. Нет, месяц на острове не прошел для нее бесследно.

— Инга, мы попробуем. Или завоюем... или всыплем.

— Но тогда нам нужно действовать в полной тайне.

8. Секретный план

Я удивился.

— В полной тайне? От пришельцев, что ли? Тогда не стоит об этом договариваться здесь, на свежем воздухе. Надо было мне пойти в ваш замок. Да и с остальными ребятами стоит посоветоваться.

Инга иронически посмотрела на меня и сказала:

— У вас там сегодня один мальчишка дрался. Маленький такой, а дрался здорово...

— Это Малёк. Я с ним в одной комнате живу.

Инга вздрогнула.

— Он спал, когда ты ушел?

— Да...

— Точно?

— Точно! — Мне передалась ее тревога.

— Димка, ты сам подумай! Как он может драться? Сколько ему лет?

— Одиннадцати нет... — пробормотал я. — Но он же давно на острове, вот и научился фехтовать...

— Да при чем тут фехтование! Ему десять с полтиной, он от пола метр с кепкой, руки-ноги как спички! А ударишь по его мечу — словно по железной трубе. Он даже с Раулем дрался, тот не смог у него меч выбить! А Раулю было

пятнадцать, он на Кубе штангой занимался. Брал меня и еще трое девчонок на руки — и подымал! Рауль и сказал однажды, что тут нечисто. А на другой день его в бою убили...

— Кто?

— Этот... Что двумя мечами машет.

— Тимур?

— Да. Смешливый, смуглый... И как вышло-то! Рауль опять начал драться с Мальком, и тот вдруг упал. Рауль хотел ударить, да заколебался... А ваши поперли всей толпой. Они, видно, все любят этого... Малька. Ну и...

Игорек — и что-то подлое? Это не укладывалось у меня в голове. Но все сходилось.

— Инга, а у вас такие есть?

— Таких нет. Есть Генка. Он уже десять лет на острове.

— А у нас Крис и Тимур по семь лет...

— Вот. Это тоже очень странно. Здесь ведь и день прожить трудно.

Я закрыл глаза. У меня внутри сейчас было пусто, как в космосе. Попадись мне пришелец, я бы его без всяких мечей скинул с моста.

— Инга, ты всегда ходишь дежурить на мосты?

— В дозор? Нет, редко. Иногда наши мальчишки просят прийти меня или Лорку. Чтобы мы их подбадривали своим присутствием.

Меня что-то кольнуло. Мы с Ингой дружили и ссорились, мирились и снова находили повод для споров. Но никогда не оказывались врагами. А в проклятом мире островов нас разделила граница куда серьезнее, чем разведенный мост. На ее острове я могу стать лишь рабом, пленником, который никогда не вернется на Землю. И для Инги Тридцать шестой остров никогда не окажется домом. Мы даже не предлагаем друг другу перейти на свой остров. Понимаем, что это невозможно. Инга будет и дальше ходить «в дозор» на Двадцать четвертом и кормить мальчишек, которые дерутся со мной и моими друзьями.

— Что же ваши так чесанули днем? — насмешливо спросил я. — Оставили тебя прикрывать отход?

— Я сама осталась, чтобы с тобой поговорить.

Око Пришельца с издевкой глядело на нас с неба. Временами его закрывали тучи, и казалось, что звезды лукаво подмигивают. Поболтайте, детишки, поболтайте в свое удовольствие...

— Инга, а как ты попала на острова?

— Как все.

Ей явно не хотелось вспоминать. Но я не унимался:

— А именно? Вот меня подловили возле парка...

— А меня в парке. Я гуляла с Лайной.

Лайна — это ее собака. Большая, красивая и абсолютно безобидная шотландская овчарка.

— Так вы вместе попали сюда?

— Нет... Какой-то идиот подошел в парке и говорит: «Можно сфотографировать собаку?» Я разрешила. Он походил вокруг, потом попросил подержать собаку, чтобы не вертелась...

Я заметил, как задрожали у Инги губы. И прекрасно ее понял. Была в наших похищениях до боли обидная отретпетированность.

— Потом темнота — и шлепнулась в воду.

— В воду?

— Да, у нас специальный бассейн вырыт, чтобы никто не разбился. Ко мне подбегает Лорка... ну, тогда-то я ее не знала. А я встаю и думаю, что мне все снится...

— Инга, давай решим, чем займемся в первую очередь, — быстро сказал я. Слишком уж изменился у нее голос. В книжках герои всегда утешают плачущих девушек, но я вовсе не был уверен, что вспомню, какие слова при этом говорят.

— Давай...

— Надо побольше разузнать про острова. Сколько лет они существуют, кто и на каких островах живет. Нет ли другого оружия, кроме мечей и арбалетов. Пробовали договориться между собой или нет. Если пробовали — что из этого получилось. Карту хорошо бы нарисовать.

— Ладно.

— Есть ли другие острова, на которых никто не живет. Как выглядят пришельцы, кто их видел. Есть ли здесь птицы, а если есть, то откуда прилетают. Действует ли компас... впрочем, это я сам проверю. Какие полезные вещи есть на островах... У нас один мальчишка с плеером ходит, например.

— У нас тоже есть магнитофон, но у него батарейки сели... Дима, а почему так сильно натянулась веревка?

Я с удивлением взглянул на пересекающий проем моста шнур. Он не просто натянулся, он топорщился расползающимися нейлоновыми волосками и тихо звенел на ветру, как собирающаяся лопнуть струна.

— Инга, мы ротозей, — выдохнул я, дергая сбитый в тугой комок узел. — Мост все еще расходится и натягивает веревку. Надо ослабить ее...

Узел не поддавался. Растянутый нейлон превратился в совершенно однородную, неподвластную пальцам массу. Я вцепился в него, срывая ногти, потянул изо всех сил. Безрезультатно.

— Я полез назад.

Веревка под пальцами казалась жесткой, как стальной трос.

— Димка, не надо!

Инга попыталась меня остановить, но было уже поздно. Я торопливо полз, болтаясь под ненадежной, доживающей последние мгновения веревкой.

— Дурак! Это не храбрость, а глупость! — крикнула мне вслед Инга, когда я уже оказался на своей половине моста.

— Ничего, нейлон так легко не рвется, — бодро возразил я. — Что же мне, до утра ждать оставалось? Она, может, и вообще не порвется...

Веревка лопнула с тонким звенящим визгом. Короткий обрывок, оставшийся на перилах с моей стороны, как резиновый, стегнул меня по руке. Я ойкнул.

— Больно? — испуганно спросила Инга.

— Нет... — выдавил я, мотая рукой в воздухе. — Не очень...

— Жалко.

— Не злись... Встретимся здесь же, послезавтра ночью, ладно?

Инга присела, начала отвязывать веревку со своей стороны. Негромко сказала:

— Веревку сам принесешь.

— Есть!

— И дежурь на других мостах. Вдруг я здесь опять... окажусь.

— Так точно.

Повернувшись ко мне, она приготовилась было что-то сказать. Но передумала. Состроила презрительную гримасу, подхватила фонарь, остатки веревки и пошла к своему замку.

Я пожал плечами. И чего она обиделась? Сама ведь заявила, что нам придется рисковать.

Малёк вроде бы спал, когда я вернулся. Едва опустившись на кровать, я провалился в тяжелый беспробудный сон. И тут же почувствовал, как меня трясут за плечо.

— Димка! Вставай!

В окно било солнце. От ночного холода не осталось и следа, сброшенное мной во сне одеяло валялось на полу. Малёк сидел на краешке моей кровати.

— Пошли завтракать...

Я сел и протер глаза. Посмотрел на Игорьька. Он водил бо-сой ногой по полу, вычерчивая непонятные фигуры.

— Что у тебя глаза красные?

— Мыло в глаза попало, когда умывался. Нам такое едучее мыло сегодня прислали...

— А книжки так не присылают? Или нормальную одежду?

— Нет.

— Жалко. — Я окончательно проснулся и встал с постели. — Пойдем.

Завтрак был самый обычный. Словно в каком-нибудь военно-спортивном лагере. Только вместо бутафорских автоматов — деревянные мечи, вместо дырявых брезентовых палаток — морские стены Тронного зала. Да и черную икру не дают на завтрак ни в одном лагере. Девчонки принесли икру торжественно и важно, поставили посреди стола здоровенную хрустальную вазу, с горкой заполненную черными зернышками.

— Глядите, что нам прислали!

Все оживились. Тимур пробурчал: «Уже месяц не было икры, жмоты все-таки эти пришельцы...» Я набрал полную ложку и мимоходом подумал, что на этой планете пришельцы-то как раз мы. Сержан ехидно спросил у пухлой светленькой Леры, чего она так сияет, словно сама метала эту икру? Лера обиделась, и Крис легонько съездил Сержану по затылку. Тот сразу извинился перед Леркой. Он был не злой парень, но язык у него работал немного быстрее головы, причем работал без устали, а авторитетом для Сержана служил лишь Крис.

В то утро я первый раз присутствовал на «разводе». Так, по-военному, называлось распределение постов — кому какой мост защищать сегодня. Крис сразу сказал, чтобы Костя оставался в замке, помогал девчонкам: те хотели устроить уборку. Костя, невысокий худощавый мальчишка, поморщился, но спорить не стал. Сержан, Малёк, Януш и сам Крис решили идти на южный мост. Видимо, Крис опасался нового нападения, вот и взял в свою команду лучших бойцов. Самых лучших... Я невольно посмотрел на Малька. Права Инга. Даже если бы

Игорька с колыбели учили драться на мечах, не мог он сладить с почти уже взрослыми ребятами...

Я вместе с Игорем-длинным, просто Игорем и Ромкой попал на восточный мост. Ну а Толик, Меломан, Илья и Тимур должны были дежурить на западном мосту.

Крис прошелся мимо нас, осмотрел мечи. Мне дали в меру длинный, с широким прямым клинком и круглым, прикрывающим всю кисть эфесом. Тимур сказал, что для начинающего — это самое удобное оружие. Трудно было поверить, что в бою забавная деревянная игрушка станет настоящим оружием.

— Вроде все в порядке. — Крис посмотрел на солнце. — Ого, уже высоко. Пошли, а то мосты сойдутся.

— Пойдем, — с непонятной иронией сказал Сержан. — Правда, Малёк куда-то делся.

Лицо у Криса чуть дрогнуло.

— Ну что за несерьезность... — пробормотал он.

Прибежал Малёк.

— Я пить ходил, — деловито объяснил он.

Крис кивнул.

— Пойдем. Только... Тим, поменяйся местами с Димой. Зря я его поставил на восточный мост, там опаснее, чем на западном, а дерется он еще плохо.

Тимур не стал спорить. А мне было все равно. Главное — не на южный мост, где может оказаться Инга. Не очень-то джентльменским, что ни говори, оказался ее остров. На нашем девчонки в схватках не участвовали ни в коем случае, хоть фехтовать и умели. Перед завтраком я сам видел, как Тимур фехтовал с Ритой. Мечи у них оставались деревянными — бой был несерьезным, тренировочным...

Крис хлопнул переминающегося с ноги на ногу Малька по плечу:

— Пойдем.

9. Беда

Вспоминая вчерашнюю драку на мосту, я готовился к чему-то подобному. Как бы не так! Мы неторопливо дошагали до середины моста и остановились. Там уже сидели (кто на перилах, кто прямо на мосту) трое мальчишек, причем один — у меня глаза на лоб полезли — был негр. Этот негр на вполне приличном русском языке нас окликнул:

— Тридцать шестой! Вы долго спать, мы уже решили хотеть вас будить!

Толик дружелюбно помахал ему рукой:

— Нас будить не надо, Салиф, мы всегда готовы.

— А-а, пионеры всегда готовы... — хохотнул негритенок.

Мы остановились метрах в десяти от этих мальчишек. Илья зевнул и, посмотрев на небо, пробормотал: «Ну и жарит сегодня», после чего растянулся на горячих мраморных плитах. Двое пацанов с Двенадцатого острова немедленно слезли с перил и последовали его примеру. Только чернокожий Салиф продолжал стоять, облокотившись на перила и постукивая по ним длинным кривым ножом. Толик, перехватив мой взгляд, крикнул:

— Салиф, у нас новенький, дай ему свой ятаган посмотреть. По-честному.

Я думал, что Толик смеется. Но Салиф пригнулся и пулыл нож по гладкому мраморному настилу; тот остановился у самых моих ног, едва не трахнув по пальцам. Я подобрал нож... и обомлел. Прямо в моих руках он становился деревянным. Рукоятка из белой кости и сверкающее стальное лезвие тускнели и словно бы расплывались. Я провел деревянным лезвием по руке. И заработал занозу. Толик захохотал, а я со злостью кинул ятаган обратно. Салиф ловко подхватил его, когда нож уже готов был улететь вниз, и укоризненно покачал головой. Мне стало неловко, и я спросил:

— Салиф, откуда у тебя такой нож?

— Это народное оружие моего племени, — улыбаясь во весь рот, ответил он.

Я посмотрел на Толика:

— Разве ятаган — африканское оружие?

Салиф заржал так, что его, наверное, на островах было слышно. Толик хмыкнул.

— Африканское... Ты думаешь, он из Африки?

— А...

— Бэ. Перед тобой гражданин Соединенных Штатов Америки. Зовут его, насколько я знаю, Джордж, а родом он из города Чи...

— Толэк! Я буду с тобой воевать! — немедленно отозвался «африканец». — Ты раскрыл моя военный тайна.

— Ладно, Салиф. Не буду...

Толик посмотрел на меня и сказал уже потише:

— Ты привыкай, Димка, что здесь все от скуки ле-

40 зут на стену...

— Хорошо когда на стену, плохо когда на мост, — вдруг произнес Игорь-Меломан. Он стоял, полузакрыв глаза, в ушах у него торчали проводки от плеера. Магнитофончик висел на груди, и панелька солнечных батарей была подставлена свету. Оказывается, он еще ухитрился слушать наш разговор.

— Так вот, — продолжал Толик, — скука здесь жуткая, одни от нее лезут на стену, другие — на мост и кидаются в драку, третьи прикидываются юными воинами из племени людоедов. Салиф тебе много бы нарасказывал, не останови я его. А ятаган, это, конечно, турецкое оружие. Их Двенадцатый остров граничит с Четырнадцатым, там почти все из Турции. То ли они верят, что завоюют все острова, то ли еще что, но Джо... Салифу с друзьями приходится туго. На наш мост они ходят как в санаторий, отдохнуть и позагорать. Мы не против. Так что этот мост — местечко тихое.

— А вчера ребята говорили...

— Это Илюшка с Костей? Верь им больше.

— Но-но, — отозвался Илья. — Вчера у нас был страшный бой...

Постепенно мною овладевала сонная ленца. Подул ветерок, но он был жарким и не принес бодрости. Я немного позагорал, немного побродил по мосту, поглядывая вниз. Голова от этого уже почти не кружилась, наверное, я стал привыкать. Потом со сторожевой башни нашего острова дважды сверкнуло.

— Сейчас обед принесут, — пояснил Илья. — У нас там стоит большое зеркало, вроде как световой телеграф получается.

Я кивнул, разглядывая его очки. Одна дужка у них была прикручена проволочкой, оба стекла треснули.

— Илья, твоим очкам сколько лет? — не удержался я.

— А это не мои. Я свои разбил через месяц, как сюда попал. А это трофей, их для меня Крис добыл год назад. Правда, тут стекла не те, слабоватые, но все равно лучше с ними...

Как Крис добыл очки, я спрашивать не стал. Понятно, что по доброй воле никто бы их не отдал.

— Очкарикам здесь сложно, — сказал Игорь. — Как очки разобьют, так и хана... А еще больным плохо приходится, разным сердечникам да диабетикам. Лекарств-то нет. На Тридцатом острове попался один такой, через неделю умер. И не в бою, а так...

— Ты бы без своего магнитофона умер, — парировал Илья. — Вот подожди, сломается что-нибудь или

кассеты протрешь до дырок, и конец. Ляжешь на кровать и через неделю помрешь.

— Дай послушать, — попросил я Игоря. Тот охотно протянул пластмассовую коробочку.

— На. А то у меня всего три кассеты, никто их уже слушать не хочет.

Я надел наушники. И услышал хриплый мужской голос, который пел, словно выстреливал короткими, нервными фразами:

В мутном зеркала овале
Я ловлю свое движенье,
В рамке треснутой поймали
Нас с тобою отраженья...

— Это «Спираль Времени»?

Он молча кивнул. Лицо у него стало довольным. А в наушниках все билась мелодия, жесткая, сильная, я даже напрягся, словно перед дракой или прыжком в холодную воду...

И не вырваться, не скрыться,
Мир прилип к холодной грани,
И смеются наши лица
На заплаканном экране.
И за тенью зазеркальной
Повторяем мы движенья,
Выпал случай уникальный:
Нас поймали отраженья...

Кассета докрутилась до конца, я хотел было перевернуть ее, но тут увидел идущую по мосту Таню. Она тащила здоровенную кастрюлю — обед. Я посмотрел на наших «врагов» — к ним тоже шел мальчишка с тяжелой по виду сумкой.

Мы неторопливо пообедали. Поделились с Двенадцатым островом хлебом, а они угостили нас яблоками. Таня еще покрутилась среди нас, ей явно хотелось остаться подольше, но Толик без всякой жалости прогнал ее обратно, разъяснив:

— Мала еще. И не положено девчонкам на мостах дежурить.

— На Втором острове положено! — обиженно протянула Таня.

— Девчоночьи сказки, — отмахнулся от нее Толик. И разъяснил мне, что про Второй остров, который очень далеко отсюда, ходят такие слухи, будто бы там у власти одни

девчонки, а мальчишек они выгоняют с острова или даже убивают.

Таня ушла. Мы опять принялись бездельничать. Солнце медленно ползло к воде, а ветер, словно дожидаясь этого момента, делался все сильнее. Я поежился, во-первых, потому что стало холоднее, во-вторых, потому что мост начал тихонько раскачиваться, и от этого делалось жутко.

— Как на качелях, — сказал Илья. Его это забавляло. — Вот во время шторма на мосту интересно. Иногда волны до самой середины дохлестывают.

— Здесь же сто метров высоты!

— Увидишь.

И в этот момент на башне нашего замка сверкнуло, в глаза ударил солнечный зайчик.

— Черт... — Толик вскочил, вглядываясь в башню. Прошло с полминуты, прежде чем сверкнуло снова.

Илья поморщился. Меломан снял наушники плеера. Ребята с Двенадцатого острова насторожились.

— Салиф! — Толик положил меч на мост и пошел вперед. Негр, чуть поколебавшись, оставил свой нож и шагнул ему навстречу. Несколько минут они неторопливо разговаривали, затем Салиф повернулся к своим и громко, чтобы все слышали, сказал:

— Ребята, идите к замку. Проверьте, как дела на северном мосту. Я один подежурю.

Те, ни слова не говоря, пошли к своему острову. А Толик быстро пожал Салифу-Джорджу руку и подошел к нам. Лицо у него было непривычно встревоженным.

— Игорь, подежуришь один?

Игорь молча кивнул. Тогда Толик коротко бросил нам с Ильей:

— Ноги в руки — и вперед.

Я не стал ничего спрашивать. Видимо, один сигнал означал срочный сбор на острове...

Пока мы неслись к замку, я подумал, что по мостам либо плетутся еле-еле, либо бегут сломя голову. Средины не существовало. И мы бежали изо всех сил, а солнце уже опускалось в море, и небо багровело, словно наливалось кровью.

Первыми к острову прибежали ребята, дежурившие на южном мосту. Когда подоспели мы, то увидели тесно сбившийся возле восточного моста кружок. Там были

девчонки, Тимур, Сержан, Януш... все. Они не дрались, не разговаривали. Они стояли и смотрели на что-то, лежащее между ними. У меня вдруг стали подкашиваться ноги. Наверное, я слишком быстро бежал... Вслед за Толиком, который неожиданно грубо растолкал ребят, я втиснулся в кружок.

На мраморной террасе, которая стала багровой, как заходящее солнце, лежали Ромка и Игорь. Тот, который просто Игорь... У Ромки была рана на груди — узенькая полоска с запекшейся кровью. А у Игоря что-то с головой, что-то такое страшное, что я не смог посмотреть внимательнее. Меня начало подташнивать.

Сержан вдруг схватил Тимура за плечи:

— Где Остап?

Я не сразу понял, что он про Игоря-длинного, его фамилия была Остапенко.

— Он прыгнул с моста. Его ранили... — Тимур попытался освободиться из рук Сержана, это у него не вышло, и добавил: — Смертельно ранили.

— Где Костя? — никак не реагируя на его слова, спросил Сержан.

— В замке, — ответила Рита. — Наверное, тоже... У него стрела в груди сидит, мы вытаскивать побоялись...

Сержан закричал изменившимся голосом:

— А ты почему живой, Тимур? Они дошли до замка, а ты драпал?

— Оставь его! — Рита оттолкнула Сержана. — Тим все делал правильно. Остынь.

Илья негромко произнес:

— Чего ругаться-то, теперь всем крышка...

10. Безумный Капитан

Мы похоронили ребят в дальнем конце острова, за лесом. Крис и Малёк, они пришли, как только село солнце, помогли Сержану и Янушу рыть песок. Неглубоко, потому что под песком был камень. Я стоял в стороне и с внезапным ужасом понимания думал, что на их месте мог оказаться и я. Ведь на этот мост вначале выпало идти именно мне... Я почти не знал погибших ребят — ни Ромку, ни обоих Игорей, — просто не успел еще с ними подружиться. Но мы бы подружи-

лись, я это чувствовал. Игорь-длинный был моим ровесником, а Ромка с Игорем помладше, но они были веселыми ребятами и еще утром над всеми подтрунивали. Только тогда я ничего этого не понял, я никого из них не знал...

Я не хочу врать, что мне стало очень горько. Если бы убили Криса, или Толика, или Игорька, вот тогда я заплакал бы, и не от страха, а от жалости. А сейчас у меня жалость была такой, словно при мне кого-то сбила машина. И жалко, и суетишься, пытаешься помочь, но знаешь, что через день-другой в памяти не останется боли. Я злился на себя за такие мысли и все пытался почувствовать настоящее горе. Но ничего не получалось. Во мне были только страх, сострадание к молчаливому стоящему рядом Тимуру, эта самая недолгая жалость да еще стыд перед Ромкой и Игорем, что я не могу вот так разреветься, как Толик. Потом мы еще немного постояли, не решаясь уходить, словно бросить ребят одних было бы предательством. Януш тихо шептал, и я решил, что он молится. В Польше многие верят в Бога.

...Уже в замке Тимур рассказал, как все было. Они сразу, с самого утра, почувствовали неладное. Обычно Тридцатый остров выставлял на мост троих-четверых, а сегодня пришли семеро. Но до самого вечера «тридцатка» в драку не лезла. Наверное, выжидали, пока ребята расслабятся. И дождались. Оставался какой-то час дежурства, когда один из мальчишек с Тридцатого стал уходить обратно, к своему замку. Это был обман. Он отошел шагов на пять, за ним перестали следить, а он вдруг резко повернулся и выстрелил из арбалета, который держал в руке. Стрела попала в плечо Игорю-длинному, но тот все-таки выстрелил в ответ, и даже удачно: враг упал или убитый, или тяжело раненный.

Но у «тридцатки» был еще один арбалетчик, он выстрелил в Игоря и попал тому в голову. Игорь упал, он сразу потерял сознание. Его ударили по лицу еще раз, мечом, но тут Ромка бросился вперед и заколол одного из нападавших. Другие стали отступать, и Ромка кинулся следом, не сообразив, что будет один против пятерых. Его ударили в грудь, подоспел Тимур и оттащил Ромку назад. Положение было жутким. Один Игорь был ранен в руку, другой без сознания, а у Ромки кровь даже не текла, а хлестала из раны. Наверное, удар пришелся по какому-то сосуду, и Ромка хоть и оставался в сознании, но слабел с каждой секундой. Тогда Игорь-длинный взял

меч в левую руку и велел Тимуру уводить раненых. Игоря приходилось нести на спине, Ромка вначале шел сам. Потом ослабел вконец, и Тимур стал волочить обоих, хорошо еще, что под уклон. Оглядываясь, он видел, как Игорь-длинный дерется левой рукой. Его почти сразу прижали к ограде моста, и тогда он отбросил меч, схватил одного из нападавших и вместе с ним перекинулся через перила. А Тимур был уже у самого замка, когда увидел, что для Ромки Игра кончилась навсегда. Навстречу ему выбежал Костя, помог дотащить ребят. Девчонки пытались перевязать Игоря, но тот вдруг начал задыхаться, и они ничего не смогли сделать...

Тимур с Костей сумели оттеснить врагов назад. Тех было четверо против двоих, но они увидели, что по другому мосту бегут еще мальчишки, и кинулись назад. Лишь один раз выстрелили, почти не целясь. И Костя упал...

За окнами темнело — стремительно и бесповоротно, в щели начал сочиться холод, даже от стен потянуло прохладой. И все сильнее и сильнее били о берег волны. В коридорах стало темно и неудобно. Я прошелся по ним. Попытался заглянуть в Костину комнату, но Рита меня выгнала. Я только услышал, как он дышит — у него что-то пузырилось на губах, хрипело, — и понял, что вряд ли мы ему поможем.

Постепенно все стали собираться в Тронном зале. Там по крайней мере горел камин, и хотя на весь огромный зал тепла от него не хватало, но зато было светло и как-то спокойнее. На каждой стене горело по факелу, и от нас тянулись по полу длинные нескладные тени. Я подумал, что нашим теням на полу зябко и неудобно, потому что в замке пол всегда холодный. Впрочем, и нам сейчас было не лучше...

Я подошел к одному из окон. Море ревело почти у самой террасы. Она вся была залита водой с тающими хлопьями пены. По небу сплошной пеленой неслись облака: редко-редко проглядывала какая-нибудь звездочка и тут же исчезала. Я порадовался, что сегодня не надо идти на встречу с Ингой.

Ветер рванул особенно яростно, где-то сверху зазвенело бьющееся стекло. Толик зло выругался, зачем-то пнул ногой стену. Стене, конечно, ничего не сделалось, а Толик, хромая, отошел к дивану. Меломан вздохнул и встал у окна рядом со мной.

— Давайте решать, что будем делать, — сказал Крис. Он сидел у камина, на своем «командирском» стуле. На коленях у него лежал меч.

— Что делать-то? — спросил Сержан. — Тима поутешаем. Вон он как, бедненький, горюет. Или поблагодарим Толика. Он на той неделе дежурил на восточном мосту, врагам спуска не давал. Вот и раззадорил «тридцатку»...

— Замолчи!

Толик метнулся к Сержану, вырывая из-за пояса меч. Я с ужасом увидел, что деревянное лезвие начинает серебриться, стальнеет.

Сержан отпрыгнул к стене, тоже потянулся к оружию. Но тут между ними оказался Тимур. Секунда — и Толик с Сержаном оказались на полу, скорчившиеся от боли, сразу ставшие одинаково маленькими и беспомощными. А Тимур стоял в каратистской стойке: одна рука у пояса, другая у лица, словно ожидал продолжения.

— Так, бунт подавлен. Спасибо, Тимур, — спокойно произнес Крис. — Еще раз повторяю, для Сержана: никто из нас в случившемся не виноват. Я тоже убивал врагов и тоже отступал... Ладно. Завтра пойдешь на восточный мост, там и проявишь эмоции.

Сержан с Толиком медленно сели в разных углах зала. Тимур устроился между ними, прямо на полу, словно не чувствуя холода. Я заметил, как он переглянулся с Крисом, и внезапно понял: именно они решают судьбу острова.

— Ребята, мы потеряли сегодня четверых бойцов.

— Троиx! Костя живой, нечего его отпевать, — вскинулся Толик.

— Он уже не боец. Мы потеряли троих друзей и четверых бойцов. Теперь нам придется очень туго. Еще одна такая драка — и будем запираться в замке.

— Ну уж нет, — твердо сказал Тимур. — Ни за что.

Все зашумели. Запереться в замке, позволив врагам занять мосты и остров, считалось страшным позором. Даже Меломан скинул наушники и включился в спор. Речь шла о том, как повыгоднее расставить наши скудные силы. Я в разговор не вмешивался, стоял и слушал.

— Самое тяжелое место — восточный мост, — подвел итог Крис. — Завтра они могут повторить атаку, а если даже и не повторят... Мы никогда не прощали обид. Туда пойдём я, Тимур и Толик.

— Мало, — резко сказал Меломан.

— Знаю. Но ничего не поделаешь. Ты с Игорьком и Янушем охраняешь южный мост...

— Хорошо. Малёк не подведет.

— Мальков у нас больше нет, все взрослые. Понял, Игорек?

Игорек кивнул. За весь вечер он не сказал еще ни слова.

— Ну а западный мост возьмут Димка с Сержаном.

Меня отправляли на самый безопасный мост.

— А я? — с обидой воскликнул Илья. — Меня забыли?

— Ты будешь дежурить на острове, — доверительно ответил

Крис. — И придешь на помощь тем, кому придется совсем плохо.

Он действительно был прирожденным командиром. Оставленный в спокойном месте Илья так и не понял, что его оберегают. Я медленно обвел всех взглядом. И словно увидел нас со стороны. Огромный мраморный зал. Высокие окна, залитые брызгами воды, задернутые темнотой. Мерцающие факелы по стенам. Потрескивающий камин, над ним — алый щит, герб острова. У стены — кожаный, явно современный, немного помятый диван. Я вдруг понял, откуда он здесь взялся — кого-то «сфотографировали» на диване. А по всему залу, в самых разных позах — сидя на стульях, на полу, на спинке дивана, стоя, лежа на составленных стульях (Меломан) — девять полуголых мальчишек, загорелых, увешанных деревянным оружием. Рядом и совсем взрослые парни, как Крис, и такие малыши, как Игорек. И все о чем-то беседуют, что-то обсуждают...

Я услышал, как скрипнула дверь, и сразу наступила тишина. Рита замерла на пороге, словно не решалась войти. Потом тихо сказала:

— Ребята, Костя умер.

Никто не вскрикнул и ничего не сказал. «Они же ждали этого, весь вечер ждали!» — понял я. И во мне что-то не выдержало. Я бросился к двери, оттолкнул Риту, побежал по коридорам. Вправо, вниз по лестнице, к двери, выходящей на остров. Закрыта. Вверх, в какой-то узкий проход, по кривым коридорчикам, где двоим не разойтись, по какой-то винтовой лестнице, вверх, вверх, вверх. Плотная закрытая дверь. Я распахнул ее, и ветер, наполненный дождем, набросился на меня. Вокруг была темнота: море, остров и вся громада замка далеко внизу. Я стоял на площадке дозорной башни. Один в ревущей темноте, под ударами ветра, пытающегося столкнуть меня вниз. Один на все сорок островов, на всю эту чужую планету, на всю Вселенную. У меня не было больше ни врагов, ни друзей... Разве что Инга... Но я уже не знал, есть она на самом деле или я ее просто придумал. И мне не хотелось ни думать

об этом, ни горевать, что два дня назад я попался на удочку поддельного фотографа. Я уже не чувствовал обжигающего холода, дождь казался теплым, как вода из-под душа. Я шагнул вперед, навстречу ветру, наткнулся на какие-то перильца и стал через них перелезать...

Надо мной громыхнуло так, словно разорвалось небо. Белая молния зазмеилась над замком. Перекинув одну ногу через перила, я едва не сиганул с двадцатиметровой высоты — куда-то в бушующее между восточным и южным мостами море.

Молния утасла. Я оцепенел, даже не мог сообразить, в какую сторону мне лезть обратно.

Чьи-то руки схватили меня за плечи, стащили на площадку. Под самым ухом я услышал голос Толика:

— Димка, не надо этого, успокойся...

Он крепко держал меня в темноте, наверное, боялся, что я буду вырываться. Мне стало смешно. Он думал, что я... А может, он и правильно думал?

— Толик,пусти...

— Не отпущу, кто тебя знает, может, ты собрался к Безумному Капитану.

— Ни к кому я не собрался.

— А чего убежал?

Во мне прорвало невидимую плотину, и я почти закричал:

— Толик, я не могу с ними, они там все не люди, а роботы, им никого не жалко, ты один нормальный, да и то...

— Димка, зря ты так. Мы нормальные, а я не лучше и не хуже других. Просто надо держаться, хотя бы на виду друг у друга. Если раскиснешь, то долго не протянешь. — Он говорил спокойно, уговаривая, и мне действительно делалось легче. — Раз уж нам не повезло и мы попали сюда, то надо держаться. Надо быть человеком. У нас не всегда так плохо, как сегодня. Иногда месяцами никого не убивают. Иногда попадают такие интересные новички... У нас жил один парнишка, скрипач, целый год. Знаешь как играл...

То, что он говорил, было неправильно, вывернуто наизнанку. Это было хорошо лишь по чудовишным меркам Островов. Ну что хорошего, что какой-то скрипач жил и, наверное, погиб здесь. Но что-то во мне уже смирилось с этим миром. И я успокаивался, все сильнее и сильнее прижимаясь к Толику, словно он был старше и мог от чего-то меня защитить.

— Толик, а про какого Безумного Капитана ты говорил? — спросил я. Не хотелось уходить вниз, в тепло

и свет замка. Мне нужно было еще несколько минут, чтобы прийти в себя окончательно.

— Правда, ты ведь не знаешь про него... — сказал задумчиво Толик. — Еще не замерз?

— Нет.

— Тогда подождем следующей молнии. А ты смотри вперед и слушай, я буду рассказывать.

Он заговорил, и у него даже голос изменился.

— Безумный Капитан — это такой же мальчишка, как мы. То есть был таким же. Он попал на один из островов и прожил там много лет, стал совсем уже взрослым парнем. Он хорошо дрался и, говорят, даже мог завоевать все Острова. Только он этого не хотел, он хотел помочь всем. И тогда он вместе с ребятами со своего острова построил настоящий корабль. Клипер, маленький и быстрый, на котором могли разместиться мальчишки с нескольких островов. На этом клипере он со своими ребятами уплыл с острова. Они долго плыли по океану и нашли настоящую землю, где нет пришельцев и можно жить не воюя. Только они не остались там. Они поплыли обратно, чтобы перевезти туда всех ребят, со всех Островов... Но эти... пришельцы... сделали так, что его корабль не смог приблизиться ни к одному острову. Они хотели, чтобы он уплыл один. А мальчишка поклялся, что все равно прорвется к Островам, даже если ему придется вечно плавать в океане. И вот уже сто лет они носятся по волнам, не взрослеют, не умирают, но и помочь никому не могут. Лишь в самый сильный шторм клипер подходит почти к самым Островам. Но пристать ни к одному так и не может. Иногда их можно увидеть... Когда шторм... сильный...

Он замолчал. А притихший на мгновение ветер взвыл еще сильнее и принялся за нас с новой силой. Толик почти закричал мне в ухо:

— Говорят, если упадешь в воду в сильный шторм, то тебя подберет шлюпка Безумного Капитана. И будешь плавать... на его корабле. Если бы знать, что это правда...

Я хотел сказать ему, что это не правда, а красивая сказка, переделанная легенда о Летучем Голландце. Но не успел. Потому что над головой опять полыхнула белая ветвистая молния, и в ее мертвом свете я увидел нереальный, невозможный, но до жути правдоподобный клипер Безумного Капитана. Тонкий силуэт со вздутыми парусами, почти лежащий на вздыбленных волнах где-то между нами и Тридцатым островом.

Молния погасла. Стало еще темнее, чем раньше. «Галлюцинация, — подумал я. — Как у психа. Тут точно свихнешься».

— Повезло, — глухо сказал Толик. — Я его еще никогда так близко не видел.

11. «Наблюдатель-36 докладывает...»

Я не спал. Другой бы, наверное, уснул, ведь чего только за день не случилось. И правильно бы сделал. А я не смог, у меня такая натура, что перед сном надо во всем разобраться, все разложить по полочкам. А это не получалось. Что-то не сходилось, и я не мог понять что. Ребята... Игорь, Костя... Нет. Ссора Сержана с Толиком? Нет. Безумный Капитан? Тоже нет. Завтрашний день? Нет... Что же кололо в груди? Наверное, все-таки ребята. Но даже не то, что они погибли в бою... На их месте должен был быть я, вот что. Крис отправил меня на другой мост в самый последний момент. Словно знал! Неожиданно я подумал еще и о том, что враги охотились в основном за ребятами моего возраста. В Тимура ведь они даже не стреляли, хотя логичнее было бы первым делом вывести из строя именно его, более старшего и опытного. Конечно, это было полной ерундой, кому и зачем за мной охотиться? Но стало жутковато.

— Димка, — услышал я тихий шепот Игорька. — Димка, ты спишь?

Отвечать не хотелось. Я промолчал, притворяясь спящим. Нам давно было пора отдыхать.

Игорек поднялся и подошел ко мне. Опять прошептал:

— Димка...

Будит он меня, что ли? Тогда почему шепотом? Я лежал неподвижно, притворяясь спящим, даже не решив еще, зачем мне это.

— Димка...

Игорек тихо вышел из комнаты. Выждав секунду, я выскользнул из-под одеяла. Проклятый холод обрушился на меня, словно я прыгнул в холодную воду. Съежившись, я шмыгнул к дверям, вышел в коридор. Было тихо, едва уловимые шаги терялись в ровном гуле ветра. Шторм хоть и притих, но не до конца. Меня вел за Игорьком не слух и, уж конечно, не зрение, а какое-то шестое чувство.

До конца коридора. Вниз по винтовой лестнице. К выходу. Куда он собрался ночью в такую холодину? Но Игорек не стал отпирать наглухо закрытую главную дверь замка. Рядом с ней была в стене еще какая-то дверца, я заметил ее еще вчера, но забыл спросить, куда она ведет. Сейчас я услышал приглушенный стук сдвигаемого засова. Потом дверца открылась с таким скрипом, что можно было перебудить весь замок. Игорек затих. Но никто не собирался просыпаться, лишь я стоял шагах в десяти у него за спиной, и что-то во мне повторяло: «Опасно, опасно, опасно...» Игорек завозился, раздалось шипение, и в руках у него замерцал блеклый огонек: крошечная лампа-коптилка. Я вжался в стену, но огонек светил так слабо, что вряд ли мог меня выдать. Игорек постоял секунду и пошел куда-то вперед и вниз. Я двинул следом. Там оказалась длинная лестница, в конце ее еще одна дверь, опять на засове. За ней был подвал.

Игорек шел по огромному полупустому залу уверенно, явно не в первый раз. Я крался следом, то замечая смутно белеющий в темноте здоровенный дощатый ящик, то задевая за что-то гладкое и круглое — вроде боков огромных бочек. Тут были и полуразвалившаяся мебель, и перевернутая лодка, через которую пришлось перелезть, и просто разные доски. Ничего необычного, подвал как подвал, только что здесь делать ночью?

Потихоньку мы добрались до противоположной стены подвала. Игорек поставил свою коптилку, едва ее не погасив, и подошел к стене. Стена тут была сложена из булыжников, но метрах в полутора от пола в ней виднелась маленькая, с книжку размером, мраморная плита. Она была черная, абсолютно ровная и отблескивала, как зеркало. Игорек медленно прижал к ней ладони и замер.

Я затаил дыхание.

Пламя коптилки замерло в неподвижном воздухе.

Ничего не происходило. Абсолютно ничего. У меня стали мерзнуть ноги. И вдруг я понял. Ну и дурак же я! Это что-то вроде памятника, мемориальной доски. Наверное, тут кто-то похоронен, какой-нибудь герой, завоевавший в свое время соседний остров. Игорек ему молился или просил удачи... или еще чего-нибудь. Представляю, до чего я сам докачусь через пару лет...

Я повернулся, чтобы уйти. И услышал тихий щелчок. А вслед за ним — голос Игорька.

— Наблюдатель номер тридцать шесть докладывает...

Я остоленел. Это была уже не игра.

— Сегодня, в результате стычки на восточном мосту выбыли из Игры: Игорь Остапенко...

Пауза. Он словно беседовал с кем-то, хоть я и не слышал другого голоса.

— Да. Игорь-длинный... Игорь Остапенко, Игорь, Костя, Ромка.

Пауза.

— Да. Костя уже в замке. От раны. Мазь ее не затянула.

Я вслушивался изо всех сил. Но, кроме его голоса, не было ни звука.

— Нет. Нет. Да. Немного.

Он говорил коротко, отрывисто. И вдруг его голос дрогнул:

— Нет, он ничего не подумал. Он сейчас спит и никуда не ходил.

Игорек говорил про *меня!*

— Нет, нет, вы же видели, это ведь было снаружи... Крис перерешил в последний момент, я уже не мог сказать. Это случайно...

Долгая-долгая пауза.

— Да, я думаю, он никуда не будет ходить. Наверное, я ошибся... — Его голос упал. — Они ничего не замышляют. Может, они были знакомы раньше? Нет, я не разглядел лица. Я боялся, что меня заметят...

Он почти плакал. Сейчас он отчаянно трусил, я чувствовал это.

— Нет!

Игорек вскрикнул. Сухой треск, синеватый электрический сполох. Игорек дернулся, словно пытался оторвать руки от стены и не мог... Я стиснул зубы, чтобы не закричать и не рвануться к нему. Для чего бы ни притащили нас на этот остров пришельцы, все равно им нужно было следить за нами. Им нужен был шпион. А плохих шпионов наказывают...

Игорек обвис, руки его словно намертво прилипли к стене. Но вот он медленно выпрямился. Тихо, сдавленно произнес:

— Понял... Десять дней наблюдения. И за Крисом... За Крисом постоянно, понял...

Бесшумно, стараясь идти на цыпочках, я направился к выходу. Далекий огонек больше не освещал дороги. Но я выбрался и даже не нашумел. Наверное, мне везло.

Когда я бежал по лестнице, я еще собирался что-то немедленно сделать. Разбудить Криса или Толика: «Игорек — предатель, он шпионит за нами...» Ведь в замке «пришельцы» за нами наблюдать не могли, это я из разговора понял точно. Но будить я никого не стал. Сообразил, что будет дальше...

Забравшись в свою комнату, я постарался вспомнить все книжки про шпионов, какие только читал. Шпионы в этих книжках были разные, но я помнил, что арестовывать их нигде не торопились. Старались обмануть, передать через них неправду...

За стеной замка тихо шелестел ветер — последнее дыхание улетевшей бури. Метрах в пяти от меня, в соседней комнате, спали друзья. А в пустовавшую рядом постель вот-вот должен был вернуться враг. Шпион, из-за которого сегодня... нет, вчера погибли ребята. Смогу ли я ни одним взглядом не выдать того, что знаю? Убедить себя на время, что это было сном... «У вас сегодня один мальчишка дрался...» — говорила Инга. Извини меня, Инга, но сегодня ночью я не приду на встречу. Десять дней наблюдения. Десять дней я буду сидеть тихо как мышь. Я обязан перехитрить врагов, иначе нам никогда не вернуться домой...

Часть вторая

ОБЪЕДИНЕНИЕ

1. Побег

Я стоял на террасе у входа на восточный мост. Солнце уже поднялось в зенит, и плечи шипало. За неделю, проведенную на острове, я успел загореть, облезть и сейчас загорал снова.

Море выглядело непривычно спокойным. Всю прошедшую неделю непрерывно штормило, не слишком сильно, но нудно и тоскливо. То набегали тонкие серенькие облака, то вновь палило солнце, но ветер не прекращался ни на минуту. К вечеру с точностью хронометра начинался дождь, а ветер усиливался до шквала. Впрочем, к утру все прекращалось.

Но сегодня у ветра наступил выходной. Флаг острова неподвижным бело-красным лоскутом свисал с древка на сторожевой башне. Розовая громада замка словно подтаяла, утрачивая грозные угловатые очертания. Кольцо стены, опоясывающее замок, походило на исполинскую мраморную корону, упавшую на остров в незапамятные времена. Между замком и «короной» лениво ходила Таня, взбалтывая что-то в стеклянной банке. Наверное, крем — девчонки обещали испечь к обеду торт...

Я взглянул на сторожевую башню. Там было тихо. Дежурь на башне кто-нибудь из малышей, непременно пошел бы проверить, не задремал ли дозорный. Но дежурила Рита, а за нее беспокоиться не стоило. Вздыхнув, я прошелся по террасе к северному мосту, потом к западному. Розовые каменные дуги казались абсолютно одинаковыми. Но на самом деле северный мост чуть уже западного, а на восточном — более низкие перила. Это измерили от скуки много лет назад, а потом вырубили цифры на стенах замка. Каждый искал себе занятие на Островах, хотя одно развлечение было на всех общим...

Дежурить на мосты я не ходил уже три дня. Так решил Крис, решил, не объясняя причин, и я не стал спорить. Впервые, боялся попасть на южный мост, а во-вторых, серьезных стычек все равно не было. Даже с «тридцаткой»... Когда на следующий день после гибели ребят Тимур, Толик и Крис отправились на восточный мост, их встретила целая армия — семеро самых сильных и взрослых ребят Тридцатого острова. Толик потом признался мне, что по-настоящему испугался. Но враги в бой не полезли. Они просто отдежурили до заката, не пытаясь начать драки. Так продолжалось три дня. А потом «тридцатка» стала выходить на дежурства по-нормальному: двое, трое, четверо ребят. Вот только ни один из тех, кто дрался с Тридцать шестым в тот проклятый день, на мосту больше не появлялся. Видимо, их, опасаясь мести, направляли на другие мосты. Но Тимур все равно упорно ходил на восточный мост. Он ждал.

Пришурившись, я быстро взглянул на солнце. Раньше думал, что определять время по солнцу совсем несложно, этому даже не надо учиться. Посмотрел — и сразу понятно, сколько времени. Оказалось, что с непривычки можно ошибиться часа на два. Вот те ребята, кто жил на острове давно, умели определять время по солнцу. Часы на острове были только у Криса и Риты, поневоле приходилось выкручиваться. Толик тоже попал на остров с часами, но уронил их в воду, и они перестали ходить. А у электронных часов Кости еще месяц назад кончились батарейки. Их сейчас носил Тимур — просто как браслет...

Похоже, было около одиннадцати. До обеда далеко... Я прищелкнул языком. Мне хотелось чего-нибудь пожевать — не поесть, а так... Словно дома, где можно взять горсть конфет из кулька или набить карманы печеньем, выходя на улицу. Я задумчиво посмотрел на сторожевую башню. Рита там. В кухне одна Лера. А у нее выпросить можно все что угодно. Я неторопливо двинулся к одной из выходящих на террасу дверей. И в эту секунду за спиной сверкнуло, от стен замка полыхнул розовый отсвет.

Обернувшись, я уже догадывался, что это за свет. Ни один из последних вечеров в замке не проходил без разговоров об *этом*.

Метрах в двадцати от стен замка, на берегу озера, там, где высилась аккуратная горка белого песка, что-то происходило. Невысоко над песком, от силы метрах в трех, ворочалось в воздухе, разгоралось то ярче, то слабее фиолетовое сияние. Больше всего оно походило на облачко или клочок тумана, подсвеченный изнутри яркой лампой. Но одновремен-

54

потому, что в его глубине явственно угадывалось что-то тяжелое, похожее на маленькую человеческую фигурку...

Я с радостным воплем скатился по лестнице вниз. Налетел на Таню, которая сразу все сообразила и бросилась за мной. Мы выскочили из ворот замка и остановились.

Фиолетовое сияние уже гасло. В воздухе остался висеть неподвижный, словно залитый в прозрачную стеклянную глыбу мальчишка лет двенадцати: в ярко-оранжевой майке, светлых бежевых брюках, с перекинутой через плечо спортивной сумкой. Но поразило меня не это — подобной картины я и ожидал. Самым удивительным оказалась поза мальчишки, его развевающиеся на несуществующем ветру волосы, протянутая вверх сумка, вздувшаяся на спине пузырем майка. Выглядел мальчишка так, словно его действительно сфотографировали в момент падения, а теперь подвесили в воздухе фотографию.

Миновала еще секунда, и все пришло в движение. Мальчик кувыркнулся и шлепнулся на песок. До нас с Танькой донесся его слабый вскрик. Не сговариваясь, мы бросились по положому склону «посадочной горки».

Мальчишка успел подняться и теперь сидел, зябко обхватив плечи руками. Лицо его на глазах становилось белым, испуганным. Он торопливо переводил взгляд с нас на замок и обратно. Сумка валялась в стороне, и из открывшегося кармашка высыпались разноцветные фломастеры и ручки, маленький плоский калькулятор.

— Привет! — неловко улыбаясь, сказал я. — Не бойся!

Новенький вскочил, метнулся к своей сумке, стал торопливо раздергивать застежку-«молнию» на ней.

— Ты чего? — Таня шагнула к нему, дотронулась до плеча.

Мальчишка замер. Потом жалобно, с вопросительной интонацией произнес:

— Вэа эм ай?

— Что? Так ты не русский? — Я понял вопрос, но не знал, сумею ли составить ответ на английском.

— Ху ар ю? — глядя на меня, тихо спросил мальчишка.

Таня хихикнула. Я строго посмотрел на нее, сказал:

— Он англичанин, ясно? Придется Криса ждать...

Если бы мне было известно, чем сейчас занят Крис, я не дожидался бы его возвращения на теплом песочке Тридцать шестого острова. Я спешил бы к нему. Но лишь вечером Меломан рассказал мне, как проходило их дежурство...

На южном мосту было неспокойно с самого утра. Крис пришел туда с Меломаном, рассчитывая если не отдохнуть, то хотя бы не ввязываться в драки. Но Двадцать четвертый остров от правил дежурить на пост пятерых. Если они и не собирались напасть, то искушение оказалось слишком велико — такой численный перевес выпадает редко. Сдерживало их только то, что они хорошо знали Криса и побаивались с ним связываться. Но с каждым часом пятерка с Двадцать четвертого все больше распаляла друг друга. Крис несколько раз оглядывался на далекий замок — не идет ли подмога? На сторожевой башне Рита, она должна понять, что такое пятеро против двоих. Но мост оставался пустынным.

...Крис не мог знать, что в эту минуту и Рита, и Димка, и младшие девчонки толкуются вокруг их новенького товарища, подсказывая и вспоминая английские слова, пытаясь с ним объясниться. А новенький стоит, озираясь, то и дело переводя взгляд на замок, и прижимает к груди спортивную сумку с расстегнутым кармашком...

Двадцать четвертый остров не мог упустить редкостного шанса. Рослый, постарше Криса парень пошел вперед. Оттеснив плечом Меломана и доставая меч из перевязи, Крис выступил ему навстречу.

— Один на один?

Парень кивнул. Крис остановился, оценивая свои шансы. Шансов было немного. Своего противника он видел на мосту с детства. Когда Крис попал на остров, тот уже умел неплохо драться, и его редкие появления на южном мосту предвещали тяжелый день... К тому же он был сильнее.

Коротко, гортанно крикнув, парень прыгнул вперед. Крис уклонился, пытаясь ударить сбоку. Но тот отбил удар и отскочил назад.

— Молодец, Генка! — выкрикнул кто-то. Тот ухмыльнулся и снова бросился вперед.

Через минуту Крис разобрался в его манере боя. Генка нападал, пытался ударить и молниеносно отступал. Он не то чтобы хорошо владел мечом, но взрослая уже сила делала каждый его выпад смертельно опасным. А уворачивался от ударов Генка с кошачьей ловкостью.

— Дай подмену, — сказал из-за спины Меломан. Крис даже не стал отвечать. Это был его бой. Игорю-Меломану не выстоять — ему просто не хватит сил парировать удары.

— Генка! Генка! — кричали четверо его товарищей. Нет, трое... Краем глаза Крис заметил, что один не кричал. И еще была какая-то непонятность в его облике, вот только какая...

— Бей тридцать шестых! Бей алощитников! Генка, руби!

Крис стал уставать. Пальцы онемели и с трудом сжимали холодную рукоять меча.

— Генка! Генка! Генка!

Он отбил удар, но стальной клинок, выбивая искры, скользнул вдоль лезвия его меча. Руку обожгло, по кисти разлилась липкая теплота. Крис перехватил меч в левую руку, отступил. Это был конец... Но и Генка остановился. С чего бы так? Неужели он пощадит его, как в прошлую драку Димка пожалел отставшую девчонку?

— Эй, щенки, — скучающим голосом произнес Генка, — кто хочет его добить? Может, ты, Инга?

Инга еще не двинулась с места, а Крис уже понял — это та самая девчонка. Вот почему она молчала... Девчонка шла к Крису, но ему не становилось страшно. И лишь когда Инга поравнялась с Генкой, Меломан, жарко дышавший за спиной, выдохнул:

— У нее деревянный меч!

Слишком громко, его услышали и враги. И сама Инга. Она повернулась к Генке:

— Защищайся!

Рядом с рослым мускулистым Генкой Инга казалась еще младше. Хрупкая девчонка лет четырнадцати, темноволосая и большеглазая. «Защищайся» прозвучало у нее скорее просительно, чем угрожающе.

— Ах ты, сволочь, — взревел Генка, — значит, верно...

Он выругался грязно и зло, у себя Крис никому не позволял *так* ругаться. И поднял меч над головой: таким ударом можно было разрубить напополам и взрослого. Но опоздал. Инга уже ударила — неумело, просто двумя руками пихнула меч вперед.

Генка схватился за живот, за вошедшее в тело лезвие и удивленно уставился на Ингу — та, побледнев, отступала к Крису, и окровавленный меч вытягивался из Генки, полосуюя ему пальцы.

— Паскуда, обоих вас кончать... — прохрипел Генка, опускаясь на мост.

Инга ткнулась спиной в Крису и замерла, продолжая сжимать выставленный вперед меч. Ее била дрожь.

Крис обнял ее правой рукой, та была в крови, но девчонка не сделала попытки отстраниться.

— Ты знаешь, что перебежчик не возвращается на Землю, даже если его остров побеждает? — спросил Крис.

— Что? Знаю... — Инга вдруг обмякла, перегнувшись, почти повисла на руке Криса, и в ране запульсировала дикая, выворачивающая тело боль. Пытаясь задавить ее, Крис прошипел: «Отходим» — и стал пятиться. Свернувшегося клубком Генку отгаскивали его товарищи, совершенно обалдевшие от случившегося.

2. Разоблачение

Никогда не поверю, что у меня был такой же ошарашенный вид после прибытия на остров, как у Тома. Мы еле-еле вытянули, как его звать: от наших бесконечных «вот из ю нэйм?» в ушах звенело, когда он наконец произнес свое имя. Потом мы повели Тома в замок, но он уперся, и пришлось остаться снаружи. Рита знала английский получше нас, наверное, ее учил Крис, но и она ничего не смогла объяснить Тому. Он или молчал, или начинал говорить так торопливо и сбивчиво, что мы не могли разобрать ни слова. А еще Том постоянно щипал себя за руку и протирал глаза. Вначале мне это казалось смешным, потом стало жалко мальчишку. А затем снова разобрал смех. Я представил, что к вечеру Том окажется с красными глазами и в синяках. А все из-за недоверчивости...

— Что за шум? Пополнение прибыло?

Мы разом вскинули головы. С южного моста, облокотившись на перила, смотрел Крис. Он разделся до пояса, но, только разглядев обмотанную набрякшей футболкой правую кисть, я понял, что это не от любви к загару. Рита, сообразив, в чем дело, ойкнула и метнулась к воротам замка. Я побежал следом. Если Меломан остался дежурить в одиночку, его необходимо выручать... Но Крис выглядел абсолютно спокойным. Похоже, Игорю ничего не угрожало.

Рита первым делом принялась перебинтовывать рану Криса. Откуда у нее взялись бинт и мазь, я так и не сообразил. В кармане она их таскает, что ли... Подойдя к ним, я спросил:

60 — Мне на южный мост?

Крис пожал плечами, с деланной небрежностью ответил:
— Как хочешь. Игорь может достоять и один, все разбежались.

Странно он на меня смотрел, насмешливо и в то же время с уважением. Так смотрят на детей, сделавших что-то не по возрасту умное.

— У нас новенький.

Крис кивнул.

— Англичанин... или американец.

Вот теперь наш предводитель оживился:

— Двое в один день, совсем неплохо. Рита, бинтуй быстрее.

— А почему двое? — завязывая бинт, спросила Рита. — Или англоязычные народы в бою стоят двоих?

Засмеявшись, Крис высвободил руку. Зубами и свободной рукой начал затягивать бинт потуже.

— Ты плохо бинтуешь, Рита. Надо делать повязку плотнее, тогда мазь быстрее всасывается... А в бою одинаковы все, иногда даже девчонки умеют сражаться. Соболаговолите обернуться, мисс Острый Язык.

Мы с Ритой обернулись одновременно. И я почувствовал, как лицо у меня растягивается в невольной счастливой улыбке. Присев на подоконник одного из открывающихся на террасу окон, поправляя обеими руками растрепанную прическу, на меня смотрела Инга.

— Ты...

— Нет, моя тень.

— Дима, вы знакомы? — удивленно спросила Рита.

Я замялся. Мы же собирались держать это в тайне... Но заговорил Крис:

— Первым ее вопросом было: «С Димой ничего не случилось?»

Инга покраснела. Но Рита не обратила на это ни малейшего внимания.

— Неужели с другого острова? Решила перейти к нам?

Крис пошел к лестнице и, уже спускаясь, крикнул:

— Рита, о том, что они знакомы, говорить не стоит. О'кей?

Молча кивнув, Рита подошла к Инге и спросила:

— Ты не ранена?

На светло-желтой блузке Инги бурели подсохшие пятна.

— Нет, это не моя кровь.

Они не обращали на меня ни малейшего внимания. Стояли с видом давних подружек и разговаривали вполголоса.

— У нас хороший остров, вот увидишь. И девчонок четыре... пять теперь. Тане двенадцать, Лере десять, а Оля совсем малышка. У вас было много девчонок?

— Нет, три: Лорка, Айна и я.

Рита сочувственно кивнула.

— Понятно... Пошли ко мне, переоденешься, а твою блузку постираем.

— Пойдем.

Я молча тарашил на них глаза. Ну ладно, ставшая разговорчивой Рита — это еще куда ни шло. Но Инга, разыгрывающая из себя пай-девочку и глядящая на Риту послушнее, чем первоклассница на учительницу! Это не лезло ни в какие ворота.

Девчонки направились к двери. Я шагнул следом и ни с того ни с сего охрипшим голосом спросил:

— Инга, а...

— Вечером, Дима, вечером... — Инга повернулась и вдруг показала мне язык.

Вздохнув, я пошел к другой лестнице. Инга может злиться сколько ее душе угодно. Но прийти на встречу с ней я не мог.

Том оказался австралийцем. Когда я спустился, Крис уже пересказывал притихшим девчонкам его историю.

Пожалуй, он был единственным, кто мог поблагодарить пришельцев за свое похищение. Тома «сфотографировали», когда он *падал* с седьмого этажа. Как он ухитрился выпасть, Том не объяснил. Зато красочно описывал свои чувства в момент, когда вместо стремительно приближающегося асфальта под ним оказался тропический островок. Как он смущенно объяснил, первой его версией было, что он попал в рай.

Предположение о рае Крис перевел, давясь от смеха. Но рассказывать Тому о нашей далеко не райской жизни не стал. Видимо, это было правилом — не вываливать на новичка сразу все ожидающие его трудности.

Глядя на постепенно оживляющегося Тома, с любопытством расспрашивающего нас об острове, о «волшебных» мостах, я не мог отделаться от мысли, что двойник его, то есть не двойник, а настоящий Том, лежит сейчас на асфальте. И никакая мазь не сможет затянуть его раны...

Если у нас оставалось хотя бы сомнительное утешение — двойник на Земле, то этот мальчишка был один на всю

До вечера мы ходили с ним по замку, знакомя Тома с расположением комнат и потихоньку раскрывая все новые и новые детали Игры. Когда начали возвращаться с мостов ребята, Том знал все. К моему удивлению, отреагировал он довольно спокойно. Наверное, не воспринял рассказ всерьез...

Несколько раз мы сталкивались с Ритой и Ингой. Девчонки со скучающими лицами проходили мимо нас и тут же начинали хихикать. Я посмотрел на Криса — он улыбался. Его происходящее тоже забавляло, но я, хоть убей, ничего смешного не видел.

Первым пришел с дежурства Меломан. Удивленно взглянул на Тома, попытался что-то ему сказать по-английски, потом засмеялся и попросил Криса перевести: «Очень рад увидеть новое лицо, хоть это и эгоистично». Крис с серьезным видом перевел. А Меломан тихо спросил меня:

— Новенькую видел?

Я насторожился.

— Да.

— Красивая, правда?

Я растерялся. Мы с Ингой знакомы так давно, что я об этом не задумывался.

— Ничего...

Меломан хмыкнул, водружая на голову наушники.

— Ничего... Сказал тоже. Черт, опять звук тянет. На этих дурацких островах плеер плохо заряжается, словно от электрических ламп, а не от солнца.

Я насторожился.

— Здесь чужое солнце, Игорь.

— Я понимаю. И все равно обидно.

С восточного моста пришли Игорек и Януш. У Януша вид был довольный, у Игорька скучный — верный признак того, что день прошел без стычек. Быстро взглянув на меня, Игорек отвел глаза. Иногда у меня возникало мерзкое чувство, что он знает, как я выследил его ночью в подвале...

— У нас новенький, — сообщил Крис.

Януш нерешительно улыбнулся. Тщательно выговаривая слова, спросил:

— Ты откуда попал?

Он был очень молчаливым, Януш. А в разговоре всегда старался говорить абсолютно правильно, хотя у него не слишком получалось.

— Он англичанин, — встрял Игорь.

— Австралиец, — поправил я.

— А, какая разница... — махнул рукой Меломан. — Главное, что знает только английский.

— Попади ты на Восемнадцатый, — беззлобно сказал Крис, — тоже знал бы английский. А про тебя говорили бы: «Он турок».

Тут на западном мосту показались три маленькие фигурки.

— Наконец-то, — с удовлетворением сказал Крис. — Хороший день.

Вечером я убедился, что появление Инги ошарашило всех куда больше, чем появление Тома. Может быть, потому, что перебежчики на Островах куда большая редкость, чем обычное «сфотографированное» пополнение. А может, и не из-за этого...

После ужина никто не спешил расходиться. Крис коротко пересказал нам последние новости с Земли, те, что знал Том: мировой войны нет, Штаты вывели войска из какой-то страны, из какой — Том не помнит, а в России какие-то выборы прошли. Больше ничего о нашей стране Том не знал, ну а новости из жизни города Джералдтон нас не слишком интересовали. Крис продолжал беседовать с Томом, Януш лежал на диване, уставившись в потолок, а остальные постепенно собрались вокруг Инги.

Она сидела у камина; напротив нее верхом на стуле устроился Тимур. Инга что-то с улыбкой рассказывала, ребята как замороженные слушали. Некоторое время я оставался в стороне, потом не выдержал и подошел ближе.

— ...а Гарик, он такой тощий, носатый, ну, кавказец, говорил, что лучше будет драться один против двоих, чем против того парня, который фехтует двумя мечами...

Лицо у Тимура было растерянно-довольное, уши горели. Я постоял, слушая Ингу, потом небрежно произнес:

— Инга, ты совсем Тимура заболтала. Я-то ладно, с семи лет тебя слушаю. А ребята с непривычки и поверить могут.

Наступила тишина. Тимур посмотрел на меня, усмехнулся и устался в огонь. Инга с вызовом повернулась ко мне. Меломан покачал головой и включил своей плеер на полную громкость. Крис шагнул ближе. И лишь Илья с восторгом спросил:

— Так вы знакомы, да? А чего раньше не говорили?

Я закусил губу. Глянул вбок, выискивая Игорька. И увидел, как он выскальзывает в полуоткрытую дверь.

64 — Крис... — выдохнул я. — Игорек.

Крис дернулся, словно его ударили. Помедлил неуловимую долю секунды. И закричал:

— Тим, Толька! Взять Малька!

Мы бросились к двери одновременно. Но первым, опередив и меня, и Тимура, в коридор выскочил Толик.

3. Ночь открытий и утро решений

Игорька догнали, когда он отпирал ведущую в подвал дверь. Толик схватил его за плечо, дернул, разворачивая к себе, коротко выпалил:

— Стой... Куда бежишь-то?..

Тускло, красноватым пламенем горящий в конце коридора факел окутывал их неясным полумраком. Игорек взглянул на Толика чужими, неподвижными глазами и тихо произнес:

— Я что, не могу идти, куда мне нужно?

— Да все ты можешь, только чего убежать-то? Слышал, Крис просил подождать? И чего тебе тут сдалось?

— Сейчас объясню...

Игорек резко коленом ударил Толика в низ живота. Тот скорчился, отступая на шаг, выдал:

— Ты что, одурел?

Игорек уже раскрыл дверь, ринулся вниз — и полетел на пол, сбитый ударом Толика. Все еще морщась от боли, Толик чуть виновато сказал:

— Сам напросился, Малёк. Своих так...

Ответный удар отбросил его к стене. Игорек опять метнулся к двери — и натолкнулся на Тимура.

— Тебя же просили стоять на месте, — равнодушным, скучным голосом сказал Тимур.

Затравленно обернувшись, Игорек увидел подбегающего со мной Криса. По лестнице сбегали остальные.

— Тим,пусти...

— Нет.

Сорвав с пояса кинжал, Игорек ударил им Тимура.

Когда подоспели ребята, все уже закончилось. Игорек лежал на полу, навзничь, раскинув руки, словно придавленный невидимым, страшно тяжелым грузом. Поддерживаемый Толиком Тимур стоял рядом, ощупывая правый бок. На прорванной футболке проступало маленькое алое пятно.

— Тим, держись... — Крис подхватил его под руку. Теперь они с Толиком держали Тимура с двух сторон. — Идти можешь?

Подоспевшая Рита сдавленно вскрикнула. От ран в печень умирали часто. И мазь не всегда помогала.

— Да все в порядке... — Тимур с видимым усилием улыбнулся. — Царапина... Кинжал-то деревянным остался. Бил на смерть, а *захотеть* моей смерти не смог.

Крис недоверчиво осмотрел ранку. Покачал головой.

— Повезло... А что... с этим?

— Минут через двадцать оклемается.

— Ясно.

Присев возле Игорька, Крис быстро и умело связал ему руки ремнем. Прижимающаяся к Рите Таня тихо заплакала. Илья раскрыл рот, собираясь что-то спросить, да так и не решился.

— Тащите его в зал.

Закончив свою работу, Крис брезгливо отряхнул руки. Толик молча взвалил Игорька на плечи, понес, согнувшись. Сержан, не выдержав, схватил Криса за рукав, закричал:

— Да что происходит? Зачем мы за ним гнались? Отчего драка? Объясняй, командир! Ты приказывал догнать Игорька!

Крис поискал глазами меня, кивнул:

— Говори. Ты, кажется, знаешь больше меня.

Наступила тишина. Я облизнул пересохшие губы.

— Ну, если коротко... Он шпион.

— Чушь! — Сержан даже дернулся от возмущения. — Чей шпион? Двадцать четвертого острова? Или...

— Пришельцев.

Из Тронного зала выгнали только младших девчонок. Леру и Олю без всякого сожаления отправили спать, они и возражать не посмели. А остальные молча слушали мой рассказ. Про то, как я встретил Ингу. Как мы догадались, что на островах живут двойники. Как выследил Игорька в подвале, за «докладом». И как мне целую неделю пришлось вести себя тише воды ниже травы...

— Инга, — прервал я на мгновение рассказ, — ты приходила на мост?

Она кивнула. И, помедлив, добавила:

— Четыре дня подряд.

Лежащий на диване Игорек зашевелился. Я посмотрел на него и закончил:

— Ну а сегодня... Видимо, нас с Ингой заметили на мосту, но не разобрались, с кем я встречался. Тогда и дали Игорьку задание: выяснить это. Сегодня он догадался и на радостях дал промашку. Слишком быстро бросился доносить, я сообразил, в чем дело. И Крис тоже понял...

— Я давно догадывался, Дима. Я был бы очень и очень плохим командиром, если бы не догадывался. — Крис подошел к дивану. — Ты слышал, в чем тебя обвиняют. Ты уже минут десять как пришел в себя, Игорек.

— Руки развяжите, — тихо сказал Малёк.

— Нет. Ты слишком хорошо дерешься. Странно, да? Меньше всех тренируешься, самый младший, а дерешься наравне со мной и Тимуром.

— Значит, способный.

— Мы сейчас не шутим, Игорек. То, что рассказал Дима, правда?

— Нет! — Игорек приподнялся, сел. — Я решил его разыграть, а он поверил.

— Врешь. Уже на другой день на тот мост, где должен был дежурить Дима, напали. Если бы я не перестраховался... Но я вспомнил Поля. Два года назад, после вашей ссоры, ты точно так же убегал на минуту после развода. И Поля убили вместе со всеми, кто дежурил с ним на мосту. Сколько ребят ты предал, Игорек? Костя, Ромка, Игорь, Польш...

— Неправда! — Игорьку было страшно, невыносимо страшно. Он ежился, отодвигаясь по дивану от Криса, лицо у него стало серым, неживым. — Крис, ну не так все это! Просто совпало...

Он вдруг заревел. Взахлеб, по-детски, уткнув лицо в связанные руки. Ребята смущенно переглянулись, Рита нерешительно шагнула к Игорьку. Сержан угрюмо произнес:

— Крис, это не доказательства. Действительно могло совпасть.

Крис оставался невозмутимым. Дикая это была картина: плачущий связанный мальчишка, над ним пылающие факелы, а рядом — высокий взрослый парень с холодным, спокойным лицом, забинтованной рукой и длинным деревянным мечом на поясе.

— Хорошо, Игорек. Возможно, я ошибаюсь. Сейчас мы сходим в подвал, все вместе, и посмотрим на ту стран-

ную доску. Даже попробуем прижать к ней руки и понаблюдаем, что произойдет.

— Гад... — прошипел Игорек, не поднимая лица. — Дурак. Ну идите, проверяйте...

— Может, и гад, для тебя, — согласился Крис. — Но не дурак!

Он рывком запрокинул Игорьку голову. Дернул за ремень, связывающий ему руки.

— Малёк, да ты настоящий супермен! За две минуты наполнив перегрызть пластмассовый ремень!

— Сволочь! — захлебываясь слезами, закричал Игорек. — А я тебя жалел, не говорил, что...

Крис с размаху ударил его по лицу.

— И не скажешь. Ребятам это не нужно, а со своими хозяевами ты отговорился... По-моему, он себя выдал, кто как думает?

— Не надо его бить! — выкрикнул Тимур.

— Бить придется, Тим. Он должен сказать нам, что знает. А он не захочет.

— Я ничего не скажу! Ничего!

— Скажешь. Рита, Инга, уходите. И захватите Илью.

— Почему? — возмутился Илья.

— Тебе рано смотреть на то, что здесь будет. А девчонкам вообще не стоит.

Повернувшись к Тому, непонимающе наблюдавшему за событиями, Крис быстро заговорил по-английски. Том кивнул и вышел вслед за Ильей.

— Возьми его к себе в комнату! — крикнул им вслед Крис. И добавил, обращаясь к остальным: — Можете оставаться.

— Извини, Крис, но я, пожалуй, тоже уйду. — Меломан аккуратно смотал наушники, выключил плеер. — Он себя выдал, но я не хочу смотреть на то, что здесь будет. Мне, наверное, уже поздно.

Крис кивнул и повернулся к Игорьку:

— Ты будешь говорить?

Он замотал головой, со страхом смотря на Криса.

— Как знаешь.

— Ты не станешь ничего делать!

— Стану. — Крис взял в руки меч. Игорек взглянул на клинок и в ужасе отвернулся. Похоже, для него меч стал настоящим.

— Видишь, я не притворяюсь Я потом возненавижу сам себя, но сейчас я вспомню Костю... Игоря...

Клинок приближался к лицу Игорька. Я зажмурился. И услышал визг:

— Я скажу! Все! Все!

По щеке Малька тянулась длинная царапина. Неглубокая.

— Я и не сомневался, — откладывая меч, произнес Крис — Говори.

Он знал не слишком много. А может быть, не стал рассказывать всего, что знал...

Его «завербовали» через месяц после прибытия на остров. Семилетний мальчишка, выбравшийся ночью из замка — то ли на спор, то ли от излишней храбрости, — он потерял сознание и очнулся в комнате с «круглыми серыми стенами». И на вопрос, заданный бесплотным нечеловеческим голосом, смог ответить лишь однозначно. Да, он был согласен рассказывать о происходящем на острове в обмен на обещание вернуть его домой. Вернуть, если он «все сделает правильно». И он старался.

Игорек никогда не видел своих хозяев. Пришельцы так и остались для него бесплотным голосом — вначале из стен комнаты, где его продержали несколько часов, потом из «каменной плиты» — устройства связи. С ним сделали что-то такое, давшее ему ловкость и автоматические, отточенные приемы боя на мечах, чтобы риск свелся для него к минимуму. А для врагов со своего острова существовал еще один прием, абсолютно неотразимый. Надо было лишь сообщить, кто и как ему мешает и на каком мосту он будет дежурить. Остальное делали «враги» с чужого острова. Наверное, атаку готовили такие же «наблюдатели», как и сам Игорек, ведь и он помогал устранять мальчишек с соседних островов, подчиняясь приказам пришельцев. Он устроил драку, в которой убили Рауля с Двадцать четвертого, и сам заколол Арнольда с Двенадцатого. Не потому, что они чем-то ему мешали, и не из-за жестокости. Просто ему приказали. Подлецам во всем мире было бы очень скучно жить, не существуй такое понятие, как приказ.

Почему пришельцев так заинтересовала и напугала ночная встреча Димы с кем-то из врагов, Игорек не знал. Но исправно сообщил, куда идет дежурить Дима.

Нападение не достигло своей цели, и Малька нака-
зали. Электрический ток, как всегда, когда они были им

недовольны. Но зато пообещали, что если он найдет таинственного Диминого собеседника, то это будет его последним заданием.

Игорек заплакал снова.

— Я был бы сейчас дома, с мамой...

Крис сочувственно кивнул:

— Какие же мы негодяи. Помешали ребеночку к маме вернуться... А что случилось бы с ними? С Димкой и Ингой?

— Не знаю...

— Все ты знаешь. Как выходишь на связь?

— Надо прижать руки к плите... И все.

— А как еще они могут следить за нами?

— В замке — никак. Они знают только то, что я им сообщаю. А на острове, на мостах, они сами все видят.

Толик недоверчиво хмыкнул. Крис пожал плечами:

— Врешь.

— Не врет, — вмешался я. — Я слышал из его разговора, что внутри замка они нас не контролируют.

Крис посмотрел на ребят:

— Что будем с ним делать? Дима, Тимур, Толик?

Никто не ответил. Крис сжал губы.

— Хорошо, тогда я решу сам.

Игорек напрягся.

— Ты заслуживаешь смерти. И мы приговариваем тебя к ней. Но приговор откладывается... на неопределенный срок. Тимур!

Тимур поднялся со стула, морщась, потер бок.

— Отведи его в комнату под сторожевой башней, ту, что с железной дверью и без окон, и приходи на Совет.

— Не убежит? — задумчиво спросил Сержан.

— Нет. — Крис покачал головой. — Я сам там сидел... пять лет назад. Помнишь, Тим?

— Помню. Вставай!

Игорек вскочил. Тимур подтолкнул его к двери, вышел следом.

— А теперь, — сказал Крис, — будем решать, что делать нам.

Мы расходились уже под утро, в половине четвертого. Тимур с Янушем гасили недогоревшие факелы, а остальные быстро направились к своим комнатам. Перед дневными дежурствами надо было хоть немного поспать... Я долго шарил по

стене в темном коридоре, пока не нашел свою дверь.

Теперь мне предстояло жить одному. И я даже не мог решить, лучше ли это, чем ночевать рядом с врагом. Правое крыло замка, где находилась комната, было совершенно пустынно. Еще две комнаты в этом коридоре раньше занимали ребята, погибшие на восточном мосту. Погибшие вместо меня.

— Дима!

Меня тихо окликнули из темноты, и я испуганно обернулся. От серого проема окна отделилась тонкая фигурка.

— Вы так долго совещались, я чуть стоя не заснула.

— Зашла бы в комнату, — растерянно сказал я.

Наступила неловкая пауза. Инга, невидимая в темноте, молчала, и я слышал лишь ровный шум моря за стенами замка.

— Мы не пытали Игорька, — сказал я наконец. — Он струсил, сам все рассказал.

— Мы видели с Ритой, как Тимур его запирает.

Инга, оказывается, стояла совсем рядом. Я почувствовал ее дыхание на щеке. Инга, наверное, тоже, потому что отодвинулась в глубь коридора.

— Я с Ритой разговаривала, спать совсем не хотелось, — тихо произнесла она. — Потом вспомнила, что забыла тебе рассказать... Помнишь, я вечером Тимуру говорила, как о нем Гарик отзывался.

Я улыбнулся. Не потому, что стало весело.

— Помню.

— Гарик потом добавил, что мало нам, то есть им этого самурая с двумя мечами, теперь еще один появился, ничуть не лучше. Это он про тебя.

— Он не самурай, он из Алма-Аты, — пробормотал я, чувствуя, как улыбка становится нормальной, а уши горят, как у Тимура накануне. Того и гляди засветятся в темноте.

— Я пойду, Рита ждет. — Инга растворилась в ночи. А я еще с минуту стоял у двери, слушая удаляющиеся шаги.

4. Дипломатия деревянных мечей

Я редко бывал на Северном Холме. Во-первых, это довольно далеко от замка. Во-вторых, тут нет ничего интересного. Так я думал раньше...

Оказалось, что обрывистый берег Северного Холма — единственное место на острове, где всегда есть волны. В

любую погоду, даже самую безветренную, в любое время дня и, наверное, ночи... После рассказа Игорька мне вовсе не хотелось гулять по ночам.

Волны возникали метрах в двадцати от берега, там, где кончалось мелководье. Стоило невидимым с холма колебаниям океанской глади достичь этой линии, как вода вскипала, разбрызгивалась пенистой, шипящей волной. Все ускоряя и ускоряя свой бег, вырастая, она ударяла в подножие холма — и исчезала. Лишь затихающий обиженный рокот повисал в воздухе. А к берегу уже неслась новая волна. Рано или поздно океан сточит, размост Северный Холм. Остров станет ровным и скучным, как пустая тарелка. И лишь замок Алого Щита будет возвышаться на ней недоеденным пирожным.

Я лежал на вершине холма, метрах в пяти от осыпающегося, обрывистого склона. Сухая, выжженная солнцем трава колола живот. Я давно уже не носил рубашку, ограничиваясь джинсами. Вообще стал привыкать к жизни на острове. А ведь не прошло и трех недель. У меня появились новые друзья и новые привычки, своя манера боя на мечах и свое место за круглым столом Совета. И даже свое любимое место на острове.

Здесь всегда было очень тихо. Конечно, шумели волны, но уже через минуту этот звук никто не замечал. Оставался заросший травой склон, прозрачное чистое небо, ровное дыхание океана. А может быть, моря, кто его знает. Казалось, мир вокруг замер, уснул, даже солнце остановилось в небе. И пока я лежу, глядя на вечный бег волн, на Островах не случится никакого зла, никакой несправедливости. Мечи так и останутся деревянными, а дозоры на мостах будут сонно загорать на солнцепеке. Мне очень хотелось рассказать все это Инге, только я не знал, поймет ли она меня. Впрочем, последние дни мы не ссорились. А сегодня именно нам принадлежит самая опасная роль в придуманном Крисом плане...

Рывком, сгоняя дремоту, я поднялся с травы. Пошел вниз, к замку, едва сдерживая искушение обернуться. С северного берега самый красивый вид на океан — может быть, потому, что там нет других островов. Там до самого горизонта акварельная голубизна. Там — свобода.

Девчонки еще сидели в Риткиной комнате, лишь самая маленькая, Оля, с обиженным видом «гуляла» по коридору. Я соорудил ей гримасу, она ответила тем же.

Осторожно постучал в дверь. Мне ответили взрыв смеха и Риткин голос:

— Димочка, подожди пять минут!

«Димочка!» Назови меня так Инга, я бы наверняка обрадовался. Но от Риты это прозвучало снисходительно-насмешливо. Я даже оглянулся — не слышала ли Оля. Но та хмуро водила пальцем по оконному стеклу, не обращая на меня ни малейшего внимания. Стекло было грязным — за пальцем тянулись белесые следы.

— Рисуешь?

— Ага. Елку.

На окне действительно возникала елка. Оля привстала на цыпочки, выводя на верхушке кособокую звезду.

— Я хочу Новый год, — разъяснила она. — Чтоб снег шел...

Оля была смешной девчонкой. Маленькая, худенькая и ужасно самостоятельная. Но грустной я ее видел первый раз, да еще по такому смешному поводу...

— Да что в ней хорошего, в зиме-то? — спросил я.

— Меня перед новогодней елкой украли, — вырисовывая вокруг елки хоровод, ответила Оля. — Я все думаю, думаю, что мне хотели подарить...

Почти никто на острове не захотел считать себя двойником. Нет, с нами не спорили. Но все упорно говорили о себе в единственном числе. «Меня украли...»

Из комнаты вышла Инга. Спросила:

— Дим, ты уже готов?

— Только-только собрался, — покорно ответил я. Все, что могло пригодиться на острове, было у меня с собой. В кармане джинсов — бинт, пропитанный заживляющей мазью, на поясе — меч в простой ременной петле. Ножны не требовались, для меня меч был деревянным. Мы вышли на южный мост. Инга чуть отстала, шла у перил, поглядывая на воду. Меч она сегодня с собой не взяла — в драку ее пускать никто не собирался.

— Димка, а если мы не вернемся, то так и проживем всю жизнь на острове? — то ли спросила, то ли просто подумала вслух Инга.

— Да. Но мы вернемся, обязательно.

— А если нет... Дим, давай тогда убежим?

— Куда?

— Все равно куда. Построим лодку и уплывем.

— Лодка в подвале есть, — зачем-то сказал я. — Сам видел.

— Дим, значит, ты согласен? Я одна боюсь, а с тобой мне не страшно. Убежим?

Остановившись, я с удивлением посмотрел на Ингу. Неужели это та самая девчонка, с которой я дрался в детском саду, кидался снежками в школе, ходил к ней на дни рождения, помогал переправляться через быструю холодную речушку в турпоходе? От той Инги остались красивое лицо, негромкий серьезный голос, тонкая фигурка, уже не мальчишеская, но еще и не взрослая, как у Риты. Я вдруг понял, что действительно убегу с ней — хоть в открытый океан на маленькой лодке, хоть на соседний остров, в рабство. От этого понимания мне даже страшно стало. Но тут Инга, удивленно замершая передо мной, не выдержала моего растерянного взгляда и покраснела. Да так сильно, что и загар не помог... Успех надо было закрепить, и я обиженно спросил:

— Инга, тебе не нравится наш остров?

— Нравится, это очень хороший остров! — Инга ответила сразу, не раздумывая. — Мне не нравятся Острова вообще! То, что здесь надо убивать друг друга. И не сволочей всяких... — голос ее сорвался, — а хороших ребят. А эти пришельцы... Я все время чувствую, что они за нами следят. Даже в замке.

— Они в замке не могут.

— А я не верю!

— Но мы же договорились... Мы же придумали, как вернуться всем!

Инга кивнула и произнесла чуть виновато и примирительно:

— Конечно, Дим. Я буду стараться. Только я чувствую, ничегошеньки у нас не получится!

— Тогда убежим. Наверно, и это не поможет, Инга, ты же знаешь про Безумного Капитана. Но все равно убежим.

Она кивнула. И упрямо сказала:

— Лучше у него плавать, чем здесь... Мы попросимся к нему юнгами, если нас «закружат» в море.

Когда мы подошли к середине моста, Крис с Тимуром уже заканчивали подготовку «поля боя». Один мальчишка обвис на перилах, запрокинув голову к небу. Я лишь раз посмотрел на него — и отвернулся. Все было ясно. А Инга сдавленно вскрикнула. Похоже, этот мальчишка был не из самых плохих обитателей Двадцать четвертого острова... Еще двое

74 продолжали драться, но множество ран не оставляло

сомнений в исходе поединка. Четвертый из защитников моста стоял позади. Стоял на коленях, обхватив рукой разрубленное плечо. Крови натекло порядочно, его надо было скорее перевязать, сам он уже не в силах был этого сделать.

Крис и Тимур на первый взгляд не имели ни царапины. Рядом с ними, сгучающе опершись о меч, замер Толик. Увидев нас, Крис хлопнул Тимура по плечу и отступил. Дравшийся до сих пор, как и все, одним мечом, Тимур остановился. Медленно вытянул из-за спины второй меч, провел клинком по клинку. В наступившей тишине скрип стали казался особенно жутким. С «поработавшего» лезвия сорвалась и звонко шлепнулась на мрамор моста тяжелая темная капля.

— Нет... — тихо произнес один из его противников. Тимур прыгнул вперед. Мечи сверкнули, размытые в блестящие круги, словно лопасти пропеллера. Что-то зазвенело. Это ударилось о мост выбитое оружие «двадцать четвертых». Те двое мальчишек стояли теперь безоружные. А их раненый товарищ попытался встать — и это ему почти удалось. Он был старше остальных, лет четырнадцати-пятнадцати, весь в шрамах — белых полосках на загорелой коже... Ноги у него снова подкосились, мальчишка рухнул на колени. И тут я увидел, что он плачет. Слезы текли по лицу, он морщился, кривился, пытаясь задавить их. Но ничего не получалось. Тогда он уронил голову на колени. То ли пряча слезы, то ли подставляя шею под смертельный удар.

Я толкнул Ингу в спину. Она всхлипнула, приходя в себя. И шагнула вперед.

— Ребята, привет!

Это чуть походило на насмешку. Но, к моему удивлению, ребята с Двадцать четвертого так не подумали.

— Привет, Ин... — вяло, безнадежно, но вполне мирно ответил один из мальчишек, лет тринадцати, курносый и пухлощекий. Ему бы еще очки на нос — типичный отличник из детского фильма.

— Вы что стоите? — закричала вдруг Инга. — Перевяжите Мишку!

Ребята как ошпаренные бросились к товарищу. Но Инга тут же отпихнула их, сама склонилась над подростком. Я подошел к застывшему на перилах пацану, дотронулся до плеча. Мальчишка, словно ждал этого движения, вялым, безжизненным телом сполз вниз. Одна рука у него вы-

скользнула в проем перил, закачалась над далекой водой. Меня начало подташнивать. Неужели это неизбежно? Неужели путь к миру, к победе *для всех* лежит опять же через кровь? Через этого несчастного мальчишку, вся беда которого — в слишком правильном соблюдении правил Игры? Неужели нам не найти других путей? Или... мы просто не хотим их искать? Отвыкли от узких тропинок. Но на широких дорогах, куда бы они ни вели, всегда есть кровь...

Тимур тем временем начал перевязывать «отличника», Крис взялся за третьего паренька. «Отличник», морщась от боли, спросил:

— Что, в плен берете?

— Нет, отпускаем, — добродушно разъяснил Крис. Кивнул на убитого, с искренним сожалением сказал: — Я не хотел. Но сами видели: или — или... Вы его заберите, пусть похоронят на острове...

Мальчишка ошарашенно прижал к груди забинтованную руку. Растерянно сказал:

— Только мы его не дотащим. Пусть пока лежит, не скидывайте.

Крис внимательно посмотрел на меня. Я едва заметно кивнул.

— Ничего страшного, — четко, раздельно выговорил он. — Дима с Ингой вам помогут.

Первый раз я шел по вражеской половине моста. Мы спустились, но каждый шаг все дальше и дальше удалял нас от замка Алого Щита. Передумать было еще не поздно. Бросить неподвижное тело, обмякшее у меня на плечах, побежать... На плече, под холодеющей рукой, слабо хлопало. Из ран еще текла кровь, хоть мальчишка и был мертв. Странно, но мне не стало от этого ни страшно, ни противно. Мир сместился, перевернулся. Я уже не был земным Димкой. Я стал жителем Островов, не боящимся ни чужой, ни своей смерти.

— Алик, а что... с Генкой? — тихо спросила Инга за моей спиной. Я затаил дыхание.

— Умер, — без особой грусти в голосе ответил «отличник».

Я обернулся. Инга побледнела, губы у нее вздрагивали.

— Инга, да ты не переживай, — продолжал Алик. — Это не только от твоего удара. Ему в замке добавили. За дело.

Ничего себе! Ну и парень правил на этом острове. Довести всех до того, что при первой возможности его добили.

Раненого.

А навстречу нам уже выбежали двое мальчишек с мечами на изготовку. Увидели Ингу, ковыляющего Мишку, меня. И замерли.

— Я должен говорить с тем, кто управляет островом, — хмуро сказал я. — Мы — парламентары.

Ребята переглянулись. С настороженным видом опустили оружие.

Хмурый скуластый мальчишка лет тринадцати тронул меня за плечо, отрывисто произнес:

— Чего ты пришел, а? Что тебе у нас надо?

Инга подошла ко мне.

— Ахмет, это Дима. Мы пришли...

Ахмет резко оборвал ее:

— Тебе тоже нечего было возвращаться.

Меня охватила злость. Я опустил на камень моста свою ношу, повторил:

— Мы — парламентары. Инга не возвращается на ваш остров, она хочет помочь переговорам.

— Каким еще переговорам? — насторожился Ахмет.

Из замка тем временем вышли две девчонки. Одна маленькая, с испуганно-растерянным взглядом, другая постарше, широкоплечая, с абсолютно недевчоночьей фигурой и строгим суровым лицом. Повышая голос, так чтобы меня услышали и они, я произнес:

— Наш остров предлагает вам заключить военный союз и образовать Конфедерацию Островов.

Секунду Ахмет переваривал мои слова, потом сморщился:

— Валите-ка отсюда, ладно? Мы законов Игры не нарушаем.

— Законы не нарушаются. Первый закон — запрещение игры в поддавки — соблюден: мы будем сражаться в полную силу, но совместно. Условие возвращения на Землю гласит: «Возвращаются жители островов, завоевавших все сорок островов». Так что и тут полный порядок.

— Это не порядок, это... — Ахмет замолчал, не найдя подходящего слова. — Мы даже не будем обсуждать...

Рослая девчонка вдруг неслышно подошла к нему сзади и преспокойно отодвинула в сторону.

— Нет, Ахмет, мы это обсуждать будем. Лора! — Она протянула мне ладонь.

Я взглянул на Ингу и поймал ее торжествующую улыбку. Вчера, когда мы обговаривали последние де-

тали, она сказала: «Если Генка еще не поправился, островом будет управлять Ахмет. А он сделает то, что ему посоветует Лора...»

5. Мир ради войны

Я проснулся среди ночи. В окне стояла непроглядная тьма, до утра было еще далеко. Судя по завыванию ветра и сочащемуся в щели холодку, ночь выдалась самой обычной — зябкой и немного жутковатой. Но я чувствовал необходимость встать и немного прогуляться... С минуту я еще ворочался в кровати, пытаюсь переспорить самого себя и снова уснуть. Но из этого ничего не получалось.

Одевшись, я секунду колебался, обдумывая маршрут. Либо в «официальное» помещение на первом этаже, либо просто на мост. Спускаться было дольше, и я выбрал второй, «мальчишеский» вариант.

Когда через несколько минут я вернулся, причина, разбудившая меня, исчезла. Попросту говоря — вылилась с моста в океан. Но и сон улетучился — наверное, его сдуло ветром. Идти досыпать уже не хотелось. Я спустился на этаж ниже, подошел к дверям Тронного зала. Оттуда доносились голоса, лился яркий красноватый свет горящего камина. Заглянув в зал, я увидел привычную, повторяющуюся в последнюю неделю множество раз сцену. Крис вербовал сторонников.

— Это очень просто! Очень просто! — Глаза у Криса азартно поблескивали. Может быть, это отражалось пламя? Но и голос был возбужденным, зажигающим ничуть не хуже настоящего огня. — Правила соблюдаются! Да, возможно, что мы лезем в непредусмотренную лазейку. Но и наказать нас за это не вправе!

— А если накажут? — Собеседника Криса я знал плохо. Он пришел на остров поздно вечером, через территорию Двадцать четвертого острова. На своем, кажется, Двадцать седьмом, этот худой, нескладный парнишка не был предводителем. Но он был русским, а большинство остальных — итальянцы и шведы. Пришельцы старались более или менее соблюдать национальный состав островов, хотя причины, соединившие темпераментных жителей Апеннин и юных скандинавов, оставались загадкой.

— Если накажут... — Крис нехотя пожал плечами. — Не знаю. Но стоит рискнуть. В Конфедерации уже три острова — пока нас не трогают. Победить в одиночку нет шансов ни у кого.

— Что мы должны делать в Конфедерации? — помолчав, спросил мальчишка.

— Не сражаться с островами Конфедерации.

— И все?

— И все. При желании можно помогать другим островам бойцами или просто обмениваться информацией. Ходить в гости...

Мальчишка вдруг лукаво и беззаботно улыбнулся:

— А ходить в гости мне понравилось!

Я отошел от двери. Кроме Криса и его сомневающегося собеседника, в Тронном зале сидели еще Ахмет и Тимур. Командир Двадцать четвертого внимательно слушал разговор, а Тимур, похоже, просто дремал на диване. Днем на острове Алого Щита был и предводитель Двенадцатого — тот самый добродушный Джордж-Салиф, что когда-то выдавал себя за дикаря. Он ушел перед самым разводом мостов, договорившись с Крисом о совместных действиях на завтра.

Постепенно возвращалась сонливость. Я постоял в нерешительности... И вдруг, неожиданно для самого себя, пошел к сторожевой башне. Вроде бы и недалеко идти, посмотришь с берега — башня вырастает над самыми окнами Тронного зала. А по коридорам приходится петлять минут пять. Мне даже пришла в голову шальная мысль — начертить на бумаге тщательный план замка и разобраться как следует с этими переходами... Пришла и исчезла. В шум ветра вкрался посторонний звук. Не слишком редкий, впрочем, для Островов.

Кто-то плакал. И нетрудно было сообразить, кто именно.

Комната под башней делалась то ли как пороховой склад, то ли как тюрьма. Тюрьмой она и служила последние дни.

Привстав на цыпочки, я заглянул в узкую щель, прорезанную в железных листах двери. Разумеется, ничего видно не было. Тьма. И едва намечающийся серый квадратик окна, перечеркнутый прутьями решетки.

— Игорек... — нерешительно позвал я.

Плач прекратился, скрипнула койка. На полу Малёк проспал лишь первую ночь, после этого Меломан и Илья, с молчаливого согласия остальных, притащили ему постельное белье и кровать.

— Дима? Да? — Голос Игорька задрожал.
— Ага, не бойся, — со смутной жалостью ответил я.
— Я и не боюсь вовсе... — Игорек прошлепал к двери. Сквозь прорезь я ощутил едва уловимое тепло.

— Дим, ты меня ненавидишь? — Малёк спросил почти риторически.

— Не знаю, — колебавшись, ответил я.

— Тогда презираешь? — В голосе Игорька мелькнула слабая надежда.

Но на этот раз я не колебался:

— Да.

Наступило молчание. Потом что-то зашуршало, и Игорек спросил:

— Дим, если не противно... Возьми меня за руку.

Я нащупал просунутые в щель пальцы, сжал их. Игорек тихо сказал:

— Спасибо... Дим, если кто-то предложит меня выпустить или я сам попрошу... Не выпускайте, ладно?

— Угу... — Я даже не стал отвечать — горло перехватило.

— Дима, ты не думай, что я сволочь... — быстро зашептал Малёк. — Я правда домой хотел. Нечестно, я понимаю, только очень хотелось. А пришельцы ведь вначале ничего плохого не требовали. Просто рассказывать им, что в замке делается.

— Они не могут следить здесь? Ты не врал?

— Нет. И знаешь, вот еще что... Они нас не различают. Даже мальчишек с девчонками путают. Кое-как разбираются по росту... Ну, могут тебя от Криса отличить. А с Меломаном или Толиком запросто спутают. Они, наверное, не люди совсем. Пауки или жабы.

Меня передернуло. Между лопатками ледяной змейкой прополз страх. В спину словно уставился тяжелый, холодный, пугающий взгляд. Жабий или паучий...

— Игорек, тебе не страшно здесь?

Он долго молчал. Потом тихо ответил:

— Очень. Ночью... Они мне не простят, я знаю.

— Малёк... Может, я поговорю с ребятами?

— Нет! Я же просил!

Я нащупал толстую стальную полосу засова. И убрал руку.

— Хорошо. Я понял, ты сам себе не веришь.

— Да. — Игорек медленно вытянул ладонь из щели.

80 И неуверенно проговорил: — Дима, я сразу не сказал...

Не подумал, что это важно. Они всегда просили рассказывать, кто и с кем дружит. Особенно если мальчишка с девчонкой. Им это очень интересно, не знаю почему... Они и тобой заинтересовались оттого, что ты с Ингой дружишь. А особенно они хотели знать, когда и кто рисковал из-за других. Они спрашивали, почему ребята из-за меня рискуют... Я им говорю — они мои друзья. Тогда сказали — объясни, что такое дружба.

— Ты объяснил?

— Нет, не смог.

— Понятно. Тебе задумываться не хотелось.

Игорек промолчал.

— Ладно, спи... — Я сделал шаг от двери и услышал тихий голос Игорька:

— Я попробую... А ты скажи Крису, пусть не забывает: наблюдатели есть на всех островах. И на тех, с которыми... мы... вы подружились.

Утро на Тридцать шестом острове теперь начиналось с тренировок. Солнце еще не показалось из-за горизонта, а Крис уже гнал всех на песчаный берег, под стены замка.

В сером предутреннем сумраке вялые, полусонные мальчишки принимались спарринговаться. Постепенно темп нарастал, глухой стук сталкивающихся палок становился громче. Иногда, очень редко, звякала сталь. Переусердствовавшая пара немедленно прекращала бой, отходила в сторону. Небо голубело, ночная прохлада исчезала, сильнее шумели накатывающиеся на берег волны. До завтрака можно было успеть искупаться. А потом всех ждали мосты — свои и чужие. Мосты, принадлежащие островам Конфедерации.

Я тренировался с Меломаном. Это было удобнее всего — мы почти сровнялись по силе и одинаково полусерьезно относились к занятиям. Наши мечи не становились настоящими ни разу, не то что у Криса с Тимуром.

Почти автоматически отражая удары, я поглядывал на Криса. Перед тренировкой я рассказал ему о ночном разговоре с Игорьком, и теперь должна была последовать реакция. Незнакомо лишь какая...

Красивым движением отбив удар Тимура, Крис вдруг опустил меч и скучным голосом сказал:

— Перерыв. Ребята, кто у нас разбирается в технике?

Пожав плечами, Меломан подошел к нему. Следом вышел и я.

— Пойдем... — Крис поманил рукой Тома и зашагал к замку. Ребята пошли следом, и у меня, в какой уже раз, появилось чувство, что нашего командира невозможно заставить врасплох. На любую задачу у него целый набор решений, и он колеблется лишь в выборе лучшего.

Мы спустились в подвал. Перед дверью пришлось задержаться — она была наглухо закрыта, петли засова стягивала толстая стальная проволока. В одиночку ее не мог разогнуть даже Крис. Пришлось навалиться вчетвером, медленно разгибая петли неподатливого металла. Система была простой, но эффективной — если на острове и существовал еще один «наблюдатель», проникнуть к устройству связи он был не в силах.

В подвальной темноте, едва разгоняемой светом фонаря в руках у Криса, мы подошли к «мраморной» плите. Сотни раз осмотренная, едва ли не обнюханная мальчишками, она зеркально поблескивала в бледном свете.

— Вначале я думал, — начал Крис, — пришельцы не узнают, что мы их разгадали. Похоже, что я ошибся. Значит, не имеет смысла таиться. Попробуем в этом разобраться...

Он похлопал ладонью по плите. Приложил к ней на секунду руки, с сожалением сказал:

— Не работает, не хочет...

Поднял валяющуюся на полу железку. Примерился, ударил...

— Присоединяйтесь.

Устройство связи выдержало почти десять минут непрерывных ударов. Потом со странным глухим звуком «мраморная» плита вывалилась из стены. Медленно, словно кусок пенопласта, скользнула вниз. Стукнулась углом об пол. И рассыпалась в мелкое мраморное крошево.

Меломан хмыкнул. Присел, набрал горсть камешков, высыпал их из ладони в ладонь. Разочарованно сказал:

— Если это и прибор, то... Нет, мы в этом не разберемся, Крис... Ты что?

Крис, все еще не выпуская своего инструмента — короткой ржавой трубы, молча тянул руку к стене. Там, откуда только что выпала плита, не оказалось никакого проема. Мутным каменным гляncем на стене снова поблескивало устройство связи.

— Заменяли, — растерянно произнес Меломан. —

— А как на кухне появляются продукты? — ответил вопросом Крис. — Мгновенное перемещение в пространстве... Да, обслуживание у них на уровне. Идемте... Где Том?

Я вздрогнул. Пришельцы могли, заменяя плиту, прихватить с собой Тома. С них станется... Но Том появился из темноты и заговорил с Крисом. С минуту они что-то обсуждали. Потом Крис пожал плечами:

— Ребята, Том сейчас рассматривал шлюпку, которая здесь лежит. На ней попали к нам двое ребят, лет десять назад. Когда я только-только оказался на острове, мы пытались спустить ее на воду — но она опрокидывалась. Том говорит, что он часто плавал с отцом на яхте и сможет управлять шлюпкой. Что нужно всего лишь поставить новый киль и положить на дно балласт... И еще говорит: как можно существовать целой Конфедерацией без военно-морского флота?

6. Штиль

Не знаю, с какого момента мне перестало нравиться происходящее. Наверное, с того дня, когда мы двойным штурмом взяли Тридцатый остров...

В этом не было подлости. Мы не мстили. Несколько раз предлагали Тридцатому вступить в Конфедерацию — они отказывались. Скорее всего не верили. Тогда Крис и договорился с командирами остальных островов Конфедерации о двойном штурме. В назначенный день на каждый из двух мостов Тридцатого пришла целая армия.

В нормальных условиях выставить на мост десятерых бойцов почти невозможно. Это означает до предела оголить остальные мосты, подставить себя под удар в спину. Нам это не грозило. Девять мальчишек да еще Инга — мы стояли перед четырьмя пацанами с «тридцатки» и чувствовали себя ужасно, до безобразия, сильными.

— Ребята, может, передумаете? — спросил Толик.

Кем-кем, а трусами они не были.

— Мы не сдаемся в плен!

Речь шла не о плене. Но мы устали объяснять. И вспомнили все свои обиды — они очень хорошо вспоминаются, когда ощущаешь свое превосходство.

Первыми начали бой Крис с Тимуром. Противники у них оказались не из слабых, но мы не стремились к быстрой победе. Мы брали врага на измор. Второй парой пошел я с Толиком, третьей — Меломан с Сержаном... «Тридцатка» тоже менялась — но у них было всего две пары бойцов. А мы выставляли вперед все новых и новых ребят. Януш с Ильей, Том с отдохнувшим Тимуром. Ингу мы в драку, конечно же, не пускали.

Как ни странно, успеха добился Том. Новичкам, похоже, действительно везет — я в этом убедился еще на себе.

Наседая вдвоем на Тимура, враги совершенно забыли о его напарнике. Да и немудрено — Том знал лишь несколько простейших ударов да пару защитных приемов — «дождик» и «нижнее зеркало». Я удивлялся, как он еще удерживал меч в боевом состоянии...

Когда один из противников повернулся к Тому спиной, тот не стал мудрить. Ударил, как на тренировке, — сверху вниз, наискосок...

Вперед бросились и Крис, и Толик, и Януш, едва не помешав друг другу. Через мгновение упал еще один пацан. У третьего, того, который так храбро ответил нам перед схваткой, Тимур выбил меч.

— Я... я сдаюсь... — долетел до меня запинаящийся голос.

И ответ Тимура:

— Мы не берем пленных.

Тонко взвизгнуло лезвие меча, вспарывая воздух. Лишь на секунду звук стал мягким, чмокающим...

Из толпы, пошатываясь, выбрался Том. Белый как молоко, со вздрагивающими губами. Я толкнул его в плечо, улыбнулся. Все нормально... Но он лишь покачал головой и пошел по мосту назад, к замку.

Последний боец «тридцатки» пятился, сжимая меч обеими руками. К нему стали подбираться Тимур с Крисом. Тогда пацан затравленно огляделся... и ударил мечом в живот самого себя.

Мы замерли. Наступила полная тишина, даже стал слышен далекий шум волн. Мальчишка стоял, держась за рукоять меча.

— Я сам... — тихо произнес он. — Не добивайте, ладно?... Я сам, я хочу домой...

Только когда он стал падать, я понял, в чем дело. На некоторых островах верили, что, убив себя в безвыходной ситуации, участник Игры возвращался на Землю.

— Зачем ты сказал, что мы не берем пленных? — закричал Меломан. — Он из-за этого...

— Но я же не ему говорил! — огрызнулся Тимур. — А того гада я узнал, это он стрелял в Костю!

Я посмотрел на Ингу. И увидел, что она плачет — молча, сдерживая рыдания.

— Дима, ну зачем вы так... Зачем?

Я пожал плечами, начиная злиться. Я, что ли, убил этих ребят? К тому же они заслужили свое. А Инга должна была понимать, что сегодня на мосту будет жарко, когда упрасивала взять ее с собой.

С девчонками всегда так, даже с самыми умными. Добиваются чего-нибудь, а потом еще и недовольны. Наверное, в воображении у них все романтичнее, чем в жизни...

— Да скиньте их наконец! — выкрикнул Толик. — Чего стоим?

— Ты и скинь! — зло ответил Сержан.

— И скину!

Инга зажмурилась. И я вдруг понял — она права. Нет, не потому, что мы ошибаемся. Сейчас столкнулись две правды — и ее правда победит. Потому что она девчонка и я не могу с ней спорить.

— Инга, ты же видишь, так получается, — виновато сказал я. — Я же не могу изменить то, что есть. Что сделаешь, если красиво не выходит. Лучше проводи Тома до острова...

Она кивнула, не открывая глаз. Повернулась, сделала несколько шагов. Снизу, перекрывая солнечный свет, вдруг полыхнули белые вспышки. Одна, вторая, третья, четвертая...

Инга побежала вслед за Томом. Жмуря глаза, в которых плавали разноцветные круги, я смотрел ей вслед.

— Димка, пойдём, — крикнул Толик.

Я повернулся. Наши уже отошли метров на сто. Меня от них не отделяло ничего — только красные лаковые пятна на розовом мраморе. Не глядя под ноги, я побежал за ребятами.

Что-то во мне сломалось. Я дрался вместе со всеми, когда, разбившись на две группы, мы атаковали с тыла остальных защитников Тридцатого острова. Я хохотал вместе со всеми, когда, очистив от врагов мосты, мы толпились у ворот чужого замка и кричали, чтоб нам открыли. Никогда еще, наверное, не собиралось на одном острове такой огромной толпы —

вооруженной, опьяненной победой и — самое удивительное — дружной.

Я поступал как все. Но в ушах у меня звенело: «Зачем? Зачем?» Тимур забрался в окно замка, раскрыл изнутри двери.

Зачем?

Мы разбежались по замку, разыскивая остальных жителей острова. И почти сразу в большом зале, наподобие нашего Тронного, наткнулись на трех девчонок и мальчишку лет тринадцати с перевязанной рукой. Все они были с мечами. Даже у девчонок мечи поблескивали сталью.

Зачем?

— Бросьте оружие, — устало велел Крис. — Нам совсем не хочется вас убивать.

Мечи глухо стукнули об пол. Последним бросил оружие мальчишка.

— В общем, так, — сказал Толик. — Пока будете пленными... на разных островах. А там посмотрим.

Зачем?

Том чинил шлюпку. В общем-то чинили больше Сержан, Илья да двое мальчишек с Двенадцатого острова, умеющие столлярничать. Том руководил: прыгал вокруг перевернутой, лежащей у стен замка шлюпки и давал указания на дикой англо-русской смеси языков. Несмотря на все его старания, английский преобладал. Но у такого жаргона было и преимущество — он делал Тома таким забавным, что никто не обижался на его излишне начальственный тон.

Только что искупавшись, я лежал на песке метрах в десяти от шлюпки и наблюдал за происходящим. Капельки воды медленно высыхали у меня на спине — солнце уже садилось и почти не грело.

— Перы... перерыв, — путаясь, объявил Том.

— Да не перерыв, хватит на сегодня... — миролюбиво предложил Сержан. — Зец олл.

Мальчишки с Двенадцатого, не дожидаясь других предложений, направились к замку. Я махнул им рукой и снова уткнулся подбородком в песок. Услышал шаги — и рядом со мной плюхнулся Илья.

— Чего не купаешься? — поинтересовался я.

— А... Неохота...

Илья меланхолично рыл босой ногой песок, соорудившая что-то вроде модели плавательного бассейна. Его

усилия увенчались полным успехом: в прямоугольную ямку стала просачиваться мутноватая вода. Вероятно, холодная — Илья чертыхнулся и убрал ногу. Стянул очки, принялся протирать стекла рукавом рубашки. Рукав был грязный и рваный, роскошный Илюхин гардероб доживал последние дни. Но он, не обращая внимания на сомнительность своих усилий, продолжал полировать стекла. Верный признак смущения...

— Сейчас купаться рискованно, — ворчливо объяснил Илья. — Взглянешь случайно на небо — и кранты.

Да, действительно. Нельзя смотреть вверх во время заката. А солнце вот-вот исчезнет за горизонтом. Третье правило Игры, самое дурацкое и непонятное...

— Илья... Как там сказано, в правилах? Нельзя смотреть вверх во время заката? Или нельзя смотреть на небо?

— Вверх...

— Точно?

— Точно.

— А зачем вверх-то смотреть? — глядя на поблескивающую лужицу в ямке, спросил я. — Можно и вниз...

Илья даже подскочил. Соблазнить его на авантюру было проще простого.

— Димка!

— Дуй к Ритке! И без ее зеркала не возвращайся! Быстрее!

Последнее слово, похоже, было излишним. Уже через несколько минут Илья прибежал обратно. Вслед за ним, явно заинтригованный, шел Сержан.

Честно говоря, фокус с зеркалом придумал не я. О таком способе наблюдать за небом, когда нельзя смотреть вверх, я прочитал в какой-то сказке. Так давно, что даже забыл название...

Положив зеркальце на песок, Илья уселся рядом. Объяснил:

— Смотреть буду я.

— Ничего подобного, по очереди, — парировал Сержан.

Во время заката был лишь один миг, когда взгляд на небо грозил наказанием. Ожидание вполне могло оказаться долгим.

— Двадцать, двадцать один, — монотонно считал Сержан. Дойдя до ста двадцати, он оттолкнул Илью и уселся перед зеркальцем сам.

— Будем смотреть по две минуты.

Наступила тишина. Я оглянулся на замок — нет ли еще желающих. Но ребята еще не вернулись с мостов.

- Летающие тарелки видишь? — поинтересовался Илья.
- Ага. Вон сковородка пролетела... — сообщил Сержан.
- Время. Отдохни!

Теперь перед зеркальцем сидел я. Солнце почти исчезло за горизонтом, в сером пепле морских волн угасал последний алый уголек. Небо темнело, но оставалось обычным. Да и что там можно увидеть? Космический корабль пришельцев, парящий над планетой? Или злополучную летающую тарелку? Ну пусть даже и мелькнет среди облаков искорка, раскрыв нам «тайну» расположения наблюдательных устройств. Стоит ли из-за этого придумывать целое правило? Из рогатки летающую тарелку не собьешь, а в том, что за нами следят, мы и так не сомневаемся. Не смотреть вверх во время заката. Не смотреть вверх...

— Время!

Перед зеркальцем опять был Илья. Мы с Сержаном разочарованно переглянулись: солнечные лучи уже сползли с флагоштока сторожевой башни. Наступал вечер.

— Не понял... — вдруг удивленно протянул Илья. — Это...

Мы с Сержаном синхронно дернулись к Илье, пытаясь взглянуть на отражение в зеркальце. От желания посмотреть вверх у меня даже мурашки по спине побежали. Но мы не успели.

На мгновение стало светло. Маленькое круглое зеркальце сияло, как прожектор, выплескивая столб ослепительного, словно бы даже вещественного, твердого, колючего света. Это длилось секунду. Раздался звон стекла, и зеркальце разлетелось у Ильи в руках. Он слабо вскрикнул, отшатываясь и прижимая ладони к лицу. Очки мягко шлепнулись на песок рядом с почерневшими, мутными осколками. Едкий дымок сторевающий амальгамы щекотал ноздри.

— Илья! — увидев, как он запрокидывается на спину, я схватил его за плечи. — Что с тобой?

— Глаза... — Илью било частой, мелкой дрожью. — Больно...

Уловка не сработала. Взгляд вверх, небрежно замаскированный зеркалом, показался пришельцам более опасным, чем открытый сговор островов Конфедерации.

— Убери руки! Илья!

Он медленно отнял ладони от лица. Глаза были красными, покрытыми багровой сеточкой сосудов. И — удивленными.

— Круги плывут, — растерянно произнес Илья. —

88 Но я тебя вижу.

Весь вечер Илья наслаждался положением героя. Он лежал на диване в Тронном зале. Рита с Ингой сустились вокруг, поминутно меняя ему примочки на слезящихся, воспаленных глазах. А мы, усевшись рядом, вполголоса говорили о случившемся.

Глаза Илье спасло зеркало. Оно раскололось и помутнело, отразив лишь малую часть направленной на него энергии. Луч был такой силы, что разбил стекло подобно удару камня.

Самым обидным оказалось, что Илья не успел рассмотреть столь тщательно охраняемую тайну. В зеркале, как он рассказывал, мелькнуло что-то серое, плоское, стремительно опускающееся из зенита. А потом в центре этого серого, округлого, падающего сверху тела сверкнула белая вспышка.

Предположить можно было что угодно, включая летающую тарелку. Тимур, например, упорно отстаивал эту версию. Но мне казалось, что все гораздо сложнее. Мне никогда не нравились задачи, в которых ответ напрашивался сам собой.

Спорили мы азартно, и Том, ничего в разговоре не понимавший, заскучал. Но минут через пять наступила его очередь — разговор зашел о шлюпке. Ребята уже превратили ее в подобие маленькой яхты — настелили дощатую палубу, укрепили мачту, киль. Том настаивал еще на сооружении маленькой каюты, в которой можно было бы ночевать четверым членам экипажа. Спорить мы не стали, хоть это и затягивало спуск шлюпки на пару дней. Все-таки с настоящей каютой наш кораблик выглядел гораздо внушительнее.

Незаметно разговор перешел на первое плавание. Уже решено было отправиться через весь архипелаг Сорока Островов, вербуя на пути сторонников Конфедерации. Ясно было, что капитаном станет Том. А вот насчет остальных членов команды ясности не было. В плавание хотели отправиться все...

Спор, грозивший перерасти в ссору, прекратил Крис. Он вышел за двери и вернулся с пучком тонких щепок в кулаке.

— Будем тянуть жребий, — объяснил он. — Четыре коротких — экипаж.

Щепок было восемь. Первую Крис дал вытянуть Илье. Длинная. Вторым потянулся Сержан — и картинно развел руками. Тоже длинная... Первая короткая щепка досталась Тимуру. Вторая — мне. Я даже не почувствовал радости — удача показалась мне сама собой разумеющейся. Следом протянул руку Том, но Крис остановил его.

— Ты плывешь без всякого жребия, ты капитан... А я без всякого жребия остаюсь — мой корабль здесь.

— Если ты не тянешь жребий, то один лишний! — оживился Сержан.

— Не лишний, я тоже буду участвовать. — К нашему командиру подошла Инга. Быстро взглянула на меня — упрямо и твердо. И вынула короткую шепку из стиснутых пальцев Криса.

— Женщина на корабле — к беде... — беспомощно сказал Сержан.

Последний короткий жребий достался Янушу.

7. Пятеро в океане

Наше суденышко, названное «Дерзким», отплыло от берегов Тридцать шестого острова поздно вечером, когда стемнело, а резкие порывы северного ветра превратились в ровный, уверенный бриз. Тома, весь день провозившегося со шлюпкой, заставили поспать несколько часов. Теперь он тихо советовался с Тимуром, проверяя, все ли снаряжение на месте. Провизия, вода, запасной парус, бинокль. Часы были на руках у каждого — их собирали по всем островам Конфедерации. Кроме мечей, мы вооружились арбалетами. Один арбалет, самый большой и неудобный в бою, закрепили на вертящейся подставке перед каютой. Тимур долго возился с ним, приспособившая для стрельбы сразу тремя стрелами. Он где-то читал про такие арбалеты... Но у него так ничего и не вышло.

Шлюпка, возведенная в ранг корабля, шла на удивление ровно. Может быть, играл свою роль новый киль. Но скорее всего причина была куда проще — «Дерзкий» был сильно перегружен. Вода плескалась в опасной близости от бортов, а редкие волны уже оставили на дне шлюпки солидную лужу.

Минут двадцать мы стояли рядом с Томом, словно ожидая чего-то необычного. Но все было спокойно. Медленно темнело, исчезли в ночи контуры замка, лишь на сторожевой башне задорно горело белое пламя маяка. Огонь ребята обещали зажигать каждую ночь. «Дерзкий» шел на юго-юго-восток, косо к ветру, постепенно углубляясь в пространство между Двадцать четвертым и Тридцатым островами. Через час шлюпка должна была миновать Двадцать седьмой остров и прой-

ти рядом с Двадцать третьим — последним островом Конфедерации. Дальше путь решили продолжить утром, при свете солнца. Том должен был остаток ночи дрейфовать в виду маяка Двадцать третьего острова — белого и красного огней на двух площадках дозорной башни...

Первой ушла в каюту Инга. Негромко пожелала всем спокойной ночи, а Тому — легкой вахты: «light watch», чем вызвала у капитана некоторое замешательство. Наверное, это было сказано не совсем правильно, хотя все остальные, включая Януша, ее поняли.

Минут через десять Тимур потянулся, зевнул, хлопнул меня по плечу и спросил:

— Пойдем спать?

Стянув штормовку, я протянул ее Тому. Тот понял, молча кивнул и стал напяливать ее поверх своей. Ночью на палубе ему придется мерзнуть.

— Пошли...

Мы осторожно пробрались между левым бортом и стенкой каюты на корму («Дерзкий» при этом легонько качнулся). Тимур довольно натурально кашлянул, открыл дверь каюты.

Инга уже легла в свой гамак. На столике тускло горела свеча. Пригнувшись, Тимур вошел в каюту, сказал:

— Всю жизнь мечтал спать по левому борту. Да еще под потолком...

Януш, не споря, улегся на нижнюю койку. Я потушил свечу и забрался в последний свободный гамак. Наступила тишина, лишь слабо журчала вода за бортами. Потом тоненькая дощатая стенка заскрипела — снаружи к ней привалился Том.

— Капитан, не дремать! — громко произнес Тимур.

Стенка скрипнула снова — Том вернулся к штурвалу. Януш хихикнул. Уже засыпая, я услышал сонный, но серьезный голос Инги:

— Ребята, если что-то случится, обязательно меня разбудите.

Я проснулся от того, что меня мягко трясли за плечо. Кто-то тихо шептал в самое ухо:

— Ди-ма! Ди-ма!

Я попробовал подняться, но дурацкий гамак успел запеленать меня не хуже, чем самый ретивый придворный — мумию возлюбленного фараона. Высвободившись, я попытался встать. И треснулся лбом о потолок.

— Тихо! — произнес Том. — Ты... вери... громкий.

— Очень шумный? Ага, точно подметил... — Я выскользнул из гамака. Никто не проснулся. Тишина стояла полная, даже вода не плескалась — шлюпка дрейфовала. Том пробормотал что-то на английском. Я разобрал лишь про отца и про хороший корабль. Очевидно, плавать с отцом на яхте Тому нравилось куда больше...

Отдав штормовку, Том принялся забираться в гамак. Я посадил его и вышел на палубу.

Была еще ночь, лишь на востоке мгла слегка редела, намекая на приближение рассвета. Разукрашенное незнакомыми звездами небо убаюкивающе покачивалось над головой. Я поискал взглядом Око Пришельца, подмигнул. Звезды остались равнодушными. Старая шлюпка с упрямыми мальчишками на борту. Какая мелочь...

Спать хотелось ужасно. Откуда-то из подсознания пришла скользкая хитрая мысль. Пойти в каюту, разбудить Тима или Януша, сдать вахту... Откуда им знать, когда я сменил Тома и сколько отдежурил?

Я плеснул в лицо пригоршню океанской воды. Губы, порядком растрескавшиеся, зашипало. В каюту идти расхотелось, да и сон позорно бежал. Я улегся на кормовую скамейку, подложил под голову мягкую матерчатую сумку. С продуктами, наверное. А спать я не собираюсь... надо же изучить их звездное небо... в целях ориентации или научных... Вон — Око Пришельца...

Утро застало «Дерзкий» в полусотне метров от берега Двадцать третьего острова. Я соскочил со своего неудобного ложа, огляделся. Над замком, стоящим в самом центре небольшого заросшего низким кустарником острова, вяло раскачивался похожий больше на жгут, чем на полотнище, красно-синий флаг. Чуть ниже флага виднелась узкая белая лента. Все в порядке, остров принадлежал Конфедерации...

Нырнув в каюту, я разбудил Тома. Вдвоем мы довольно быстро поставили парус. Подгоняемый слабым утренним ветерком, «Дерзкий» плавно развернулся и начал удаляться от берега. Медлить не стоило — за день мы собирались пересечь весь архипелаг.

Через несколько минут из каюты появился Тимур. Морщась от яркого солнечного света, перегнулся через борт, умылся. Потом, опасливо поглядывая на каюту, на минутку отошел к корме.

Том направил шлюпку на север. Мы прошли под мостом, связывающим Двадцать третий с соседом — Шестнадцатым островом, и на порядочном расстоянии миновали его. Шестнадцатый, или остров Синих Зеркал, упорно противился самой идее Конфедерации. После нескольких попыток переубедить их лидера — угрюмого паренька по имени Макс — было решено окружить остров со всех сторон и взять одновременным нападением по трем мостам. Я был на заседании Совета Конфедерации и помнил, что решение приняли единогласно. На вопрос Ахмета, что делать с пленными, Крис без колебаний ответил: «Девчонок и ребят младше десяти расселим по другим островам». Больше всего меня поразило, что никто не стал уточнять судьбу остальных.

Проснулся Януш. Сев прямо на крышу каюты, он принялся разглядывать замок Синих Зеркал в бинокль. Потом толкнул меня, передавая бинокль.

На плоской крыше одного из зданий, куда на этом острове сходились все мосты, толпились десятка полтора мальчишек и девчонок. Они разглядывали удаляющуюся шлюпку, о чем-то возбужденно переговариваясь, размахивая руками. Сомнительно было, чтобы им удалось разглядеть шлюпку как следует... Но я все же сказал, не отрываясь от бинокля:

— Тимур, надо поднять флаг Конфедерации! Может, хоть это их убедит...

Крошечное суденышко продолжало свой путь.

С самого утра меня не покидало странное ощущение. Неприятный, досадливый холодок в груди, чувство, которое можно охарактеризовать тремя словами.

Слишком все хорошо...

Мы без всяких приключений миновали острова Конфедерации, мирно проспали всю ночь в дрейфующей шлюпке. Обошли до обеда пять чужих островов, тщательно нанеся их на карту. Потом Инга, взяв в помощники Януша, устроила такое пиршество, что на несколько часов экипаж «Дерзкого» превратился в добродушных полусонных лентяев. Тимур с Янушем облюбовали себе крышу каюты, где и улеглись в тенёчке от паруса. Том, закрепив штурвал, устроился на носу. Инга спряталась от солнца в каюте. А я, упрямо решив не поддаваться беззаботности, сел с картой на корме. Конечно, мы увидели еще не слишком много. Но и этого

было достаточно, чтобы набросать на бумаге архипелаг Со-рока Островов.

Наша огромная тюрьма тянулась с севера на юг овальной кляксой, дробящейся на отдельные островки без всякой системы. Фактически можно было говорить о ширине архипелага — пять островов и длине — восемь. Конечно, реальная картина выглядела гораздо сложнее, но и такими данными на Островах не располагал никто и никогда. Разве что... Безумный Капитан?

Я невольно глянул по сторонам. Но ничего похожего на другой парусник поблизости не было. Клипер Безумного Капитана, если он существует на самом деле, мотался сейчас вдали от Островов, ожидая нового шторма. А на непогоду не было и намека...

«Дерзкий» плавно скользил по ровному, как стекло, океану. Изумрудную гладь не тревожила даже мелкая рябь. Все казалось специально приготовленным к плаванию... Специально.

Я поднялся, угрюмо рассматривая замок, мимо которого мы проплывали. Он был как раз под стать моему тревожному настроению — мрачный, угловатый, из серого камня. И остров подходил своим хозяевам — сплошь скалистый, без всяких признаков растительности. Лишь мосты оставались веселыми, розовыми...

— Может, высадимся? — кивнув в сторону неприветливого островка, спросил я. Никто не смотрел из окон, ни единого звука не доносилось с моста, под которым мы проплывали.

Том понял, пожал плечами. Деланно улыбнулся. Не хотелось, видно, ему высаживаться на этот берег.

— Our island — next, — предложил я.

Кивнув, Том улегся на палубу. И в эту секунду послышался свист. Нарастающий, тонкой иглой буравящий уши, он чем-то напоминал звук падающей бомбы. Правда, послабее был, пожеже. И завершился не взрывом, а треском раздираемой материи. Распоров парус, срубив одну из многочисленных веревок, названий которых я так и не запомнил, в палубу вонзился узкий длинный меч.

Тимур с Янушем пулей прыгнули с крыши каюты. Том, ойкнув, бросился натягивать и отпускать уцелевшие снасти. А Тимур, прижав к плечу арбалет, нацелился в мост, под которым мы как раз проплывали. Но мост казался мертвым. Бросившие в нас оружие, очевидно, легли.

— Сволочи! — закричал я, подбегая к мечу. Схватился за рукоятку, потянул. Меч все еще оставался стальным, враждебным. Какую же ненависть надо было вложить в бросок, чтобы оружие так долго сопротивлялось чужим рукам!

Разорванный парус негромко потрескивал, расползаясь на две половины. «Дерзкий» замедлял ход.

Том торопливо доставал запасной парус.

— Ребята! Speed!

Мы быстро стянули старый парус, скинули его с мачты. Инга оттащила его на корму, пока закреплялся новый, так предусмотрительно приготовленный Ритой. Тимур завязывал узлы на фалах, ухитряясь не выпускать из рук арбалета. Но нового нападения не последовало. То ли у врагов не оказалось арбалетов и луков, то ли они боялись получить ответную стрелу... Хотя, честно говоря, это было маловероятно. Сорок метров вверх, до моста, стрела могла преодолеть лишь чудом...

Меч наконец-то превратился в деревянный, покорился. Тимур, расслабившийся лишь тогда, когда шлюпка вновь обрела ход и стала удаляться от острова, подошел ко мне. Кивнул:

— А меч неплохой.

— Да. Но знакомиться с его владельцем мне расхотелось, — ответил я, проводя пальцами по тонкому, словно фанерному, лезвию. Мы переглянулись.

— Острова заканчиваются, — негромко сказал Тимур. — Если мы пройдем мимо следующего, то окажемся в открытом море.

— Мы пристанем.

Тимур потянулся.

— Хорошо... А то и форму потерять недолго...

Шлюпка шла прямо к ближайшему острову. Островок был симпатичный, хоть и маленький. Сплошь заросший зеленью, из которой выглядывали белые стены замка. С маленьким песчаным пляжем. И десятком мальчишек, замерших на берегу.

— Ждут, — прошептал я самому себе.

8. Сережка с Четвертого острова

Мы остановились метрах в тридцати от берега. Достаточно далеко, чтобы успеть вновь поставить парус, если мальчишки бросятся вплавь, пытаясь взять нас на abordаж. И достаточно близко, чтобы можно было докричаться.

Первым переговоры начал Том. Встал на корме («Дерзкий» потихоньку развернулся боком к острову) и выкрикнул традиционное: «Ду ю спик инглиш?»

Пауза была секундной. Затем нам ответили.

— Же парль эн пе англе! Парле ву франсэ?

Перевод не требовался... Том уже приготовился крикнуть что-нибудь «немножко понимающим» по-английски французам, но его опередил Тимур:

— Эй, а по-русски никто не врубается?

Вперед, к самой воде, тут же выскочил плотный темново-
лосый парнишка:

— Как это никто? Я русский!

— Один? — продолжал переговоры Тимур.

— Один! Вы откуда?

— Тридцать шестой остров.

— Ого! Причаливайте!

— Причал дома забыли, — усмехнулся Тимур. — Предлага-
ем обмен парламентарями — кто-то из ваших плывет к нам, а
наш — на остров.

Ребята на берегу посовещались.

— Хорошо! Оружия с собой не брать.

— Ладно.

Тимур посмотрел на меня. Спросил:

— Бросим жребий?

— Тим, — подбирая каждое слово, ответил я, — с оружием
от тебя пользы будет больше, чем от меня...

Инга из-за плеча Тимура метнула злой взгляд, но вмеши-
ваться не стала. А Януш бодро закивал:

— Да, да...

Я молча разделся до плавок, посмотрел на берег. Там тоже
выбрали посланника — того мальчишку, который ответил Тому,
что понимает английский.

Мы спрыгнули в воду одновременно. Я раскрыл глаза еще
под водой, увидел покачивающийся овал шлюпки, зеленые
плети водорослей, оплетающие неглубокое каменистое дно, про-
несшуюся мимо стайку крошечных плоских рыбешек. Солнце
просвечивало воду до дна, я видел и приближающийся остров,
и гирлянды воздушных пузырьков там, где прыгнул в воду пар-
ламентар...

Я вынырнул почти посередине разделявшего шлюп-
ку и остров расстояния, рядом с неторопливо плыву-

щим мальчишкой. На мгновение мы остановились, подгрребая руками, чтобы остаться на плаву. Мальчишка был светловолосый, чуть кудрявый и казался не слишком воинственным. Мы непроизвольно улыбнулись друг другу. И поплыли дальше.

Когда я выходил на берег, темноволосый паренек подал мне руку.

— Сережка. Для них — Серж, ну да это не считается.

— Дима.

Он был чуть старше меня, но разговаривал и держался почти как взрослый. Была в нем какая-то рассеянная мягкость, которой никогда не встретишь у обычных мальчишек, разве что у закоренелых отличников... Но на отличника Сергей тем более не походил — слишком уж был накачан, не хуже чем Крис или Толик.

— Ты не бойся, мы с вами воевать не собираемся, — продолжил он. — У нас мирный остров.

— У нас тоже, — оглядываясь на обступивших меня ребят, сказал я. Все они были с оружием, и почти у всех клинки поблескивали металлом.

— Да, я вижу, — прищурившись и глядя мимо меня, сказал Сергей.

Я обернулся. На палубе «Дерзкого» стоял только что взобравшийся туда мальчишка. Януш держался у него за спиной с обнаженным мечом в руках. Тимур бесцеремонно хлопал пацана по плечам — проверял, нет ли оружия.

— Нам просто досталось, когда проплывали мимо ваших соседей, — смущенно сказал я. — Кинули с моста меч...

Сергей сразу подобрался, посерьезнел.

— Понятно. Это Шестой остров, следовало ожидать... Ты откуда?

— Тридцать шестой, остров Алого...

— Да нет... Не из Ленинграда?

— Нет.

— Жалко... Знакомься — это наши ребята. Андрэ, Мишель...

— Все французы? — с любопытством спросил я.

— Да, почти.

...Наш кораблик пристал к берегу уже в темноте. Я не то чтобы успокоился и перестал опасаться нападения. Просто дрейфовать ночью у берега, полагаясь на маленький самодельный якорь, было еще опаснее. Ветер крепчал, и, хуже

того, горизонт затягивали тучи. А бури на Островах налетали быстро.

Меня немного успокаивало то, что нам разрешили оставить при себе оружие. Когда «Дерзкий» мягко ткнулся носом в песок пляжа и я получил из рук Тимура свой меч, а заодно и одежду, мной овладело странное чувство. Словно я стою перед всеми голый...

Вот только надел я вначале пояс с мечом. А потом уже стал натягивать джинсы и рубашку. Быстро оделся и посмотрел на ребят. Тимур с Томом затаскивали шлюпку подальше на берег. А Инга, Януш, ребята с острова молча наблюдали за мной. Нет, они не смеялись. Они понимали!

С непонятным самому себе отчаянием я взялся за рукоять меча. Но шероховатое дерево под пальцами не спешило превращаться в стальную насечку...

На-Сережку и его друзей я взглянул с некоторым облегчением. Нет, я еще не стал боевой машиной. Я держусь. Пока еще — держусь.

Вместо Тронного зала на этом острове (остров номер четыре, или Малый Бастион, как называли его обитатели) была Круглая часовня. Ничего необычного в ней не было, разве что маленькая икона, наверняка попавшая на остров с кем-то из его прежних обитателей. Почти весь вечер мы просидели там вдвоем с Сергеем — не потому, конечно, что хотели уединиться. Просто у всех нашлись другие занятия. Тимур, удивительно быстро подружившийся с мальчишками, фехтовал с ними в тренировочном зале. Том сидел на берегу, у шлюпки, вместе с десятилетним Андрэ, тоже когда-то плававшим на яхте. Януш, к своему дикому восторгу, встретил на острове поляка — Марека из Гданьска. Они уже несколько часов сидели у Марека в комнате, болтая о чем-то по-польски. Ну а Инга, разумеется, была в компании местных девчонок. Как она ухитрилась найти общий язык с француженкой, двумя датчанками-близняшками и пятнадцатилетней негритянкой (не то из Зимбабве, не то из Замбии), я представить себе не мог. Это был один из девчоночьих секретов — такой же непостижимый, как умение готовить торты из вермишели, манной крупы и прочей гадости.

В Круглой часовне была такая же полубандитская-полуаристократическая обстановка, как у нас в Тронном зале.

98 Десяток самодельных неуклюжих стульев — и два рос-

кошных мягких кресла из светло-серого вельвета. Мое восхищение креслами не уменьшилось, даже когда я понял, что раньше цвет кресел был скорее всего желтым или даже белым. Они оставались мягкими и удобными, а это в конце концов самое главное. Я забрался в одно из кресел с ногами, как любил сидеть дома. А Сергей порывлся в шкаф и достал оттуда пару маленьких чашечек и полиэтиленовый мешочек с коричневым порошком.

— Будешь кофе?

Я кивнул, и Сережка ушел куда-то за кипятком. Вскоре мы уже потягивали горячий кофе, усевшись друг против друга.

— Димка, — неожиданно спросил Сергей, — а вы, на своем острове, верите, что у вас получится Конфедерация? Что вы вернетесь домой?

Этого я не знал. Мы никогда не обсуждали шансы Конфедерации на успех. Просто я рассказывал, что мы делаем на северных островах, а мальчишки дружно хлопали меня по плечам.

— Не знаю... Верим, конечно. Иначе зачем стараться.

Сергей улыбнулся.

— Не скажи... *Играть* в Конфедерацию можно и от скуки. От того, что надоели прошлые игры. От того, что это безопаснее. Верить в окончательную победу при этом не обязательно.

Он был здесь хозяином, а я — гостем. Незваным. Но удержаться я не смог.

— Философ...

Сергей, похоже, не обиделся.

— Да. А что еще делать, как не философствовать? У нас очень спокойный остров, к тому же президенту по конституции запрещено участвовать в сражениях.

— Ты президент?!

— Ага. Два месяца назад переизбран на второй трехлетний срок. А что тебя удивляет?

— Да нет, ничего...

Сергей снова улыбнулся:

— Вот тебе и малая тайна Островов. Почему в большинстве случаев власть отдается чужакам?

— Каким чужакам?

— Тридцать шестой остров русский? А командир у вас — американец Крис.

— Англичанин!

— Не важно. А на нашем острове, где почти все мальчишки французы, президентом избрали меня. Русского...

— А почему?

— Не знаю. Говорю же — малая тайна Островов.

— А большая в чем? — беспомощно спросил я. Сергей не издевался надо мной. Просто это было его манерой разговора — выдавать информацию постепенно, подробно, как учитель на уроке. Тем более мне, новичку с другого конца света.

— Большая? — Он даже удивился. — Зачем они нужны — Сорок Островов?!

Где-то далеко-далеко — за неровными изгибами коридоров, за тяжелыми дверями, на других этажах и в других комнатах, слышался слабый смех. До нас доносилось едва различимое звяканье мечей — это Тимур доказывал преимущества боя с двумя мечами. И никому не было дела до глупых вопросов — зачем нужны Острова, сколько звезд на небе и сколько дней оставалось жить каждому из нас. Лишь я, вместе с флегматичным президентом Четвертого острова, должен был над этим думать.

Впрочем, почему должен? Я могу пойти к Тимуру или Тому. Или даже к Инге!

— Сергей, а как по-твоему? Может, они нас изучают?

Он фыркнул:

— Конечно, нет. Острова существуют лет восемьдесят, не меньше. Что можно изучать такой срок — причем в совершенно идиотских условиях?

Сергей потянулся к чайнику с горячей водой, сделал себе еще чашку кофе. Лицо у него при этом было такое довольное, словно он попил кофе в кафе-мороженом с закадычным другом-одноклассником.

— Если уж браться за изучение человеческой психологии... Нужно строить целое общество, причем достаточно сложное. Как минимум — город, желательно — государство, еще лучше — планету. А что можно изучать на сорока крохотных островах? Мы поставлены в жесткие рамки, мы балансируем между крайностями. Надо драться — нельзя после заката. Можно убивать — нельзя сотрудничать. Семьдесят процентов мальчишек, тридцать девчонок. Излишняя взрослость нежелательна — никто не смог выжить после восемнадцати лет.

— А почему нежелательна? — Меня пробил озноб.

100 Неужели еще три года — и... все?

— Ты знаешь, — Сергей оживился, — по-моему, дело в любви.

Первый раз голос Сережки прозвучал неуверенно. И смотрел он на меня так, словно спрашивал совета.

— Неужели ты не замечал, Димка? Стоит мальчишке и девчонке влюбиться друг в друга — на них начинают валиться все шишки. Со всех соседних островов... Эти балбесы пришельцы то ли боятся любви... то ли не понимают, что это такое.

Я вспомнил Игорька. Его сбивающийся голос в тишине «тюремной камеры».

— Они и дружбу не понимают...

— Наверное... В наших условиях можно проверить лишь простейшие человеческие эмоции. Добро — зло, смелость — трусость, подлость — благородство, эгоизм — самопожертвование. Но ведь это — основа! Все это можно проверить на сотне или двух мальчишек и девчонок. А жителей островов меняли уже полсотни раз...

— Но зачем?

— Не знаю, Дим. — Сережка отвернулся к окну. — Понимаешь, мне кажется, что, догадайся кто-нибудь, в чем дело, — и был бы шанс победить.

— А у Конфедерации его нет?!

Сережка молчал.

— Говори!

Он знал о Конфедерации совсем мало — лишь то, что рассказал я пару часов назад. И был самым обычным пацаном, ничуть не лучше нас. Но мне вдруг показалось, что его слова будут истиной. Единственной правдой Сорока Островов. Откровением, волшебным пророчеством...

— И этого я не знаю, — виновато сказал Сергей. — Если ты хочешь знать, присоединится ли наш остров к Конфедерации. Да. Это действительно шанс. Попробуем пробиваться друг к другу с двух сторон.

Сергей вытащил из ножен меч. Протянул его мне, держа за клинок.

— Видишь, он стал игрушечным, деревянным. Ты для меня уже не враг.

Я взял теплую, гладко обструганную деревяшку. Подержал секунду и отдал Сергею.

— А если хочешь знать, верю ли я в успех... Ты понимаешь, Димка, решение слишком уж легкое. В пра- **101**

вилах Игры зияет щель, в которую так и хочется пролезть. Неужели никто этого не пробовал?

Сергей швырнул меч в стену. Раздался короткий, холодный звон.

— Ты ненавидишь свой замок, — сказал я. — Свой остров.

— Да. Да, Димка. Это все сделано врагом. И нельзя, невозможно победить нелюдей нечеловеческим оружием. Они им владеют лучше...

Сейчас Сергей казался беспомощным и слабым. Странно, чем человек умнее, тем труднее ему прийти к какому-то решению. Это только я легко решаю, как поступать дальше...

— Так что же делать?

Сергей молчал. В замке тоже стало тихо: Тимур, наверное, успел утомиться, Том еще не вернулся с берега, а Инга с Янушем никогда не были слишком шумными.

— Дима, Конфедерации часто приходится убивать?

— Да. — Перед глазами вдруг всплыл мальчишка, вонзающий меч *в себя*.

— Постарайтесь договариваться мирным путем. А то мы пытаемся делать добро жестокостью. А это невозможно...

— Мы?

— Да. Ручаюсь, ребятам ваша идея понравится.

Сережка протянул мне руку, и я хлопнул ладонью по его пальцам.

— Отлично!

Но на душе у меня вовсе не было так хорошо, как казалось со стороны.

Часть третья

РАЗРУШЕНИЕ

1. Дезертир

Меня разбудил Януш. Легонько потряс за плечо, сказал:
— Дима, вставай...

Его тихий голос словно прошел сон, соединяя воедино разноцветные лоскутки сновидений, тонкой нитью выдергивая меня из ночи в утро.

— Дима...

Я приподнялся на кровати, оглядывая помещение.

Нам, мальчишкам, дали одну большую комнату. Наверное, чтобы мы могли не бояться предательства и спокойно выпаться. Что ни говори, а французы с Четвертого острова нравились мне все больше.

— Все еще спят?

— Да... — улыбаясь, протянул Януш. — Спят...

Тимур лежал, завернувшись в одеяло и прижимаясь к стене. Том растянулся чуть ли не поперек кровати, уронив на пол тонкую руку. Время от времени его пальцы зябко отдергивались от холодного пола, а через минуту снова медленно распрямлялись, касаясь камня.

— Подъем... — с неохотой вылезая из-под одеяла, произнес я.

Дверь в нашу комнату выглядела более чем забавно. В толстые стальные петли, когда-то предназначавшиеся для засова, был вставлен один из тимуровских мечей. Меч был поставлен надежно — клинок оставался металлическим даже для меня.

Пока ребята, позевывая, выбирались из кроватей, я подошел к окну. Честно говоря, после нашего острова с его выгоревшей травой и чахлым кустарником зрелище было фантастическим. Нас поселили в комнате, занимающей

один из верхних этажей главной башни замка. Но даже здесь вид из окна заслоняли деревья. Я осторожно раскрыл створки, и на подоконник мягко опустилась гибкая зеленая ветка. Сквозь листву голубело море.

— Черт, ну и воздух у них... — раздался из-за спины обиженный голос Тимура. — Надо попросить займы пару кубометров.

— Ага, идея. В мешок засунем, — поддержал я.

По узкой винтовой лестнице, буравящей башню сверху донизу, мы спустились в крепость. Идти можно было только гуськом, и первым без споров пошел Тимур. Я двигался следом, задевая плечами неровные каменные стены. В сочащемся из узких бойниц свете поблескивали рукояти его закинутых за спину мечей.

Интересно, кем стал бы Тимур... То есть нет. Интересно, кем станет на Земле его двойник? И чем занимается сейчас?

А чем занимаюсь я сам?

До боли закусив губы, я вышел в светлый, просторный коридор, ведущий к трапезной. Планировка наших замков хоть и различалась в деталях, но сохраняла какие-то общие черты. Ориентироваться было несложно.

Мы проснулись как раз к завтраку. Девчонки доставали из шкафа продукты, и я мимоходом отметил, что система снабжения у нас одинаковая. Даже шкаф, в который каждую ночь телепортировались продукты, казался точной копией нашего.

Инга, на правах гостыи, в сервировке стола не участвовала. Она болтала с Сергеем. Рядом стояли еще трое ребят, бросившие на нас быстрые, осторожные взгляды. Правильно, оставить остров в нашем распоряжении было бы неосмотрительно... Четверо в замке, а остальные отправились охранять мосты. Остальные? Вшестером — три моста. Но двоим бойцам удерживать мост в течение суток невозможно!

Я немного растерялся. От нас то ли утаили важный секрет, то ли мы сами на что-то не обратили внимания.

Сергей приветственно махнул рукой, я машинально ответил. Рассевшись за столом и с аппетитом завтракая, мы вели какой-то пустячный разговор. Я с любопытством следил за Янушем — тот опять прилип к Мареку. Потом поймал вопросительный взгляд Инги. И не выдержал.

104 — Сережка, вы дежурите на мостах по двое?

Он недоуменно посмотрел на своих друзей. Пожал плечами. И вдруг сообразил, в чем дело.

— Нет, у нас только два моста. Третий взорван, давно уже...

Мост вовсе не был мраморным.

Когда, опустившись на колени, я подполз к неровному, словно обгрызенному краю моста, передо мной открылась странная картина. На изломе розовый «мрамор» оказался пупырчатым, слепленным из крошечных серых шариков. Больше всего это напоминало сломанный пенопласт. Но когда я постучал о «мрамор» мечом, звук оказался глухим, тяжелым, вполне каменным.

— Говорят, это было вскоре после войны, — сказал Сергей. — Кто-то попал на остров, сидя на ящике снарядов.

— И мост не пытались отремонтировать?

— Пришельцы? Нет.

Я посмотрел вниз — и мне показалось, что сквозь далекую голубоватую дымку воды просвечивают розово-серые каменные глыбы. Да, здорово устроились ребята. Ничего не скажешь. И остров у них как игрушка, и сражаться меньше, чем нам... До «вражеской» половинки моста, принадлежащей Шестому острову, метров двадцать. Не допрыгнешь.

— Тогда на Островах было много оружия. Те ребята, кто попадал сюда из Европы, особенно из Франции, Германии, России, часто оказывались вооруженными. У нас на одной из стен замка остались следы от пуль.

— И пришельцы не вмешивались?

Сережка подошел к самому краю моста. Задумчиво посмотрел вниз.

— Насколько я знаю — нет. Все кончилось само собой, вместе с запасом патронов...

— Так зачем же мы им нужны? — спросил я. — Если им плевать на все, что мы делаем?

Никто не ответил. Ребята — и наши, и с Четвертого острова — стояли у перил моста. Зрелище было не для слабонервных — давний взрыв порядочно повредил ограждение.

— Иногда мне кажется, — тихо сказал Сергей, — что о нас забыли.

Отплыть от острова мы решили после обеда. Я побродил по лесу с Тимуром и маленьким Андрэ в каче-

стве провожатого. Не удержавшись от искушения, набрал полные карманы крошечных, с вишню, плодов какого-то незнакомого дерева. Сомнительно, что они смогут прорасти в песчаной почве нашего острова, но... Чем черт не шутит. Плоды были несъедобными, но зато дерево цвело изумительно красивыми розовыми цветами. Я потянулся было, чтобы отломить ветку для Инги, но засмутился.

Тимур, орудуя мечом, срезал несколько тонких молодых деревьев. Разъяснил:

— Буду делать лук.

Я с сомнением пожал плечами. Лук сделать нетрудно, а вот откуда взять стрелы? Короткие арбалетные не подойдут, а для самодельных необходимы наконечники. Разве что устроить кузницу и самим их выковать...

Мы вернулись к замку, не ожидая никакого подвоха. Дул подходящий ветер, и нас удерживало на острове только желание пообедать.

Неприятности ждали нас на берегу, перед замком. Для разнообразия они приняли облик Януша и Инги. У Януша был смущенно-растерянный вид, а у Инги — обиженно-грустный. Метрах в десяти стоял, прислонившись к дереву, Марек. При нашем приближении Януш начал что-то быстро говорить Инге, а та, не глядя на него, кивнула.

— Ребята, — без предисловий начала она. — У нас есть отличная идея, как укрепить Конфедерацию на острове...

Голос у Инги был не слишком-то восторженным.

— Надо оставить на острове нашего... посла.

Секунду я обдумывал услышанное. Потом спросил:

— Послом, конечно, будет Януш?

Тимур тоже сообразил, в чем дело.

— Януш, мне это не нравится, — поглядывая на Марека, заявил он. — Смахивает на дезертирство.

— Послушайте... — запинаясь, начал кандидат в «послы».

— Слушаю, — миролюбиво сказал Тимур. — Учти, я не Инга, на жалость не возьмешь.

Януш замолчал. Потом сел на землю и уткнулся лицом в колени. Его латаная-перелатаная футболка выбилась из джинсов, открывая загорелую спину. Вдоль поясницы тянулся длинный рубец.

— Держать тебя мы не будем, да и не можем, —

106 сказал я. — Решай.

— Ребята, пустите... — выдавил Януш.

— Ну ладно, встретил земляка, я понимаю. Может, поляков всего-то двое на все Острова. А почему он не хочет плыть с нами? — ледяным голосом произнес Тимур.

— Он не может... — тихо сказал Януш.

— Не может, — эхом откликнулась Инга. — Дима, Тимур... Это правда.

Я посмотрел на Марека, настороженно поглядывающего на нас. Светловолосый здоровяк, ровесник Криса. Вот оно что...

— Давай назначим Януша послом, Тим. Если так сильно хочет.

Тимур презрительно обвел нас взглядом. И пошел к шлюпке.

Мне было не по себе. Опять столкнулись две правды, две позиции. Прав Тимур — уход опытного бойца ослабит наш остров. И Януша, встретившего земляка, понять можно...

Кто-то мягко дотронулся до моего плеча, и я обернулся. К нам подошли Сергей и Том. В руках у нашего капитана была скрученная в трубку карта Островов.

— Я вам дорисовал... немножко. То, что точно знаю, — дружелюбно улыбаясь, сказал Сергей. — И написал характеристику каждого острова.

Я кивнул. И сообщил:

— Сергей, у нас такое дело... Януш хочет остаться на вашем острове. Разрешите?

Он не особенно удивился, кивнул:

— Да, пожалуйста... Не обидим. Это он из-за Марека?

— Конечно. — Я невольно опустил глаза. Что ни говори, а уход Януша можно было расценить как обиду. — Сергей, ты не знаешь, а поляков на Островах много?

— Не очень... Тут какая-то сложная система отбора. Чем больше страна, тем больше ребят попадает из нее на Острова. Но еще играет роль уровень развития. Из Японии, например, три или четыре острова — больше, чем из Китая или Индии.

Странная система... У меня мелькнула смутная, полусознанная мысль. Ладно, потом... Я повернулся к Янушу:

— Ян, вставай. Пошли на званый обед в честь первого посла на Сорока Островах.

На Четвертом острове дежурные приходили обедать в замок. Мы смогли попрощаться со всеми — церемонно, с каждым отдельно. Ингу мальчишки стали дружно чмо-

кать в руку. Я так и не понял, всерьез они это делают или придуриваются. Судя по невозмутимо-снисходительному лицу Инги, она такое прощание принимала как должное.

А вот с Янушем мы попрощались по-разному. Том, принявший случившееся как норму, что-то весело и непонятно сказал ему. Инга вяло махнула рукой и ушла на нос «Дерзкого». Тимур прошел мимо, словно и не заметил.

Я пожал руку. И сказал, пытаясь пошутить:

— Ладно, Ян. Если что — плыви обратно.

Януш часто-часто закивал. На мгновение мне показалось, что он сейчас прыгнет в шлюпку... Показалось.

Мальчишки помогли нам сдвинуть шлюпку с песка. Мокрые до пояса, мы с Тимуром забрались в закачавшуюся на волнах посудину и принялись ставить парус. Шлюпка неохотно заскользила по воде — высокий берег острова прикрывал нас от ветра.

— До свидания! — крикнул вслед Сергей. — Мы пойдем навстречу!

Януш молчал. Он стоял рядом с Марексом, который держал за руку одну из датчанок. Хельгу, кажется...

— Домой хочу, — неожиданно сказал Тимур. — Ребята, как все надоело...

Инга подошла к нам, на корму. Уселась по-турецки на палубе, грустно посмотрела на нас.

— Дом еще далеко, Тимур. Надо победить пришельцев...

Тимур отвернулся. Тоскливо сказал:

— Я не о том доме, Инга. Я о нашем острове.

2. Смерть на тихом острове

Штиль застал нас где-то в середине архипелага. Уже темнело, острова вокруг стали едва видны. Лишь в окнах какого-то замка горели тусклые огоньки — словно робкие испуганные звезды. Было тепло и тихо, по воде доносился слабый мелодичный звук: на одном из островов играли на гитаре.

— На веслах до нашего острова долго плыть? — спросила Инга. — Я тоже буду грести...

— К утру догребем, — взглянув на неуклюжие весла, сказал я. — А лучше заночевать на воде, как позапрошлой ночью.

Возражений не было. Мы попытались опустить якорь — до дна он так и не достал, а затем все вместе забрались в каюту. Это было не слишком удобно, но очень уютно. Том сразу залез в гамак, мы устроились на полу. Инга молча сделала нам бутерброды, налила из фляги холодного сладкого чая. Несколько минут мы сосредоточенно жевали хлеб с колбасой.

— А Януш — дезертир, — произнес вдруг Тимур. — Зря ты, Инга, за него вписалась...

— Мне его жалко, — упрямо сказала Инга. — Он у нас все время скучал. А ребята над ним подсмеивались, даже ты, Димка.

Спорить я не стал. Над Янушем все подшучивали, говорили, например, что он молчаливый потому, что ленится выучить русский. Ну и я не отставал.

Шлюпка слегка раскачивалась на воде. Это было почти незаметно, лишь пламя горящей на столике свечи вздрагивало, упорно вытягиваясь вверх. Со стороны казалось, что колеблется, наоборот, язычок пламени, в то время как каюта неподвижна. Когда перекошен весь мир, легче признать ненормальным того, кто держится прямо...

Забравшись в свою койку, я протянул руку и затушил пальцами огонек. Наступила тишина. Вахтенного на эту ночь мы, не сговариваясь, решили не выставять.

— Спокойной ночи, — глядя в темноту, сказал я.

— Спасибо. Но к утру не помешает ветер, — отозвалась Инга.

Ветра не было до обеда. Мы снова загорали, купались вокруг «Дерзкого», учили Тома русскому и пытались ловить рыбу. Капитан выучил ужасно сложную фразу: «Именем Конфедерации, бросьте оружие», а Тимур поймал пятисантиметровую рыбешку. Когда безделье надоело нам окончательно, подул слабый ветерок.

Том, к нашему удивлению, не бросился поднимать парус. Мешая русские и английские слова, он объяснил, что ветер далеко не попутный, а идти галсами он умеет только на яхте, а не на «корыте с простыней». Красочная характеристика «Дерзкого» принадлежала Сержану, от Тома мы ее еще не слышали. Похоже, невозможность свободно управлять суденышком выводила его из себя.

С полчаса «Дерзкий» раскачивался нарастающей волной. Это было даже обиднее, чем штиль. А потом мы заметили тучи.

Серовато-фиолетовая пелена напоззала с востока. Словно на небо натягивали чехол из плотной темной материи, закрывая Острова от солнечного света. Передняя граница облаков, разлохмаченная, вытягивающаяся тонкими полосками-ниточками, слегка светилась багровым. Казалось, облака горят. Конечно, это было иллюзией. Но вот дальше, под темной крышей туч, над погружающимися в сумрак Островами, поблескивали вполне реальные иссиня-белые молнии. Едва слышно бормотал гром.

— Будет шторм... — зачем-то сказал я.

С минуту мы с Томом стояли возле каюты, молча разглядывая приближающиеся тучи. Я облокотился на дощатую стенку — и почувствовал, как она прогибается. Разве можно было выходить в море — в открытое море — на неумело починенной шлюпке? Какие мы дураки...

Самым правильным сейчас было бы вернуться назад, на Четвертый остров. Увы, мы и этого не могли. Ветер неумолимо сносил нас к западу, на маленький островок, заросший невысоким темным кустарником впережку с редкими группами деревьев. По форме остров напоминал полумесяц, на дальнем конце которого виднелся замок — приземистый, с широкими невысокими башнями по углам. Людей видно не было.

Мы развернули карту, которую крепчавший ветер пытался вырвать из рук, и убедились, что об этом острове нет никакой информации. Западнее было еще два островка, а за ними — океан.

Том с тревогой посмотрел на небо:

— Очень плохо. Very bad.

— Придется пристать, — пожал плечами Тимур. — Кто как думает?

Но времени на раздумья не оставалось. Мы подняли парус — и шлюпка рванулась вперед так резво, словно ей подвесили двигатель. Том скорчился у руля, насквозь мокрый и помрачневший. Если высадку на Четвертый остров он воспринял как забавное приключение, то надвигающаяся буря была для него вполне реальной опасностью.

«Дерзкий» приближался к острову очень быстро, но на берегу никто так и не появился. Я напряженно вглядывался в мосты, линиями радугами светлеющие на фоне

туч. Если на них кто-то дежурил, то сейчас наверняка возвращался в замок. Не заметить нас было невозможно... Но и мосты казались безжизненными.

Шлюпка дернулась, замедляя ход, — киль нашего суденышка коснулся дна. Тимур перепрыгнул через борт, готовясь подтолкнуть корму. Но очередная волна снова приподняла «Дерзкий» и посадила на мелководе у самого берега. Тимур побрел следом через шипящую воду.

Поправив на поясе меч, я спрыгнул на берег. Повернулся, протягивая руку Инге. Словно не замечая этого, Инга предпочла выбраться на берег сама. Разумеется, угодив в воду...

Немного обиженный, я отвернулся, осматриваясь. Покрытый мелкой галькой берег. Заросли колючего низкого кустарника метрах в пяти от воды. Приплюснутые башни и стены замка вдали.

— Димка, помогай! — окликнула меня Инга.

Вчетвером мы вытянули шлюпку еще дальше на берег, обдирая борта о колючее каменное крошево. Том ловко закрепил веревку с якорем за большие мокрые валуны поодаль. Вернулся на «Дерзкий», принялся закреплять парус. А мы с Тимуром вскарабкались на скользкие спины валунов.

Вид был безрадостный. Каменистая, угрюмая земля. Цепкий, почти лишенный листвы кустарник. Изогнутые, искаленные ветром деревья. И, куда ни помотришь, каменные глыбы попеременно с бесформенными серыми кочками.

— Не удивлюсь, если здесь все вымерло от скуки, — прыгивая на твердую сухую землю, сказал я.

Тимур все еще стоял на валуне, настороженно оглядывая окрестности. Мечи в его руках были не просто металлическими — они словно бы светились голубым пламенем. Наверное, это отражались на стали клинков частые сполохи молний.

— Со скуки обычно не умирают, — хмуро сказал он. — Наоборот...

Он достал из-за пояса кинжал. Покачал его на ладони. И бросил вдруг, с размаху, в самую гущу кустарника. Метнул прицельно — для меня кинжал продолжал оставаться деревянной игрушкой...

С сочным шлепком кинжал вонзился в одну из серых кочек. Секунду все оставалось неподвижным. А потом раздался короткий сдерживаемый вскрик. Кочка дернулась, **111**

приподнялась... и смялась, отлетая в сторону. Из-под сброшенного маскировочного плаща вставал худощавый полуголый мальчишка. На скуластом узкоглазом лице уже не было ни боли, ни каких-то других эмоций. Мальчишка медленно поднял меч, словно мы стояли рядом и он мог до нас дотянуться. Зло улыбнулся, не отрывая глаз от Тимура... И повалился вперед, лицом на острые камни.

— Приплыли, — спрыгивая вниз, прошептал Тимур.

А вокруг, бесшумно и быстро, вскакивали другие затаившиеся бойцы. Их было шестеро — все голые до пояса, желтокожие, с мечами в руках. Двое или трое держали по два меча сразу, как Тимур. Я оглянулся на шлюпку: Инга стояла у воды, растерянно глядя на происходящее, Том пятился к «Дерзкому». Шлюпка, со спущенным и увязанным парусом, была вытащена далеко на берег. Меньше чем за пять минут ее на воду не спустить.

И эти минуты Тому с Ингой можем дать только мы.

— Сматывайтесь! — выхватывая меч, закричал я. Мне хотелось сказать еще очень многое. Что у нас нет никаких шансов на победу и лучше уж сразу броситься в штормовое море. Что уход Януша действительно нас подвел. Что мне совсем не хочется умирать в драке с незнакомыми мальчишками, но сдаваться *теперь* мы тоже не можем. И еще — что не стоило Инге плыть с нами. Даже сейчас, отвернувшись, я чувствую ее за своей спиной. Но, может быть, это и к лучшему. До тех пор пока «Дерзкий» не отойдет от берега, я не позволю себе упасть.

У меня не было времени не только говорить, но и подумать как следует. Японцы — так я их мысленно окрестил — бросились на нас.

С первой секунды боя я применил «бабочку». Прием при численном перевесе врагов наилучший. К тому же достаточно надежный, хотя долго «бабочку» не покрутишь — руки устанут. Но мне надо было лишь пять минут. Всего лишь пять...

Нападающие разделились — трое атаковали меня, трое — Тимура. Обойти нас и напасть на шлюпку они почему-то не пытались. Считали нечестным, что ли? Я присел, ударяя мечом по ногам японцев. Прием «ветерок»... Мальчишки одновременно подпрыгнули в воздух, уходя от удара. Ладно... Я крутанулся на пятках, проведя удар повторно. За воздух не удержишься, хотя бы один из нападавших должен угодить под клинок...

За воздух держаться они не умели. Зато ухитрились, сгруппировавшись, перекувырнуться, опять спасая босые ноги от удара. Правда, мой меч едва не снес им головы, но, к сожалению, «едва» на Островах не считается. Пока я разворачивался для третьего удара, мальчишки успели докрутить сальто, встать на ноги и отбить удар мечами. Едва удержав меч, я снова завертел «бабочку». Чисто машинально, потому что происходящее за моей спиной — поворачиваясь, я успел взглянуть на шлюпку — отбило у меня всякое желание сражаться.

Том не рубил веревку якоря, не сталкивал шлюпку с камней. Он рылся в вещах, сваленных на корме. Меч он там, что ли, оставил? А Инга бежала к нам. На подмогу...

— Да уходите же! — закричал я, отбивая чей-то удар. Крикнул и понял — бесполезно. Они не уйдут. Так же, как не ушел бы я сам. Мы будем драться до конца — трое мальчишек и упрямая девчонка против шести обозленных гибелью товарища врагов.

Было уже почти темно, тучи накрыли нас непроницаемым серым колпаком. Лишь мертвенный свет молний, как затейливый скульптор, выхватывал из сумрака наши неподвижные, застывшие в самых невероятных позах фигуры. Вспышка: Тимур, защищаясь одним мечом, вторым наносит удар. Раскат грома, новая молния: на Тимура по-прежнему нападают трое, но с его клинка капает, зависнув в воздухе, тяжелые темные капли. Снова гром. Я улавливаю неверное движение нападающего, пытаюсь его достать... Не получается, и я сам с трудом уворачиваюсь от смертоносного лезвия. Новая вспышка молнии: Инга уже между нами с Тимуром, и один из моих противников начинает смещаться к ней. Те, кто дрался с Тимуром, на Ингу не обратили никакого внимания. Силу каждого из нас японцы оценивали мгновенно.

Несколько молний вспыхнули подряд, сливаясь в ослепительный прожекторный свет. Словно дождавшись такого роскошного освещения, события ускорили бег.

Удивительно согласованными движениями нападавшие на секунду остановили мой меч: подставили под удар два клинка сразу. Будь у меня еще меч или хотя бы кинжал в свободной руке — им бы не поздоровилось. Но кинжал оставался за поясом... Прежде чем я успел изготовить меч для защиты, один из японцев взвился в воздух.

Это походило скорее на полет, чем на прыжок. Мальчишка выстрелил себя вверх, как тугую сжатую пружину, и среагировать я не смог.

Боли не было. Тупой удар в лицо я ощутил как толчок дикой, запредельной силы. Зазвенело в ушах, ослабели руки, но сознание оставалось ясным. Я даже ударил в ответ, ударил сильно и точно. Но на мальчишку это не произвело никакого впечатления. Еще один прыжок, и снова удар ногой. На этот раз — в грудь. Я упал, ударившись затылком о камень. Вот теперь боль вспыхнула по всему телу. Я почувствовал, как стекает с разбитого лица кровь, услышал, как колотится в груди сердце. Выбитый из рук меч валялся где-то далеко-далеко, за тысячи километров... Я видел упрямый блеск клинка, на который наступил один из японцев. Видел, как упал Тимур, то ли уворачиваясь от особенно коварного удара, то ли уже не успев увернуться. Видел, как сбивший меня каратист берет у товарища свой меч и тянется ко мне. А Ингу я никак не мог увидеть, и это казалось самым обидным. Неожиданно мелькнула мысль, что ее, наверное, не убьют. Вот только я не мог решить, хорошо это или плохо.

Занесенный меч замер над моим лицом в синем свете молнии. Я закрыл глаза, потому что уворачиваться не было сил. И подумал, что стальной клинок уже в сантиметрах от моего тела. Замерший неподвижно мальчишка с мечом — это лишь иллюзия, фальшивый отпечаток на сетчатке глаз, подаренный проблеском молнии стоп-кадр. Юный японец не колебался, он бил. Сейчас оглушительный гром разорвет небо, и в его грохоте потонет мой крик. Сейчас.

Гром ударил — негромко, сухим треском пистолетного выстрела. На лицо брызнули капли дождя. Горячие, соленые капли...

Я раскрыл глаза. Японец, прижимая руки к груди, плавно валился на меня. На груди, под сжатыми пальцами, угадывалась маленькая круглая рана. Темная, пульсирующая струя крови пробивалась между пальцами.

Я вскочил — как мне показалось, очень быстро. Обмякшее тело опустилось у ног. Вынув из разжавшихся пальцев меч, я обернулся.

Том стоял в нескольких шагах. Широко расставив ноги, вытянув руки вперед. Левой он удерживал кисть правой. В правой руке был пистолет. Матово-черный, почти плоский, с сизым дымком, выползающим из ствола.

3. В гостях у Безумного Капитана

Они даже отступали умело, слаженно. Секунда — и пять сжавшихся силуэтов погрузились в кусты. Еще мгновение — замерли, перестали колыхаться колючие ветки. Молнии над головой лупили все чаще, а ветер сделался непонятным, налетающим то с одной, то с другой стороны.

Прижимая к груди правую руку, поднялся Тимур. Крикнул, перекрывая ветер:

— Что, гады, трусили?

Крикнул и медленно подошел к Тому:

— А откуда... это?

Том опустил пистолет. Оружие казалось ненастоящим, игрушечным; наверное, из-за сглаженной, обтекаемой формы — единственной выступающей деталью был предохранитель. Игрушка для стрельбы пистонами... Но рядом лежало неподвижное тело убитого из «игрушки» пацана.

— Ты кто такой, Том? — Тимур словно не замечал хлещущей из руки крови. Зато заметила Инга. В драке она так и не участвовала, зато теперь торопливо доставала из кармана штормовки бинты. Стала заматывать рассеченную от плеча до локтя руку Тимура. Я не отрываясь смотрел на нее. Меня слегка пошатывало, в голове ворочался, давя мысли, тяжелый чугунный шар. Полыхали в небе молнии, раскаты грома слились в непрерывный гул. Хлестал по лицу влажный, никак не превращающийся в дождь ветер. Молнии, гром, ветер, чугунный шар... Молнии, шар, ветер... Молнии...

...Инга с Томом подняли меня с камней. Я увидел глаза Инги — огромные, блестящие, на перепуганном мокром лице. Она плакала? Или это дождь...

— Дима, Димочка... Что с тобой?

— Ничего. Норма... — Я даже попытался нагнуться за упавшим мечом. Но Том уже поднял его и отдал мне. Инга смотрела с сомнением, справедливо не доверяя бодрому тону.

— Что вы стоите? — сбивающимся голосом произнес Тимур. — Будем ждать продолжения?

— Шторм ведь, — не отрывая от меня взгляда, сказала Инга. — А эти убежали...

Тимур изменился в лице:

— Они не убежали! Кодекс чести запрещает воинам убегать. Они отступили, но они вернутся.

— Какой кодекс? Что ты несешь, Тим?

— Да сталкивайте же шлюпку, кретины! — Тимур подбежал к «Дерзкому» и уперся в борт. Том шагнул следом.

— Инга, прикрывай нас. — Я рубанул мечом по туго натянутой веревке якоря. Черт с ним, с самодельным трехлапым «рыболовным крючком». Тимур без причины не паниковал, в этом мы только что убедились.

Втроем мы спустили шлюпку в бурлящий коктейль из воды, пены и поднятого со дна песка. Парус не был поднят, но «Дерзкий» тут же закрутился на мелководье, разворачиваясь вдоль ветра. Нелепая коробка каюты ощутимо накренилась, принимая на себя удары ветра.

— Инга!

Она медленно отступала к нам, вглядываясь в кусты. Вошла по колено в воду, ткнувшись спиной в мое плечо. Негромко сказала:

— Дим, там кто-то есть... Я видела.

Разворачивающийся борт шлюпки надвигался на нас. Я пригнулся, подхватил Ингу под коленки и посадил в шлюпку. Как ни странно, жест вышел настолько естественным, что она даже не успела возмутиться.

Когда я перебрался через борт, Том уже сидел у руля. Тимур молча и ожесточенно натягивал парус.

— Тим! — Сгибаясь от ветра, я перебрался к нему. — Не стоит, слишком сильный...

Тимур резко повернулся ко мне. Глаза у него были прищуренные, бешеные.

— По-мо-гай! — в самые уши закричал Тимур. — Отсюда не уходят живыми! Быстрее!

Мы закрепили вырывающийся парус. Том никак не мог справиться с рулем — шлюпка шла вдоль берега, медленно-медленно отдаляясь. Через палубу перехлестывали волны — будь у нас обычная шлюпка, без настила, мы бы уже пошли ко дну, набрав полные борта воды. На четвереньках — ветер бесился так, что упасть за борт ничего не стоило — мы добрались до скрипящей, раскачивающейся каюты, прижимаясь к которой сидела Инга.

— Ты не бойся, — начал я, но Инга перебила:

— Мальчики, как вы?

Тимур успокаивающе махнул рукой. Вышло не слишком удачно — мы увидели промокшую от воды и крови повязку.

— Сменить надо! — умоляюще сказала Инга.

— Какой смысл?

Вода лилась отовсюду. Наконец-то пошел дождь, и вдобавок сильнейший — настоящий ливень. Мы с Тимуром уселись вокруг Инги, прикрывая ее с боков. Тимур вдруг вытянулся, почти лег, упираясь ногами в мачту, а затылком и плечами — в стенку каюты. Подумав, я последовал его примеру. Теперь Инга могла свалиться за борт только с кем-то из нас. А мы устроились довольно надежно и на удивление удобно. Скрывавшийся в темноте берег был уже метрах в двадцати от шлюпки. Лишь частые молнии высвечивали удаляющийся замок.

— Как я мог забыть... — виновато сказал Тимур. — Остров Тысячи Камней...

— Откуда ты о нем знаешь? — не удержался я от вопроса.

— Ну...

Докончить Тимур не успел. У правого борта, опустившегося к самой воде (или это волна поднялась к борту?), появилась человеческая голова. Пловец скользнул по нам холодным, ненавидящим взглядом, открыл рот, то ли выкрикнув что-то, неслышное в очередном раскате грома, то ли просто глотнув воздуха. Вскинул над водой руку.

— Пригнитесь! — закричал Тимур.

Шлюпка качнулась, переваливаясь на другой борт. Мы приникли к скользкой палубе. А над нами что-то глухо стукнуло, вонзаясь в доски.

Я повернул голову. В стенке каюты, до половины уйдя в твердое дерево, застряли три маленьких стальных диска, сантиметров пяти в диаметре. Края дисков были тонкими, как бритвенные лезвия.

Тимур подполз к борту, сжимая в руке кинжал. Но там уже никого не было. Секунду он молчал, потом резко повернулся:

— Том! Осторожно!

Словно в ответ на его слова сухо шелкнул выстрел. Потом — еще один. И еще. Кюта мешала нам увидеть происходящее на корме, а ползти к рулю в узком промежутке между каютой и бортом было самоубийством.

— Том! — отчаянно крикнула Инга.

— Олл райт!

Мы даже не обратили внимания на очередную волну.

Вцепившись в палубу, в болтающиеся снасти, друг в друга, мы истерически хохотали.

- Ну и парень! — ошеломленно повторял Тимур.
- Ну и мы! — обиженно поправил я.

Хорошо, что мы так и не забрались в каюту. Часа через два после начала шторма ее снесло.

Вначале с хрустом подломились деревянные стены. Каята качнулась, скрипнула и сложилась как спичечный коробок под тяжелым ботинком. Обломок доски расцарапал мне до крови плечо.

По-прежнему бушевала буря. Жуткая, нереальная буря Со-рока Островов, достойная кошмарного сна Айвазовского. Ежеминутно вспыхивали молнии, вокруг шлюпки вырастали увенчанные пенными гребнями волны. Казалось, еще секунда-другая, и одна из водяных гор обрушится на нас. Но время шло, а со шлюпкой ничего не происходило. «Дерзкий» казался заговоренным... Как корабль Безумного Капитана.

Вспомнив о Капитане, я невольно завертел головой. Погода для него была самая подходящая... Но мы пока оставались в одиночестве.

Ветер и течение несли нас по кругу, по гигантской петле, охватывающей все Острова. Я понял это не сразу, а лишь заметив, что темные тени островов с вырастающими из них замками мелькают лишь по правому борту — слева море было пустынным. Мы миновали уже несколько островов и вот-вот должны были пройти мимо Четвертого. Поверх груды досок, бывших недавно каютой, я посмотрел на Тома. Но наш капитан явно перестал управлять своим кораблем. Том сидел на корме лишь потому, что пробираться к нам было слишком рискованно. Рычаг руля он выпустил, и тот болтался у него за спиной, никак не влияя на движение «Дерзкого». Поймав мой взгляд, Том покачал головой. Пристать к берегу мы не могли. Но и не тонули!

Наше героическое плавание в шторм все больше походило на какую-то пародию. Вокруг свирепствовала страшная буря. Ураган гнал по небу лохматые сгустки туч. Светящиеся шупальца молний рывками тянулись к бурлящей воде. Одна за другой прокатывались такие огромные волны, что было непонятно, каким чудом еще не смыты все замки вместе с их обитателями. А с нами ничего не происходило.

Конечно, мы вымокли от волн и дождевых струй.

118 Под палубным настилом плескалась просочившаяся в

щели вода. Развалилась каюта, в конце концов! Но если я хоть немного понимал в мореплавании, то шторм, в который мы попали, был сильнейший, из тех, в которые тонут и большие современные корабли. Мы же продолжали плыть. Буря оказалась гораздо страшнее на вид, чем на самом деле. Она напоминала индийский фильм, где противники полчаса мутузят друг друга всем, что попадает под руку, а потом расходятся со слегка растрепанными прическами. Театральщина какая-то..

— Дима!

Я повернулся к Инге. Она молча смотрела на меня. Спутанные мокрые волосы закрывали ее лицо.

— Что?

— Дай руку!

Она крепко сжала мои пальцы. И отвернулась. Секунду я не мог ничего понять. Сознание выхватывало какие-то отдельные детали: тоненькие плечи, облепленные потемневшей от воды футболкой; штормовка, скрученная в жгут и завязанная узлом на животе; согнутые в коленках ноги, упирающиеся во вколоченный в палубу меч... Потом до меня дошло.

— Инга, не бойся... — чувствуя, как перехватывает голос болью и нежностью, прошептал я. — Не бойся.

Инга повернулась ко мне и уткнулась лицом в плечо. Ладонь ее сжалась еще сильнее.

— Дима, ты будь со мной...

А куда я могу деться-то? В штормовом море, на крошечной шлюпке. Но я даже не улыбнулся ее просьбе.

— Конечно, Инга... Ингушка... Ингуля...

Мои губы шептали уже что-то такое, невообразимое, сумасшедшее, что могло прозвучать только сейчас, на волосок от гибели, в грохоте волн, заглушающем слова.

— Не бойся... Ты же видишь, с нами ничего не делается... Инга...

Она чуть-чуть повернула голову, и наши взгляды встретились. Как тогда на мосту, где мы узнали друг друга.

— Инга...

...Я рад, что ты со мной. Я подлец, но я рад, что ты попала на Острова. Я мерзавец, но я рад, что ты со мной в шлюпке. И ты знаешь о моей радости, но прощаешь: потому что счастлива от того же.

— Шторм кончится, и я снова не решусь сказать... — прошептал я.

Инга качнула головой — не слышу!

— Знаю, — не повышая голоса, сказал я. — Ингушка... У тебя имя холодное и прозрачное, как осколок льда. Я боюсь сделать его теплее, словно оно может растаять. Мы выберемся, честное слово, только я опять стану теряться. Я и говорю-то потому, что ты не слышишь.

— Я слышу, — прошептала Инга. — Только ты все равно говори.

Меня трясло. Господи, ну конечно, ведь наши лица почти соприкоснулись. А может быть, то, что я сказал, нельзя заглушить никаким шумом.

Мимо нас пронеслась очередная волна. То есть она рушилась прямо на шлюпку, но «Дерзкий» лишь чуть качнулся, а пенистый водяной горб уже вспухал за кормой. Фантастика, и только. Я проследил взглядом плавно катящуюся волну — словно кто-то протаскил исполинскую трубу под тугой темно-синей резиной. И почувствовал, как на спине ледяными иголочками выступила дрожь.

Из-за гребня волны, медленно и неспешно, презрительно вскинув на мачтах белые крылья парусов, вырастал корабль Безумного Капитана.

Он был огромен. Куда больше, чем мне когда-то показалось. И вид у него был такой настоящий, что и дураку понятно: на Островах построить его было невозможно. Неужели пришельцы не поленились притащить корабль с Земли? Но зачем?

— Вот он, — напрягая голос, произнес Тимур. — Спасены... Спасены?

Я смотрел, как острый, окованный потемневшим металлом нос корабля вспарывает волны. Клипер это, или бригантина, или заурядная шхуна? Не знаю. В легендах Островов, в сказках и мечтах ты всегда назывался клипером. Ты ждал своей бури, ждал урагана, который разрушит жестокий и несправедливый мир. Волшебным миражом, сказочным видением ты мелькал перед нами, запертыми в каменные клетки замков. Как бы ни было плохо — мы знали: ты существуешь. И не опускали рук. Не уходили с мостов. Не бросали оружия... Ведь ты ненавидишь трусов. Ты берешь к себе только смелых. Значит, при-
мешь и нас...

Клипер шел параллельным курсом, медленно догоняя нас. Точно такой, как в легендах. С квадратными

люками пушечных амбразур по бортам. С неяркими огнями в каютах на корме. С укутанными парусиной шлюпками, замершими на палубе. Мне показалось, что одной шлюпки не хватает, и по спине снова прошла дрожь. Так, значит, мы плывем на шлюпке твоего корабля?

Что-то радостное и восхищенное вопил Том. Молча рассматривали корабль Инга с Тимуром. Молчал и я.

Почему ты не можешь пристать к берегу, Безумный Капитан? А если пришельцы так сильны, что сбивают тебя с курса, то почему не топят корабль? Может быть, ты им нужен?

Пока в угрюмых серых волнах мелькает силуэт твоего корабля, пока в тебя верят — жизнь Островов неизменна. Надежда и мечта о новой жизни — ты стал воплощением жизни старой. Ее религией и законом. Как же ты не поймешь истины, Капитан? Твое упорство и воля, твоя ненависть и любовь — все это давно уже служит пришельцам.

— Том! Прижмись к его борту! — крикнул Тимур.

Нас разделяло не больше десяти метров. Я надеялся, что корпус корабля заслонит нас от ветра, но этого не произошло. «Дерзкий» болтало по-прежнему. Зато стали видны веревочные лестницы, спущенные с борта корабля. Кажется, они называются шторм-трапами: лестницы из толстых крепких веревок, с деревянными перекладинами между ними. На палубе мелькали, перекрывая тусклый свет фонарей, быстрые тени. Клипер явно замедлял ход, следуя рядом с «Дерзким».

— Том!

Шлюпка едва ощутимо дрогнула. Волны теперь били чуть сильнее, окатывая нас холодными солеными брызгами. Темная, плавно изогнутая поверхность неторопливо приближалась. Доски обшивки бугрились серо-желтыми глянцевыми наростами.

Зачем ты нужен пришельцам, Безумный Капитан?

Я не думал о том, что делаю. Обрывки мыслей, неясная тревога, едва уловимая *неправильность* происходящего — все вместе запульсировало в мозгу, частыми толчками выплескиваясь в напряженные мускулы. Движение — я приподнялся, не отпуская Ингиной руки.

— Прогуляюсь...

Пальцы на моем запястье сжались сильнее. Бесполезно. Движение — я вскинул руки перед собой. Темнота, лишь слабые отсветы, падающие с вырастающего на глазах ко-

рабля. Две пары удивленных глаз: Том не в счет, он самоотверженно борется с непокорным рулем.

— Тим, береги Ингу.

Вода встретила меня ответным ударом — холодной, пробившейся в уши и ноздри волной. Кашляя, отплеываясь, я вынырнул. Сквозь водяные пробки в ушах, сразу сделавшие голову тяжелой и гудящей, пробивался голос Инги. Нет, возвращаться поздно. Я должен подняться на борт клипера первым. Подняться — и увидеть человека, стоящего за штурвалом.

Странно, волны, такие страшные на вид, оказались вполне подвластными. В два десятка гребков я оказался у плавно скользящей по воде стены — корабельного борта. Разлохмаченный конец шторм-трапа лежал на ней как приклеенный. Волны ритмично били в борт и исчезали, даже не разбрызгиваясь.

Усиленно заработав ногами, я поднял руки, пытаюсь ухватиться за шершавые доски. Деревянный меч, подхваченный течением, туго натянул перевязь...

Мои пальцы прошли сквозь борт корабля, не встретив ни малейшего сопротивления. Как сквозь мираж, которым он на самом деле и был — гордый клипер Безумного Капитана.

4. Большая ложь

Это очень странное ощущение, когда руки не встречаются ничего там, где глаза упрямо видят твердый, реальный предмет. На томительно-долгое мгновение мне показалось, что обросшая какой-то ракушечной дрянью и неотвратимо наползающая стена просто-напросто сточила мои ладони, стерла их, как наждак. Но ни боли, ни крови не было. А руки уже утонули в дереве борта по локоть...

Я запрокинул голову, инстинктивно защищая лицо. Но прозрачный корабль уже двигался сквозь меня. Скользко отблескивающая, источенная узкими порами, темная от времени доска бесплотной тенью коснулась глаз. Я зажмурился, чувствуя, как начинаю погружаться в холодную воду. Замолотил руками, борясь с желанием завопить во все горло. И увидел сквозь стиснутые веки свет. Холодный синий свет, напоминающий не то неприятные медицинские процедуры, не то мерцающую пустоту включенного среди ночи телевизора.

Глаза раскрылись сами собой. Я ожидал любой, самой неожиданной картины. Грязного корабельного трюма, в котором плещутся *настоящие* волны и бродят, окутанные голубым пламенем, призраки. Искристого синего тумана, клубящегося в фальшивом корпусе клипера.

Истина оказалась проще. Но простота была из тех, что пугают сильнее любых фантастических неожиданностей. Так тупой перочинный нож в руках пьяного хулигана кажется вам страшнее крупнокалиберного пулемета.

Светился сам клипер, вернее, его оболочка. Изнутри она выглядела тоненькой голубой пленочкой, огромной надувной игрушкой в форме корабля. Вверху, по палубе, ходили такие же иллюзорные, «надувные» люди. Ловили ветер мерцающие лазурью паруса. Вылепленные из голубой пленки фонари удерживали сгустки неподвижного желтого пламени.

Макет! Всего-навсего голографический макет. Мираж, электронный морок, отлитая в красивую форму ложь.

А в центре «надувного» корабля, на полметра выступая из воды и неспешно вращаясь, плыл пятиметровый металлический диск. Творец подлой фата-морганы. Гибрид катера и телевизора. Инопланетный прибор, заgrimированный под старинный корабль.

Раскачиваясь на волнах, я растерянно следил за его приближением. Диск плыл прямо на меня — слепо, равнодушно. Неведомая программа гнала его по раз и навсегда заданному маршруту. До отдельных людей ему нет никакого дела...

Я был уже в нескольких метрах от диска, когда заметил вскипающие вокруг него буруны. Словно стайка быстрых рыбешек кружилась в хороводе. Веселых, неутомимых рыбешек, временами вспарывающих воду стальными лезвиями плавников...

Диск качнуло волной. Он плавно накренился — и на расстоянии вытянутой руки от меня вынырнул из воды участник хоровода. Длинный, плавно изогнутый, похожий на слоновий бивень металлический стержень. Тонкое острие топорщилось венчиком коротких клинков.

Система была проще некуда. Скрытый под водой вращающийся бивень ударял приближающегося пловца... И отбрасывал, протаскивал к лезвиям на острие.

Я действовал интуитивно, не раздумывая. Выбросил вперед руку, мертвой хваткой вцепившись в бивень сразу за клинками. Меня дернуло, потащило по окружности дис-

ка. Нетрудно было сообразить, что за моей спиной полощутся в воде украшенные такими же стальными цветами бивни. Отцепиться значило умереть. Быстро перехватывая стержень руками, я пополз к диску. Ноги начало заносить на клинки — я поджал их. Работали только руки, уставшие от бешеной драки на японском острове, от рывков захваченной штормом шлюпки.

Стержень начинался с подводной части диска. Добравшись до него, я почти полностью погрузился в воду. Волны окатывали меня с головой, заставляя судорожно глотать воздух в редкие мгновения затишья. Ровная, скользкая поверхность диска казалась неприступной. Я попытался закинуть руку наверх, где угадывался узкий ободок, — и едва не сорвался. Господи, как можно на него забраться? Да и чем мне это поможет...

Накатила очередная волна. Меня потянуло вверх. Вверх... Я оттолкнулся от круглого основания бивня, подался вслед за волной. Второй попытки у меня не будет. Или — или...

...Узкое ребро диска больно врезалось в грудь. Я лежал на металлической, мокрой и холодной плите. Ноги болтались в воде, а вздрагивающие от напряжения ладони сжимали выступ на поверхности диска.

Или — или... Или! Я прополз к центру диска. Он оказался не таким уж и гладким — по поверхности были в беспорядке разбросаны полукруглые выступы и тонкие, двух-трехсантиметровой высоты прозрачные трубки. Голубые отсветы миража отражались в них круговоротом искр.

Диск раскачивало куда меньше шлюпки. Я даже смог выпрямиться, оказавшись на безопасном расстоянии от края. Мокрый, вздрагивающий от ледяных объятий ветра, я стоял посреди нереальной, сказочной красоты. Ну почему, почему самая подлая и жестокая лож кажется нам такой красивой? Куда красивее, чем была бы правда...

Вместо прогнивших деревянных балок и перекрытий меня окружали светящиеся, переливчатые полотнища. Вместо затхлого трюмного воздуха — наполненный озоном и морской солью ветер. Каждое движение парусов, каждый поворот клипера рождали бирюзовые всполохи, каскады фиолетовых, синих, слепяще-белых искр.

Наверное, все дело в том, что каждая лож — это чья-то мечта. Настоящая лож просто обязана быть красивой, тогда в нее обязательно поверят. Лишь правда способна позволить себе роскошь уродства.

— Димка! Дима!

Голоса едва пробились сквозь шум волн и ветра. Я почти забыл о «Дерзком», пораженный изнанкой клипера и едва не изрезанный диском. А шлюпка уже приближалась к «борту» корабля. Тимур с Ингой были на корме, у руля. Том у мачты — они подняли парус.

С внезапной ясностью я понял, что сейчас произойдет. Нос шлюпки коснется голографического фантома — и войдет в него. Мгновение, и шлюпка с ничего не подозревающим экипажем окажется «внутри» клипера. Несколько мгновений испуга и восторга, несколько мгновений феерической иллюминации. Сказочная красота морока не отпустит просто так... А потом плывущая сквозь голубой туман шлюпка окажется на пути диска.

...Стальные бивни-тараны разнесут тонкие доски, как бумагу. Вращающаяся фреза — вот что такое этот диск. Ребята или утонут, унесенные водой... или разделят судьбу шлюпки. Чудом вскарабкавшиеся на диск тоже обречены. Клипер Безумного Капитана никогда не пристанет к берегу.

Кричать? Прыгать в воду и плыть к шлюпке? Я беспомощно оглянулся. Тараны, стальные тараны со всех сторон диска. Сверху их было отлично видно. Восемь или десять металлических бивней по окружности. И на одном из них, раскачиваемые набегающей волной, полусгнившие деревянные обломки. Короткие бревна, связанные ржаво-черным, высовывающимся в воздух тросиком. И доски настила, пробитые острием тарана.

Остатки плота. Мы не первые твои жертвы, Безумный Капитан...

...Шлюпка коснулась лазоревой пленки. По поверхности клипера побежали темные концентрические круги. Словно по луже, в которую бросили камень.

Сквозь мокрые джинсы ноги обожгла холодная тяжесть меча. Еще никогда я не начинал ненавидеть так сильно и слепо, что меч становился металлическим сам по себе. Еще никогда, ни на Земле, ни на Островах, меня не захлестывало такой волной омерзения и ярости. Беспомощной ярости обманутого и униженного мальчишки. Правда, у мальчишки есть меч...

Я поднял клинок. Он выглядел как-то странно — блестящий как зеркало, светящийся чистым синим светом. Отраженным... или своим?

Вы научили меня одному, Острова. Ненавидеть. Ненавидеть и убивать. Я даже люблю, ненавижу. Что ж, получайте!

Пригнувшись — ноги автоматически реагировали на колебания диска, — я размахнулся, занося меч за спину. И ударил по мокрой стальной плите под ногами.

Распахнув два веера оранжево-желтых искр, издав тонкий визг разрезаемого металла, клинок вспорол обшивку диска.

— Дима!

Светящаяся пленочка призрачного клипера колебалась и меняла окраску, как мыльный пузырь, на который сильно подули. Колебалась и сжималась, стягиваясь к диску, словно проткнутая резиновая игрушка. Но шлюпка уже была в десятке метров по курсу, как нарочно подставляя таранам борт.

— Не нравится? — глядя на ровную черную прорезь, прошептал я. — Не ожидал?

Еще удар — крест-накрест. Треугольная металлическая пластина неожиданно легко загнулась вверх. Из-под нее вываливалась, вспухала светящаяся бело-розовая масса. Что-то зашипело, по кашеобразной поверхности набухли и лопнули просочившиеся газовые пузыри.

Но шлюпка уже наплывала на стальную гребенку таранов...

— Берегись!

Ребята кричали все вместе, словно я был страшно далеко и мог их не услышать. Я поднял голову, выдирая меч из мерцающей липкой каши. Клинок засветился ярче, обугливая бело-розовую слизь.

Из воды, синхронно и быстро, поднимались изогнутые бивни. Клинки на их концах тихо выли, пропеллерами разрезая воздух. На основании одного тарана грязно-белой гирляндой висели человеческие кости.

Я не испугался — на это не было времени. Удар меча срезал основания двух бивней. Подломившиеся колонны упали к моим ногам, вращающиеся лезвия вонзились в пенящуюся в проломе массу. Диск мелко завибрировал.

В один прыжок оказавшись на краю диска, я замер. Шлюпка скользила совсем рядом.

— Давай-давай! — Том протянул мне руку. Через мгновение я стоял на палубе «Дерзкого». А над диском паучьими лапами опустились уцелевшие бивни.

— Ловко ты... — Тимур, отклонившийся к другому борту, чтобы уравновесить мой прыжок, медленно пе-

редвинулся к мачте. Он был непривычно вялым, а смуглое лицо посерело.

— Плохо? — одними губами спросил я.

Тимур кивнул. Я с ужасом увидел, что лицо у него начинает синеть... Впрочем, и у Инги с Томом тоже. Опустив глаза, я увидел, как окрасилась лазурью палуба. Засветился голубым воздух...

Сквозь нас прошла волна яркого синего света. Дохнуло теплом. На какую-то секунду мы снова увидели клипер Безумного Капитана — маленькую, метровую, модель, игрушечный кораблик, висящий над залитой кроваво-снежной пеной поверхностью диска. Потом исчез и он. Остался лишь светящийся розовым сугроб, из которого нелепо торчали металлические клыки.

— Мы решили, что ты поднырнул под корабль, — тихо сказала Инга. Я подумал, что ей, наверное, хочется сказать что-то еще, но она промолчала. Зато закричал Тимур:

— Смотрите!

Вокруг нас загорелось море. Поверхность воды подернулась бледно-голубыми язычками пламени, похожими на огонь горящего спирта. Ключья пены, слетающие с гребней волн, превратились в стремительно тающие облачка искр. Стало светло, как днем.

— Чудеса продолжаются, — очень спокойно произнесла Инга. — Корабль превратился в ржавую кастрюлю, а шторм...

А шторм просто кончился. Угасло сине-голубое свечение, померкли, опали волны. Шлюпка плыла в прежней темноте, но чудовищные, сравнимые лишь с цунами волны исчезли. Море слегка волновалось, дул порывистый мокрый ветер. Если закрыть глаза, то перемена и не ощущалась.

Ложь. Все — ложь. Я опустил руку за борт, в холодную бурлящую воду. Нельзя верить в красивую сказку, пока не расскажут страшную. Трудно не засомневаться в клипере Безумного Капитана, если он поплывет по ласковому, освещенному солнцем морю.

Ложь...

— Поднимай парус, Том, — пробираясь к рулю, сказал я. — Мы вот-вот окажемся у нашего острова. Надеюсь, при таком ветре ты можешь управлять и корытом с парусом.

Стальной клинок ледяной коркой примерз к бедру. **127**

5. Переворот

Небо не стало светлее, когда наступило утро. Но что-то — неуловимое, непонятное — подсказывало: ночь кончается. Может быть, нам просто перестало хотеться спать. Мы всплывали и рассвет.

«Дерзкий» прошел у берегов двух или трех островов, пока мы не узнали знакомых очертаний замка на Двадцать четвертом острове. Положив руль круто к ветру, я повел шлюпку под одним из мостов. Темнота впереди начала сгущаться. На фоне далеких зарниц проступила угловатая тень. Замок.

Я почувствовал, как наползает на меня противная, обидная слабость. Не могло, не должно было появиться это подлое чувство возвращения домой! Замок Алого Щита мне вовсе не дом а тюрьма...

Шлюпка вылетела на пологий песчаный берег с полным ходом — мы не рассчитали расстояния. Меня кинуло на искореженные остатки каюты, Том с Ингой успели зацепиться за мачту, а Тимура выбросило прямо на берег. Едва поднявшись, я перевалился через борт и побрел к острову. В обычной обстановке за Тимура волноваться не стоило, но сейчас, когда он был ранен...

Когда я вышел на берег, Тимур уже стоял, выдернув меч из ножен. Я осторожно взял его за плечо.

— Тим, все нормально. Это же наш остров.

Тимур кивнул, неохотно опуская меч. Но глаза его по-прежнему напряженно всматривались в темноту. Рядом суетились Том и Инга, стараясь вытащить шлюпку подальше на берег. Но я даже не попытался им помочь. Я смотрел на Тимура. Я слушал его слабый шепот.

— Дим, ты не думай, я не тронулся, раз по своему острову с мечом хожу. Просто для меня Конфедерация — единственный шанс...

Переливались на горизонте узкие полотнища зарниц, бледными фосфоресцирующими тенями громоздились в небе облака. Тимур продолжал вполголоса:

— Наш остров для меня не первый, понимаешь? Даже если он победит по всем правилам Игры, мне это ничего не даст. А попал я когда-то на остров Тысячи Камней, тот, где нас чуть не убили. И жил там полгода, учился... Потом ушел

искать своих ребят, из Союза. Ночью, когда мосты разведены, перебирался с острова на остров... Только Крис знает, откуда я на нашем острове взялся. Но Крис промолчит. И ты молчи, слышишь?

— Зачем тогда рассказываешь? — вполголоса спросил я.

— Чтобы ты понял. Я за Конфедерацию буду драться до конца, у меня иного пути нет. А значит, мне придется быть осторожнее всех...

Я кивнул, хоть он и не мог увидеть моего жеста. Сзади подошла Инга. Том возился у шлюпки — искал какую-то сумку с вещами, пытался растащить доски каюты. Зря, наверное. Все смыло штормом.

Мы пристали к берегу недалеко от замка, но добирались к нему неожиданно долго. Пусть шторм был иллюзорным, но дождь-то прошел по-настоящему. Ноги вязли в холодном мокром песке, и несколько раз нам приходилось обходить низинки, превратившиеся в топкие болота. Мы были вымотаны до предела, и я уже несколько раз пожалел, что не предложил дожждаться утра у шлюпки. Но рано или поздно кончается любая дорога.

Мы подошли к крепостной стене. Розовый камень поблек от дождя, вобрал в себя ускользящую ночную темноту и казался тускло-серым. Ворота были открыты.

— Совсем обнаглели, — неодобрительно произнес Тимур. — Может, устроим переполох?

Никто не отозвался. Да, впрочем, и самому Тимуру наверняка хотелось не шумных сцен, а уютной постели в одной из комнат замка. Не обязательно даже в своей, вполне годилась та, которая окажется ближе всего.

Полуоткрытыми оказались и двери самого замка. Более того, в узкую щель пробивался дрожащий желтоватый свет. Мы, не сговариваясь, остановились. Инга хотела, кажется, что-то сказать, но промолчала, прежде чем я успел ее об этом попросить.

— Дима, — вполголоса произнес Тимур. — Ты?

Я кивнул. Взглянул на меч, втайне надеясь, что клинок снова начнет светиться. Увы, это зависело не от оружия, а от меня самого. Во мне же не было ни злости, ни страха, ни подозрительности. Одна усталость, тяжелая, как свинец...

Стараясь ступать бесшумно, я подошел к двери. Посмотрел в щель между створками.

Прямо в коридоре, перед узкой дверкой, ведущей в подвал, горел костер. Двое мальчишек, прислонившись спинами, сидели рядом. Я узнал знакомые лица, и что-то вроде легкой досады мелькнуло в душе. То ли на перестраховщика Тимура, то ли на самого себя, начавшего пугаться каждой тени.

Толкнув дверь, я вошел. Ребята вскочили — так резко, что один угодил ногой в костер и тоненько ойкнул. Это был Игорек.

Второй мальчишка медленно вынимал меч. Полоска света, отразившись от лезвия, скользнула по резким скулам, твердо сжатым губам, засохшей царапине на лбу. Когда мы уплывали, у Ахмета, командира Двадцать четвертого острова, такого украшения еще не было.

— Привет, — глядя на Малька, сказал я. — Что, тебя уже отпустили? Перевоспитался?

Малёк жалко улыбнулся. Я повернулся к Ахмету:

— Как дела-то? Все в порядке? А что ты у нас дежуришь, ты же гость. Крис на вашем острове?

Ахмет застыл, теребя пальцами рукоятку меча. Малёк отвернулся, заложил руки за спину, даже не пытаясь достать оружие.

— Как мы устали, Ахмет... Сейчас доползем до постелей, а все рассказы завтра... — Сонно улыбаясь, я подходил к ним. Когда до Ахмета оставалось два-три шага, я выхватил меч и перепрыгнул через костер. Мы с ним оказались лицом к лицу.

— Брось меч, — прижав острие клинка к его горлу, сказал я. — Разожми пальцы и бросай.

Краем глаза я следил за Игорьком. Тот задумчиво смотрел на нас. Потом отошел к стене и сел на пол.

— Считаю до трех, — без всякой угрозы, искренне надеясь на то, что он бросит, попросил я. — Раз, два...

Ахмет откинул голову, отстраняясь от лезвия, и резким ударом отбил мой меч. Что-то прошептал и пошел на меня, сжимая меч обеими руками перед собой. С такой тактикой боя я еще не встречался... Подняв клинок над головой, я ждал его приближения. В этой стойке все решает один удар.

У дверей тихо шелкнула распрямившаяся пружина. Ахмет издал непонятный звук, напоминающий сдавленный кашель, выпустил меч, схватился за горло. Его тонкие пальцы пробежали по шее, ощупывая короткий хвостик арбалетной стрелы. Со спокойным, задумчивым лицом он опустил на пол —

как-то очень неспешно и плавно.

В дверном проеме с разряженным арбалетом в руках стоял Том. Наверное, он предпочел стрелу пистолету как более тихое оружие.

— Где ребята? — все еще глядя на Ахмета, но обращаясь к Мальку, спросил я. — Где?

— В подвале, — вяло ответил Игорек. — Не бойся, они сами забаррикадировались.

Только сейчас я заметил, что дверь, ведущая в подвал, подперта двумя короткими толстыми обрубками бревен.

— А сколько в замке... этих? — неопределенно спросил я.

— Двое с Двадцать четвертого, трое с тридцатки. Там, наверху.

Вошел Тимур. Увидев Малька, тихо выругался.

— Вот черт... Ты опять?

— Что опять?

— Хозяев себе нашел опять!

Тимур попытался выкрикнуть эти слова, но голос остался тихим. Если сейчас завяжется новая драка, пользы от Тимура будет немного...

— Том, доставай пистолет, — коротко бросил я австралийцу, не особо заботясь, поймет ли он меня. Том понял, вытянул откуда-то из-за пояса оружие. Игорек, встрепенувшийся при слове «пистолет», подался вперед. Глаза у него загорелись:

— Ух ты... Дай посмотреть!

Мы с Тимуром переглянулись. Лицо Тимура жалобно искривилось.

— Пацан... Тебе все игрушки, да?

Игорек, похоже, так и не понял, что стрелять могли и в него. А может, он по-прежнему считал себя бойцом Тридцать шестого острова?

— Как ты с ними оказался? — спросил я.

Малёк пожал плечами.

— Наши в подвале спрятались, а Ахмет со своими замок занял. Нашли меня... Спросили, почему сижу под замком. Крис им, наверное, ничего не говорил. Я наврал чего-то, они пошептались и предложили к ним перейти. Ну и...

— Ясно. — Тимур кивнул. — Сделай так Толька или Меломан, я бы их похвалил. Но ты же мог в одиночку всех перебить! Заколоть Ахмета, выпустить наших!

Игорек покачал головой. И улыбнулся — как-то очень радостно и беспечно.

— Не мог. Я разучился драться.

...Если Игорек не врал, это случилось на второй или третий день после того, как он был разоблачен и заперт. Проснувшись утром, он ощутил странную пустоту и щемящее чувство потери. Словно забыл что-то очень важное. Но причину понял, лишь снова взяв в руки меч и сделав два-три выпада. Игорек помнил движения и приемы, но исчезла та неуловимая легкость и быстрота, которые делали его одним из лучших бойцов острова. Пришельцы умели не только дарить, но и забирать свои дары обратно.

Малёк рассказывал нам все это, пока мы разбирали бревна, подпирающие дверь подвала снаружи, и стучали в нее, подзывая ребят. Наконец послышался приглушенный голос Криса.

— Что вам нужно?

— Открывай, это мы, — просто сказал Тимур.

С минуту слышался шум растаскиваемой баррикады. Затем дверь открылась, и показалось настороженное лицо нашего командира. Крис шурился — для него был ярким даже свет догорающего факела. Мгновение он смотрел на нас, не выпуская из рук меча. Потом молча обнял обоих сразу. Тимур тихо зашипел — он оказался притиснутым ко мне раненой рукой.

— Знал, что вернетесь. Потому и выжидал...

Крис еще говорил что-то, а сквозь узкую щель полуоткрытой двери уже вылезали Толик, Меломан, Илья, Рита, Танька.

У Ильи левая рука была забинтована и подвешена на груди, Меломан держал на весу правую кисть, замотанную до кончиков пальцев. Поймав мой взгляд, он неохотно произнес:

— Меч отбивал... руками.

И тут же, без всякого перехода и чуть ли не с большей злостью:

— У меня уже сутки, как аккумуляторы в плеере сели. Мы костер жгли, но от него не заряжаются.

Бинтов не было лишь на Толике. Но когда я увидел его лицо — с белыми, искусанными губами и равнодушным злым взглядом, то понял — свой счет есть и у Толика. Пощады не будет.

— А где Сержан? — спросил я, пытаюсь превратить этого странного Толика в прежнего веселого и беспечного островитянина. Сказал и понял, что попал в точку. Вот только веселее теперь не станет, наоборот.

— Его убили. Первого.

Голос у Тольки был таким же злым и равнодушным, как и взгляд. Я почувствовал, что руки у меня дрожат. И с дрожью этой вползает злое равнодушие. Сержан, вечный спорщик и скептик, не стал для меня таким другом, как Толик или Тимур. Но мы дрались с ним рядом, дрались насмерть на мраморной глади мостов...

Пошады не будет.

— Но остальные-то... — Я замолчал, уже чувствуя, что Сержан лишь открывал список.

— Лерка.

Я глотнул пахнущий дымом воздух. Лерка? Десятилетняя девчонка? Даже когда убивали всех мальчишек на одном из островов, девчонок не трогали.

— Стрелой? Случайно? — с непонятной надеждой спросил я. Это очень трудно, убедиться в подлости недавних друзей. Никто не сможет искать им оправдания упорнее, чем мы.

— Мечом. Когда мы отступали и Лерка замешкалась.

Пошады не будет.

— А Оля?

— Она в плену, в башне, где я сидел, — быстро ответил Малёк.

— С ней все в порядке? — озабоченно спросила Рита.

Игорек пожал плечами.

— Да. Ее кормили, и вообще... Только она ревет, когда Ахмет с Борисом ее допрашивают.

— Допрашивают? — удивленно переспросила Ритка. — Допрашивают?

Крис подскочил к Мальку, схватил за плечи, потрянул.

— Мальчишка... Глупый мальчишка!

Ошеломленный, растерянный Игорек попытался вырваться. Крис отпустил Игорька сам, замахнулся, но удержал руку. Отошел в сторону. А я шагнул к Мальку. Он жалобно спросил:

— Ребята, что вы...

Я коротко ударил Игорька по лицу. Я понял. Все понял. Ты не виноват, что попал на остров малышом. Ты не виноват, что остров Алого Щита держится Крисом с английской строгостью, при которой дети не знают того, что им не положено знать. Ты не виноват, Игорек. Но...

Пошады не будет.

6. В осаде

...Я вернулся с моста под вечер. Весь день после обеда я пролежал на середине моста, раздевшись догола и загорая на солнышке. Деревянный меч, обмотанный одеждой, я подложил под голову, чтобы было удобнее. Мне было прекрасно видно и наш замок, и замок Тридцатого острова: появившись кто-нибудь у моста, я бы успел спокойно одеться и приготовиться к любым неожиданностям. Но Тридцатый остров, уничтоженный Конфедерацией, по-прежнему пустовал. Представляю, как туго придется мальчишке, который появится там первым... Ну а наши ребята дежурили на опасных мостах. Мне дали передохнуть. А вчерашний день, после возвращения, я проспал как убитый. Лишь однажды — вечером — я услышал сквозь сон тихий разговор вошедших девчонок. Инга, похоже, беспокоилась, не слишком ли долго я сплю. Мне даже показалось, что она наклонилась к моему лицу, долго смотрела на меня, потом коснулась губами моего лба. Хотя это, конечно же, мне приснилось... Потом Ритка вполголоса сказала: «Пойдем, пусть спит». Я хотел засмеяться и сказать им, что вовсе не сплю. Хотел... И провалился в беспамятство до утра.

Проснулся почему-то усталый и с головной болью. Но времени разбираться в своих ощущениях не было. Тимур чувствовал себя еще хуже, чем я. Значит, бойцов оставалось совсем мало. Надо было идти на дежурство. Взглянув на мою вялую физиономию, Крис отправил меня на восточный мост, где и дежурный-то полагался больше для порядка. Тома с Толиком он отправил на один мост — у них был пистолет, и удержаться ребята могли без труда. Ну а сам с Ильей, Меломаном и Мальком пошел охранять оставшийся мост. Что ж, несмотря на потери, мы еще могли сражаться.

На остров я вернулся первый. В замке теперь было тихо, в коридорах стояло непривычное, неприветливое безмолвие. Я побродил по коридорам, заглядывая в безлюдные комнаты. Лишь в тимуровской я увидел девчонок. Здесь тоже было тихо, но совсем по-другому. Тимур спал, девчонки тесной кучкой сидели у окна, а тишина казалась живой, наполненной дыханием, приглушенным, неразборчивым разговором, шорохом одежды. Девчонки разом повернулись ко мне,

и я поймал испуганный, загнанный взгляд Оли. Успокаивающе улыбнувшись, я вышел. Сволочи. Какие же они сволочи...

Бориса, ахметовского дружка и помощника, я убил сам. И даже не сразу понял, что он первый *убитый* мною. Первый, кого я ударил мечом, стараясь именно убить. Первый, с кем у меня не было никакого поединка.

Мы ворвались тогда в комнату, где спали пятеро захватчиков, всей оравой. Даже Тимур, преодолевая слабость, шел сзади. Даже Инга с Риткой. Даже несчастный, ничего не понимающий, с окровавленным лицом и разбитыми губами Игорек...

Один из мальчишек не спал — видимо, дежурил. Он схватил меч — и тут Том снова выстрелил. Грохот в маленькой комнатке был такой, что нам заложило уши. Мальчишка упал, отлетев при этом к стене. Как в кино.

Пуля — это не меч и не стрела. Не маленький свинцовый выключатель, останавливающий жизнь. Выстрел в упор похож на удар исполинского кулака.

Опередив всех, я бросился к крайней кровати, с которой обалдело смотрел на нас Борис. Раньше он казался мне молчаливым и даже застенчивым парнишкой.

Борис что-то говорил. В ушах все еще звенело, но я угадал слова.

— Дай мне меч... По-честному...

— Нет.

— Ты же не будешь... безоружного... — Слова пробивались как сквозь толстый слой ваты.

— Буду.

Я ударил. Обернулся на Криса, стоящего за спиной. Спросил не словами, а взглядом — «я прав?». И увидел слабый кивок — «прав». Игра в рыцарей кончилась. Наверное, с первым пистолетным выстрелом. А может быть, раньше, когда двое подростков насиловали беспомощную девчонку.

— Выведите всех на мост, — коротко приказал Крис.

— На какой? — спросил Толик.

— Все равно. Доведите до проема и сбросьте вниз.

Толик посмотрел на меня. Как будто я тоже стал командиром и мог приказывать.

— Если будут сопротивляться, вначале убейте, — равнодушно произнес я.

...Может быть, мне еще станет стыдно. Но не за сами слова, а за равнодушный тон. Иногда подлость отличается от винужденной жестокости крошечной деталью. Тонот или выражением глаз... Правда, еще хуже, что иногда отличия нет совсем.

Я зашел в свою комнату и повалился на кровать. Мне было скучно и тоскливо, не хотелось ни спать, ни ужинать, ни видеть кого-либо из ребят. Но минут через десять ко мне зашел Крис.

Усевшись на вторую кровать, командир долго смотрел на меня. Давным-давно, в мое первое утро на острове, так смотрел Игорек. Только тогда мы еще умели улыбаться.

— Крис, расскажи, как все случилось. Почему вы рассорились? — спросил я. — Я так толком и не понял.

Уткнувшийся подбородком в ладони Крис пожал плечами. У него беспомощно качнулась голова.

— Димка, если бы я сам понимал... Ну, ссорились ведь всегда, и до того, как вы уплыли. И в этот раз ничего особенного не произошло.

Крис начал рассказывать, как Ахмет ушел с одного из утренних совещаний, поспорив по пустяковому поводу: какой мост очередного «упрямого» острова атаковать его бойцам. Как днем Толику передали знакомые ребята: Ахмет встретился с командирами двух островов Конфедерации и о чем-то совещался. Как вечером Ахмет пришел «мириться». И как выглянувший из замка Сержан увидел подступающих по всем трем мостам ребят с соседних островов.

Защищаться было уже невозможно. Едва-едва успели укрыться в подвале, да и то — не все.

Я слушал Криса, и постепенно у меня возникало идиотское ощущение, что и я был участником происходящего: так знакомо звучало все рассказанное Крисом. Действительно, самая заурядная ссора. Самая простая интрига. Завершила же дворцовый переворот обыкновенная драка.

— Крис, — перебил я. — Ты знаешь, а ведь это могло случиться и раньше.

Крис встал. Потянулся. Запрыгнул на кровать.

— Оп-ля. Могло, говоришь? Это должно было случиться. Несомненно.

Я тоже улегся поудобнее.

— Если не Ахмету, так кому-нибудь другому захо-

— Несомненно. Пришельцы не беспокоились из-за Конфедерации. Они знали, что она развалится. Сорок Островов. Сорок самых разных обычаев и правил. Острова-республики и острова-диктатуры. Интернациональные и «чистые». Малыши... и такие верзилы, как я. Мы все хотим домой, верно. Но нам ведь хочется и многого другого. И не на Земле, а еще здесь. Никто не хочет ждать. Никто...

Крис зевнул. И со вкусом добавил:

— Не-сом-нен-но.

— Что ты заладил? — не выдержал я. — Других слов нет?

Крис засмеялся.

— Вот. Ты сам видишь, что даже такая ерунда, как навязчивое слово, может нас посорить.

— Нет, Крис!

Мы замолчали.

— Сержана жалко, — неожиданно сказал Крис. — Мы смеялись, что он во всем сомневается, со всеми спорит. А это нас спасло. Толик сказал Сержану, что зря он подозревал Ахмета — тот мириться пришел. Сержан обиделся и сказал, что тут еще дело темное. Вышел из замка...

— Он со всеми спорил... — подтвердил я зачем-то.

— Нас слишком мало на острове, чтобы быть одинаковыми, — непонятно сказал Крис. — У каждого находятся одна-две черты, которые становятся главными. Сержан был спорщик. Тимур — солдат и тренер. Ромка... ты его и узнать не успел... весельчак.

— Хохмач, — уточнил я.

— Да.

— А Толик?

— Толик? — Крис задумался. — Он... он... как бы это сказать... приспособитель?.. Нет. Он у нас как дома, понимаешь? Привык, узнал правила Игры, научился фехтовать. Быстрее всех. И теперь живет веселее всех. Купается, рыбу ловит, игры придумывает. Если надо драться — дерется, и здорово. Если можно не драться — еще лучше. Ни с кем не ссорится. Спорил лишь с Сержаном...

— А может, он и прав, — вполголоса произнес я.

— Димка, а вот твоей черточки никак не пойму, — признался Крис. — Моя обязанность — всех понимать, а тебя не получается.

— У меня однобокостей нет. Я всесторонне развитый, — пошутил я. Но Крис ответил серьезно:

— Что-то есть. Но я никак не разберусь.

— Разве это важно?

— Не знаю. Но умения Тимура или Толика, мое командирство — все это пришельцам не страшно. Все это в правилах Игры. А надо выйти из круга, найти трещину. Она должна, должна быть...

— Несомненно!

Мы засмеялись. Стало чуть легче. И тут же раскрылась дверь, словно за ней ждали окончания нашей беседы. В комнату заглянул Толик, растерянно посмотрел на нас.

— Что случилось? — мгновенно насторожился Крис.

— Пойдемте, сами увидите, — чуть смущенно предложил Толик. — Ерунда какая-то..

...Ерундой происходящее было лишь для нас. Ребятам с Двадцать седьмого острова сейчас приходилось туго. Когда мы поднялись на сторожевую башню, там собрались все, кроме Тимура. Густой, тянущийся в небо столб дыма был замечен с любой точки острова, но лишь со сторожевой башни открывался его источник — замок Двадцать седьмого острова.

— Про пожары на Островах я еще не слышал, — тихо сказал Крис, бесцеремонно расталкивая ребят и пробираясь на самое удобное место.

— Пришельцы? — осторожно предположил Илья.

Крис покачал головой:

— Нет, ребята...

Облокотившись на перила, он замер у самого края площадки.

— Дележ власти продолжается...

Никогда еще нам не было так неудобно и стыдно, как в эти мгновения. Мы молча, ничего больше не спрашивая, смотрели на дело своих рук. Пусть нам пришлось туго, пусть мы пострадали первыми. Но и Конфедерация — наша идея. Прекрасная мечта, убивающая тех, кто в нее поверил.

Я долго не мог заснуть. После ужина — невеселого, быстрого — мы разошлись по своим комнатам. Комнат сейчас хватало на всех, вот только нас это не радовало. Я ворочался с боку на бок, считал до ста, придумывал сам себе всякие интересные истории. Ничего не помогало. На Островах одна

138 крайность сменяла другую: или спишь целый день, или

мучаешься от бессонницы. Наконец я стал засыпать. И уже в полудреме, лежа на краю кровати, услышал крик.

Крик был слабым, коротким, но абсолютно настоящим. Сон исчез мгновенно. Я привстал, вслушиваясь. Но в замке снова было тихо. Не зажигая свечи, я нашарил меч, вынул из ножен. Звук донесся из соседней комнаты, где спал Том, — в этом я был уверен.

Открыть свою дверь я решил не сразу. В коридоре оказалось еще темнее, чем в комнате, — широкие окна заслоняла от света звезд сторожевая башня. Держа меч перед собой, я дошел вдоль стены до соседней двери. Толкнул ее локтем.

В комнате дрожал желтоватый полусвет-полусумрак. Том не погасил свечу, и хотя обычно за это ругали, сейчас я был рад его безалаберности. Маленький австралиец лежал на кровати поверх одеяла. Живой — я отчетливо слышал ровное дыхание.

— Том! Приснилось что-то? — растерянно спросил я по-русски.

Мальчишка молчал. Я подошел ближе и увидел, что глаза у него широко раскрыты, а губы беззвучно шевелятся. Зрачки были черными и огромными, в них отражалось затрепетавшее от моих движений пламя свечи.

— Том?..

Он улыбался. Улыбался чему-то своему, неведомому для меня. Неожиданно я понял, что его сейчас можно толкать, тормошить, бить. Том не проснется. Не простой это сон...

Сумка, с которой Том попал на остров, лежала рядом. Ничего интересного в ней давно уже не было — и книжки, и тетрадки, и фломастеры, и простенький микрокалькулятор сразу перешли в общее пользование. Пистолет, правда, Том ухитрился спрятать. А ведь он так и не объяснил толком, откуда у него на Земле взялся пистолет.

Я поднял сумку, взвесил на руке. Тоненькая, нейлон и лавсан. А весит многовато...

Светло-синяя подкладка оторвалась от первого же рывка. Оторвалась там, где крепкую машинную строчку заменяли вшитые вручную крючочки-застежки. На пол мягко посыпались маленькие прозрачные пакетики. Мелкий, как мука, порошок, запаянный в полиэтилен.

Я собрал пакетики обратно в сумку. Белый порошок слегка поскрипывал, когда я сдвигал полиэтилен паль-

цами. Он, наверное, очень сухой. Интересно, что с ним надо делать: глотать, нюхать или вводить в вену? Хотя последнее сомнительно, шприца у Тома нет. Я укрыл его одеялом.

Потом я пошел к Крису.

Утром Том заметно нервничал, но в остальном вел себя нормально. Крис с невозмутимым лицом провел развод по мостам, едва заметно подмигнул мне, проходя рядом. Австралиец, похоже, колебался. Наконец, решившись, он подошел к Крису.

Командир не дал сказать ни слова.

— Ты часто употреблял наркотики? — по-русски спросил он.

Том замотал головой.

— Ясно. Тогда тебе легче будет услышать, что они плавают сейчас в море.

Том понял. Губы у него задрожали, и он заговорил по-английски — так быстро, что я ничего не мог понять. Крис так же быстро ему отвечал.

— Он был распространителем, — сказал Крис, когда Том отошел. — Точнее, передавал наркотики пушерам... ну, распространителям в школах. Теперь боится, что, когда вернется на Землю, с него спросят за пропавший товар.

— Ты его успокоил? — спросил я, глядя, как Том с Толликом уходят по мосту.

— Да, конечно. Я сказал, что мы никогда не вернемся на Землю.

7. Часовня на Тридцать шестом

Если бы случай с наркотиками произошел раньше, наш остров бурлил бы несколько недель. А сейчас, хоть моя ночная находка и стала всем известной, на нее попросту не обратили внимания. Распад Конфедерации заслонил собой все остальное.

Еще два или три дня на наших мостах было тихо. Недавние союзники выясняли отношения между собой и не обращали внимания на воскресший остров Алого Щита. Мы снова видели на горизонте клубы дыма, но так и не могли

разобраться, на каком острове был пожар. А потом нас приняли атаковать.

Обычно нападения шли по мостам Двадцать четвертого или Двенадцатого островов. Изредка, для разнообразия, через территорию Тридцатого острова, по-прежнему пустого и мертвого.

Наверное, нас считали главными виновниками всех неприятностей Островов. Все наши друзья с соседних островов куда-то исчезли — и Джордж-Салиф с Двенадцатого, и Лорка с Двадцать четвертого. Может, их уже не было в живых.

Мы дрались с утра до вечера, забыв о тех перерывах и боях вполсилы, которые по молчаливой договоренности устраивали раньше. Каждый день кто-нибудь возвращался с мостов раненым, на день-два выходя из Игры. Мне располосовали мечом руку и всадили стрелу под коленку. Произошло это до обидного буднично: короткая свалка, в которой трудно было разобраться, кто кого колотит, прекратилась так же быстро, как и началась. Я из драки вывалился хромя и с залитой кровью рукой. Меня подхватили Илья и Меломан, оттащили назад. Меломан, хмурясь, ощупал мою ногу, велел отвернуться... Я торопливо отвел глаза: видеть, как из твоей собственной ноги выковыривают деревянным кинжалом стрелу, это не слишком приятное зрелище. Через полчаса я уже лежал в своей комнате, забинтованный, намазанный заживляющей мазью, мгновенно унявшей боль. Ритка, ставшая ужасно ласковой и заботливой, и Инга — перепуганная, а от этого колючая и задиристая, суетились вокруг. Через пару дней я снова вышел на дежурство. На голени остался шрам — выпуклый, светло-розовый, похожий на пятиконечную звездочку.

Никто из ребят не заводил больше разговоров о нашей неудачной Конфедерации. Да мы и вообще стали мало говорить друг с другом. Ни о пришельцах, ни о Безумном Капитане, ни о плавании по Островам. «Дерзкий» так и остался на берегу брошенный и медленно рассыхающийся вдали от воды.

Наш остров словно погрузился в сон. В бесконечный, монотонный сон о бессмысленной войне на потеху прячущимся от всех пришельцам. Не знаю, нормально это или нет. Лично я был даже рад, что не надо принимать никаких решений и придумывать планов борьбы с пришельцами или ребятами с соседних островов. Мне хотелось заняться какой-нибудь нудной и кропотливой работой, требующей не работы рук или головы, а лишь терпения.

По вечерам, возвращаясь с дежурства, я запирался в своей комнате и вычерчивал план замка. Линия за линией ложились на листок бумаги из тетрадки Тома. Все помещения замка давно уже были перемерены, необходимо было лишь свести воедино длинные ряды цифр. Длина и ширина замка снаружи. Толщина внешних стен. Длина и ширина коридоров. Количество этажей...

Я забрал у Тома калькулятор, переходящий из рук в руки, словно игрушка. Я пересчитывал цифры снова и снова. Определив точную длину меча — девяносто три сантиметра, я перемерил несколько комнат.

Цифры сходились. А вот линии на схеме замка — нет.

Я понял, в чем дело, поздно вечером. Но к Крису решил пойти наутро: мне очень хотелось спать, а разговор предстоял долгий. По натуре я, наверное, жаворонок — мне трудно не спать допоздна, зато встаю я рано. Ну а в это утро поднялся еще затемно, часов в пять.

Ночь — время открытий. Я окончательно убедился в этом, подойдя к комнате Криса. Тихий, но отчетливый шепот остановил меня на пороге, возле плохо прикрытой двери. Я узнал голос, и сердце растерянно заколотилось.

Ритка.

Можно было уйти. Даже нужно было. Но я растерялся. Мне стало жарко, и ноги сделались ватными. А в голове вертелась одна-единственная мысль: какой же я глупец, не лучше Малька.

— Крис, хороший мой, — прорывался сквозь тонкую дверь Риткин голос. — Мы все делали правильно, никто не виноват... Ну зачем ты так?

— Я мог догадаться. Я должен был догадаться. — Голос у Криса оставался твердым, как всегда. Но едва уловимой тенью мелькало в нем сомнение. Словно наш командир просил: поспорьте же со мной! переубедите!

— Ничего страшного и не случилось. С нами, во всяком случае.

— Сержан... И Лерка с Олей.

— Вспомни хотя бы месяц, когда на острове никто не умирал. При чем тут Конфедерация? А Оля уже почти в порядке.

На секунду наступила тишина. Надо было уходить, **142** но теперь я боялся, что они меня услышат.

- Хватит об этом, Крис. Скоро начнет светать. Ты устал.
- Подожди, Рита. Еще немного... поутомляй меня.

Ритка засмеялась странным, незнакомым смехом и сказала:

- Слушаюсь, мой командир...
- Если так... хорошо?
- Да... да.
- Принцесса моя...

Я уходил. Я пятился в темноту, от этих голосов, от едва уловимого шороха. От двух взрослых людей, которые притворяются детьми, чтобы легче было настоящим детям.

— Я не могу без тебя, — вздрагивающим, незнакомым голосом сказала Ритка — Не умирай, ладно? Не лезь в драки Крис... Крис...

Она замолчала. И вдруг слабо, сдавленно застонала. Почему? Разве бывает больно... от этого?

Я отступал все дальше и дальше. Уже не слышны были слова, растворился в темноте шорох. Сейчас я забуду в свою комнатку, укуруюсь одеялом и усну. Постараюсь уснуть...

Дурацкий деревянный меч зацепился за ногу. Взмахнув руками, словно за воздух можно было ухватиться, я полетел на пол. И услышал, как глухо хлопнул о камень деревянный клинок.

Крис распахнул дверь через две-три секунды, я еще сидел, упираясь ладонями в пол. Силуэт его четко вычертился в сером проеме — окна этой комнаты выходили на восток. Одна рука казалась неестественно длинной — в ней был зажат меч.

- Это я, Крис, это я.
- Димка, что случилось?

Я смотрел на Криса, на пружинистый, собранный силуэт в двери. И вдруг понял, что он не одет. Совсем не одет.

— Крис, есть важный разговор. Зайди ко мне... пожалуйста, — зачем-то добавил я.

- Да, я зайду. Через минуту, ладно?

Неужели я говорю таким же ненатуральным вежливым голосом? Наверное, все люди, не привыкшие попадать в неловкое положение, ищут спасения в призрачной броне этикета.

- Спасибо, я буду ждать.

Я почти бежал к себе. Нашел на столе спички, зажег свечу. Сел на кровати, глядя на неохотно разгорающийся язычок пламени. По комнате поплыл уютный запах расплавленно-го стеарина.

— Что случилось? — Крис беззвучно вошел в комнату.

Вид у него был самый обычный. Джинсы, футболка, старые кроссовки, меч у пояса.

— Посмотри... — Я протянул ему листки. — Это план замка. На нем все комнаты и коридоры, которые нам известны.

Он даже не стал смотреть — понял и так.

— Которые нам известны?

— В центре замка остается белое пятно. Между Тронным залом и кухней. Там помещение — пять на пять метров, — в которое не ведет ни одна дверь.

Крис молчал очень долго. Я не удивился бы, скажи он, что ему давным-давно известно про это «белое пятно». Но Крис сказал другое:

— Предлагаешь пробраться туда?

— Да. Сломаем стену.

— А нам разрешат?

Я посмотрел в глаза Крису. Мне стало не по себе от этого простого вопроса. Крис, командир наш, самый храбрый и сильный на острове... Неужели ты смирился?

— А мы никого не спросим, — очень твердо сказал я.

— Дима, иногда пришельцы запрещают самые безобидные вещи. Они, например, не против занятий сексом. А вот если парень с девушкой любят друг друга, то с ними случаются неприятности. Их быстро убивают на мостах... или они случайно падают в море... или вообще исчезают среди ночи. У нас очень трудно любить. Я думаю, не потому, что пришельцам не нравится чья-то любовь. Наоборот, они ее прекрасно используют. Человеком, который любит, управлять проще, чем тем, кто боится за себя.

Вот оно что. Я отвернулся и тихо ответил:

— Тогда решай сам. Или посоветуйся...

Прошла секунда, другая. Потом Крис сказал ласково и насмешливо:

— Глупый... Нам с Риткой все равно немного осталось. Таким взрослым, как мы, жить на Островах запрещено. Я думал о тебе с Ингой, вы можете спокойно выдержать года три-четыре.

Я хотел возмутиться: при чем тут Инга? Но сказал, неожиданно для самого себя:

— Спасибо, но мы не хотим сдаваться им просто так...

Три года — это слишком мало, чтобы их прожить, и слишком много, чтобы их выдержать.

— Тогда буди ребят, Димка, — с непонятным облегчением предложил Крис.

Поискать дверь предложил Толик. Он же ее и нашел.

Эта часть стены немного выделялась на общем фоне. То ли немного светлее были камни, то ли чуть по-иному выложены.

Тимур с Ильей сходили в подвал за ломами — их там было две или три штуки. Подвал мы перестали закрывать с неделю назад — если среди нас и оставался наблюдатель пришельцев, сообщать ему было нечего. Заговоры на Тридцать шестом острове кончились.

Потом мы ломали стену. Камни были скреплены цементным раствором, на наше счастье — некачественным, с годами не затвердевшим, а, наоборот, осыпавшимся.

Вначале мы пытались расколоть камни, потом сообразили, что надо выбивать цемент, вставлять в отверстие лом и, раскачивая его, выковыривать отдельные булыжники. После этого работа пошла быстрее.

Когда в окна начали неторопливо вползать солнечные лучи, Крис озабоченно сказал:

— Ребята, давайте поторопимся. Через полчаса сойдутся мосты.

— Разминки сегодня не будет? — хрипло спросил Тимур, поднимая лом для нового удара.

— Разминайтесь за работой, — отрезал Крис.

— Ясно. — Тимур размахнулся и ударил по стене. Лом выбил здоровенный камень и провалился в образовавшуюся дыру. Тимур едва успел его выпустить, чтобы не ободрать руки о край пролома. Мы замерли.

Первым опомнился Крис. Он отобрал у Толика второй лом и несколькими ударами расширил отверстие. Стоило каменной кладке утратить свою целостность, как она стала разваливаться от малейших толчков. Сила любой стены в ее монолитности. Утратив ее — стена обречена...

Камни с грохотом проваливались в расширяющееся отверстие. В него уже можно было пролезть, но мы не спешили. Под нашими ударами стал проявляться заложенный когда-то дверной проем. Я выждал, когда Крис, отдыхая, опустил свое оружие, и подошел к проему. Нагнулся, заглядывая в него. Меня никто не останавливал. Заглянуть в темноту — это, оказывается, не менее трудно, чем разрушить стену.

Вначале я ничего не видел — глаза привыкали. Из отверстия тянуло застоялым воздухом — не душным и не спертым, просто застоялым. Им никто не дышал десятки лет, вот в чем все дело. В каменной клетке умирает даже воздух.

— Что там? — тихо спросил Меломан.

А я молчал. Из темноты на меня смотрели чьи-то глаза. Живые и мертвые одновременно. Печальные, усталые глаза.

— Здесь портрет, ребята, — сказал я наконец. — У противоположной стены стоит большой портрет. Дайте факел.

Мне всунули в руки палку, обмотанную просмоленной, жадно пылающей тканью. Держа факел перед собой, я протиснулся в проем.

Помещение оказалось довольно большим. Те самые пять на пять метров, которых не хватало на плане. Вверху стены сужались, так что получалось нечто вроде усеченной четырехгранной пирамиды. Ни окон, ни других дверей в комнате не было. На двух дощатых ящиках у противоположной стены косо стояла картина в деревянной раме. Бородатый мужчина в терновом венке. Иисус Христос. На стене висело еще несколько икон.

— Это церковь, часовня, — растерянно сказал я пролезающему за мной следом Крису. Посветил факелом вокруг.

Бочка. Рассохшаяся, опрокинутая набок. Еще несколько ящиков. Пустые жестянки — из-под консервов, что ли? И что-то белое, рассыпанное по полу, прикрытое полусгнившими остатками одежды. Меня замутило.

Их было трое или четверо — те, кто умер в замурованной наглухо часовне. Двое лежали рядом со мной, обнявшись или прижавшись друг к другу. У стены виднелись еще несколько маленьких жалких кучек тряпья и костей.

— Жестоко, — вполголоса сказал Крис и взял меня за руку. Он тоже увидел скелеты. — Их жестоко убили, Димка.

— Они сами себя убили, — растерянно ответил я.

У стены стояло проржавевшее ведро с окаменевшими остатками раствора на дне. Рядом — несколько булыжников. Дверь замуровывали изнутри, а снаружи ее лишь оштукатурили.

Крис медленно нагнулся, поднял что-то с пола.

— Тетрадь, Дима.

Нам повезло, бумага почти не пострадала. Тетрадь желтела, разодранная посередке обложка покособилась, но буквы были видны даже при свете факела.

Оказавшийся в часовне вслед за нами Тимур присвистнул при виде скелетов, подошел к ящикам. С хрустом оторвал одну из досок. Восторженно произнес:

— Крис! Тут, кажется, оружие!

Почему-то нас это даже не взволновало. Не сговариваясь, мы с Крисом стали выбираться наружу. На смену нам мгновенно нырнули Толик с Меломаном. Крис молча подошел к окну, оглянулся, протянул мне тетрадь.

— Давай... Читай.

Вокруг нас были лишь девчонки, ребята рылись среди ящиков. Трещали отдираемые доски. Чему-то шумно восхищался Илья.

— Читай, Дим, — робко сказал Малёк. Он тоже не полез в часовню. Может быть, и у него появилось охватившее нас чувство: написанное в тетради важнее любых находок.

Почерк был округлым, девчоночьим. Чернила от времени не выцвели, а, наоборот, потемнели.

— «Шестое июля тысяча девятьсот сорок седьмого года, — прочитал я. — Двадцать дней назад мы создали наш Союз...»

Я запнулся. Выглянувший из проема Тимур гордо выкрикнул:

— Крис, здесь два автомата!

— «В окружении враждебных сил капиталистического мира наш остров решил не сдаваться, а поднять знамя пролетарской революции».

Мне было и грустно, и смешно. Но больше, наверное, грустно.

8. Дневник Коммунаров

Этим ребятам, жившим на Островах сорок пять лет назад, пришельцы представлялись марсианами. Да еще они считали, что находятся на Земле, в Тихом океане. Вот и все отличия. Остальное было почти таким же, как у нас. Командир, такой же решительный и смелый, как Крис, — только звали его Мишей. Решение объединить острова — не в Конфедерацию, а в Союз. Даже свой корабль у них был — чуть больше «Дерзкого». И свой предатель, говоривший с пришельцами по «радио в подвале». И мятеж, после которого ребята — они называли себя Коммунарами — оказались запертыми на острове. **147**

А еще у них было оружие, попавшее на остров во время войны. И гибли они чаще — новенькие появлялись на Тридцать шестом каждые два-три дня.

Мы словно шли одной и той же дорогой. Только называли вещи разными именами — у этих ребят были в ходу слова: «вредители», «враги народа», «капиталистические наймиты». История Островов шла по спирали. Даже у этих ребят попытка объединения оказалась не самой первой в истории Островов. Но мы, наверное, не смогли бы заживо замуроваться в самой неприступной комнате замка — часовне, среди старых икон, почему-то не выброшенных Коммунарами. Они сумели, когда поняли, что победить не смогут. Не знаю зачем. Девчонка по имени Катя, писавшая дневник, об этом не упомянула. Слово строчка «мы решили забаррикадироваться в часовне» объясняла все.

Я перелистывал сухие, ломкие страницы и вздрагивал, когда наталкивался на знакомые эпизоды. «Эдик и Витя с Двенадцатого острова затащили Динку в свою комнату и изнасиловали. Тогда Миша с Ринатом взяли автоматы и пошли на мост...»

«Когда мы отступали, Вилли выстрелил из лука и убил Семена. А мы совсем не остерегались, потому что знали, у них патронов нет. А еще думали, что Вилли сын рабочего и с нами. Он оказался фашистом. Ребята взяли мечи и пошли врукопашную...»

«Нас атакуют каждый день. Кричат, что мы затеяли всю эту кашу. Мы хотели лучше, но ничего не получилось...»

Я читал вслух, и вокруг меня собрались все. И Тимур с автоматом ППШ в руках, и Илья, вертевший тяжелый желтый брусок, пока Меломан не предположил, что это — динамит. И девчонки. Оля тихо ревела, прижимаясь к Инге. А Ритка сидела злая и мрачная, как никогда.

«Ник сказал, что я последняя девчонка на острове и должна их всех воодушевлять. Миша сказал, пусть я сама решаю. И я согласилась, только мне противно и совсем не приятно. А Пак смотрит на меня обиженно и говорит, что не хочет. Он это зря, на него я не обижусь...»

«Сегодня кончилась вода, и Ник попытался разобрать камни. Миша молчал, а Пак стал помогать. Но цемент засох, и у них ничего не получилось. Мы, наверное, от голода слабые...»

«Пак вчера застрелился из Мишкиного пистолета. Коммунары так не поступают, но мне его жалко. Я весь день реву».

«Очень воняет, и болит голова. Миша сказал, что свечка последняя, и я больше писать не смогу. Мы старались быть настоящими комсомольцами, но, кажется, у нас не вышло. Если... Когда нас найдет Красная Армия, пусть они разыщут тех, кто назывался марсианцами, и убьют их. Или сделают большой суд, а потом убьют. Меня звали Катя, я училась в седьмом классе. Все».

Записи обрывались. Я посмотрел на Крису, словно он мог что-то добавить. А Крис взглянул на часы.

— На мост! — коротко приказал он. — Нас сейчас накроют прямо в замке.

Тимур, с автоматом наперевес, пошел к двери. За ним потянулись остальные. Прежде чем выйти, я бережно положил дневник на стол.

...Нас не накрыли в замке. Перешедшие уже на нашу половину мостов ребята бросились назад, едва увидев автоматы. Пистолет Тома успел научить их уважению к огнестрельному оружию. Тимур, не выпускающий ППШ из рук, как-то странно смотрел им вслед.

— Жалеешь, что не вышло драки? — спросил я.

— Не жалею. — Тимур протянул мне автомат. — Он не выстрелит, затвор проржавел насквозь.

Я посмотрел на маячившие в безопасном отдалении фигурки. Солнце светило им в спины, превращая в прекрасные мишени.

— Дня через два они это поймут.

— Значит, за два дня нужно придумать что-то другое, — невозмутимо сказал Тимур.

Вечер был из тех неудачных вечеров, в которые устаешь ждать. Нам всем хотелось темноты, перерыва в дежурстве, но солнце все не садилось. А когда наконец наступил вечер и мосты начали, поскрипывая, расходиться, идти в замок уже не хотелось. Толик с Меломаном пошли купаться, Крис с Тимуром уединились на мосту — обсудить военные планы... Я поднялся на сторожевую башню.

Интересно, почему в замках непременно делают башни? Неужели только для наблюдения, для дозора? Мне кажется, что башня в массивном, огромном замке — это

как бы противовес его неуклюжей громаде. Замок обязан быть грозным и неприступным, замок не дом, а комфортабельный вариант блиндажа. Но за толстыми стенами, за тоннами камня и металла остается мечта о красоте. Вот тогда-то и строятся сторожевые башни — каменные иглы, воткнувшиеся в небо, пытающиеся доказать, что и в военной крепости может быть кружевная хрупкость средневековых дворцов. Наверное, даже войне хочется казаться красивой. Даже смерти неприятно ходить в драном саване и с тупой косой...

Я стоял, облокотившись о каменные перила, гладкие от тысяч прикасавшихся к ним рук. Стоял и думал о мальчишках, сражавшихся здесь полвека назад. Им наверняка было еще труднее. Никогда не слышавшие про инопланетных захватчиков, знакомых нам хотя бы по книжкам и фильмам, не подозревавшие о том, что на Земле остались их копии... Что чувствовали они, попавшие на Острова из разоренных, прошедших войну стран? Может быть, вначале даже восхищались окружающим великолепием: море, острова, замки, сказочное оружие. А потом понимали, что война снова догнала их, что придется убивать и гибнуть под жарким солнцем, над ласковыми волнами, на овеваемых теплым ветерком мраморных петлях мостов...

— Димка...

Я обернулся. Инга подошла так тихо, что я не услышал ее шагов. Мы с ней давно не оказывались вдвоем, и я вдруг запоздало удивился этому. Словно мы избегали друг друга, стеснялись оказаться наедине.

— Ты грустишь?

— С чего ты взяла?

Увы, отрицания в моем встречном вопросе не получилось. Наоборот.

— Мне тоже грустно.

— Из-за дневника, да? — тихо спросил я.

Инга кивнула.

— Они все продумали, Димка. Пришельцы знают любой наш ход, и не потому, что среди нас есть предатели. Просто все на Островах повторяется. Они изучили нашу реакцию в самых разных ситуациях.

— Может быть, им это и нужно.

Может быть.

Я смотрел Инге в глаза. И думал о том, что почти
150 совсем не боюсь за себя. Не боюсь за Криса или Ритку.

Но, если что-то случится с Ингой, я брошусь вниз с моста. Я ее почти люблю и не должен об этом думать. Иначе «почти» исчезнет, и я не решусь нарушить ни одного правила Игры. Я смирюсь с теми тремя-четырьмя годами, которые мы сможем прожить на острове. Любовь делает свободного человека еще свободнее, но она же превращает заключенного в раба. Я не могу тебя любить, девчонка, которую знал многие годы, а полюбил за несколько недель на Островах. Не должен.

— Димка, придумай что-нибудь. Ты сможешь, я знаю. Мы не должны палить из автоматов по своим соседям, это подло. И не должны пытаться всех объединить, это глупо. Придумай что-то другое, Димка.

Она шагнула к лестнице. Я пытался ответить и не мог. Лишь когда Инга скрылась внизу, беспомощно выдавил:

— Я попробую. Я постараюсь, честно...

Она права, мы не сможем победить по правилам пришельцев. Мы не сможем изменить правила пришельцев. Мы должны разрушить всю систему правил, мы должны разорвать круг...

Мы должны взорвать мосты.

Динамит — это очень странная взрывчатка. Мы убедились в этом, перетаскав на западный мост почти полный ящик желтых брусков и соорудив фитиль из просмоленной пакли. Наши противники хмуро наблюдали за приготовлениями, стоя метрах в двадцати дальше по мосту. Но, когда Крис принялся поджигать фитиль, они дружно бросились бежать. Мы тоже не задержались возле взрывчатки.

Фитиль медленно догорел... и ничего не случилось. Мы ждали взрыва минут пятнадцать, потом Тимур подошел поближе. Секунду он рассматривал сложенные горкой «кирпичики», отступив на несколько шагов... И принялся выбрасывать динамитные шашки вниз. В воду унеслись пять или шесть брусков, затем Тимур махнул рукой, подзывая нас.

— Дерьмо это, а не динамит, — презрительно сказал он. — Даже не собирался взрываться, хотя и горел.

— Горел? — растерянно спросил я.

— Горел. Протух, наверное, вместе с оружием. Не взрывчатка, а манная каша.

— Манная каша не горит, — обиженно возразил Илья, которому идея со взрывом понравилась больше всех.

Пока мы стояли возле неудавшейся мины, переживая свое поражение, Том принялся что-то объяснять

Крису. Вначале Крис не обращал на него никакого внимания, потом оживился.

— Ребята, Том сказал интересную вещь. Не вся взрывчатка срабатывает от огня. Для некоторых видов нужен детонатор.

Я с удивлением посмотрел на смущенного специалиста. Том после происшествия с наркотиками явно жаждал реабилитации.

— А где взять детонатор?

— Попробуем сделать из пороха. Автоматы испорчены, но патроны-то целы.

Патронов действительно было много. Если высыпать из них порох, его могло набраться больше килограмма...

Я пожал плечами. Возражений не последовало, даже Тимур, все еще пытающийся восстановить автоматы, не спорил. Он с Крисом отправился в замок, готовить детонатор, а все остальные продолжали толкаться на мосту. Только Меломан с Игорьком на соседнем мосту «держали оборону». У них был наш единственный исправный пистолет, это делало задачу вполне разрешимой.

Идея взорвать мост прошла легко. Видимо, потому, что все помнили наш рассказ о французском острове, уже многие годы пользующемся преимуществами двух мостов вместо трех. И у меня не было никаких сомнений в правильности своего плана... А вот сейчас, когда суета приготовлений осталась позади, я вдруг задумался. Ведь мы не знали, что последовало за взрывом моста на Четвертом острове: возможно, какое-то наказание и было. А наш остров, после затеи с Конфедерацией и разоблачения Игорька, наверняка был на особом счету у пришельцев. Может быть, и не стоило нам так торопиться?

Но отступать было уже поздно: Тимур с Крисом возвращались. В руках у Тимура виднелась маленькая жестяная баночка из-под яблочного сока.

— Пойдет?

Я заглянул в жестянку — на три четверти ее наполнял буровато-зеленый порошок.

— Это порох?

Мне почему-то казалось, что порох должен быть белым, как мука или сахар. Не знаю, как представляли себе порох остальные, но Тимур ответил серьезно:

— Порох. Мы высыпали из одного патрона и подо-

Он протянул ладонь. Кончики пальцев покраснели и потемнели от копоты.

— Не успел руку отдернуть. А там было совсем чуть-чуть.

Тимур принялся устанавливать баночку среди динамитных брусков. Я посмотрел на ребят: Толик с Томом наклонились вперед, едва не уткнувшись носами в «детонатор», Крис меланхолично разглядывал наших врагов, позорно сбежавших с моста. Они стояли возле своего замка, явно ожидая развязки. Нет, отступать теперь невозможно...

Илья тронул меня за плечо.

— Дима, может, лучше взорвать мост у самого основания? Вот грохоту будет!

Я покачал головой. Грохот в нашу задачу не входил, надо было лишь вывести мост из строя. Чем меньше окажутся разрушения, тем меньше возможный гнев наших хозяев. Наверное, этим руководствовались и французы, взрывая свой мост посередине.

Тимур закончил обкладывать жестянку динамитом и вставил в нее новый фитиль.

— Готово.

Все молчали. Странно, перед предыдущей попыткой взрыва мы словно бы подсознательно предчувствовали неудачу. А сейчас самодельный фугас выглядел достаточно серьезно...

— Сваливайте, — сказал наконец Толик. — Я подожгу.

Спорить никто не стал: Только бегал лучше всех нас. Тем более по мостам, где бег временами был похож не то на слалом, не то на прыжки с трамплина.

Мы спустились почти до самого замка, но совсем уходить с моста не стали. В этом был какой-то вызов пришельцам... А может, и простая беспечность.

Толик выждал несколько минут и начал возиться с фитилем. Я вдруг испугался: появилось дурацкое чувство, что взрыв произойдет прямо сейчас. Мгновенная вспышка, удар, и Только навсегда исчезнет...

Но все шло нормально. Толик поджег фитиль и бросился к нам. Через пару минут мы уже стояли вместе.

— Сейчас, — тяжело дыша, заявил Толик. — Сейчас рванет.

Мы замерли. Шли секунды.

— Если опять не вышло, то я туда не пойду, — хмуро сказал Тимур. — Вдруг фитиль тлеет и взорвется минут через...

Мост вздрогнул.

Я понимаю, что вначале мы должны были увидеть вспышку. Скорость света куда больше скорости ударной волны. Но мне взрыв запомнился именно таким.

Мраморные плиты под ногами затряслись, мост качнулся, выгибаясь в предсмертной судороге. На середине моста закружился багровый огненный клубок. Он разрастался, словно наматывал на себя из воздуха вначале невидимую, а потом мутнеющую оранжево-черную нить. Мы пригнулись, а сверху на нас навалился грохот. Словно все каменные плиты, рушащиеся сейчас в воду, падали прямо на нас.

Мы недооценили мощность динамитных шашек. Для взрыва моста хватило бы и половины приготовленного количества.

Сознание оставалось четким. Я видел, как валится вниз оторванный взрывом кусок моста: огромный, метров десять длиной. Потом раздался всплеск, и вверх вскинулся пенный фонтан... Пришельцы уничтожали все, падающее с мостов в море. Исключение сделали лишь для самого моста.

— Ребята! — отчаянно крикнул Илья. Я повернулся.

Он то ли не удержался при толчке, то ли просто поскользнулся. Илья висел над водой, цепляясь за столбик ограждения.

На первый взгляд ничего страшного не произошло. Мы находились на самой низкой части моста, на высоте пяти-шести метров. Кому из мальчишек не доводилось нырять с пяти-метровой вышки?

Но мы были не в бассейне, и падать Илье предстояло не с вышки — с моста. А все падения заканчивались одинаково.

Я бросился к нему. Но меня опередил Крис. В несколько секунд он оказался рядом с Ильей, втащил его обратно на мост. Но что-то в лице Ильи неуловимо изменилось за эти секунды. Он казался теперь куда младше и смотрел на нас, как-то растерянно шурясь.

— Очки упали, — с ужасом сказал он. — Ребята, что делать?

Крис беспомощно пожал плечами.

— Главное, что сам цел, — успокоил Илью Толик.

Кивнув, Илья поморщился. Мне показалось, что он готов заплакать. Но вместо этого он спросил:

— А мост? Я не вижу.

154 — Мосту крышка, — злорадно сказал Тимур.

Две половинки моста теперь разделял проем метров в двадцать, заполненный лишь медленно рассеивающимся дымом и оседающим облаком каменной крошки. На этом мосту Игра кончилась.

— А что дальше? — требовательно спросил Илья.

Никто не ответил.

9. Холода

Я проснулся от того, что мне больше не хотелось спать. Ощущение было немного странным — за время жизни на Островах я привык не высыпаться. Вчера мы тоже засиделись допоздна: казалось нервное возбуждение после успешной «диверсии». Лишь в первом часу ночи Крис велел всем расходиться.

Оторвав лицо от подушки, я взглянул в окно. Было светло, очень светло. Мосты давно должны были сойтись. Почему же меня не позвали на дежурство?

Соскочив с кровати, я начал одеваться. Может быть, Крис решил теперь обходиться меньшими силами, ведь западного моста не существует? Но почему неожиданный отдых дали именно мне, а не Илье или раненному накануне Меломану? В этом было что-то обидное.

Я взял меч, вдел его в петлю на поясе. Сейчас надо все выяснить и...

Что-то было не так. Я крутанул на месте, подозрительно оглядывая знакомую комнатку. Подошел к окну. Ничего особенного. Спокойное море, сероватое сумрачное небо. Я даже принялся: тревога, казалось, была раздита в воздухе. Почувствовал лишь привычный, слегка аптечный запах моря.

Меня пробил мелкая дрожь. Но не от страха — от холода. Обычно, одевшись, я всегда согревался, даже самым ранним утром, когда еще не выглянуло солнце...

Так вот в чем дело! В комнате было непривычно холодно, градусов десять, не больше. Так сильно на Островах я еще не мерз, даже ночью, в дождь, под пронизывающим ветром. Сейчас же погода казалась вполне приличной.

Я открыл окно, в смутной надежде, что холод скопился лишь в замке, спрятался в каменных стенах моей

комнаты. Но дохнувший снаружи воздух оказался еще холоднее, меня снова охватила дрожь. Дул слабый, едва заметный ветерок, который с каждой секундой казался все холоднее. Я перемахнул через подоконник на террасу. И сразу увидел Криса.

Выглядел он непривычно — на нем был канареечно-желтый шерстяной свитер с закатанными рукавами. Крис, запрокинув голову, всматривался в небо.

Я подошел, встал рядом. Крис покосился на меня, но продолжал стоять, задрав голову.

— Где ребята? — хмуро спросил я.

— Илюшка с Томом ловят рыбу. Остальные спят, — безразлично ответил Крис.

— А кто на мостах? — растерялся я.

Крис усмехнулся.

— Никого. Холодно ведь, мосты и не думают сходиться.

Действительно. Я совсем забыл, что мосты сходятся лишь после того, как их нагреет солнце.

— Никогда не думал, что здесь бывают такие холода, — словно извиняясь за свой тон, сказал я.

Крис кивнул и задумчиво произнес:

— Я тоже не думал.

Мне стало неуютно. Словно вдобавок к прохладному ветру окатили ведром ледяной воды.

— Такого раньше не было?

— Нет. Впрочем, мы и мостов раньше не взрывали.

Я обхватил руками плечи. Глупый жест, словно от него может стать теплее. Когда-то так ежился Том, оказавшись на острове среди незнакомых мальчишек и девчонок.

— Крис, а еще теплая одежда есть?

— Спроси у Ритки, она найдет что-нибудь.

Кивнув, я пошел к ближайшей двери. Уже на пороге не удержался:

— Что ты высматриваешь? Пришельцев?

Крис покачал головой, словно я спрашивал его всерьез. И ответил:

— Солнце. Облака реденькие, а солнца нигде не видно. Странно, правда?

Дождь пошел после обеда. Он начался так тихо, лениво, что мы не сразу заметили сеющуюся с неба мел-

кую морось. Собравшись в Тронном зале с самого утра, мы болтали, пили чай и старались не обращать внимания на понижающий до костей холод. Ритка раздала все запасы теплой одежды, которые нашлись в замке, и мы оделись в свитера, куртки, плащи, принадлежавшие прежним обитателям острова, попавшим на него среди зимы. Мне досталась отличная теплая куртка — из черной и серебристо-серой ткани, с отстегивающимися рукавами и капюшоном, множеством замков и карманов. Выглядела она почти как космический скафандр — появившись я в ней дома, все мальчишки лопнули бы от зависти. Куртка оказалась чуть маловата, но сидела от этого, по-моему, еще лучше. Я сразу решил, что в бою можно отстегнуть рукава, и движениям ничего не будет мешать. Впрочем, какие драки в такую погоду? Щель между мостами не только не сократилась, наоборот, увеличилась на метр-полтора.

Девчонки куда-то на минуту вышли, и Меломан воспользовался этим, чтобы рассказать анекдот про Шерлока Холмса и его скверную привычку курить трубку перед завтраком. Анекдот оказался ужасно смешным, и мы хохотали как сумасшедшие. Потом Крис перевел анекдот для Тома, и мы снова принялись хохотать, глядя на его запоздалый смех. А когда замолчали в полном изнеможении от неожиданного веселья, в зале наступила полная тишина. И сразу стал слышен шорох дождя.

Дождь шел почти незаметно для глаз. Крошечные капли, растертые ветром в невесомую водяную пыль, мокрой сыпью ложились на мрамор. Через несколько минут на плитах террасы словно ниоткуда проступили лужицы. Казалось, вода в них дрожит, покрытая сплошной рябью падающих капелек.

Прижимаясь к холодным стеклам, мы смотрели на дождь. Потом Толик решительно потянул на себя оконную створку. Окно нехотя — неужели уже успело разбухнуть? — открылось. Толик, закутанный в пару рубашек и шерстяную олимпийку, поежился. Крис негромко произнес:

— Ого...

Стало еще холоднее, по-осеннему зябко и неудобно. А небо до самого горизонта застилала неподвижная пелена туч. Никто не произнес больше ни слова, пока Толик не захлопнул окно: зло, сильно, даже стекла звякнули.

— А может, здесь зима такая? — неуверенно спросил Илья. Часто моргая и шурясь, он переводил взгляд с

одного на другого. Я подумал, что в таком полумраке и без очков Илья не отличит Меломана от Толика, а меня от Тимура...

— Да, зима, — подхватил Тимур. — Пятьдесят лет было лето, а теперь пятьдесят будет зима.

— Между зимой и летом обычно случается осень, — очень тихо сказал Крис. — И ни на одной планете осень не может наступить так внезапно.

— Нас наказывают.

Наверное, мы успели отвыкнуть от этого голоса: он прозвучал неожиданно для всех. Игорек давно уже не участвовал в общих беседах, хотя и старался держаться на виду. Сидел где-нибудь в уголке, вздрагивая, когда к нему обращались.

— Что ты хочешь сказать? — резко спросил Крис. — Ты что-то знаешь?

— Да. — Игорек говорил негромко, но очень уверенно. — Однажды я спросил, что они могут сделать с теми, кто откажется подчиняться. Они ответили, что накажут их холодом.

— Раньше сказать не мог?

Игорек снова сжался:

— Я только сейчас вспомнил. Они же не говорили про мосты. Я думал, тут что-то серьезнее.

Крис вдруг улыбнулся.

— Малёк... А ты не можешь уточнить? Спуститься в подвал, поговорить с ними...

Игорек начал бледнеть прямо на глазах.

— Крис, меня убьют. Я же их выдал, они знают. Эта плита, до которой нужно дотронуться, она током бьет. Крис, не надо.

Наш командир задумчиво смотрел на Игорька.

— Ну, как хочешь. Но я так и не понял суть наказания. Чтобы мы умерли от холода, нужно выморозить все Острова. Погибнут и те, кто их слушается. Зачем такие сложности?

— Можно просто не присылать нам продукты, мы тогда умрем от голода, — вставил Толик. — Это куда проще, чем устраивать грандиозное похолодание.

— Верно. — Крис кивнул. — Жаль, что ты не выяснил детали. Если они всерьез решили нас наказать, то холодом дело не ограничится.

Мне стало не по себе. Я отвернулся к окну, взглянул на продолжающийся дождь. И увидел, что лужицы под окнами уже не морщит от падающих капель. Их стянула тоненькая ледяная корочка.

— Ноль, — зачем-то сказал я. — Ноль градусов, ребята.

Я не хотел просыпаться. Я словно заранее знал, что пробуждение будет мучительным и неприятным. Кутаясь в толстое одеяло, цепляясь за остатки сновидений, я пытался удержать сон. Жизнь, если разобраться, это всего лишь ухудшенный вариант сна... Но холод, пронизывающий и беспощадный, похожий на миллионы ледяных нитей-шупалец, уже вцепился в мое беспомощное тело.

За окном шел снег. Протянув руку, я подхватил со стула одежду и, втиснувшись поглубже под одеяло, принялся одеваться. Потом, все еще ощущая противную мелкую дрожь, встал и надел куртку. Наверное, было не так уж и холодно. Просто я отвык от стужи в теплом миреке Островов.

Снег падал так же лениво и неспешно, как вчерашний дождь. Неотвратно и беспощадно. Если он действительно был вызван пришельцами, то они неплохо разбирались в человеческой психологии. Медленное, неотвратимое похолодание пугало куда больше, чем неожиданная метель или заморозки.

Я вышел на террасу. Здесь снег доставал до щиколоток. Он сразу забился в кроссовки и начал таять. Стараясь не замечать этого, я прошелся взад-вперед.

Мосты казались какими-то зауженными, жалкими. То ли это мне почудилось, то ли они действительно уменьшились от холода. А внизу, по берегу моря, прохаживался Крис. Немного понаблюдав за ним, я тоже спустился с террасы. Наш командир был занят чем-то непонятным — он осторожно касался воды носком кроссовок, отдергивая ногу, шел дальше по берегу, оставляя четкие рубчатые отпечатки подошв на свежем снегу.

— Крис! — позвал я.

Он обернулся, кивнул, ничего не произнося вслух, пошел ко мне. В длинном свитере, с ногами, облепленными мокрым снегом, с покрасневшими от холода руками, он больше не казался мне взрослым. Такой же подросток, чуть повзрослее и повыше меня, нескладный и худощавый...

— Что ты делаешь, не пойму? — спросил я. — Проверяешь, подходящая ли водичка для купания?

— Да, — серьезно сказал Крис. — Лед чуть окрепнет, будем купаться... У вас, русских, это же принято?

Я ошарашенно посмотрел на море. Воду у берега действительно стягивал лед. Купаться в проруби — это, конечно, хорошо. Русская народная забава, мы всю зиму только

и делаем, что на морозе загорает... Но, черт побери, как может замерзнуть море? Соленое море?!

— Крис, соленая вода так легко не замерзает! — удивленно сказал я. Подошел к берегу, зачерпнул пригоршню обжигающей, студеной воды с плавающими в ней льдинками. Поднес к губам.

— Ты абсолютно прав, — сказал Крис.

Вода была едва солоноватой. Даже запах йода стал незаметен. Почти как в нашем городском озере...

— Пойдем в замок? Я совсем... — Крис замешкался, подыскивая подходящее слово. За все эти годы ему не часто приходилось испытывать холод. — Совсем озяб, — закончил он с некоторым сомнением в голосе.

— Что за ерунда, — шагая следом, бормотал я. — Опреснить целое море... Зачем?

— А ты не понял?

Я насторожился.

— Нет...

— Когда море замерзнет целиком, от острова к острову можно будет пройти без всяких мостов. Кто виновник похолодания, соседям известно. Нас всех перережут.

Крис с натугой открыл дверь замка.

— И сразу станет теплее.

Сначала море промерзло у берегов. Ледяная корка опоясала остров все увеличивающимся белесым кольцом. Сверху оно казалось прибитой волнами пеной.

Затем в море, между островами, стали появляться голубоватые пятнышки льдин. Их было совсем еще мало, но число их постепенно увеличивалось.

— Нам осталось жить день или два, — громко сказал Меломан. Наверное, он хотел прошептать это себе под нос, такие красивые фразы были не в его духе. Но наушники работающего на полную громкость плеера мешали ему соразмерить силу голоса. До меня доносились слова:

Был город ветром выдут насквозь,
Мороз на землю клал седины...
Горела будничная надпись:
Народ и партия едины...

Слышал я эту песню. Опять любимая меломановская «Спираль времени», прошлогодний концерт «Дракон — любовь в морозной стране».

Никто не обратил внимания на слова Меломана. Обсуждался план обороны острова, и со всех сторон сыпались «гениальные» идеи. Взорвать лед остатками динамита (Тимур), сделать лыжи и коньки, чтобы иметь превосходство в скорости (Инга), напасть на соседние острова первыми (Илья), уйти по льду далеко-далеко (Оля). Я представил себе, как Тимур с Ингой несутся на коньках по льду, лавируя между полыньями и размахивая деревянными мечами. Представил и расхохотался.

— А твое мнение, Димка? — спросил Толик.

Я пожал плечами.

— Еще не придумал. Только уйти далеко-далеко мы не можем. Стоит нам отойти от острова на пару километров, как лед растает. Точно, Малёк?

Он торопливо кивнул.

— Да. Обязательно растает...

— Вот так. А лед взорвать, конечно, неплохо... Только через пару часов полыньи снова замерзнут. Лучше уж надеть гранат.

— Динамитных шашек? — уточнил Тимур.

— Да. С коротким запальным шнуром.

— Можно... — Тимур обернулся. — А где Крис? Ритка, он куда ушел?

— А он и не появлялся. — Ритка пожалала плечами. — На башне, где же еще.

Только сейчас я заметил, что Криса среди нас нет. Это было так непривычно, что никто и не заметил его отсутствия. Не знаю, как других, а меня кольнула тревога.

— Я его позову, — вскакивая со стула, сказал я. — Чего он там прохлаждается...

— Прохлаждается — это верно, — с удовольствием заметил Илья.

Ритка посмотрела на меня, и во взгляде ее мелькнуло беспокойство. Между нами словно натянулась невидимая ниточка.

— Поищи его, Дима, — попросила она. — Уже восьмого, пора ужинать...

Ребята оживились, а Оля бесшумной тенью скользнула в сторону кухни. Аппетита никто из нас не утратил.

— Я быстро. Я сейчас... — пробормотал я, скрываясь за дверь.

В коридорах был какой-то непривычный сумрак. Светлый сумрак, когда темно от закрывших небо туч, но светло от покрывшего землю снега. Удивительный полумрак, когда можно свободно читать, но стоящий в двух шагах человек делается неразличимым...

Держась за рукоять меча, я пошел по коридору. Неужели Крис на сторожевой башне? Что ему делать на открытой, продуваемой ветрами площадке?

Наверху Криса не оказалось. Площадку сторожевой башни покрывал толстый слой пушистого, нежного, как тополиный пух, снега. Я потоптался у люка, оглядывая окрестности.

Великолепно был виден весь наш остров. Ставший снежно-белым, чистым, он словно бы еще больше уменьшился, превратился в игрушку, в подставку из белой пластмассы, на которой красовалась миниатюрная модель средневекового замка. Озеро посреди острова замерзло, деревья, не успевшие сбросить листву, согнулись под тяжестью снега. «Посадочная горка», где я когда-то приземлился, покрылась синеватой наледью, слегка поблескивающей в рассеянном вечернем свете.

Море тоже покрылось льдом. Кое-где он казался еще очень тонким, под ним отчетливо темнела вода. В некоторых местах лед раскалывали извилистые черные трещины. Но к утру легкий морозец залатает и эти прорехи в ледяном панцире моря.

И тогда мы примем свой последний бой.

Я начал спускаться. Хорошо бы Крис был у себя...

Дверь в его комнату оказалась незапертой, внутри меня встретила темнота. Я уже повернулся, собираясь уходить, когда услышал слабый, сдавленный звук.

— Крис!

Ответа не было. Я подошел к столу, ощупью нашел спички и свечу. Стоило привыкнуть к тому, что все важное на Островах происходило ночью. Дни походили друг на друга, а вот ночью развязывались языки и раскрывались страшные тайны...

Крис плакал, лежа на кровати.

Сев рядом, я тихо позвал его:

— Крис! Командир!

— А... Дима... Наш... Храбрый друг...

Глаза его мокро поблескивали и метались по моему лицу, словно не в силах остановиться.

— Не плачь, — глотая подступивший к горлу комок, попросил я. — Слушай, Крис, никто же не плачет... Даже девчонки. Может, еще потеплеет, и лед...

Крис захохотал.

— Дима... Мой глупый, маленький Дима! Ты думаешь, я боюсь?

Меня охватила злость.

— Да!

— Дурак... — Он неожиданно резко замолчал. — Это так смешно... Когда я еще жил *там*... Я ходил в школу, и надо было переходить через дорогу. Большую дорогу, где ехало много машин. И мой папа, мой строгий папа, который легче наказывал меня, чем хвалил, шел со мной и переводил через дорогу. Целых полгода... пока не понял, что я научился переходить самые широкие улицы. Я не мог понять, чего он так обо мне заботится, почему волнуется... А теперь знаю.

Меня даже смех пробрал.

— Крис, если ты считаешь нас всех своими детьми... Спасибо, но мы умеем переходить улицы.

— Ты очень глупый мальчишка, — спокойно сказал Крис. — От такого дитяти, как ты, поседеть можно...

Он вдруг протянул руку, сжал пальцы на пламени свечи. Крошечный огонек погас, зацадил тлеющий фитилек.

— У меня будет свой ребенок, Дима. У меня и у Риты. Нет, неправильно... Должен был быть. Мог быть... И никогда не будет.

— А... скоро? — глупо спросил я.

— Какая разница...

— Я... я тебя поздравляю, Крис...

Наступила тишина. На мгновение мне показалось, что Крис сейчас вскочит и ударит меня. Но он опять засмеялся странным, непривычным смехом.

— Димка, ты ничего, нормальный... В дети я бы тебя не взял. А в младшие братья — с удовольствием.

— Спасибо.

Крис начал тонко, тихо хихикать.

— Какие мы... вежливые... хорошие. А они нас убивают. Заставляют убивать друг друга. И ничего не поделать, ничего...

— Крис, ты как пьяный, — осторожно сказал я.

— Да? — Он замолчал. — А это похоже... наверное. Я там не пил... Только однажды пиво попробовал... с братом.

— На что похоже? Крис! — Я схватил его за плечи, тряханул. — Ты выкинул ту дрянь или нет? Крис! Куда ты дел наркотики?

— Не кричи, — почти нормальным голосом попросил Крис. — Я почти в форме. Уже проходит.

— Ты же обещал... И Тому говорил, что выкинул, — с обидой и болью сказал я. — Зачем ты так...

— Завтра они нам пригодятся. Чтобы драться, не чувствуя боли. И умирать, не чувствуя страха.

— Ты узнал, что это?

— Нет, я не спрашивал Тома. Да и не важно. Кокаин или крэк. Если вдыхать совсем немного, то сознания не теряешь и ничего не мерещится. Просто весело, и нет никакого страха.

Он помолчал и безнадежно произнес:

— Мы все друг друга лупим. А надо бы до хозяев добраться, с ними побеседовать. Но они же трусы, они не показываются. Еду распределяют да огрызки забирают, вот и вся работа.

Я хотел кивнуть, но передумал. Все равно темно, Крис не увидит моего вежливого жеста. До хозяев добраться? Хорошо бы. Инга давно об этом говорила. Но они ведь не показываются, только отходы забирают. Заботятся об экологии Островов. Отходы забирают... К себе... Каждую полночь. Мы складываем весь мусор на полках кухонного шкафа, и...

— Крис!

Я вскочил. Идея, сумасшедшая, дикая, но Идея с большой буквы, билась в голове, требуя выхода. Лишь бы Крис понял. Лишь бы поверил.

Лишь бы не пожалел остатков динамита.

10. Диверсия назначена на полночь

На кухне нас было трое: Крис, Тимур и я. Остальные сидели в Тронном зале, и Меломан с Толиком дежурили у дверей. Среди нас могли скрываться другие агенты, кроме Игорька. А рисковать мы не могли. Пусть уж лучше все будут на виду друг у друга.

— Полки узкие,— тихо ругался Тимур, очищая шкаф.— Они специально их такими сделали, что ли? Я мог бы залезть внутрь и переправиться к ним... Или выломаем полки? Тогда я влезу.

— И прибудешь к цели в виде шести узеньких кусочков. Лучше уж используем динамит, — непреклонно сказал Крис.

Я подумал, что и эффекта от двадцати килограммов динамита будет больше, чем от Тимура с двумя мечами. Но говорить не стал, к чему обижать нашего лучшего бойца... Черт, каким опытным дипломатом я становлюсь! Продумываю, что можно говорить, а что нельзя...

— Давай, Дима.

Бережно, словно спящего ребенка, я достал из ящика динамитную шашку, протянул Тимуру. Желтый брусок мягко опустился на нижнюю полку шкафа. Рядом — еще один. И еще. И еще...

— На три полки хватит, — не прекращая работы, предположил Тимур. — Вот только как со взрывателем?..

— Рита говорила, что чашки с продуктами почти всегда опрокидываются, иногда даже бьются. Значит, телепортация проводится грубо, неточно. Должно сработать... — Крис произнес это довольно уверенным тоном, но я не видел его лица. Свечи стояли шагах в пяти от нас. И немудрено — в руках у Криса была консервная банка, набитая остатками пороха.

— Готово. — Тимур, не глядя, вытянул руку. Крис вложил ему в ладонь жестянку.

Осторожным движением Тимур поставил ее среди динамитных «кирпичиков», уложенных на верхней полке. Спросил:

— Сколько времени?

Крис взглянул сначала на левую руку, потом на правую. Для надежности он забрал у Ритки ее часы.

— Без десяти двенадцать.

— Свечу.

Поколебавшись секунду, Крис скользнул к столу. Вернулся с новенькой, только что зажженной белой свечой. Сказал:

— Может быть, я? Если ты ее уронишь...

— Свечу!

Больше Крис ничего не говорил. Он протянул Тимуру стearиновый цилиндр, пляшущий язычком пламени, и подошел ко мне. Затаив дыхание, мы следили за медленными, плавными движениями Тимура.

Он осторожно воткнул свечу в буроватую горку пороха, выступающую из жестянки. Свеча вошла в нее до половины, пламя задрожало, потянулось вниз, к темным крупинкам... Тимур окаменел.

Пламя выпрямилось, лизнуло огненным язычком деревянную полку. Тимур начал разжимать пальцы — и свеча задрожала, словно прилипла к его ладони. Тимур сжимал ее так сильно, что пальцы вдавились в стеарин...

Он наконец-то смог убрать руку. Свеча стояла крепко, прозрачные горячие капли стекали по ней в пороховой холмик.

— Свеча горит полчаса? — часто дыша спросил Тимур.

Крис кивнул.

— А тут до половины... пятнадцать минут. Хватит.

Он помолчал и глухо произнес:

— Если не сработает, если телекинеза не будет, я ее оттуда доставать не собираюсь. Уже руки дрожат...

Потом снова посмотрел на часы.

— Без пяти минут полночь.

Пламя опускалось все ниже, свеча словно приседала, погружаясь в пороховую горку. Застывающий стеарин растекался вокруг нее неровным кружком. Это было совсем некстати — свеча должна оставаться неустойчивой, балансировать на грани равновесия, чтобы при малейшем толчке упасть на порох.

— Минута. Одна минута. — Крис оглянулся на меня, как бы ища поддержки. — Выйдем отсюда?

Я пожал плечами. Если телекинеза не будет... и взрывчатка сдетонирует здесь... Тогда спасения можно искать лишь за стенами замка. Но мы уже не успеем выбежать наружу.

Двенадцать. Полночь.

Желтый листочек пламени раскачивался над самым порохом. Я вдруг понял, что, если протянуть к свече руку, пытаясь погасить пламя, оно вздрогнет от колебания воздуха и воспламенит порох. Если телекинез не произойдет, мы погибнем еще быстрее, чем того хотели пришельцы...

Огонек в шкафу погас. Прошло несколько мгновений, прежде чем мы разглядели, что бруски динамита исчезли. Вместо них на полках лежали буханки хлеба, несколько коробок, горсть конфет, пол-литровая бутылка из-под молока с чем-то желтым, прозрачным, похожим на растительное масло.

Крис подошел к шкафу, набрал в ладонь конфет. Протянул нам.

— Берите. Мы их заслужили, верно?

— На одной из инопланетных свалок грохнул ужасный взрыв, — разворачивая обертку, сказал Тимур. — Жертв нет, за исключением пары инопланетных кошек.

Я хихикнул, примирительно спросив:

— Но все-таки инопланетных?

— Конечно.— Тимур с удивлением посмотрел на меня.— Чего ты оправдываешься, мне сразу понравилась идея этой диверсии...

Раздавшийся в соседней комнате крик оборвал наш разговор. Я бросился к двери, роняя ненадкусенную конфету, с одной лишь мыслью: «Доигрались».

А в темных полуночных окнах ярко и торжествующе занялся рассвет.

Часть четвертая

РЫЦАРИ И ПРИШЕЛЬЦЫ

1. Острова без грима

Кричала Ритка. Она стояла у окна, облокотившись на подоконник, и единственная видела то, что происходило снаружи. Никто из ребят не успел еще и с места сдвинуться, лишь Толик выхватил меч.

В два прыжка я оказался у ближайшего окна. Тронный зал наполнял яркий солнечный свет, льющийся из замерзших окон. Ударом локтя я высадил стекло. Скованное тяжелой ледяной коркой, оно раскололось на несколько крупных осколков, вывалившихся наружу от второго удара.

На западе всходило солнце.

Пальцы Криса впились в мое плечо. Ругался, не умолкая ни на секунду, Тимур, и мне показалось, что он уже понял что-то, еще неведомое для нас.

Рассвет пришел с запада. Солнечный диск торопливо выползал из-за горизонта. В небе темной узкой полосой пронеслись низкие грозовые тучи. Потом, так же неправдоподобно быстро, стайей напуганных птиц пролетели пушистые белые облачка. Воздух заволокло туманом, который тут же рассеялся под лучами замершего в зените светила.

Я выпрыгнул на террасу. За мной стали выбираться остальные ребята. Кто-то прижался к моему плечу, и я скорее почувствовал, чем увидел: это Инга.

Покачиваясь вертикально в небе, менял свою окраску солнечный диск.

Наверное, это было самое красивое зрелище за всю историю Островов. Над заснеженной равниной, над утопающими в сугробах замками, над кутающимися в теплое

тряпье мальчишками полыхала невиданная, невозможная звезда. Она становилась огромной, занимающей полнеба, дымно-багровой, похожей на догорающий пожар... А через мгновение уже сжималась, наливалась ослепительной яркостью, сияла таким беспощадным бело-голубым пламенем, что снег начинал мутнеть, покрываться подтаявшей, ноздреватой льдистой корочкой.

Мне не было страшно. Глядя на фантастическую иллюминацию в небе, я думал о том, что уже видел похожее зрелище. Ночью, в штормовом море. Когда потопил клипер Безумного Капитана.

Солнце приняло свой нормальный вид. Начало изменяться небо. Оно все голубело и голубело, становясь таким чистым и прозрачным, какое бывает лишь высоко в горах. Парочка замешкавшихся облаков бесследно растаяла в этой голубизне. А потом, двумя быстрыми мазками крест-накрест, небо перечеркнули яркие многоцветные радуги. Сразу две. Солнце застыло в точке их пересечения, словно беспомощная мишень в исплинской прицельной мушке.

Сейчас должно было случиться что-то совсем неожиданное. Я сознавал это так же ясно, как и то, что наша диверсия оказалась успешнее самых смелых прогнозов...

Небо высветилось почти до белизны. Солнце поблекло, растворяясь в свечении воздуха, в мерцании радужных полос. Мне показалось, что начал светиться сам воздух — на снег легли знакомые голубоватые блики... Но я ошибся. Синеватым огнем пылали стены нашего замка, покрытые тонким слоем льда и плотно спрессованного снега.

С замка сходила позолота.

С замка смывался розовый цвет.

Со стен исчезала мраморная облицовка.

Теперь он стал настоящим — замок Алого Щита на Тридцать шестом острове. Со стенами, сложенными из квадратных блоков серого, зернистого, похожего на пыльный пенопласт материала. Напоминающий не средневековую крепость, а неоконченную стройку, заброшенную пару лет назад.

А под грязными, облепленными мокрым снегом стенами стояли мы — мальчишки и девчонки, рыцари Сорока Островов...

Я посмотрел на свой меч — то ли с надеждой, то ли со страхом, что он тоже изменится. Но меч пока оста-

вался прежним. Деревянная игрушка из восторженной детской сказки...

Даже на ощупь я чувствовал под деревом сталь.

— Ну, где же вы, гады? — шептал Тимур. — Покажитесь!

Мы не замечали холода. Мы стояли в настоящем снегу под ненастоящим небом и ждали.

Солнце исчезло. Радужное перекрестье погасло. Небо светилось ровным голубоватым огнем, пустое и холодное, как перегоревшая лампочка. Жизнь стекала с него, словно краска с непросохшей акварели, поставленной под брандспойт.

— Летят, — сказал вдруг Толик. — Летят, ребята...

В зените сверкнула серебристая искорка. Такую, наверное, увидел когда-то Илья. Искорка разрасталась, превращаясь в кружок. Опускающаяся тарелка?

Внезапно я почувствовал облегчение. Все кончается? Ну и пусть. Я устал от ваших законов, от островов и замков. Мне нужна развязка. Любая. Возвращение на Землю, смерть, плен...

Серебряный диск над головой все увеличивался. Тарелка буквально падала на острова, прямо на нас... Или нет. Она уходила в сторону, словно готовилась сесть посреди всех Островов.

Металлический круг в небе стал таким огромным, что я непроизвольно втянул голову в плечи. И вдруг понял, что, увеличиваясь в диаметре, серебристое пятно не становится ближе. Оно не разрастается на фоне неба, опускаясь вниз. Металлический круг вытесняет небо — от зенита к горизонту, и не круг уже это вовсе, а накрывающий нас купол. А голубая пленочка, бывшая раньше небом, стекает с купола вниз. Потому что купол — с едва уловимыми балками, квадратиками и ромбиками слагающих его плит, горящими между балками оранжевыми прожекторами — это и есть наше небо.

Наглухо прикрывающее Острова стальное небо, высотой от силы два-три километра.

Где-то над нашим островом серый купол начинал резко закругляться, опускаясь в море. Повернув голову, я проследил, как голубой ободок неба, мигнув в последний раз, растаял на горизонте. И горизонт сразу стал близок и реален.

До него было километра два. Горизонт построили из толстых металлических колонн, между которыми уложили серебристо-серые плиты. В небе было полным-полно

отверстий — больших и маленьких. То ли обшивки не хватило, то ли там установили какие-то приборы. Скорее последнее — в некоторые отверстия втягивались, исчезая, обрывки голубизны.

— Под колпаком... Всю жизнь — под колпаком. Все Острова — под колпаком, — шептал, озираясь, Крис. Растянулась на снегу Оля, пряча лицо, не в силах смотреть вокруг. Цеплялся за Тимура Игорек, все повторяя какой-то вопрос, который Тимур даже не слышал. Крутился на одном месте Том, и в лице его было больше удивления, чем страха.

Прожекторы, в живописном беспорядке натыканные по небу, медленно разгорались, заливая Острова тусклым оранжевым светом. На снег легли апельсиновые блики, тени исчезли. Наверное, им было неоткуда браться — свет лился отовсюду.

Я посмотрел на своих товарищей. Никто пока не проронил ни слова, и это было плохо. Но и в истерику никто не ударился.

А заговорил первым Крис.

— Колпак совсем близко. Минут десять, если бежать...

Наш командир смотрел на «горизонт». На сплетение колонн, на кружево отверстий, в которые так легко забраться.

— Полчаса. Если будет полчаса времени...

— Там наверняка есть что-то, отклоняющее в сторону незваных гостей, — резко сказал Тимур. — Иначе мы на «Дерзком» протаранили бы край света... Раз пять бы протаранили.

— Наверняка, — легко согласился Крис. — Но сейчас их техника не работает. Возможно, и защитные устройства тоже.

— Надо рискнуть, — как-то очень беззаботно сказал Меломан. Он осторожно снял плеер, положил его прямо в снег. Улыбнувшись, произнес: — А я все удивлялся, почему он плохо заряжается на солнце? словно под электрической лампочкой... Думал даже, батарейки садятся.

— Все согласны? — оборвал его Крис.

— Чего спрашиваешь, — насмешливо сказал Тимур, привычным движением забрасывая руки за голову и поправляя мечи. — Бегать надо, бегать!

— Думать тоже полезно... если умеешь, — парировал Крис. — Девчонки, вам задание особое.

— Мы идем с вами! — словно взорвалась Инга. Ритка, вошедшая с Олей, ничего не произнесла, но посмотрела на Криса с несомненной обидой.

— Тогда нам конец, — холодным голосом разъяснил Крис. — Нам нужна помощь соседей. Нам нужны бойцы всех Сорока Островов — иначе мы проиграем. И помощь эту приведете вы.

— Они же враги, они не захотят нам помочь! — закричала Рита.

— Успокойся. — Крис шагнул к ней, взял за плечи. — Вы должны им объяснить... Не слепые же они, в конце концов! Враги — там, за колпаком, дальше горизонта и вышес неба!

Крис поискал глазами Ингу, кивнул ей и опять произнес:

— Вы должны им объяснить. Приведите помощь.

Девчонки молчали, а Крис, как бы признавая этот разговор оконченным, повернулся к мальчишкам:

— Мечи у всех с собой?

2. Десант на край света

Я думал, что нам помешает снег. Но с замерзших равнин «моря» снег сносило ветром. А вот там, где лед трескался и льдины громоздились одна на другую, получились самые настоящие торосы. Лавируя между ними, то и дело скользя и падая, наша маленькая группа продвигалась к горизонту.

Мы не прошли и половины пути, когда купол навис над нами огромной, хищной, жадно раскрытой пастью. До металлического потолка было метров двести. Можно рассмотреть и прожектора: прозрачные красно-оранжевые шары и плиты; они оказались не сплошными, а сетчатыми, с полуметровыми ячейками: некоторые казались пустыми, темными, из других высовывались причудливые антенны и поблескивающие, словно бы из мутного стекла, цилиндры.

Мы бежали к горизонту.

Я падал уже пятый или шестой раз, и на меня обязательно кто-нибудь наталкивался. Слишком уж тесной кучкой, прижимаясь друг к другу, шел в атаку наш отряд.

Снег набился повсюду: в кроссовки, в джинсы, под куртку. Снег таял, и я был мокрым насквозь, словно под дождем. Только движение не давало мне замерзнуть.

Воздух мерцал оранжевыми искрами: поднятая нашим бегом снежная пыль светилась под прожекторами.

До металлической стены, отвесно поднимающейся в небо из льда, оставалось метров пятьдесят. Купол вначале шел вертикально вверх, затем начинал круто изгибаться, набирая над нашим островом почти максимальную высоту. Основание купола было занесено снегом, целыми холмами снега... Мы уже карабкались по сугробам, приближаясь к решетчатой стене.

Первым ее коснулся Толик. Он бросился на стену не замедляя бега, лишь выставив перед собой руки, и я даже успел испугаться, что никакой стены не окажется, что это будет очередной мираж, за которым тянется все та же снежная равнина... Или что металлические прутья сантиметровой толщины, сплетающиеся в решетчатые блоки, окажутся под напряжением, встретят Толика фонтаном белых смертоносных искр.

Но этого не случилось. Толик налетел на стену, вцепился в прутья, пытаясь затормозить. Не сумел и ударился лицом о небесную твердь.

Тяжело дыша, на подламывающихся после бега ногах, я подошел к нему. Толик повернулся ко мне лицом: разбитым, с кровью, текущей из многочисленных ссадин, и счастливо улыбнулся:

— Добежали. А еще говорят, что до горизонта не добежишь... Врут, выходит...

Стена казалась нерукотворной, чем-то природным, как горы или полярный айсберг. Размеры ее подавляли, заставляли невольно опускать глаза.

Крис с тревогой оглядывал нас. Он понимал, что сейчас, вопреки всем его правилам, сложилась ситуация, когда думать стало вредно. Надо действовать, пока еще сохранились остатки безрассудной отваги, пока нас не испугали нечеловеческие размеры купола.

— Делимся на три группы, — отрывисто произнес он. — Первая — Тимур, Толик, Илья. Вторая — Меломан, Малёк, Дима. Третья... Мы с Томом. Встреча здесь, через час... примерно. Тим, держи.

Он протянул Тимуру Риткины часы.

— А что делать-то? — хмуро спросил Меломан.

Крис взмахнул рукой, указывая на чернеющие метрах в пяти над нами отверстия туннелей.

— Исследовать эти симпатичные коридоры. И познакомиться с теми, кто в них живет.

Меня затрясла мелкая дрожь. Почему-то при виде темных провалов в решетчатой стене представлялся исполинский муравейник. Казалось, еще мгновение, и в отверстиях покажутся чудовищных размеров насекомые...

— Пошли, — коротко приказал Крис и начал карабкаться на стену. Я чуть задержался, чтобы отстегнуть и бросить на снег рукава куртки. Если там кто-то есть, драки нам не избегать.

Лезть было легко: решетчатая стена представляла собой самую широкую в мире лестницу. Через полминуты мы с Игорьком и Меломаном стояли в тесном туннеле. Сделан он был из металлической сетки, как и весь купол, но с гораздо меньшими ячейками: по ним можно было свободно идти, ноги не проваливались. Оранжевый свет проникал в туннель лишь снаружи, в глубине таилась тьма.

— Я пойду первым, — неожиданно сказал Малёк.

Некоторое время туннель вел горизонтально, все дальше и дальше удаляясь от внутренней поверхности купола. Затем почти под прямым углом развернулся, уводя вверх.

Вокруг было темно. За решетчатыми стенами царила тишина, лишь изредка мы проходили мимо неразличимых во мраке, но слабо гудящих аппаратов. Несколько раз слышался звук, похожий на плеск медленно текущей воды. Один раз — что-то вроде тонкого звона, словно в металлическом ящике пересыпали стеклянные осколки.

— Уже двадцать минут прошло, — сообщил вполголоса Меломан.

— Откуда ты знаешь? — шагая за ним, поинтересовался я. Меломан, похоже, смутился.

— Я... ну, напеваю про себя.

— Напеваешь?

— Да. Я, когда кассету слушаю, всегда так делаю. Ну... сейчас четвертую песню кончил. А они все примерно по пять минут.

— Игорь, а ты вслух можешь спеть? — с искренней надеждой спросил я.

— Нет! — Меломан даже испугался. — У меня голоса нет... Да и не стоит внимания привлекать.

Я улыбнулся. Стук наших ног по металлической решетке был слышен метров за двести.

— Как ты думаешь, зачем эти коридоры?..

Меломан немного помолчал.

— Для ремонта. Тут повсюду механизмы, те самые, что делали для Островов... — он запнулся, — делали небо. Их же надо иногда осматривать, ремонтировать.

— Да... Интересно, куда мы переправили взрывчатку, что у них тут все отказало?

— Интересно...

Подошвы цокали по стальной решетке. Коридор изгибался, выводя нас обратно. Неожиданно Меломан чертыхнулся, едва не упав, остановился. Я наскочил на его плечо, замер.

— Впереди свет, — едва уловимым шепотом произнес Малёк.

На сетчатом потолке коридора лежали оранжевые блики.

— Значит, мы вернулись к внутренней поверхности купола, — так же тихо сказал Меломан. — Но в другую точку, туда, где стоит прожектор.

Я не возражал. Я смотрел на оранжевые блики. Они то темнели, то делались ярче.словно кто-то ходил между прожектором и нами, заслоняя свет. Кто-то огромный, шестиногий, в хитиновом панцире.

— Пустите. — Вынимая меч из ножен, я протиснулся вперед. — Теперь поведу я.

Меломан не спорил. Мне показалось, что он тоже заметил мерцание прожекторных отсветов.

Смутно различая изгибы коридора, я шел по нему первым. В решетчатом туннеле делалось все светлее. Я уже различал лица Меломана и Малька. И маленькую круглую площадку, на краю которой горел шар-прожектор, — тоже.

На площадке стояли двое.

Чувствуя, как наливается льдом рукоять меча, я сделал еще несколько шагов. И остановился, разглядывая парочку со смешанным чувством страха и отвращения.

Они были небольшого роста — метра полтора или чуть выше. Широкоплечие, я бы даже сказал — толстые, не передвигаясь они по площадке с балетной грацией, пружинистыми подскоками. Тонконогие, с выпуклой, как бочонок, грудной клеткой. Не то горбатые, не то с ранцами на плечах. 175

Плотно укутанные в плащи из темно-коричневой поблескивающей материи. Головы скрывали широкие, надвинутые на лицо капюшоны.

— Если меня стошнит, — тихо сказал Меломан, — не думайте, что я съел что-то несвежее.

Фигуры на площадке продолжали свой подпрыгивающий танец. Рядом с шаром-прожектором, имеющим почти метровый диаметр, лежала какая-то бесформенная, неподвижная масса. Казалось, что движения обоих существ совершаются именно вокруг нее. Периодически из-под темных плащей выныривала длинная, неожиданно толстая рука, касалась бесформенной груди, отдергивалась.

— Чинят? — предположил Меломан.

— Разве так чинят... — с сомнением сказал я.

Слишком громко сказал. Фигуры замерли, не dokonчив движений. И медленно развернулись в нашу сторону. Вряд ли они видели нас: мы были в темноте, они — на свету. Но слышали несомненно: когда Меломан, доставая меч, зацепил им за мой клинок, парочка синхронно подскочила в воздух.

— Пошли знакомиться, — сказал я. И шагнул на площадку.

3. Экскурсовод

На площадку выходило два или три коридора, но мы встали так удачно, что закрывали «попрыгунчикам» все пути к отступлению. Они это поняли и не пытались бежать — даже отступили к краю площадки. Свет прожектора коснулся их лиц, под капюшоном блеснули глаза. У них было по два глаза, как и у нас.

— Привет, — миролюбиво сказал Меломан. — Вы — те, кто нас похитил. Верно? А мы соскучились на Островах, пришли к вам в гости...

— Верните нас домой, — вдруг выкрикнул Малёк. — Слышите?

Я искоса взглянул на Игорьька. Его трясло, на лбу выступили капельки пота. Даже в оранжевом свете кожа казалась бледной.

— Думаете, я вас боюсь? — снова заговорил Малёк. — Думаете, если шпионил для вас, значит, испугался? Вы сами трусы!

Он медленно пошел к неподвижным инопланетянам. Одна из фигур качнула прикрытой капюшоном головой, издала тонкий, шипящий звук. Малёк вздрогнул, но продолжал идти. Он был ростом почти с пришельцев, вот только тоныше раза в три.

— Осторожно! — окликнул я его.

— Они трусы, они нас боятся, — тонким, срывающимся голосом ответил Игорек. — Сними свою накидку! Не прячься!

Он протянул руку к ближней фигуре. В другой руке Игорек сжимал меч, у инопланетянина не было никаких признаков оружия.

Зато у него были руки, гнущиеся так, как никогда не смогут согнуться человеческие.

Тонкая кисть скользнула по лицу Игорька, спряталась в плаще. Но я успел заметить изогнутые когти на гибких пальцах.

Малёк упал. А я бросился к пришельцу.

Он попытался отскочить, точнее, даже отскочил, взвившись в невозможном для человека прыжке... И опустился на меч Меломана. Мы действовали не сговариваясь, с навыком, вколотенным в нас Островами... А страховка напарника всегда была неизменным правилом боя. Меломан поскользнулся, пытаясь вытащить меч из грузно осевшего тела. Вскочил, вынимая кинжал, бросился ко мне.

Держа острие меча у темного провала капюшона, я отеснял второго инопланетянина в угол. Тот отступал мелкими сменяющими шажками.

— Руби его, — ненавидящим голосом сказал Меломан. — Руби его, Димка.

— Что с Мальком? — спросил я сквозь зубы.

— Кровь хлещет. Он по сонной артерии бил...

Я вскинул меч. Противник мой отличался нечеловеческой ловкостью, но, когда у тебя в руке метровый клинок, это уравнивает шансы, если не сказать больше.

Капюшон качнулся, и тонкий шипящий голос произнес:

— Прошу передумать... Ваше решение неверно...

Меч сделался тяжелым, словно отлитым из свинца.

Запинаясь, глотая слова, я спросил:

— Вы... ты... умеешь? Говорить?

— Я старший знаток речи. Ваш товарищ убит не мной.

Плащ раздвинулся, тонкая... нет, не рука, лапа, обтянутая сухой морщинистой кожей, с когтями на длинных гибких пальцах, указала на неподвижное тело убитого Меломаном пришельца.

— Он механик. Не способен менять поведение. Погиб. Низший уровень приспособления.

— А ты способен? — задыхаясь от ненависти, спросил я. Отступил на пару шагов, наклонился над Мальком...

Глубокая рваная рана шла по лицу. Еще две раны, узкие, словно от ударов кинжалом, были на шее — слева и справа. Я подумал, что нанести такую тройную рану можно, только имея два противостоящих пальца на руке. А крови оказалось совсем мало. Сквозь решетчатый пол она стекала вниз.

— Сними капюшон, мразь! — закричал я. Мне вдруг стали очень важными эти последние слова Игорька. — Сними!

— Не возмущайтесь, — без всяких эмоций сказал инопланетянин. — Я снимаю.

Плотная материя зашуршала, когда он развел руки, сбрасывая накидку. Меломан охнул и, присев на корточки, с такой энергией рванул свой меч, что сразу вытащил его из убитого.

На человека инопланетянин походил лишь отдаленно. Ноги у него оказались просто тощими, перевитыми буграми сухожилий. Коленки сгибались назад! Тело покрывало что-то похожее на сбитую клочьями шерсть. Маленькую, выступающую прямо из плеч голову покрывали такие же космы... И вдруг я понял: это не шерсть.

Это *перья*.

Круглые, покрытые дрожащей студенистой пленкой глаза следили за моими движениями. Вертикальная щель посреди лица инопланетянина разошлась на несколько сантиметров, выступающие из-под перьев роговые пластинки задержались вверх-вниз. Это не было угрозой — жалкий рудиментарный клюв не мог служить оружием. «Знаток речи» готовился говорить.

— Я выполнил ваше желание. Можно надеть обратно? Холодно.

Я кивнул. На разговор не было сил. Кошмарный облик человеко-птицы лишал меня остатков сил. Хорошо, что он не понимал этого. Инопланетянин. Человек-птица...

— Ты можешь летать? — спросил я.

— Нет. Утраченное умение.

— Игорь, — сказал я, не отрывая глаз от пришельца. — Позови ребят, они должны быть внизу.

Меломан понял, прошел к открывающемуся на замерзшее море отверстию туннеля. Встал рядом с прожектором, нагнулся вниз. Махнул рукой, крикнул:

— Ребята, сюда!

— Далеко до них, Меломан?

— Прямо под нами, метрах в двадцати. Сейчас залезут.

Я продолжал следить за пришельцем, снова завернувшимся в свою накидку. Он, видимо, чувствовал мой взгляд.

Шевельнулся, сказал:

— Я буду полезен. Хорошо для вас и для меня. Буду проводником по кораблю, помогу найти остальных. Вы сохраните жизнь. Вам нужен специалист.

— Проводником на корабле?

— Да. Вы захватили полигон и уничтожили энергоцентр. Но техники способны подключиться к резервным источникам энергии. Ненадолго, но вас уничтожат.

Указав рукой на проем туннеля, где в снежной каше темнели пятнышки островов, я спросил:

— Это полигон?

— Да.

— А корабль?

Пришелец обвел рукой вокруг себя.

— Это корабль. На корабле шестнадцать разумных. Было шестнадцать, теперь четырнадцать и я. Без меня вы их не найдете. Предлагаю договор.

Послышался шорох, и в туннель, шурясь от бьющего в глаза света, вскарабкался Крис. Увидел рядом со мной пришельца — и застыл, сжав ладонь на рукояти меча.

— Познакомься, Крис, — тихо сказал я. — Это один из тех шестнадцати ублюдков, что держали нас на Островах. Теперь он изменил поведение и готов служить нашим проводником. Экскурсоводом. Готов быть предателем.

Капюшон развернулся в мою сторону. Нечеловеческий голос равнодушно произнес:

— Предательство — понятие человеческого разума. Мы меняем поведение. Одно из странных свойств человеческого разума — неприятие смены поведения.

Но Крис уже не слушал его. Он шел к Мальку, медленно, словно решил дать ему время кончить притворяться.

— Очень жаль, Крис, но мы действительно не можем убить... этого, — сказал я.

Капюшон качнулся.

— Очень разумно. Вы — начальник людей?

Стоящий на коленях возле Игорька Крис повернулся к пришельцу. Помолчал секунду и сказал:

— Да, он наш командир.

Когда на площадку взобрались все наши ребята, места там стало совсем мало. Вокруг пришельцев — и живого, и мертвого — образовалось свободное пространство. Меломан начал рассказывать, что произошло, а я отошел к краю площадки. Пришелец проводил меня настороженным взглядом — кажется, он боялся оставаться среди возбужденных, ненавидящих мальчишек без меня. Рассчитывал, что я, командир людей, сумею его защитить... Я — командир людей?

Крис не шутил, я понял это по его взгляду. Он передал мне свое правление легко и просто, как что-то ненужное, что-то невыносимо тяжелое, но посильное для другого. Я — командир?

На мгновение мне стало так одиноко, как не было никогда за всю жизнь на Островах. Правитель всегда более одинок, чем его подданные. Может быть, потому, что он не чувствует никого *выше себя*. Оказывается, это очень важно: чувствовать людей не только рядом с собой, не только ниже себя, но и над собой. Оказывается, это очень приятно — знать, что кто-то несет груз *твоих* сомнений.

Я — командир Островов.

Я не успел до конца пережить эту мысль, не успел перейти от страха к наслаждению. Сквозь оранжевый сумрак, засыпавший над Островами, я скорее почувствовал, чем увидел приближающиеся фигурки. Их было много — десятка два, и я понял, что помощь пришла не меньше, чем с двух островов. Значит, и Рита, и Инга с Олей сумели уговорить наших бывших врагов.

...А потом я спустился вниз, на снег, снова полз вверх, помогая Инге, и все повторял и повторял: «Мы победим, обязательно... Мы победим...»

Руки пришельцу связали Крис с Тимуром. Связали жестоко, выгнув их так, что инопланетянин пискнул и прошипел: «В этом нет нужности...» Я не вмешивался. Я стоял в стороне и наблюдал. А после спросил:

— У твоих друзей есть оружие?

С руками, загнутыми за спину, пришелец утратил всякое сходство с человеком. Но голос его не менялся, оставаясь таким же механическим и спокойным:

— Оружие есть у всех. Но реактор разрушен, и зарядка излучателей невозможна. — Выдержав паузу, пришелец добавил: — Готовый к бою излучатель имеется у дежурного пилота. Но в нем лишь десять зарядов. Вы можете пропустить вперед наименее жизнеспособных разумных, на уничтожение которых будет истрачена...

Тимур ударил инопланетянина по голове. По кошмарному подобию лица... Взмахнув руками-крыльями, пришелец удержался на ногах. И заявил:

— В этом нет нужности.

— Оставь его, Тим, — коротко приказал я. Взглянул на растерянные лица мальчишек с соседних островов и спросил: — Ты знаешь, как был уничтожен реактор?

— Да. Взрыв в камере утилизации отходов. Разрушение первого и второго контура теплоносителей. Аварийная остановка реактора. Прекращение синтеза в основном блоке, распада во вспомогательном. Дисбаланс хроногенератора. После включения защиты группа энергетиков изолирована в секторе запретной радиации.

Он опять помолчал. И сказал:

— Диверсия продумана с точностью, невозможной для нас. Мое решение о переходе на сторону вас вполне обдуманно. Запуск реактора и зарядка оружия в ближайшие циклы времени невозможны. Ваши разрубатели имеют автономное питание. Следовательно, победители — вы.

Я взглянул на меч. Разрубатель? Вот как вы их называете. Такая же фальшивка, как и все остальное, реагирующая на мысли хозяина и превращающаяся то в оружие, то в деревяшку... Что ж, сегодня вы поработаете вволю.

— Веди, — приказал я пришельцу. — И помни, если обманешь — умрешь первым. Экскурсовод...

4. Победители без права победы

Он не пытался нас обмануть. В его логике не было понятий обмана и предательства, их вполне заменяло прекрасное выражение: смена поведения.

Экскурсовод сменил поведение. Он перешел на сторону тех, кто сильнее. На сторону людей.

Вначале мы выбрались из паутины кружевных, решетчатых туннелей, оплетающих купол Полигона. Темные стальные коридоры перешли в облицованные пластиком туннели с неярким оранжевым светом аварийных ламп.

В круглом зале с поблескивающим зеркальным потолком мы наткнулись на троих инопланетян. Они были без плащей, с металлическими предметами на поясах («Оружие. Не заряжено», — пояснил Экскурсовод). Кружась вокруг бесформенных, похожих на набитые гнилью мешки аппаратов, они касались их тонкими птичьими лапами, которые казались толстыми и сильными из-за кожистых складок, бывших когда-то перьями.

Вначале ребята просто смотрели на них — танец зачаровывал, внушал невольное уважение к чужому разуму. Но когда на лапах одного из «танцоров» сверкнули когти, Меломан не выдержал:

— Убийцы...

И все бросились вперед. Я едва успел схватить за плечи Ингу, заслонить ее от рвущейся в драку толпы. Прошептал:

— Стой. Тебе это не нужно...

Инга упрямо смотрела мне в глаза:

— Почему? Я не хуже других!

— Лучше. Не смей убивать, Инга!

— Почему? — упрямо переспросила она.

— Потому что... я... ты девчонка. Ты не должна убивать.

Она стояла рядом, словно ждала других слов, так и не прозвучавших. Потом высвободилась. Насмешливо сказала:

— Ладно. Я буду держаться сзади... пока вас всех не перебьют.

И вдруг, отступая на шаг, выкрикнула:

— А если тебе... что-то сделают, я тебе не прощу!

182 Слышишь!

Я замер, не зная, что ответить и нужно ли отвечать. Но тут заговорил Экскурсовод, неподвижной тенью замерший в нескольких шагах от нас:

— Эту реакцию мы так и не смогли понять. Странное свойство человеческого разума — перенос основной поведенческой реакции самосохранения на заведомо безразличных индивидуумов. Если объяснять реакцию с позиции воспроизводства...

— Замолчи! — крикнул я.

Экскурсовод издал kloчочущий звук и проглотил остатки фразы. А я взглянул на поле боя. Ребята стояли неподвижно, тремя тесными группами. Все было кончено. Незнакомый пацан с одного из соседних островов сидел на полу. Рита бинтовала ему руку.

— Осталось одиннадцать... — вполголоса сказал я. — Эй, Экскурсовод, что они делали?

— Перенастраивали механизмы имитации. Неразумно. Работа на два полных цикла. Не успеть.

— Веди, — приказал я.

Мы прошли по коридорам, изгибающимся под такими углами, которые не решился бы спроектировать самый авангардистский земной архитектор. Мы миновали машины, похожие на котлы с лениво кипящей белой жидкостью, и машины, напоминающие клубок хорошо спутанной колючей проволоки. Мы наткнулись еще на двоих пришельцев...

Самой удивительной казалась реакция Экскурсовода. Он шел за нами, укутавшись в свой плащ, временами поясняя, куда следует идти. В его поведении не было ни тени сомнения.

Поведение выдавало в нем чужака сильнее, чем сгибающиеся наоборот коленки.

Задержка вышла лишь у помещения, которое Экскурсовод назвал контрольным центром. Овальный вход в него закрывала металлическая диафрагма, похожая на ту, что ставят в объективы фотоаппаратов. Открыть необычную дверь не удалось, и мы принялись выбивать ее с разбега.

Скорее всего у нас ничего бы не вышло. Но у дежурного, слышавшего глухие тяжелые удары в диафрагму, сдали нервы.

В плотно сомкнутые металлические лепестки как раз ударили двое: Толик и Роман, рослый парнишка с соседнего острова. Они даже не успели отойти, когда

металлические створки выгнулись и раскрылись от чудовищной силы удара изнутри.

Мальчишки упали. Те, кто стоял у двери, метнулись в стороны. Я дернул Экскурсовода за связанные руки, повалил на пол, прижал к горлу меч. Толик неподвижно лежал под согнувшимися, смятыми лепестками диафрагмы. Изнутри металлические листы были багровыми и тускло светились. Я не сразу понял, что они просто раскалены выстрелом. Ромка, неуклюже волоча ноги, отползал от двери.

Еще один заряд ударил по нам, пройдя сквозь выбитую диафрагму. В коридоре разорвался ослепительный белый шар, угас, оставив в стене рваное метровое отверстие с вишнево-красными оплавленными краями. Воздух на линии выстрела несколько секунд мерцал.

Было очень тихо. Я посмотрел на Крису — он полз к Толику, стараясь не показываться в пробоине. А рядом с искоруженной дверью стоял Меломан с арбалетом в отведенной руке.

Дежурный выглянул из отверстия осторожно, но явно не ожидая подвоха. Что ему наши мечи, при таком преимуществе в оружии... Он был немного выше нашего пленника и с белесым, редким оперением. Тонкие лапы сжимали прозрачный, словно хрустальный шар, закрепленный на короткой пистолетной рукоятке. Думаю, он просто не принимал в расчет наши арбалеты. Ведь их мы делали сами, пришельцы давали нам только мечи.

Стрела, пущенная Меломаном, поразила его в голову. Дежурный умер так быстро, что вряд ли успел осознать свою ошибку.

В контрольном центре мы задерживаться не стали. Там было еще трое пришельцев — с ними разобрались быстро, словно бы мимоходом. У нас явно появлялся навык ведения боя с «человеко-птицами».

Пока ребята обшаривали зал — небольшой, с несколькими пультами, напоминающими земные, с неизменными оранжевыми светильниками на потолке, я с Ритой и Ингой занимался Толиком.

Пострадал он несильно — его лишь контузило взрывной волной. Роман чувствовал себя хуже. Осмотревший его мальчишка с соседнего острова шепнул мне про «перебитый позвоночник».

Пленник безучастно смотрел на нашу суету. Быстро подсчитав в уме итоги боевых действий, я спросил:

— Сколько еще твоих осталось?

— Пятеро, — не колеблясь, ответил Экскурсовод.

— А где они?

— Ищите. Корабль большой, но спрятаться в нем негде.

Все смотрели на меня. Явно требовалось командирское решение. Облизнув губы, я поднялся, поймал ободряющий взгляд Криса и начал:

— Так... План такой: разбиваемся на группы... по трое...

Крис улыбнулся и кивнул.

— Обшариваем корабль. Пришельцев уничтожить. Через два часа, по необходимости и раньше, общий сбор в этом зале. Тут останется одна тройка, раненые и девчонки. Возражения есть?

Возражений не было. Командиры соседних островов быстро делили мальчишек на тройки. Я посмотрел на Ингу, обиженно поглядывающую на меня, и добавил:

— Здесь остаюсь я, с Крисом и Тимуром. Контрольный центр и нашего разговорчивого друга потерять нельзя ни в коем случае.

Через несколько минут толпа в контрольном центре сосалась. Из нескольких коридоров еще слышались удаляющиеся шаги, от взорванной диафрагмы основного входа тянуло гарью, постанывал Роман... Но в непрерывном круговороте боя наступил промежуток. И сразу же взгляды оставшихся потянулись к Экскурсоводу. Перышки на его лице вздыбились, немигающие глаза словно бы уменьшились, сплющились, превращаясь в овалы. Связанные руки Экскурсовода держал на весу, как бы демонстрируя: он освободиться не пытается.

— Слушай... Ты можешь нам все рассказать? Кто вы такие? Зачем нас похитили? Где мы находимся? Только коротко.

— И как вернуться на Землю, — тихо добавила Инга.

Пришелец оглянулся, ловко сел в стоявшее рядом кресло. Оно казалось вполне земным, и я последовал его примеру. Рита с Ингой заняли третье, последнее кресло, Крис присел на подлокотник моего. Тимур остался стоять.

— Я могу рассказать. Достаточно коротко.

Он говорил так, словно рассказывал заученную наизусть поэму. Не запинаясь, не задумываясь. И даже с певучей, мелодичной интонацией.

— Странствуя во Вселенной...

Я и сейчас слышу его голос. Стоит лишь закрыть глаза и представить усевшуюся в кресло птичью фигуру. Крылья, так и не ставшие нормальными руками, связаны. Вытянутые вперед ноги перекрещены, нечеловечески согнуты в коленях. А узкий клюв на совином лице мерно шевелится, произнося земные слова.

— Поисковый корабль...

5. Право уйти

...Странствуя во Вселенной, поисковый корабль цивилизации Лотана потерял энергию, связь и право вернуться. Ибо нельзя трижды уходить в межзвездный полет и возвращаться пустым — без открытых планет и новых знаний.

Цикл сменялся циклом, период — периодом. Корабль уходил все дальше в глубины космоса. Прыжок в гиперпространство, обзорный полет, новый прыжок. Все дальше и дальше, пока не исчезла связь с Лотаном. Все дальше и дальше, уже не имея энергии на возвращение.

Ибо возвращение без права вернуться — смерть.

Кораблю повезло в предпоследнем прыжке, когда уже не осталось надежды и почти не осталось энергии.

У стандартной желтой звезды на теплой кислородной планете существовала цивилизация неизвестного типа.

Развившаяся из тупиковой эволюционной ветви, создавшая странную, нелогичную этику, переходящая к широкому использованию техники, цивилизация отвечала всем требованиям для колонии.

Дело было за малым — установить связь с Лотаном. Поисковый корабль способен уничтожить отсталую цивилизацию, но не способен ее покорить.

Они слали сигнал за сигналом — и не получали ответа. Но существа, ставшие разумными под неярким оранжевым светом Лотана, умеют ждать.

Истратив последние крохи топлива, корабль нашел место для исследовательской базы и связал ее с будущей планетой-колонией гипертуннелем. Поддержание гиперперехода,

186 даже на небольшом расстоянии, забирало почти всю

энергию реакторов. Но теперь находящийся в полной безопасности экипаж корабля мог в любой момент появиться на планете. Обитатели планеты звали ее Земля, а себя людьми. Понять их значило покорить планету.

Экипаж построил рядом с кораблем Полигон. Обычная конструкция из сетчатых металлоблоков и керамопластика, предназначенная для длительных экспериментов. Купол строился несколько лет по времени Земли и потребовал тысячи тонн металла, доставленного с самой Земли. Приборы-имитаторы превратили купол в подобие маленького земного архипелага. Тогда еще не было замков и мостов. Просто острова. Их тоже нелегко было создать.

Но разумные Лотана умеют работать.

Имитационные скафандры позволяли им передвигаться по Земле в человеческом облике. Биорепликаторы помогали похищать людей, не вызывая ни у кого тревоги.

Испытания землян начались с основных тестов. Стандартные реакции — самосохранения, страха, ненависти... Что нуждается землян к подчинению? Что способно вызвать сопротивление?

И сразу же начались неожиданности.

Люди обладали целым набором странных, ненормальных реакций. Любовь, дружба, сострадание... Люди придумали эти названия и дали им непонятные объяснения. Но разумные Лотана видели суть, скрытую под мешаниной слов.

Что-то заставляло людей переносить свои основные реакции друг на друга. Бояться за жизнь знакомых. Желать успеха родным. Ненавидеть тех, кто причиняет вред людям — пусть даже незнакомым.

Можно было придумать много гипотез такого поведения. Объяснять их с точки зрения инстинкта воспроизводства или феномена отождествления... Это не меняло сути. Люди не укладывались в стандартные схемы.

А значит — план колонизации требовалось создавать заново.

И разумные Лотана начали эту работу. Не знающие дружба пытались понять любовь.

Шли годы. Все так же уходили в космос сигналы, безуспешно разыскивая тусклую оранжевую звезду. А в память компьютеров ложились реакции подопытных землян.

И разумные Лотана поняли — они проигрывают. Для землян не существовало единых схем поведения. Один

человек жертвовал жизнью, чтобы спасти чужого ребенка, другой — с легкостью обрекал на смерть своего, нарушая не только ненормальные реакции своей планеты, но и общую для всего живого реакцию воспроизводства. Нельзя было предсказать, как поведет себя тот или иной человек в момент вторжения. Невозможно вычислить, что рациональнее — похищать его любимую или обещать высокий пост на поработанной планете. Колонизация становилась лотереей, игрой без правил.

Но разумные Лотана любили четкие правила. Они стали искать. И нашли.

На Земле были люди, чье поведение могло решить судьбу планеты. Главы государств. Лидеры партий. Хранители религий. Ученые. Журналисты. Писатели.

Те, кого уважали и кому доверяли обитатели странной планеты.

Корабли вторжения с Лотана должны были прийти через тридцать земных лет после установления связи. Значит, на каждый момент времени у экипажа должны были иметься психологические карты *будущих* правителей Земли. Тех, кто придет к власти через тридцать—сорок лет. Детей, обреченных на главные роли не написанных еще пьес.

Это оказалось не слишком сложно. История не любит дураков. А в распоряжении экипажа звездолета были приборы, измеряющие уровень интеллектуального поля.

Не всякий гений пробьется к славе. Но пришельцы понимали интеллект как сумму способностей, умственных и психологических, позволяющих их носителю достичь высокого положения в обществе. Измеренный таким образом интеллект служил достаточной гарантией будущей карьеры человека.

Разумеется, все факторы учесть было невозможно. Некоторые подростки с высочайшими коэффициентами гибли от несчастного случая. Другие попадали в ситуации, ломающие даже их, прирожденных лидеров.

Но пришельцы вели отбор с запасом. В год через Острова проходила почти тысяча подростков. Для них создали условия, раскрывающие все стороны личности. Страх и отвага, любовь и ненависть... Один отказывался от любого сотрудничества с пришельцами, другой становился шпионом. Кто-то устанавливал на своем острове диктатуру, а кто-то правил снизу, незаметно, тихо...

На Островах была Игра, с заманчивой и желанной целью. Были правила — частью необходимые, сводящие Игру к поединкам разума и воли, а не накачанных мускулов. Ну а запрет смотреть вверх на закате объяснялся двояко. Во-первых, в момент переключения имитатора с дневного на ночной режим работы на мгновение становился различим купол полигона. Во-вторых... Очень многое говорила о человеке попытка обойти запрет. Во все времена и на всех планетах возмутителями спокойствия становились те, кто не боялся смотреть вверх.

Физические возможности игроков уравнивало и оружие — имитационные мечи, становящиеся острыми лишь от желания владельца. Волевой слабак с таким мечом мог победить атлетически сложенного рохлю.

Шли годы. Десятилетия. Связи с Лотаном все не было.

А Игра шла. На Сорока Островах продолжали умирать подростки.

Странствуя во Вселенной, поисковый звездолет Лотана нашел планету Земля...

6. Право вернуться

Мы молчали. Экскурсовод не шевелился, сидел в кресле, запрокинув птичье лицо. Отдыхал?

— Так что же, мы все — будущие знаменитости? — спросил Тимур.

Инга взглянула на него и сказала печально, задумчиво:

— Великий полководец Тимур...

— Великий художник! — обрезал он. Пояснил: — Я рисовать любил... очень.

— Какие вы... гады... — вдруг сказал Толик. Он уже пришел в себя, сидел на полу рядом с моим креслом. — Ну ладно, хотите нас завоевать... Чушь, тупость... Но это было, всегда было на Земле. А вот заставлять детей убивать друг друга...

Это прозвучало непривычно, тем более от Толика. Мы никогда не признавали себя детьми. Мы так хотели быть взрослыми... А человек становится взрослым, когда перестает этого хотеть.

— И это было, — спокойно ответил Экскурсовод. — Всегда. Во все времена. Дети дрались друг с другом, занимая место под солнцем. Дети убивали друг друга — не всегда физически, но часто духовно. Жизнь давала им оружие, время устанавливало правила и учило их нарушать. Мы только взяли на себя роль Жизни и Времени. Она не слишком приятна, эта роль. Наши правила жестче — но они же честнее. Мы выбираем тех, кто пригоден для нас. А ваши правители выбирают тех, кто нужен им. Во все времена.

— Но *там* мы не убивали! — закричал Толик. — У нас не было мечей!

— Были. И настоящие... И мечи с клинками из слов и поступков. Они ведь тоже убивают, такие клинки.

— Экскурсовод, — тихо сказал я, вставая с кресла, — а ведь ты умнее, чем хотел притвориться.

Пришелец тоже встал. Перья на его лице вздрагивали.

— Ты тоже, командир людей. Ты умеешь любить и ненавидеть, в этом твоя сила. А я лишь знаток... языка и людей. Умеющий менять поведение.

— Где гиперпереход на Землю, шегол? — с яростью произнес я. — Где?

— Гиперпереход гаснет после прекращения подачи энергии, — медленно ответил он.

Ненависть сделала меня умнее.

— Как долго он гаснет, сволочь?

— Полцикла.

Мой меч прижался к горлу Экскурсовода так быстро, что на пол упало несколько шоколадных перьев.

— Переведи на наше время!

— Шесть-восемь часов.

— Где он?

— За стеной, — с почудившейся мне издевкой сказал Экскурсовод. — Стена поднимается по сигналу пульта. Пульт обессточен.

Я беспомощно посмотрел на ребят. И увидел Тимура с излучателем дежурного лотанца в руке.

— Динамита нет, обойдемся этим, — произнес он. — На что тут нужно нажать?

...Стену развалило еще эффектнее, чем входную диафрагму

Может быть, Тимур случайно дал слишком большую мощность?

За искореженной сталью была совсем маленькая комната. С полками по стенам, где в беспорядке лежали одежда и чемоданы, связанные шпагатом книги и портативные магнитофоны. И несколько фотоаппаратов в кожаных чехлах.

В центре комнаты, мерца зеленовато-голубым светом, плавало без всякой опоры круглое зеркало метрового диаметра.

Обжигаясь о горячий металл, я забрался в комнату. Подошел к светящемуся кругу.

Это было не зеркало. Дрожащая пленка, колеблющийся воздух, облачко цветной пыли. Зыбкий круг, за которым качались темные сосновые ветви и топорщилась желтеющая осенняя трава. Неуловимая грань, за которой был крутой склон, спускающийся к шоссе, и заходящее солнце, отраженное в прозрачном бутылочном осколке.

— Он? — прошептал я.

Экскурсовод был рядом — его втащили за мной Крис и Тимур.

— Он.

— Как пользоваться?

— Просто войти.

Войти! Просто войти! И вернуться на Землю! Меня охватил смех. Я коснулся пальцами мерцающей пленки — и почувствовал холод земного ветра. Он пахнет осенью, этот ветер. Он рядом, за гранью гиперперехода. Ветер не хочет врываться в душные каюты корабля, он ждет нас. Мы придем.

— Кольцо сужается, Дима. — Крис коснулся моего плеча.

Я вздрогнул. Да, кольцо стало уже сантиметров на пять. Еще полчаса — и оно исчезнет. Еще десять минут...

И в него будет невозможно пролезть.

— Как его остановить? Как, говори! — Я затряс Экскурсовода, вцепившись в мягкие, покрытые скользким пухом плечи.

— Реактор разрушен. Переход погаснет, — безразлично сказал он.

Я повернулся к ребятам, выпустив пришельца. Поймал взглядом Ингу. Кивнул. Она вздрогнула.

— Потом... Пусть другие, Дима...

— Не время, — умоляюще сказал я. И вдруг закричал: — Лезь! Быстрее, дурочка!

Тимур подхватил Ингу за пояс, с неожиданной силой поднял к колеблющемуся на полуметровой высоте кружку.

Ему помог Крис, прошептал:

— Лучше ногами вперед... не ударишься...

— Ногами? — Тимур нахмурился.

— Чушь.

Я посмотрел на Экскурсовода:

— Все верно? Если с ней что-то случится... Ты же чувствуешь боль?!

— Все нормально, — вяло сообщил он. — Я понимаю...

Инга вскрикнула, когда ее ноги вошли в мерцающую синеву. Крис с Тимуром замерли.

— Отпускайте, — ловя взгляд Инги, приказал я.

Она исчезла.

— Давай... — сказал я Рите.

Но Рита не спешила. Она вопросительно смотрела на Криса:

— Ты идешь?

А Крис вдруг покачал головой:

— Нет. Если мы уйдем, то кто объяснит ребятам, в чем дело? И проследит за этим... пернатым. Я остаюсь.

Рита почему-то улыбнулась:

— Я с тобой... мой командир. Мы с тобой.

Я бессильно смотрел на них. Прошептал:

— Крис...

Он улыбнулся:

— Как же я без ребят, Дима? Я ведь командир. Раз ты уходишь.

— Я?

— Ты.

— А... Тим?

Тимур виновато развел руками:

— Димка, двух Тимуров на одну Землю будет много. Я еще с этим не разобрался... — Он взмахнул излучателем. — Да и корабль интересный... Возьми, на память.

Он снял с плеча перевязь со своим «самурайским» мечом.

— Сувенир.

Я не мог ответить. Меня душили слезы. Я лишь сорвал свой меч, протянул Тимуру. И тут Толик закричал, хватая меня за руку:

— Идиоты, оно же совсем маленькое!

В круге теперь было сантиметров сорок диаметра. А может, и меньше. Светящееся пятнышко в стальной клетке.

Крис, Тимур, Толик — они подсадили меня, подкинули к узкому отверстию перехода. Вначале я почув-

ствовал холодный ветер, коснувшийся лба. Затем увидел заросший травой склон и почувствовал головокружение — теперь меня тянула к себе Земля. Сильные руки толкнули меня вверх — из мира Островов, вниз — на Землю.

Тщетно пытаюсь притормозить, я покатился по крутому холму. Вот так, в падении, я и покинул мир Сорока Островов.

Мое движение остановил ствол какого-то дерева. Жаль лишь, что я врезался в него головой.

...Когда я пришел в себя, все тело болело, как после дежурства на восточном мосту. А чья-то рука, прохладная и легкая, все гладила меня по лицу.

— Инга, — не раскрывая глаз, прошептал я. — Извини, что я на тебя кричал...

— Я понимаю, — помолчав, ответила она.

Мы были на середине склона, между вершиной холма и пустой, безлюдной дорогой. Инга сидела, прислонившись к злополучной сосне, и держала мою голову на коленях.

— Инга,— глядя ей в лицо, легко и беспечно сказал я.— А ведь мы так и не спросили, что это за планета. Луна, Марс... Или соседняя звездная система... Или купол был просто в космосе.

Она кивнула. Я посмотрел вверх, пытаюсь найти пятнышко гиперперехода. И не нашел. Может быть, оно видно лишь изнутри?

— Как ты думаешь, они восстановят переход? — спросил я. Инга пожала плечами.

— Не знаю... Дима, мы не виноваты?

— В чем?

— Ну... они остались там...

Я смотрел на пустое шоссе.

— Они слишком привыкли, Инга. Острова — это уже их мир.

— И наш.

— Немножко.

— Но мы на Земле... — Инга не договорила. Выше по склону возник, появившись из воздуха, из ниоткуда, деревянный меч. Покачался без всякой опоры и упал на траву.

— Мы на Земле, — повторил я. Встал и пошел вверх, за мечом.

7. Дом

Мы вошли в город под вечер. Спустились по тянущейся с гор дороге, мимо садов, без сомнения южных, с усыпанными огромными красными яблоками деревьями. Не удержавшись, я сорвал пару.

Шагая по теплому, нагретому за день асфальту, мы вгрызались в сочные, безумно сладкие плоды и время от времени начинали беспричинно хохотать. Впрочем, почему беспричинно? Мы были на Земле. Пусть не в своем городе, но на Земле. Дома. Мы вернулись. Впереди еще была встреча с родителями... и с нашими двойниками. Но это — потом...

Окраину мы увидели издали. Какой-то микрорайон — девяти- и двенадцатизэтажки с неторопливо загорающимися квадратиками окон. Я еще не знал, что мы будем делать — стучаться в первые же квартиры, искать отделение милиции или рассказывать о себе ученым. Но это тоже ничего не значило.

Мы были дома.

Перед одним из зданий, в пустынном узком дворике, я увидел ухоженную круглую клумбу. Инга шла чуть впереди, не глядя на меня...

Искушение оказалось слишком велико. Я торопливо сорвал несколько цветов. Бледные осенние хризантемы, пожухшие от близости автодороги, казались мне прекраснейшими в мире цветами. Догнав Ингу, я взял ее за руки:

— Инга... Там ведь не было цветов, на Островах... Ну, в общем... Возьми...

Мы замерли, неловко держась за руки. Нас разделял лишь крепко сжатый нами букет. Я чувствовал тонкие теплые пальцы, касающиеся моей ладони.

— Инга, я никогда не дарил цветов.

Мы смотрели друг другу в глаза. И даже в темноте я видел свое отражение в ее зрачках. Совсем рядом. У самого лица.

— Я никогда никого не целовала, Дим.

Я даже не почувствовал ее губ. Я был словно в тумане, я проваливался в бездонную пропасть, кружилась голова, и тело буравила мелкая дрожь. Запах ее волос, запах яблок, невесомое, сладкое касание губ — все сливалось в один бушующий круговорот.

— Инга...

Мы оторвались друг от друга, как умирающий от жажды отшвыривает полупустую флягу, боясь захлебнуться...

Инга растерянно обернулась, кивнула на скамеечку у подъезда. Спросила:

— Сядем?

Мы не искали места для новых поцелуев. Ярко освещенная фонарями скамейка была для этого неподходящим местом. Нам нужно было опомниться от первого...

Вокруг была тишина и наползающая ночь. Лишь изредка шумели проносящиеся по дороге машины, звук был приглушенным и виноватым. Даже они не хотели нам мешать. Мы молча смотрели друг на друга. Словно видели в первый раз. Или — в последний.

Шаги и торопливый разговор, прерываемый визгливым хохотом, послышались с тротуара. Я скосил глаза и увидел, как к подъезду направляется компания мальчишек. Им было лет тринадцать—пятнадцать, кто-то чуть старше, другие помладше. Веселая, хохочущая, обнимающаяся компания. Я чуть повернулся, разглядывая их со смутной, неясной нежностью. Я чувствовал себя старше этих ребят на пять, десять, сорок лет. На Сорок Островов.

Ребята приблизились, и разговор смолк. По нам заскользили любопытные, насмешливые взгляды. Конечно, с нашим видом... Я подтянулся, прикрывая скамейкой деревянный меч, висевший за спиной.

Один из мальчишек вдруг резко остановился и шлепнулся на скамейку рядом с Ингой. Через секунду вся компания, только что направлявшаяся в подъезд, облепила скамейку. Все молчали. Несколько ребят жевали резинку, один медленно доставал из кармана рубашки смятую, просыпающуюся сигарету. Он повернулся ко мне, лениво спросил:

— Спички будут?

— Не курю, — невольно улыбнувшись, ответил я.

У мальчишки даже лицо изменилось от удивления. Он взглянул на своего соседа:

— Что он сказал?

— Он сказал, что не курит, Валек, — послушно повторил тот.

Валек посмотрел на меня еще удивленнее и сказал: **195**

— Слушай, зачем тебе такая козочка, если ты не куришь? Все заржали. А мне комом перехватило дыхание. Ну почему? Почему?

— Убери руку! — звенящим голосом сказала Инга.

Я дернулся. И почувствовал, как мне вцепились в плечи.

— Убери руку! — повторила Инга.

Ее сосед лишь ухмыльнулся, не снимая ладони с коленки. В следующую секунду Инга привстала, чуть разворачиваясь. Со сдавленным криком пацан полетел на землю.

— Да, эта козочка не по тебе, — задумчиво решил Валек. — Наваливай отсюда, а мы о ней позаботимся.

— Мальчики, шли бы лучше вы сами... — начал я.

Соскочили все, даже те, кто держал меня.

— Как ты нас назвал? — утратившим всякую интонацию голосом спросил Валек. Повторять ему никто не стал. Все смотрели на меня.

— Я в натуре твой прикол не понял, — подходя ко мне, произнес Валек. — Теперь на метле не разъедемся.

— Да ему все поровну, — ехидно сказал кто-то из-за спины. — Он ниндзя, меч таскает. Вот только картонный, боится мусоров дразнить.

По мечу щелкнули пальцем. Тонкое, как фанера, лезвие отозвалось глухим стуком. А Валек шарил в кармане. Когда он вытащил руку, ладонь оказалась обмотанной толстой металлической цепью.

— Извиняться как будешь, чокнутый? Может, сразу на мослы станешь?

— Отвяжитесь, ребята, — попросил я. — Ну отстаньте!

Двое опять приближались к Инге. Остальные собрались у меня за спиной. Валек одним движением раскрутил цепь на полметра, протянул:

— Ну, начнем...

— Инга, спину!

Я крутанулся, выключая ее противника. Второй сразу же метнулся в темноту. Но Валек лишь оскалился, вскидывая руку с оружием. Тяжелые стальные звенья описали дугу рядом с моим лицом. Я пригнулся, цепь визгливо взрезала воздух.

— Дима, трое!

Я на секунду повернулся назад. Инга уже откинула первого из нападавших и теперь работала со вторым. Я

подпрыгнул, пытаясь достать последнего. Достал. И развернулся к Вальку:

— Хватит?

Он ругнулся. Растерянно, зло. И бросился на меня.

— *Ребята, южный мост...*

— *Костя уже в замке. От раны...*

— *Бросьте оружие!*

— *Я сам, я хочу домой...*

Удар. Еще удар. Еще... Я едва успевал уворачиваться. Удар.

— *Обоих вас надо было кончать...*

— *Мы не берем пленных...*

— *Всегда, во все времена...*

Ладонь сжалась на эфесе. Я почувствовал, как впиается в кожу стальная насечка рукояти. И выдернул меч из затрещавшей перевязи, распарывая тугие кожаные петли.

Лезвие перерубило стальную цепочку, словно гнилую нитку. Крутящийся обрывок сверкнул, уносясь в темноту. Кто-то взвизгнул. Я вскинул меч — привычным, заученным навсегда движением. Валек присел, уходя от удара, даже не присел, а рухнул на колени. И получил удар коленом в лицо. Растянувшись на асфальте, он попытался заслониться растопыренными пальцами.

Перехватывая меч двумя руками, я занес его над дергающимся телом. Услышал истерический, пороссячий визг. И перекрывающий его Ингин крик:

— Не смей!

...Синий свет фонарей плясал на лезвии меча. Скорченные тени расползались по сторонам. Я прикоснулся к клинку. Промошпал, не слыша своего голоса:

— Сволочь... Ты и здесь...

Сжав ладонь на лезвии, я плашмя ударил меч о колено. Лезвие хрустнуло.

— Сволочь...

Я ломал клинок, не чувствуя боли в израненных пальцах.

— Сволочь...

Осколки беззвучно падали на грязную, загаженную землю.

— Ты и здесь со мной... Навсегда, да? Навсегда?

Обломок эфеса нелепо торчал из сжатой, закаменевшей ладони. Я ударил рукой по шершавой каменной стене, выбивая его из кулака. Слепо шагнул в сторону, натолкнулся на скамейку, где сидел минуту назад, замер, глотая горячий влажный воздух.

— Не надо, Димка... Не плачь, ты же сильный... Ты ведь даже там не боялся. Дима... Не плачь...

Инга всхлипывала, прижимаясь ко мне.

— Все пройдет. Правда... Не плачь. Успокойся...

Я опустил голову, зарываясь лицом в ее волосы. И тихо засмеялся. Меня била нервная дрожь, и смех судорожными толчками выплескивался из легких.

— Инга... Как смешно, Инга... Я не могу тебя обнять, у меня все руки в занозах. Инга...

Вместо послесловия

Автор благодарит Ингу, Диму, Тимура, Илью, Сержана; которые помогали писать эту книгу своими советами и самим фактом своего существования.

Он верит, что в детстве, когда каждый двор — остров, а каждая улица — мост в неведомое, однажды не останется места для Игры, в которой убивают.

Спасибо всем, кто понял эту книгу.

МАЛЬЧИК И ТЬМА

Моей жене Соне.

И сказал Бог: да будет Свет.
И стал Свет.
И увидел Бог свет, что он хорош;
и отделил Бог свет от тьмы.

Книга Бытия

Часть первая

КРЫЛАТЫЕ

1. Солнечный котенок

Все случилось из-за того, что я заболел. Было уже два часа дня, а я лежал в постели и листал сто раз перечитанного «Питера Пэна». Компресс, который мама утром повязала мне на шею, я давно снял и забросил в угол. Абсолютно не понимаю — чем может помочь от кашля смоченная водкой вата? С мамой я, конечно, не спорю, но после ее ухода начинаю лечиться по-своему, то есть лежать с книжкой и ждать, когда болезням надоест такое скучное времяпровождение. Обычно помогает — хоть и не сразу, а дня через два-три. Хорошо еще, что на улице очень неуютно — то на минуту выглянет солнце, то зарядит мелкий противный дождик. Правда, в комнату солнце не заглядывало — так уж неудачно стоит наш дом, что новенькие девятиэтажки закрывают его со всех сторон. «В такой квартире только грибы выращивать», — говорил папа, когда он еще жил с нами.

Я опустил книжку на пол рядом с кроватью и лег на спину. Наверное, закрой я сейчас глаза, ничего бы так и не случилось. Но я лежал, глядя в потолок и слушая тиканье часов в прихожей.

А через стекло прыгнул в комнату солнечный зайчик. Маленький, с ладошку размером, но удивительно яркий. Словно окно было открыто, а на улице светило жаркое летнее солнце. Наверное, кто-то забавлялся с зеркалом на балконе дома напротив.

Зайчик проплыл по потолку, сполз на стену, заставил блеснуть вазу на комоде и остановился, чуть подрагивая, на спинке кровати.

— Не уходи, — зачем-то сказал я, понимая, что сейчас зеркало дрогнет и солнечный зайчик навсегда выскочит из моей комнаты. — Останься...

Вот тогда все и началось.

Солнечный зайчик оторвался от кровати и поплыл по воздуху. Вначале я даже не понял, что такого не бывает. И лишь когда висящее в воздухе плоское пятнышко света стало раздуваться, превращаясь в пушистый оранжевый шарик, я понял — случилось чудо.

Из оранжевого светящегося меха вытянулись четыре лапки, потом хвост и голова. Моргнули и уставились на меня зеленые кошачьи глаза. Да и вообще зайчик этот больше всего походил на котенка. Вот только он висел в воздухе, светился и казался невесомым, как пух, — дунешь и улетит.

— Привет, — мурлыкнул Котенок. — Спасибо за приглашение.

На секунду я закрыл глаза, но когда вновь посмотрел на Котенка, тот никуда не исчез. Даже подлетел поближе.

— Я в сказки не верю, — самому себе сказал я. — Я уже большой.

— Ну, по сравнению с девочкой, которая держала Настоящее зеркало, ты довольно большой, — невозмутимо заявил Котенок и опустился на одеяло. Я скосил глаза — не повалит ли дым, но все было в порядке. Животом я чувствовал тепло, но не сильное. А Котенок склонил голову и добавил: — Но совсем взрослым тебя тоже не назовешь. Тебе сколько? Десять лет есть?

— Четырнадцать будет, — как-то неожиданно успокоенный деловым вопросом, ответил я. — Ты кто?

— Солнечный зайчик, — с любопытством осматривая себя, ответил Котенок. — Да, ну и внешность... Похож?

— На кого?

— На зайчика.

— Скорее на котенка.

— Немногим лучше, — грустно заявил Котенок и потянулся. А я ничего лучшего не нашел, чем повторить:

— Ты кто?

— Но мы уже пришли к единому мнению! — с неожиданной обидой заявил Котенок. — Солнечный зайчик, точнее — котенок, потому что на него я похож куда больше! Что

202 тут непонятного?

Я даже растерялся. Ну да, маленький зеленый зверек, который ест камни, это просто маленькая зеленая камнеежка. Знаем, слышали. А солнечный зайчик — это солнечный котенок, потому что на зайчика он никак не похож.

— Так что же, любой зайчик может ожить, если его позвать? — осторожно спросил я. Мне почему-то казалось, что Котенок на такой вопрос снова обидится. Но тот лишь гордо покачал головой:

— Вот еще! Любой! Только Настоящий свет, отраженный Настоящим зеркалом, может ожить.

— А что такое... — начал я. Но Котенок конца вопроса дожидаться не стал. Вскочив и прохаживаясь по одеялу, принялся объяснять:

— Настоящий свет — это солнечный свет. Но не всякий, а только тот, когда лишь один лучик из тысячи тысяч может пробиться к земле. Он бывает на рассвете или на закате... — Котенок посмотрел в окно и брезгливо поморщился. — Ну или в такую погоду. А Настоящее зеркало — это... — Он замолчал. Снова открыл рот и виновато потер лапкой голову. — Не знаю. Мне ведь и пяти минут еще нет, а с зеркалом я познакомился очень ненадолго. Настоящее зеркало... ну, это зеркало, которое отражает суть вещей. Они очень редко встречаются. В Настоящем зеркале человек отражается таким, какой он на самом деле, а вещи — такими, какие они должны быть. Поэтому Настоящие зеркала часто разбивают, — неожиданно закончил Котенок. — Вот. Что знал, то рассказал.

Он легко прыгнул с одеяла и спланировал на пол. Подбежал к окну, задрал мордочку и грустно произнес:

— Ну вот, солнышка уже нет. Так я и знал.

Оранжевая шерстка Котенка светилась мягким теплым огнем. Нельзя сказать, чтоб очень уж ослепительным, но почему-то в этом свете все было видно удивительно отчетливо. Под батареей я увидел закатившуюся туда невесту когда монетку, а на паласе ярко высветилось пятно от пролитого давным-давно чая. И в этот миг я наконец понял, что все происходит по-настоящему. Я лежу в постели и разговариваю с Солнечным котенком, появившимся из Настоящего света и Настоящего зеркала.

— Так ты волшебный? — тихо, словно стесняясь самого себя, спросил я. И Котенок эту интонацию почувствовал:

— «Я большой, в сказки не верю», — передразнил он. — Да! Волшебный. Если хочешь, я, конечно, напле-

ту чего-нибудь про фотоны и магнитные поля. Только учти — я в них не верю.

Меня его насмешка немного задела.

— А что ты умеешь? — спросил я. — Мяукать умеешь?

— Может, еще и мышей ловить? — Котенок аж подпрыгнул от возмущения и снова повис в воздухе. — Умею! Мяу! Похоже?

— Не очень, — признался я. — Но ты же волшебный, ты должен делать чудеса.

— Я сам по себе чудо. — Котенок демонстративно отвернулся.

Откинув одеяло, я опустил ноги на пол. Мне захотелось погладить Котенка, а может, даже извиниться перед ним, чтобы он не обиделся вконец и не убежал. Но тут я неожиданно закашлялся, и очень сильно.

— Болеешь? — не поворачиваясь, спросил Котенок.

— Угу.

— Ложись.

Котенок подлетел ко мне и вдруг оказался прямо у меня на шее, я даже испугался от неожиданности.

— Ложись, кому сказано, — строго повторил Котенок. — И не бойся, не укушу, простуженных мальчишек я не ем.

Каким образом он на мне держался, не знаю. Когти, если они у него были, Котенок не выпускал. Может, просто парил в воздухе прямо передо мной? Я послушно лег, и он сразу же устроился у меня на шее, положив голову мне на подбородок.

— Это зачем? — тихонько, чтобы Котенок не свалился, спросил я.

— Лечить тебя буду. Тепло?

— Да.

— Тогда лежи смирно. Станет жарко — скажешь.

Но жарко мне не было, только тепло. Я так и сказал. А Котенок полежал минуту, потом спрыгнул на пол и заявил:

— Ну вот и все.

— Хочешь сказать, я поправился?

Он кивнул. Выглядел кивающий Котенок очень забавно, но светящаяся, как огонь, шерстка заставляла относиться к нему серьезно.

— Но я ничего не чувствую! Только горло не першит...

— А что ты должен чувствовать? — вдруг завелся Котенок.

— Ты же был только простужен! Здоровый парень, рас-
204 кашлялся чуть-чуть — и сразу в постель!

Я хотел ответить, что в постель меня уложила мама, но передумал. В конце концов, мама давно ушла на работу... Интересно, а как она отнесется к говорящему и светящемуся котенку? Не испугается?

— А что ты еще умеешь? — спросил я.

— Не знаю, — признался он. — Я еще маленький.

— А потом вырастешь?

— Вряд ли, — сразу поскуцел Котенок. — Настоящий свет — штука редкая, а мне, чтобы вырасти, нужен именно он. О! Знаешь, что я умею? Находить всякие потерянные вещи вроде пуговиц и монеток! Во мне же Настоящий свет, от него ничто не спрячется!

— Здорово, — не очень уверенно сказал я. И не удержался, протянул руку к Котенку и погладил. Он оказался не слишком горячим, чуть теплее самого обычного котенка. Когда-то у меня был кот, но потом мама заставила его отдать. У нее вдруг появилась аллергия на кошек.

Котенок сделал вид, что даже не заметил моего прикосновения. Но, кажется, это ему понравилось.

— Еще я умею... — начал Котенок, — умею... Умею находить двери.

Я засмеялся. Мне стало так весело — то ли от хвастливого, но самокритичного волшебного Котенка, то ли от того, что горло больше не болело.

— Дверь я и сам могу найти! А если бы у меня волосы светились, так и в темноте бы находил.

— Глупый, — снисходительно глянул Котенок. — Я вовсе не про обычные двери. Я умею находить Потаенные!

В тот миг я, конечно же, не понял, о каких дверях идет речь. Но почувствовал легкую дрожь, словно по комнате пробежала волна холодного воздуха.

— Что это — Потаенные двери? — почему-то шепотом спросил я. И Котенок, тоже очень тихо, ответил:

— Потаенные двери ведут из мира в мир. Обычно люди их не видят, хотя иногда сами же и строят.

Из мира в мир? Ничего себе...

— А где они? — еще тише спросил я.

— Да где угодно, — храбро заявил Котенок. — У тебя в комнате тоже наверняка есть. Сейчас поглядим.

И он решительно направился к стене.

Когда Котенок приблизился к ней, произошла удивительная вещь. Вначале я увидел три слоя обоев друг

сквозь друга. И если второй слой я помнил — мы клеили эти обои, когда переехали из старой квартиры, то третий явно остался от прежних хозяев. Под ними еще были газеты, даже названий которых я не знал. Дальше — кирпич.

А Котенок бежал вдоль стены, и я увидел под кирпичами некрашеную деревянную дверь!

— Стой! — крикнул я, но Котенок не остановился. Лишь фыркнул и пробормотал:

— Вот еще, за такой дверью ничего веселого быть не может...

Следующую дверь Котенок нашел в углу. Она была металлическая, серая, с маленьким штурвальчиком вместо ручки, как на сейфах. Здесь Котенок на секунду замер, потом хмуро предположил:

— Там, наверное, всякие фотоны-протоны и магнитные поля... Поищем еще.

— Поищем, — согласился я. Мной овладел азарт. Я шел следом за Солнечным котенком, и ноги обдавало его теплом. Здорово! Особенно когда ты босиком и тебе совсем не хочется, только поправившись, сразу же снова заболеть.

— Во! — радостно пискнул Котенок. — Шик, правда?

Дверь действительно была красивая. Из черного дерева, с резными узорами, огромной бронзовой ручкой, немного выпирающей из обоев. Удивительно, чего только не увидишь в Настоящем свете!

— Заглянем? — предложил Котенок.

Вот сейчас я удивился по-настоящему.

— А можно?

— Разумеется. То, что ты видишь в Настоящем свете, всегда открыто для тебя.

Я с сомнением пожал плечами. Посмотрел на себя — трусы, майка и больше ничего. Даже тапочки не надел. А если за дверью — какой-нибудь дворец, где начинается бал? Буду потом оправдываться: «Ну вы нашли место чаи распивать!»

— Знаешь, я оденусь, — нерешительно предложил я. И Котенок мою нерешительность заметил.

— Глупый! — закричал он. — Думаешь, легко высвечивать Потаянные двери? Я же маленький! У меня сил надолго не хватит!

И я не удержался. Да и кто на моем месте стал бы спорить?

— Как открыть?

— Посмотри на ручку, — прошептал Котенок. Похоже, ему и вправду было трудно. — Посмотри так, чтобы увидеть ее четко-четко. А потом берись и открывай.

Я всмотрелся в ручку. Вначале она была чуть туманной, словно под матовым стеклом. А потом я увидел ее очень ясно. Бронза была шершавая, грубая, лишь по краям гладкая, будто отполированная множеством касаний. Неужели когда-то эту дверь часто открывали? Я протянул руку и почувствовал холод металла.

— Быстрее, — жалобно произнес Котенок. И я потянул дверь на себя.

Она была тяжелая, очень тяжелая. Словно петли закаменели от времени или не хотели пробуждаться от долгого сна. Но я тянул, и дверь медленно пошла на меня. Сквозь кирпич, и старые газеты, и три слоя обоев. Но я уже ничему не удивлялся.

Нас обдало прохладным ветром. Тихо шумели деревья. И еще было темно. Хорошо хоть, что никакого дворца там не оказалось.

— Ночь, — разочарованно сказал Котенок. — Даже звезд не видно, а жаль. Звездный свет — всегда Настоящий.

Но через мгновение он воспрял духом:

— Ничего. Ночью мой Настоящий свет всегда может пригодиться.

И он храбро перепрыгнул через мою ногу — за дверь.

— Осторожно! — крикнул я.

Светящееся пятнышко мелькало уже метрах в десяти.

— Ерунда! Что может случиться с Солнечным котенком? Даже ночью? Пойдем, здесь трава!

Я переступил порог. И почувствовал под ногами теплую траву. Здесь-то точно не осень. Лето или весна...

— Котенок! — позвал я и пошел в темноту. Не грохнуться бы... — Котенок!

Светящееся пятнышко метнулось ко мне:

— Дверь! Глупый мальчишка!

Я обернулся и увидел, как медленно закрывается в темноте светлый проем. Бросился назад, но руки уткнулись в камень. Я едва не рассадил лоб о скалу.

Сразу стало страшно.

— Самый глупый в мире мальчишка, — прыгал под ногами Котенок, — что ты наделал?! Дверь закрылась!

— Вижу, что закрылась! — заорал я. — Так высвети ее! Откроем!

Котенок ответил не сразу:

— Я попробую...

Он подошел к камню вплотную, и я увидел, как сквозь серую тень проступают очертания двери из черного дерева. Еще я понял, что скала, в которой замурована дверь, огромна. Это даже не просто скала, а часть горы. Но вот дверь, как я на нее ни смотрел, не становилась четкой. И пальцы натыкались только на камень, а не на бронзовую ручку.

— Не получается, — виновато сказал я.

— Сам понял, — ответил Котенок. — Сквозь камень трудно видеть Потаенные двери. Это тебе не старые газеты. Разве что другую поискать... Три двери должны вести из мира в мир — это закон.

— Так ты не можешь? — с подступающим ужасом спросил я. Искать теперь повсюду другие двери на Землю было глупо. Котенок молчал.

— Говори! — завопил я. — Чего молчишь?

— Не могу, — прошептал Котенок едва слышно. — Я маленький, я же предупреждал. И сил очень много потратил, когда открывал дверь в первый раз.

— Эх ты, Солнечный, — едва сдерживая слезы, сказал я и сел на траву у самой скалы. В ногу больно впился острый камень, но я не обратил на это никакого внимания. Дверь в камне стала едва различима. — Может, камень обколоть?

— Не знаю, поможет ли это, — печально сказал Котенок и прижался к моей ноге. Вся злость сразу куда-то улетучилась. — Ты тоже виноват, глупый мальчишка. Надо было следить за дверью.

— Предупредил бы... И что ты меня все время зовешь глупым мальчишкой?

— Если ты настаиваешь, то буду звать умным, — продолжал задирается Котенок.

— У меня имя есть!

— Ты же не представился.

Минуту мы молчали, потом Котенок тихо спросил:

— А как тебя зовут?

— Данька.

— Бывают имена и похуже, — философски заметил
208 Котенок. — Ладно, не паникуй. Надо дожидаться утра.

Мне бы чуть-чуть Настоящего света — и я смогу высветить эту Потаенную дверь.

— Правда?

— Без всякого сомнения, — поклялся Котенок. — Ты небось тоже на голодный желудок марафон не осилишь?

— Да я и так не осилю, — признался я. — А откуда ты знаешь про марафон?

— Прежде чем Настоящий свет отразился от Настоящего зеркала, я много чего успел увидеть.

— А что это за зеркало? Откуда взялось?

— Да не знаю я. Оно очень старое, его взяла маленькая девочка и стала пускать зайчики... Фу, слово-то какое глупое! Зайчики!.. А девочка и не подозревает, какая удивительная вещь у них в доме хранится.

Я сидел рядом с Солнечным котенком и думал. О том, что во многих домах могут пылиться Настоящие зеркала, способные сотворить чудо. А мы проходим мимо, не догадываемся подставить их под утренний свет...

— Котенок, а как узнать, Настоящее зеркало или нет?

— Просто посмотреть в него. И захотеть увидеть себя таким, какой ты есть. Но люди боятся таких зеркал, предпочитают видеть свое отражение, а не суть. А некоторые уже и не умеют видеть, они способны только смотреть.

— И в чем тут разница — видеть или смотреть?

— Глупый, глупый Данька, — печально сказал Котенок. — Ты действительно еще маленький...

Я обиделся и не стал переспрашивать. А Котенок повозился у моих ног, потом виновато спросил:

— Не холодно?

— Нет.

— Ты не обижайся, если я буду обзывать. На самом-то деле во всем я виноват. Расхвастался...

— Да ладно. Дождемся рассвета и вернемся домой. Жаль только, ничего не увидели.

— А что тут видеть, — сонно отозвался Котенок. — Маленькая долина между скалами. Сто метров на двести, не больше... Ручеек, пара деревьев и несколько валунов.

— Откуда ты знаешь?

— Вижу.

— Так ведь темно!

— Во мне Настоящий свет, — зевнув, напомнил Котенок. — Данька, давай спать...

— Я не хочу.

— Тогда помолчи, а я посплю...

Вам когда-нибудь доводилось сидеть в полной темноте, держа на коленях спящего котенка? Да, именно в темноте, потому что, когда Солнечный котенок уснул, шерстка его стала светиться не ярче неоновой лампочки в детском ночнике. Что бы вы в такой ситуации сделали?

Точно. Вот и я тоже уснул.

2. Мы ждем рассвета

Проснулся я от озноба. Котенок спал, и от него шло ровное тепло, но хватало его только на живот и немного на ноги. А по плечам разгуливал прохладный ветерок.

Я поежился, и Котенок сразу поднял мордочку, засветившись в полную силу:

— Замерз, да?

— Спрашиваешь. — У меня зуб на зуб не попадал, да и есть хотелось ужасно. — Вот простыну опять...

— Вылечу, — без особого энтузиазма пообещал Котенок. — Ладно, уже немного осталось. Это перед рассветом всегда становится темно и холодно.

— Значит, вот-вот рассветет.

Я осторожно опустил Котенка на землю и попрыгал, чтобы согреться. Помогло это плохо.

— Может, мы мало спали? — предположил я, снова усаживаясь на траву.

— Семь с половиной часов, куда уж больше, — фыркнул Котенок. — Знаешь, какое чувство времени у Солнечных котят?!

У меня вдруг возникло жуткое подозрение. Но я не спешил его высказать, а вместо этого спросил:

— Ты до рассвета точно дверь не откроешь?

— Никак.

— А если... ну, в общем... вдруг здесь очень большая ночь?

— Какая?

— Несколько месяцев, как на полюсе!

Котенок помолчал, потом прошелся по траве взад-вперед и грустно сказал:

— Я надеялся, что ты об этом не подумаешь.

Обхватив руками плечи, я смотрел на сконфуженного Котенка. Потом спросил:

— Так что же, мы среди этих гор и останемся? Здесь же и есть-то нечего!

— Мне тоже, — огрызнулся Котенок. — Зато вода есть, можешь попить.

— Меня дома уже ищут, — вдруг сообразил я. — Не знают, что и подумать — исчез из постели, даже тапочки не надел!

— Давай немного подождем, — предложил Котенок. И мы ждали — молча, потому что говорить нам не хотелось, лишь Котенок со своим чувством времени объявлял каждые прошедшие пятнадцать минут. Когда он со вздохом сказал «час», я взорвался:

— И где же рассвет?

— Нет пока, — признался Котенок. — И я его не чувствую. Солнышко еще где-то далеко. Подождем немно...

— Хватит, — оборвал я. — Надо что-то делать.

— Есть один вариант, — со вздохом произнес незадачливый волшебник. — Я же умею летать. Сейчас взлечу и буду лететь, пока не наткнусь на рассвет или закат.

Прозвучало это так, словно рассвет и закат были толстыми каменными стенами. Я невольно улыбнулся.

— А дальше?

— Когда подкреплюсь, вернусь к тебе. У Солнечных котят отличное чувство направления, я тебя обязательно найду. Откроем дверь — и готово.

— Так что же ты раньше этого не предложил? — возмутился я.

— Понимаешь, я ведь уже не солнечный лучик, — признался Котенок. — Я буду лететь очень быстро, но может понадобиться несколько дней.

Вот тут мне стало страшно по-настоящему.

— Ты представляешь, что говоришь? — прошептал я. — Что со мной потом дома сделают?

— Другого выхода нет. Ждать — или лететь.

Я отвел взгляд от Котенка. И вдруг понял, почему возмутился этим предложением. Мне страшно.

Я, наверное, стал бояться темноты. А без Солнечного котенка темнота станет полной. И... что, если он не прилетит?

— Давай, — выдавил я. — Лети. Только быстро, а то пере-
думаю.

Он понял.

— Данька, не вешай нос. Я буду лететь очень быстро. Если захочешь пить — ручеек прямо перед тобой, метрах в тридцати. Жди.

И прежде чем я успел сказать, что передумал, что не смогу ждать его в одиночестве и мраке, Солнечный котенок подпрыгнул и взвился в воздух. Оранжевый комочек света стремительно поднялся, превращаясь в крошечную точку на черном небе. И полетел прочь. Действительно очень быстро: я потерял его из виду за несколько секунд. Только хватит ли ему сил все время мчаться с такой скоростью?

Минут десять я ревел, уткнувшись в густую мягкую траву. Как ни странно, это меня капельку согрело. Поднявшись, я пошел на поиски ручейка, о котором говорил Котенок.

Странное это дело — бродить во тьме. Теряется и расстояние, и время. Лишь камни, изредка попадавшие под ноги, доказывали, что я не топчусь на месте.

Руки я держал перед собой, боясь, что в любой момент оступлюсь, но вскоре услышал журчание воды, а еще через мгновение трава под ногами сменилась влажным песком.

Нагнувшись, я жадно пил холодную чистую воду. Потом, отойдя на несколько шагов — так, чтобы слышать ручеек, — лег навзничь в траву, высокую, сомкнувшуюся надо мной.

Делать было совершенно нечего. Раньше я и не подозревал, как выматывает полное безделье. Я лежал, слушая плеск воды и гул ветра где-то далеко-далеко вверху. Лежал, наверное, очень долго. А потом снова заснул.

Разбудили меня шаги. Я открыл было рот, чтобы окликнуть вернувшегося Котенка, но вовремя сообразил, что эти шаги другие: тяжелые, человеческие.

Сразу вернулся страх.

Шаги приближались сразу с двух сторон. В нескольких метрах от меня идущие встретились. И я услышал тягучий голос:

— Там нет никого.

— Там нет никого тоже.

Я понимал говорящих, хотя мне почему-то казалось, что они говорят на чужом языке. И от этих медленных, тяжелых голосов меня пробила дрожь. Я замер, боясь шевель-
212 нуться.

- Здесь никого. Но дозорный видел свет.
- Дозорный видел Настоящий свет.
- Это невозможно.
- Но дозорный видел.
- Здесь нет света. Здесь нет никого.
- Тот, кто светил, улетел.
- Или ушел по скалам. Здесь низкие скалы.
- Нас обвинят в медлительности.
- Это плохо. Надо сказать, что здесь был Крылатый, убежавший вчера.
- Нас спросят, где его сердце.
- Мы скажем, что он защищался. Мы скажем, что залили долину Черным огнем.
- Это расточительно. Это плохо.
- Но это лучше медлительности.
- Да. У тебя есть Черный огонь?
- В башне.
- У меня нет Черного огня. Мы полетим в твою башню, возьмем огонь и сожжем долину.
- Так хорошо. Летим.

И я увидел, как во мраке разворачивается тьма. Черные полотнища тьмы, чернее темноты, непрогляднее мрака. Две пары огромных крыльев. В лицо ударил ветер, наполненный едким нечеловеческим запахом, и тьма взвилась в небо.

Несколько минут я лежал, убеждая себя, что мне приснился кошмар. Но едкий запах еще держался в воздухе, а в том месте, где стояли говорившие, я нащупал выдернутую траву.

Ждать возвращения тех, кто при ходьбе вырывал с корнем траву, мне совершенно не хотелось. Еще больше не хотелось дожидаться Черного огня, чем бы он ни был.

Я встал, чувствуя, как мир сжимается вокруг, превращаясь в клетку из темноты и страха. Ах, Котенок, Котенок, неужели ты не догадывался, куда могут привести Потаенные двери?

— Я не боюсь,— громко сказал я. Темнота не ответила.— Я уже большой. Я уйду по скалам, здесь низкие скалы.

Темнота молчала.

Вытянув руки, я побрел вдоль ручья, и тьма шла вместе со мной. Уткнувшись в скалу, я понял, что вода стекает по ней. Почти бесшумно — значит скала не была отвесной. Это хорошо. Шестое чувство подсказывало мне, что нужно

подниматься вдоль воды, чтобы ее тихий шелест заглушал движения.

Пошарив по камню, я нашел жалкий уступ, встал на него. Потом на следующий. Зацепился за какой-то кустарник, хорошо еще, что не колючий, и продвинулся на следующий метр. Не так уж и трудно, тем более что высота не чувствовалась.

— Я не сорвусь, — прошептал я неизвестно кому. — Слышите? Не сорвусь. Так не бывает — попасть в волшебный мир и сорваться со скалы...

Камень под моей ногой дрогнул. Я затаил дыхание, и дальше пришлось подниматься молча. Минут через десять, коснувшись ладонью губ, я почувствовал вкус крови. Пальцы стерлись о камень. Наверняка то же случилось и с ногами, но проверять не хотелось. Висеть на скале, как таракан на стенке, было невозможно, и я полез дальше.

Минут через пять я понял, что устал до предела и вот-вот сорвусь — и тут выбрался на небольшой уступ. Тесно прижался к скале, сел, свесив ноги во тьму. Интересно, высоко ли? Метров пять, десять? Явно мало для того, чтобы спрятаться от непонятного оружия летающих тварей.

Сняв бесполезную майку, я по очереди обматывал руки и ноги, выжидая несколько минут, чтобы остановить кровь. Подъем разгорячил меня, холод больше не чувствовался. Оставив рваную и перепачканную майку на уступе, я продолжил первое в своей жизни восхождение. Журчание воды по левую руку было моим проводником. Один раз я даже попал на мокрый участок скалы, где брызги падали мне на голову. Пришлось медленно и осторожно сдвигаться вправо, чувствуя, как предательски скользок стал камень. Иногда я отдыхал, если встречались надежные площадки, затем вновь начинал подниматься. И тьма ползла за мной, скрывая высоту и растворяя в себе время. Быть может, я карабкался полчаса, может, несколько часов, не знаю. Единственное, что я знал точно, — никогда еще я так не уставал.

А потом над головой захлопали крылья, и, посмотрев вверх, я увидел несущуюся сквозь мрак тьму. Две тени парили почти что на одном уровне со мной, и, вжимаясь в скалу, я услышал свистящий шепот:

— Лей...

Я ничего не увидел, лишь снизу послышался треск, словно по всей долине захрустели невесть откуда взяв-

шиеся сухие сучья. Потом зашипела вода в ручье. И ударила волна горячего, раскаленного воздуха.

Прижавшись к мгновенно нагревшемуся камню, я задышался от удушливого жара. Дующий снизу ветер трепал мне волосы, и я вдруг почувствовал, как на расцарапанных ногах запекается кровь.

Все кончилось так же внезапно, как и началось. Летающие тени исчезли, зной отступил. Я висел на скале, и кожа запоздало покрывалась потом.

Черный огонь угас. Но за те мгновения, пока подо мной сгорала долина, я успел понять, что взобрался уже очень высоко. Метров пятьдесят, не меньше. И спуститься теперь не смогу. Значит — вверх.

— Я не боюсь, — как заклинание повторил я.

Темнота и тишина ползли по скале вместе со мной. Становилось все холоднее, пальцы на руках онемели, ног я почти не чувствовал. Выбравшись на очередной уступ, я долго лежал, собирая остатки сил, потом пошарил перед собой рукой, нащупывая скалу. Но пальцы коснулись лишь мягкой, живой травы.

Я смог. Я поднялся, выбрался из каменной западни и оказался, кажется, на каком-то плато, где дул ровный холодный ветер, а трава была влажной от росы. Быть может, дальше тоже вздымались горы, но я ощущал вокруг себя огромное свободное пространство. Здесь можно было бы дожидаться Солнечного котенка... будь у меня хоть какая-то одежда и пища.

Наверное, еще час-другой назад я бы опять разревелся. От холода и одиночества, от полной безнадёжности. Но бегство от существ из мрака и подъем по скале что-то изменили во мне. Это дома, подравшись на улице или получив от мамы очередной нагоняй, я мог плакать. Здесь было слишком страшно для слез.

А для того чтобы лежать на траве и тихо замерзать, ожидая моего незадачливого волшебника, я был слишком горд.

Поднявшись с земли, я прижал ко рту ладони и закричал:
— Э-э-й!

Наверное, я просто хотел услышать эхо. Убедиться, что в темноте есть еще какие-то звуки, кроме биения моего сердца.

Но еще прежде чем далекое эхо вернуло мой слабый крик обратно, в нескольких шагах от меня зашуршала трава. И кто-то невидимый во тьме сказал:

— Если ты шевельнешься, я убью тебя.

Не испугался я лишь потому, что этот голос вовсе не был похож на свистящее шипение крылатых существ. Просто человеческий голос.

— Я не шевелюсь, — тихо ответил я.

— Что ты здесь делаешь? — донеслось до меня. Кажется, чуть ближе, чем в первый раз. Невидимый собеседник подкрадывался ко мне.

Что я делаю? Ну и вопросик. Жду Солнечного котенка, медленно замерзаю, ору из последних сил...

— Я жду рассвета, — по-прежнему не шевелясь, ответил я.

Кто-то схватил мою руку, и я вздрогнул.

— Рассвет придет, — прошептали мне в самое ухо. Я ощутил чье-то дыхание и едва удержался от крика.

— Рассвет придет. Ты рисковал, я мог тебя убить.

— Да? — невольно спросил я. И услышал тихое звяканье металла.

— Ты видел Летящих?

— Они залили долину внизу Черным огнем, — надеясь, что отвечаю правильно, сказал я.

— Я слышал. Они охотились за мной.

— И чуть не убили меня.

Похоже, эти слова решили дело. Голос незнакомца стал смущенным.

— Никогда не думал, что в этих местах кто-то есть. Извини. Хорошо, что ты цел... Пойдем.

Меня мягко потащили в сторону. Я вытянул вперед свободную руку и сразу же услышал вопрос:

— А где твои очки?

— У меня их никогда не было.

— Ого... Да ты осторожнее, здесь деревья.

Я ойкнул, налетев на упругую колючую ветку, но обижаться на запоздалое предупреждение не решился.

— Мы уже рядом. Нагнись.

Я послушно нагнулся и почувствовал, как по лицу скользнула плотная ткань. Вслед за незнакомцем я протиснулся сквозь узкий разрез и ощутил, как тепло внутри. Это было что-то вроде маленькой палатки.

— Закрой вход... а, ты же не видишь. Садись.

За моей спиной прошелестела ткань. Потом раздался шелчок — и в глаза, сразу со всех сторон, ударил свет!

Зажмурившись, я выждал несколько минут, борясь с неприятным ощущением, что меня разглядывают. Рискнул приоткрыть один глаз и, все еще жмурясь, осмотрелся.

Это действительно оказалась маленькая круглая палатка. Изнутри она была чисто белой и мягко светилась.

Передо мной на корточках сидел мальчишка не старше меня самого. Худой, светловолосый, очень бледный, что меня совершенно не удивило. На нем были только короткие мятые шорты из ярко-синей ворсистой ткани; на широком кожаном поясе висел длинный тонкий нож в ножнах.

Страх у меня начал проходить. Я-то ожидал увидеть взрослого громилу со зверским лицом, а не ровесника.

— Я тебя не знаю, — с подозрением сказал мальчишка.

— И я тебя тоже, — парировал я. В палатке было тепло и светло. Существа из мрака казались здесь просто дурным сном. Я совершенно не боялся.

— Ты откуда? — продолжал допрос мальчишка. Руку он держал на ноже, словно готов был в любую минуту пустить его в дело.

— Издалека, — честно и бесполезно ответил я. Как ни странно, моего собеседника ответ устроил. Но без уточнений не обошлось.

— Где твои родители? Где твои друзья?

— Там, где светло. — Со злости я решил разнообразить ответы. Эти слова неожиданно подействовали.

— Извини, — как-то виновато пробормотал он. — Мои... ладно. Ты совсем один?

Правда — это такая удобная штука, что нет никакой надобности заменять ее ложью. Из нее и так можно сделать что угодно.

— У меня был друг, но он ушел искать свет.

Мне почему-то показалось, что после этого вопросы о друге отпадут. И не ошибся. Мальчишка шмыгнул носом и протянул мне руку.

— Лэн.

— Данька. — Я пожал ему ладонь.

— У меня тоже был друг, — неожиданно сказал он. — Но ему не удалось вырваться из башни. Он был Старшим.

— А мой друг был младше.

— Да? — Он явно удивился. — Ты что собираешься делать?

— Выбираться отсюда.

— Пойдешь в наш город?

А почему бы и нет? Меня здорово разморило в тепле, но я старался не терять нить разговора. Чем сидеть голым в горах и ждать Котенка, который может и не явиться, лучше уж пробираться к цивилизации.

— А меня там нормально примут? — осторожно поинтересовался я.

— Спрашиваешь! — возмутился Лэн. — Если я за тебя поручусь, то все будет в порядке... Ты не думай, я не хвастаюсь!

— Да я верю, — вяло ответил я. — Лэн, можно мне поспать?

— Ну я и дурак! — Лэн вскочил и стал рыться в маленькой сумке, валяющейся в углу. — Ты же есть хочешь, точно? Извини, у меня немного.

Через минуту я ожесточенно грыз жесткое не то копченое, не то просто высушенное мясо. Когда от куска ничего не осталось, Лэн протянул мне горсть фиников или чего-то очень на них похожего и фляжку.

— А ты? — вяло сопротивлялся я, уже начиная поглощать финики.

— Ты Старший, раз мы теперь пойдем вместе, — настоятельно сказал Лэн. — И вообще я сегодня уже ел.

Может, это и нехорошо, но больше я не спорил. Допил из фляжки густое сладкое молоко (на вкус оно было как слегка разведенная сгущенка), виновато посмотрел на Лэна. А он уже раскладывал на полу коротенькое одеяло.

— Давай спи, потом все решим, — чуть ли не подталкивая меня к одеялу, сказал Лэн. — Спи.

Странно он себя вел. С одной стороны, словно действительно решил, что я старший и он должен мне прислуживать, как... ну, как молодой солдат старому, что ли. И одновременно заботился так настырно, словно я был ребенком, а он взрослым.

Но подумать как следует я не смог. Лег — и словно провалился. Вот что такое не есть, мерзнуть, а потом вдруг попасть в тепло и перекусить.

Проснулся я от того, что Лэн навалился на меня и зажал ладонью рот. Честно говоря, со сна я решил, что он просто усыплял мою бдительность, а теперь решил задушить. И я стал выворачиваться, пихая Лэна в живот локтем. Он ойкнул и зашептал в самое ухо:

— Тихо, это дозорный! Тихо!

Я замер. И услышал, как над нами, совсем низко, тяжело и медленно хлопали огромные крылья. Мы лежали, прижавшись друг к другу, а сверху парило что-то страшное даже на звук.

Наконец шелест крыльев исчез вдали. Мы сели. Лэн посмотрел на меня и тихо сказал:

— Улетел. К ближайшей башне.

— Ну и здорово, — еще плохо соображая, ответил я.

— Да он же нас увидел! — вдруг выкрикнул Лэн. И всхлипнул, явно собираясь разреветься.

Тоже мне отважный воин сказочной страны. Я схватил его за плечо:

— Лэн! Опомнись! Сваливать надо!

— Что?

— Бежать, драпать... — Я хотел добавить «рвать когти», но вспомнил летающих монстров и передумал.

— Да-да. — Лэн мгновенно развил бурную деятельность. Засунул одеяло в сумку, открыл палатку (свет при этом мгновенно погас), выкинул сумку наружу. Из темноты дохнуло холодом.

— Выходи, — строго, словно я делал что-то неприличное, сказал Лэн. Я пожал плечами и на ощупь направился к выходу.

— Подожди...

Мне в ладонь легла холодная гибкая лента.

— Надень очки.

— А ты?

— Но я же буду в Крыле! — удивился Лэн.

Выбравшись из палатки, я приложил ленту к глазам. И вздрогнул. Тьма расступилась. Я увидел холмистую равнину, опоясанную горами, редкие деревца вокруг нас. Посмотрел вверх — и взгляд уткнулся в низкое серое небо. Какое-то очень низкое и плотное, словно отлитое из свинца. Завязав ленту на затылке, я покрутился немного, проверяя, прочно ли держатся странные «очки». Ничего, нормально держались. Это был не прибор ночного видения, как те, что показывают в кино, — ну, когда чем теплее предмет, тем ярче он светится... Эта штука просто превращала ночь в сумрак.

За моей спиной раздался шорох. Я обернулся и увидел, как маленькая круглая палатка с Лэном внутри вздрогнула и начала сминаться. Не просто упала, а съежилась, обтянув стоявшего внутри мальчишку, превратившись во что-то вроде комбинезона и плаща одновременно. Вдоль **219**

рук Лэна теперь свисали широкие черные складки ткани. Крылья?!

Лэн подошел ко мне — перед глазами у него был маленький прозрачный щиток, наверное, тоже позволяющий видеть в темноте, подобрал свою сумку и безнадежно сказал:

— Ничего не выйдет. Ты-то без Крыла. А пешком нам не убежать.

Меня эти слова разозлили. Если бы я раздумывал, удастся или нет убежать, я так и остался бы внизу дожидаться Черного огня.

— Где твой город?

Лэн поколебался, потом махнул рукой:

— Там. Надо лететь над рекой... ну а потом еще идти.

— Река далеко?

— Полчаса пешему. — Лэн с надеждой посмотрел на меня. — Ты что-то придумал?

— Не знаю, — уклонился я от ответа. — Но в крайнем случае ты ведь можешь улететь.

Лэн отвернулся.

— Данька... Я потерял Старшего не по своей вине, клянусь.

— Я верю, — растерянно сказал я.

— Так зачем говоришь, что я могу тебя бросить?!

Я осторожно взял его за руку. Под черной тканью пальцы казались жесткими и напряженными.

— Лэн... Брось. Я вовсе не это имел в виду. Просто если хоть один может спастись, то...

— Ты бы меня бросил?

Я опустил глаза. Что бы я сделал, появись в небе черные тени? Если бы я мог улететь, а почти незнакомый мне мальчишка — нет? Что бы я сделал? Не знаю.

К счастью, Лэн понял мое молчание по-своему.

— Вот видишь, Данька, — уверенно сказал он. — Я тоже. Правда.

— Пойдем к реке, — предложил я. — Надо торопиться.

И мы пошли. В очках это было совсем нетрудно, и минут через двадцать мы вышли к обрывистому склону. Под нами текла река.

Нормальная горная река. Очень быстрая, довольно узкая и с торчащими из воды там и тут камнями.

Моя гениальная идея сразу показалась мне дурацкой. Но показать это Лэну было никак нельзя. Я поежился и сказал:

— Мы спускаемся к реке, там ты превращаешь свой костюм в палатку...

— Во что?

— В укрытие. Оно не пропускает воду?

— Нет, конечно!

— Отлично. Мы в него забираемся, сталкиваем в воду и плывем до города.

— Да? — недоверчиво спросил Лэн. — Крылу после этого конец придет.

— Иначе он тебе придет, болван!

Лэн вздохнул.

— Ладно. Хоть спланирую напоследок... Цепляйся, Старший!

Я неуверенно подошел к нему со спины. Лэн многозначительно покрутил пальцем у виска:

— В твоём городе ухитряются летать с грузом на спине?

— Мы вообще не летаем с грузом, — признался я.

— Тогда смотри...

Лэн заставил меня повиснуть на нём спереди, обхватив руками за шею, а ногами за пояс. В американских боевиках так виснут на отважных полицейских спасённые из лап террористов дети. Но Лэн-то не был полицейским с фигурой Шварценеггера. Он пошатывался, коленки у него явно подгибались, но он все же подошел к самому краю обрыва. Я глянул через плечо, и мне расхотелось участвовать в этом эксперименте.

— Лэн, — начал я. Но он меня не слушал. Он шагнул в пропасть.

Закрыв глаза, я вцепился в Лэна, как голодный клещ в жирную собаку. За спиной Лэна тяжело хлопали крылья. Мы то ли падали, то ли все-таки летели, черт его знает. Лэн напрягся, и крылья захлопали чаще. Мы замедлили спуск, потом нас тряхнуло.

— Слезай, — строго сказал Лэн. И, не удержавшись, рухнул на камни.

Мы стояли у самого берега на мокрых камнях. Планировали мы метров двести, не меньше.

— Отлично слетели, — сказал я, и Лэн расцвел в улыбку. — Ну что, будем пробовать?

— Будем.

Вблизи река казалась куда быстрее, но одновременно и шире, так что шансы у нас действительно были. Мы разложили палатку-укрытие, стащили ее на мелководье, 221

запрыгнули внутрь и закрыли вход. Потом нам пришлось вылезать и оттаскивать палатку дальше от берега, потом мы мучились с пропускающей воду дверью...

Когда укрытие поплыло более или менее устойчиво, я запоздало поинтересовался у Лэна:

— А водопадов на этой реке нет?

— Нет, только пороги, — успокоил меня Лэн.

Дальше мы плыли молча, перекатываясь по мокрому дну палатки, налетая друг на друга, временами выглядывая в крошечное окошечко, которое на комбинезоне Лэна было очками. Как ни странно, но минут через пять каждый толчок в дно палатки стал вызывать у нас не страх, а лишь веселый смех. Не знаю, почему так храбрился Лэн. Я-то просто не мог воспринимать происходящее всерьез. Просто классный аттракцион. Только бы быстрее вернулся Солнечный котенок и нашел меня. А в том, что он найдет, я не сомневался. Все-таки он был волшебником, пусть и маленьким.

Плыли мы часа два, прежде чем Лэн сказал, что узнает окрестности города.

3. Клуб Старших

Город, где жил Лэн, меня поразил.

Почему-то я был уверен, что город окажется спрятанным под землей, что это будут узкие сырые пещеры с замаскированными входами, у которых дежурят мрачные громилы с огромными мечами в руках. А мы, пройдя не больше часа, вышли к самому обыкновенному городку, стоящему на холмах и никак не замаскированному. Ну ладно, сейчас-то ночь — жутко длинная местная ночь. А очков, позволяющих видеть в темноте, у врагов может и не быть. Но как же днем? Или днем существа из мрака не летают, они ночные? Но они же видят в темноте...

Ерунда какая-то получалась. Мы добрались до самой окраины, никого не встретив, и только здесь к нам подошли двое крепких парней. У одного через плечо болтался арбалет, у другого на поясе висел длинный нож. Одежда на них была довольно обычная: брюки и куртки, ничего похожего на странный комбинезон-крыло-убежище

Лэна. Парни с любопытством оглядели меня, хмыкнули, потом уставились на Лэна. Тот сразу опустил глаза, замялся и подался ко мне.

— Привет, — как-то задумчиво, словно решая, стоит ли вообще здороваться, произнес парень с арбалетом.

— Здравствуй, Шоки, — торопливо сказал Лэн. — Как в городе?

— В городе нормально. А где твой Старший?

— Нас поймали, — быстро, но сбивчиво начал Лэн. — Мы так дрались, но нас поймали, а потом потащили в башню, и Керт сказал, чтобы я вызвал помощь, а сам отвлек Летящих...

— А почему не наоборот, Лэн? Почему не ты отвлекал, чтобы Керт летел за помощью?

— Он же плохо летал! — отчаянно воскликнул Лэн. — Вы же знаете, он уже тяжелый! Керт понял, что ему не уйти, и велел мне...

— Предупреждал я Керта, что с этим сопляком он влипнет, — вступил в разговор парень с ножом. — В какой башне ты его бросил?

— Я не бросал!

— Где Керт?

— В Круглой башне на Восточном хребте. Там, где...

— Знаю. Поздно уже его выручать — Керт давно с ними. А что за придурка ты привел?

Тут я не выдержал. Таких козлов, как эти два парня, в старших классах у нас полно. И если им сразу не дать отпор, то будет только хуже.

— Придержи язык, шестерка! — сказал я. — И кончай наезжать на Лэна! Ты слишком много стараешься думать, тебе это вредно!

Парни остолбенели. Потом Шоки подошел ко мне и процедил:

— Кто твой Старший, парень? И во сколько он тебя ценит? Может, я и наскребу на штраф, а?

— Он из другого города, — неожиданно встрял Лэн. — Все его погубили, я обещал ему защиту!

— Раз обещал — то убивать не будем, — с готовностью согласился Шоки. — Не знаю только, зачем он нам нужен. Этот паренек ухитрился потерять не только своего Старшего, но и оружие, и Крыло, ведь так?

— Он сам был Старшим в паре, — тихо сказал Лэн. Вот тут-то парни удивились по-настоящему. Тот, имени которого я не знал, растерянно спросил у меня:

— Лэн не врет? Подтверди!

Похоже, моего вранья никто не ожидал. Ну и ладно.

— Лэн прав. Я был Старшим и остался один.

Парни как-то сникли, и я решил закрепить успех:

— А что до оружия и Крыла... Если бы ты был на моем месте, то потерял бы и голову, не сомневайся.

Они не спорили. И никак не пробовали поймать меня на лжи. Лишь Шоки спросил, да и то без всякой подозрительности, явно из любопытства:

— Ты из какого города, Старший, просящий защиты?

Ни с того ни с сего я соврал:

— Из Москвы.

Москва прокатила. Да и любой другой город прокатил бы, я думаю. Шоки кивнул и заявил:

— Вроде слышал о таком... Ты придешь вечером в Клуб?

Я кивнул, потому что другого ответа от меня явно не ждали. И пошел вслед за Лэном, который уже с минуту делал мне глазами знаки: сваливаем, мол. Но когда мы отошли метров на пять, Шоки еще раз окликнул меня:

— Эй, Старший из чужого города!

Обернувшись, я уставился на него.

— Ты что, собираешься работать с Лэном?

Я вообще еще ничего не собирался и не нашел, что ответить. Шоки добавил:

— Не советую. Он трус. Сгинешь, как Керт. До вечера!

Мы двинулись дальше. Лэн молчал, я тоже не знал, что сказать. Впрочем, впечатлений мне хватало и так, и я почти сразу забыл об этом разговоре — смотрел по сторонам.

Когда я сказал, что город был самый обычный, я, конечно же, не имел в виду наш город. Этот был обычным именно для такого, сказочного мира. Булыжные мостовые, и каменные дома со всякими башенками, похожие на маленькие замки, и несколько самых настоящих замков, правда, вдалеке. Только народа не видно.

— Никого нет, — сам себе сказал я.

— Так поздно уже, пока с ребятами болтали, часы восемь пробили, — торопливо сказал Лэн. — Кто в клубах, кто в соборе, кто по домам разошелся. У нас не любят ходить вечерами.

Только через несколько секунд я допер до смысла его слов.

— Восемь? Вечера?

— Да. Мы встретились утром, потом ты спал, потом пока добрались... Что-то не так?

Лэн очень уж суетился, но я сейчас не обращал на это внимания. Я наконец-то признался себе в том, что понял уже давно. Здесь нет дня. Или он есть, но ничем не отличается от ночи.

А значит, Котенок не сможет вернуть меня домой. Да и хватит ли ему сил облететь мир, раз повсюду тьма?

— Лэн, мне нужен Настоящий свет, — тихо сказал я.

— Да мы почти дошли, — быстро сказал Лэн. — Сейчас включим свет, снимем очки...

Он не знал, что такое Настоящий свет. Его нельзя включить.

— Лэн, Лэн... — пробормотал я. — Ты бы знал, как я влип.

— Мы пришли, — враз изменившимся голосом сказал Лэн. Он подошел к двухэтажному дому с высокой круглой башенкой и открыл выходящую прямо на улицу деревянную дверь. Она была похожа на ту, Потаенную, через которую мы с Солнечным котенком сюда пришли, и мне стало еще тоскливее.

— Дай руку, — сказал Лэн, и я заметил, что у него дрожит голос. — Пусть дверь тебя запомнит... Даже если ты передумал.

Я не понял, но руку дал. Лэн приложил мою ладонь к бронзовой ручке, сверху положил свою ладонь. И тихо сказал:

— Это друг. Он всегда может войти.

— Классные у вас замки, — сказал я, когда мы вошли и закрыли дверь.

— Не у всех, только у нас, Крылатых, — рассеянно сказал Лэн. Хлопнул в ладоши, и в комнате вспыхнули ярким светом белые стеклянные шары. Не электрические — никаких проводов от них не шло, — но все равно здорово. Я снял очки, Лэн стянул свой комбинезон, потом задумчиво посмотрел на меня.

— Слушай, Данька, я бы тебе дал одежду Керта, ты же будешь Старшим, а ему уже не понадобится, но он куда здоровее... Может, пока мою возьмешь?

— Давай, — согласился я, озираясь.

Комната, куда мы вошли прямо с улицы, была огромной, наверное, весь первый этаж занимала, и выглядела очень забавно. Посредине — круглый стол, вокруг несколько мягких кресел — это все нормально. Зато вдоль стен! Словно собрали мебель из самых разных помещений и установили по периметру. Шкафы с книгами и мягкий диван со столиком; ковер с наваленными на него подушками; грубый стол с колбами и ретортами, а над ним, в шкафчике, куча всяких химикатов; часть стены увешана всяким холодным оружием —

ножами, мечами, арбалетами и совсем непонятными штуками; какой-то музыкальный инструмент вроде маленького пианино... а, вспомнил, кажется, клавесин; огромный аквариум с яркими рыбками; картины на стене, а под ними — задернутый тканью мольберт...

Картины я рассмотреть не успел, ко мне подошел Лэн с одеждой. Мрачноватой такой одеждой: серый костюм, в каких только юные вундеркинды-скрипачи выступают, белая рубашка и светло-синий галстук.

— Шикарная комната, — честно сказал я.

Лэн гордо улыбнулся и протянул мне одежду.

— А другого ничего нет? — неуверенно поинтересовался я.

— Ты же в Клуб идешь. У нас положено так...

— Ясно. Ну, у нас не так строго, — начал я выкручиваться.

Но Лэн на это особого внимания не обращал. Он мялся, потом раскрыл рот, но сказал явно не то, что собирался:

— Ванная — там, на втором этаже, где спальни. Можешь выбирать любую комнату, Керта или мою, все равно.

— А твои родители не будут против? — на всякий случай спросил я.

Лэн выпучил глаза:

— Родители? Я же Крылатый и... и тем более папа давно исчез, а мама редко заходит.

— Да, я пошел, — засуетился я, чувствуя, что прокалываюсь, и направился к лестнице, что вела на второй этаж.

— Данька! — окликнул меня Лэн. Резко, словно вдруг собрался с духом.

— Что?

— Я в пару не навязываюсь, не думай. Если хочешь выбрать другого партнера, я помогу. Только Шоки все врал, не думай. Я не трус. И Керта я не бросал.

Что тут можно было сказать? Я в их взаимоотношениях понимал меньше, чем в званиях кувейтской армии. Но Лэн стоял и смотрел на меня с таким видом, словно от моих слов вся его судьба решалась. Не говорить же ему, что никакой я не Старший, тем более — не Крылатый.

— Младший, найди чего-нибудь пожевать, а? — попросил я. И Лэн сразу просиял и кивнул.

Ванную я нашел без труда, хлопнул в ладоши, от чего тут же включился свет, и присвистнул.

Ничего себе. Целый маленький бассейн. И две толстенные трубы с кранами: горячая и холодная вода.

Я включил воду по сильнее, разделся, что в моем положении много времени не заняло, и забрался в горячую воду. Класс! Это не бегать в одних трусах по горам, прячась от каких-то непонятных монстров. Как бы выудить из Лэна всю информацию, да еще так, чтобы он ничего не заподозрил?

Блаженствовал я довольно долго, потом понял, что вот-вот засну, вытерся первым попавшимся под руку полотенцем и оделся в «клубный» костюм. Ничего, только в плечах пиджак немного жал и галстук я так и не смог завязать. Спустившись вниз, я обнаружил, что Лэн нарезал целую гору бутербродов с мясом, а посреди стола поставил большую бутылку с каким-то апельсиновым соком.

Совсем здорово. Только поесть мне не удалось, потому что Лэн быстро сказал:

— Данька, ты уже опаздываешь в Клуб. Без пяти девять.

Он тоже был в костюме, только белом, и без всякого галстука. Перехватив мой взгляд, Лэн объяснил:

— Я тоже в Клуб, неудобно после вылета не прийти. Что, галстук?

Он забрал у меня эту самую дурацкую часть гардероба, плюхнулся в кресло, накинул галстук на колено и стал завязывать.

— Керт тоже не умел завязывать. Ну, умел, только не любил, меня всегда заставлял.

Это «заставлял» меня неприятно резануло.

— Вы с ним были друзьями?

— Мы? Ну, в общем, да. Мы же партнеры...

Углубляться в расспросы я не стал. Лэн справился с галстуком, помог мне затянуть его на шее, критически осмотрел и кивнул:

— Пойдет. Смешно, конечно, но это потому, что ты для Старшего слишком молодой...

Лэн запнулся и вдруг поднял на меня глаза. Очень серьезно спросил:

— Данька, ты действительно был Старшим?

Отступить было поздно:

— Конечно. А чего ты спрашиваешь?

Лэн расслабился:

— У нас за такой обман убивают. Вот... я испугался. **227**

Прелесть. Я вдруг понял, что, несмотря на светящиеся шары и горячую воду, вокруг все-таки средневековые.

— У нас не так строго, — заставил я себя улыбнуться. — Разве что шею намылят.

— Нет, у нас вешают только предателей, — не понял меня Лэн. — Обманщиков убивают мечом. — Он отвел взгляд, поколебался, но все же добавил: — И трусов тоже.

— А тебя могут объявить трусом? — неожиданно спросил я.

Лэн вздрогнул:

— Ты же взял меня в партнеры. Значит, поручился, что я не трус.

Вот как. Я подумал и сказал:

— А я смог за тебя поручиться, потому что ты поручился за меня, пообещал защиту. Так?

— Так...

— Класс. Круговая порука.

На Лэна жалко было смотреть. Я не выдержал и спросил:

— Мы не опоздаем?

— Дикое крыло! — непонятно выругался Лэн. — Бежим!

И мы рванули из дома. На ходу Лэн объяснил мне дорогу обратно из Клуба, я вначале не понимал, зачем он это делает, потом спросил:

— Ты ведь тоже в Клуб, вместе пойдем обратно...

— Я в наш, для Младших, — с легким удивлением объяснил Лэн. — Станный город Москва, все у вас по-другому.

— Это точно, — признался я, хотя, если честно, в Москве не бывал ни разу.

— Может, мне тебя подождать у входа? — предложил Лэн. — Я пораньше уйду...

— Ничего, разберусь, — отмахнулся я. Происходящее мне нравилось все меньше и меньше. Не то армейские у них тут порядки, не то вообще тюремные. И еще ко всему вечный мрак и пустота на улицах. Жуть!

— Вот ваш Клуб. — Лэн ткнул пальцем в огромный красивый дом на другой стороне улицы. Над домом торчала высокая башня, что делало его похожим на восточную мечеть. — Наш дальше, два квартала и налево. Я пойду?

— Иди.

— Тебя точно не ждать?

— Лэн, кончай! — не выдержал я. И Лэн тут же прекратил заискивать, неуверенно пожал мне руку и

побежал по улице. Быстро побежал, наверное, здорово опаздывал в свой Клуб.

Прежде чем войти в здание, я снял очки и постоял, вдыхаясь в темноту. Ни из одного окна не падало даже лучика света, очертания домов угадывались шестым чувством, а не зрением, но я все же постоял, выискивая в небе светящуюся точку — Солнечного котенка. И ничего не увидел. Тогда я набрал в грудь побольше воздуха и толкнул дверь Клуба.

Вот здесь все оказалось таким, как я и ожидал. Зал со столиками, креслами, стойкой, как в баре. Тут было человек тридцать, и все молодые. Лет, наверное, от пятнадцати до двадцати. При моем появлении они прекратили разговаривать, и все взгляды устремились на меня.

Я подумал и подошел к стойке. Интересно, надо здесь плавать или нет? За стойкой был парень лет семнадцати, скучающий в компании бутылок и кувшинов. Очень бледный и худощавый, что явно было местной традицией.

— Вина? — приветливо улыбнулся он.

Напиться мне только не хватало. Я помотал головой.

— Сока.

— И только? Какого?

— Любого.

Пожав плечами, он налил мне большой стеклянный стакан. ярко-желтой жидкости. Потом, словно внезапно прозревая, воскликнул:

— Постой! Ты же новый Старший, пришедший с Младшим Лэном!

— Да, — осторожно согласился я. Назревал подвох.

— Отлично. — Парень стал стягивать с себя цветастый оранжевый фартук. — Значит, ты занимаешь мое место. У нас так принято. Не забудь вымыть полы, когда все разойдется, и...

Я посмотрел в зал. Все явно наслаждались спектаклем.

— Шутишь, — с самой милой улыбкой сказал я и пошел от стойки. Парень стал молча надевать фартук — значит, я все сделал правильно.

— Данька!

Повернувшись на голос, я увидел Шоки, сидящего за столиком у камина вместе с двумя другими парнями. Все они выглядели лет на двадцать, максимальный среди присутствующих возраст, и казались порядком истощенными.

Один курил длинную сигарету, и я почувствовал запах

дыма — странный, сладковатый, не похожий на табачную вонь.

Надо же, имя как-то узнали...

— Садись с нами! — продолжал Шоки. Отказываться смысла не было, и я сел за их столик на свободное место, напротив Шоки.

— Как тебе наш Клуб?

Я пожал плечами.

— А город?

Я улыбнулся.

Шоки покачал головой:

— Да, разговорчивым тебя не назовешь. Ничего, Данька, я позабочусь, чтобы тебя не обижали. Ты слишком маленький... на вид... вот в чем проблема.

Отмалчиваться дальше было трудно, и я сказал:

— Знаю. Ничего, это пройдет.

— К сожалению, пройдет, — вздохнул Шоки. — Ты не дурак, Данька, и понимаешь, в чем дело. Я, например, уже смирился, что летать мне осталось от силы полгода. Гнат и Алк, — он взглянул на своих соседей, — тоже это понимают. Хоть и лезут вон из кожи, чтобы вес не набрать. А многих твое появление задело. Как же так, ты уже Старший и будешь летать еще много лет. А их время подходит к концу, и ничего с этим не поделаешь.

Наконец-то я понял, в чем дело. Крылья не могли поднять взрослого, вот почему здесь летали и сражались с тварями из мрака только дети и подростки.

Понятно и почему Старшие так относятся к Младшим. Их время проходит, а им еще хочется иметь Крылья. Неясно только, чем же в этом мире занимаются взрослые.

— Данька...

Я посмотрел на Шоки.

— Ты сделал Лэна своим партнером?

— Да.

— Не ошибись, Данька. Не тебе объяснять, что такое партнер. А Лэн, во-первых, трус. Не заводись, я понимаю, он помог тебе, когда ты оказался без Крыла, без оружия, без дома. Но для него в этом была своя выгода, поверь.

Я отхлебнул сока из стакана. Очень кислого. Лимонный, что ли? Даже скулы сводило.

— Во-вторых, Лэн плохой боец. Он прекрасно летает и способен удрать от любого Летящего. Но мы же надеваем

230 Крылья не для того, чтобы удирать.

Я продолжил сеанс самомучения, отпив еще сока.

— И в-третьих, — жестко продолжил Шоки, — вы с Лэном по возрасту ровесники. Более или менее ровесники. Через два-три года он станет Старшим, если, конечно, ты за это время не погибнешь и мы не сможем с ним разобраться по заслугам. Тебе придется менять партнера. Зачем эти проблемы? Я найду тебе хорошего парня, который только примерил Крыло. И позабочусь, чтобы вы не попадали на опасные задания, пока твой партнер не окрепнет. Идет?

Я молчал, цедя сок.

— Вдобавок, Данька, Лэн недолго будет послушным и вежливым. Сейчас он рад уже тому, что спасся и от Летящих, и от нашего наказания. Через пару дней он решит, что подчиняться ровеснику нет особого смысла. Тебе либо придется выбивать из него дурь, как делал Керт, либо смириться с непокорным партнером. Мне кажется, что тебе не хочется ни того, ни другого.

Шоки не врал, я это чувствовал. Он говорил то, во что верил, и лишь потому, что я был чем-то ему симпатичен. И слова его стоило обдумать. Шансов вернуться домой у меня оставалось все меньше и меньше, и если уж придется здесь жить... какое-то время... то стоит прислушиваться к добрым советам.

Лэн, конечно, меня спас. Но и я его тоже. А вначале он вообще хотел меня убить.

И если я сейчас выберу себе другого партнера, то...

— Мне очень жаль, Шоки, — сказал я, глядя ему в глаза.

Он кивнул:

— Я так и думал. Но должен был предупредить. Ты мне нравишься, Данька. Будь ты Младшим, я взял бы тебя в партнеры.

Я не успел ответить на этот неожиданный комплимент, потому что меня похлопали по плечу. Не слишком вежливо, скорее требовательно.

За моей спиной стоял тот парень, что встретил нас на окраине вместе с Шоки. И взгляд у него был такой мутный, что сразу стало ясно: он пил не сок.

— Ты очень молодой Старший, Данька, — с вялой улыбкой сказал он.

Вокруг мгновенно наступила тишина. Я посмотрел на парня, на его тесный, топорщившийся костюм — он явно пытался выглядеть менее крупным, чем был на самом деле. И сказал:

— А ты очень взрослый Старший.

Он поморщился. Я ударил в его болезненное место.

— Ты уверен, что сможешь постоять за себя, Старший Данька?

— Да.

Меня стала бить мелкая дрожь. Хорошо еще, что изнутри, незаметно для других.

— Ты рискнешь уложить меня?

— Прямо сейчас? — тихо спросил я.

— Почему бы и нет?

Когда я ходил на айкидо, этому удару нас обучали вне программы, в самом начале. На тот случай, если какой-нибудь странный дядя начнет знакомиться с нами в темной подворотне. Не вставая, я ударил.

Парень сложился пополам, держась за пах. Я выскочил из-за стола, опрокинув стакан с кислым соком, и замер. Мой противник медленно распрямился и прошипел:

— Я тебя кончу...

Кто же бьет со всего размаху, особенно если противник знает айкидо? Я уклонился, перехватывая его руку и слегка подправляя полет противника. Он красиво проскочил мимо столика и врезался головой в железную каминную решетку.

После такого встают лишь в китайских каратуньниках. Парень явно их не смотрел и вставать не пытался. Огонь в камине был жарким, его волосы сразу же начали тихо потрескивать.

— Надо оттащить, пока не загорелся, — сказал я, усаживаясь.

Тишина по-прежнему была гробовая. Шоки взял свой стакан с остатками вина, отхлебнул и протянул мне. Я, не раздумывая, глотнул. Вино оказалось кислым и слабеньким, как шампанское.

— Он теперь твой, — неторопливо сказал Шоки. — Разрешаешь его оттащить?

Я кивнул. Страх медленно проходил.

— Гнат, — Шоки кивнул своему соседу, — спаси этого идиота. Ему же завтра в вылет.

Гнат, не особенно торопясь, оттащил «идиота» от камина и уложил в углу.

— Думаю, часть проблем ты отложил, — с поощрительной ноткой сказал Шоки. — Жалко, что ты не Младший.

— Так получилось, — честно сказал я. — Мне пора, Шоки. Мой Младший ждет меня.

Шоки молча кивнул, и я, больше ни с кем не прощаясь, вышел из Клуба Старших.

4. Возвращение Котенка

До своего нового дома я добрался, почти не заплутав по дороге. Моего Младшего еще не было, но дверь послушно открылась, едва я коснулся ручки.

Когда я увидел стол с медленно черствеющими бутербродами, мое честное намерение дожидаться Лэна и поужинать вместе куда-то делось. Я слопал не меньше половины, выпил почти весь сок из бутылки и развалился поудобнее в кресле. Интересно, они тут всегда питаются сухим пайком? Или ждут прихода мамы, которая кормит юных защитников борщом и котлетами, стирает им рубашки, гладит костюмчики и удаляется в неизвестном направлении?

Я фыркнул, оценивая комизм ситуации. Так, подойдем-ка к сказочному миру, где я оказался, логически.

Тут вечная ночь. Это, конечно, происки темных сил, на то они и темные, верно? В качестве темных сил выступают Летящие — твари из мрака...

Но едва я вспомнил хлопанье крыльев во тьме и мрак, который был темнее ночи, шутить мне сразу расхотелось. Я невольно поежился и дальше думал серьезно.

Есть города, в которых живут люди. У людей есть Крылья, которые позволяют сражаться с Летящими, но Крылья поднимают лишь подростков. Поэтому они и воюют. Логично? Вполне.

А что делают взрослые? Видимо, занимаются менее романтическими делами: строят, пашут, сеют... Что сеют, здесь же нет света? Впрочем, трава и деревья ухитряются как-то расти, может, и пшеница приспособилась. Я повертел в руках еще один бутерброд, хлеб выглядел вполне обычным.

Пойдем дальше. Кому все это выгодно? Кто здесь побеждает? Летящие? Вроде бы их в городе не особенно боятся. Впрочем, за пределами города Крылатые гибнут, это уже ясно. Война у них тут зашла в тупик, сразу видно. Выходит, нужно как-то договориться с Летящими и свести дело к миру. **233**

И я вполне могу это сделать, потому что пришел из другого мира и смотрю на все свежим взглядом.

Я не успел толком насладиться своими верными и оптимистическими догадками, как дверь хлопнула и в дом вбежал Лэн.

— За тобой гонятся? — Я невольно поднялся.

— За мной? Нет, просто я спешил. — Лэн подошел, уселся рядом и объяснил: — Зашел в ваш Клуб, мне сказали, что ты ушел. Я подумал, вдруг ты заплутал... Данька, в Клубе все нормально прошло?

— Почему ты спрашиваешь?

— Там на меня так посмотрели... странно... — Лэн поежился. — Ты ни с кем не ссорился?

— Ссорился.

— С кем?

— Я не успел познакомиться. А потом он не хотел разговаривать.

Лэн расцвел в улыбке:

— Здорово. Я так и думал, что ты сможешь за нас постоять.

Он сообразил, что сказал не совсем то, и замолчал.

— Лэн, а ты меня не предашь? — напрямик спросил я. — Я летаю... так себе, а дерусь лучше на земле. Если мы попадем в переделку...

— Данька!

— Лэн...

Он отвел взгляд.

— Мне говорили, что я делаю большую ошибку, беря тебя в партнеры.

— А ты что сказал?

— Что ты мой партнер.

Лэн закусил губу. Расстегнул верхнюю пуговку на рубашке, помялся, не зная, куда деть руки, потом жалко попросил:

— Дай мне шанс, Старший. Я не подведу.

Оптимизма мне это заявление не прибавило. И в то же время стало стыдно за то, как я загоняю Лэна в угол. Поднявшись, я коснулся его плеча:

— Ладно, Младший, попробуем, я пойду спать. Комната твоего напарника слева или справа по коридору?

— Слева.

— Отлично, я ее занимаю. До завтра!

Лэн смотрел на меня, пока я поднимался по лестнице, но ничего не сказал. Я вошел в спальню, которая

теперь была моей, и с невольным смущением огляделся. Еще пару дней назад здесь жил совсем другой человек, потом он попал к Летящим, и все. Место свободно, вселяйся кто хочет.

Комната была просторной, но совсем просто обставленной. Окно, как и внизу, наглухо закрыто темными шторами; широкая кровать с очень толстым одеялом стояла посреди комнаты. Я сразу решил, что завтра передвину ее, потому что спать люблю у стенки. Еще был шкаф, куда я заглядывать не стал, и развешанное на стене оружие. Я не удержался, снял короткий, в полметра длиной, меч и осмотрел.

Хороший, наверное. Откуда мне знать. Я повесил меч на место, забрался под одеяло и уже привычно хлопнул в ладоши. Свет погас.

— Спокойной ночи, — сказал я сам себе и закрыл глаза. Спать хотелось ужасно, слишком много всего случилось за день. И я мгновенно заснул.

Мне снился сон. Кошмарный сон, где перепуталось случившееся после Потаенной двери. Мне снилось, что я иду в темноте, совершенно один, обнаженный, и под ногами — ледяная корка, покрывшая камень. Потом я посмотрел вниз и увидел, что подо мной глубокая пропасть, дно которой горит черным огнем, а я иду по воздуху, не падая. Во сне я не удивился, просто пошел дальше. Но во тьме захлопали крылья, и передо мной возник силуэт из мрака. Я остановился, а чудовище медленно приблизилось ко мне. И я узнал лицо.

— Лэн? — прошептал я.

Лэн кивнул. И развел руками-крыльями. Мол, так получилось.

— Ты же говорил, что не предашь, — сказал я и почувствовал в своей руке меч. Тот самый, что наяву висел на стене в спальне. Тогда Лэн опустил руку в складки мрака, облегающего его как одежда, и потянул оттуда клинок. Очень медленно, со скрипом, меч выдвигался из тьмы. Клинок все рос и рос, а противный царапающий звук не стихал... Я проснулся.

И услышал, как когти царапают дерево двери. Меня мгновенно прошиб холодный пот. Хлопнув в ладоши, я включил свет, соскочил с кровати и сорвал со стены меч. Холод металла в руках соединил сон и явь. Встав у двери, я занес меч и толкнул дверную ручку левой рукой.

Дверь послушно открылась. В коридоре никого не было. Лишь из-под двери другой спальни пробивался свет — Лэн не спал. Я стоял как окаменелый, таращась в пустоту. И когда что-то коснулось моих босых ног, я не выдержал и заорал.

— Данька...

У моих ног сидел Солнечный котенок. Но в каком виде! Я с трудом узнал его, настолько он изменился. Шерстка перестала светиться, стала просто рыжей, глаза запали, он был худой, как самый несчастный дворовый котенок. Нагнувшись, я взял его на руки.

— Глупый мальчишка... — прошептал Котенок. — А ты молодец, ты хорошо устроился...

— Что с тобой? — еле выговорил я. — Что?

— Здесь нет дня, Данька, — не слушая меня, продолжал Котенок. — Здесь нет Настоящего света. Я не смогу вернуть тебя.

— Я знаю, знаю, это ерунда... Что с тобой?

— Умираю, — с какой-то неожиданной и неуместной гордостью сказал Котенок. — Нет Настоящего света, понимаешь? Я умираю от голода.

Я прижал его к груди, сел на пол и заплакал. Что я могу сделать? Где найти Свет? Краем глаза я видел Лэна, выскочившего в коридор и удивленно смотревшего на нас. Слышал, как устало дышит Котенок, как падают на пол мои слезы, как переступает на холодном полу Лэн...

Как мне найти Свет, чтобы спасти друга? Котенок вдруг слабо заворочался и сказал чуть окрепшим голосом:

— Данька, я не умру.

Лэн ойкнул и отступил на шаг. Но я не обращал на него внимания. Я прижал Котенка к себе еще крепче и спросил:

— Честно? Ты не врешь?

— Честно. Я глупее, чем ты, Данька, я забыл. Любовь — это тоже Настоящий свет. Пока ты любишь меня, я не умру. Правда.

Я засмеялся сквозь слезы и посмотрел на Лэна. Тот испуганно гладел на Котенка.

— Не пугайся, это просто Солнечный котенок. Это друг, — сказал я ему.

Лэн неуверенно кивнул.

— Котенок, это Лэн. Он теперь мой Младший, партнер и друг, — глядя Котенка по спине, сказал я. Коте-

нок мягко высвободился, прыгнул на пол, и я с радостью заметил, что шерстка у него начала слабо светиться.

— Знаю, я же все-таки волшебник. Привет, Лэн!

— Привет, — прошептал Лэн.

— Ты теперь наелся? — спросил я у Котенка. Тот взъерошился.

— Глупый! — с прежней интонацией заявил он. — Любвью сыт не будешь. Не помру — и то хорошо.

Он, похоже, стеснялся своей недавней слабости. Я растерялся, не зная, что и сказать, но тишину нарушил Лэн:

— Я сейчас, сейчас, подождите...

Мы с Котенком недоуменно переглянулись.

— У него что, спрятано в шкафу полкило Настоящего света? — полюбопытствовал Котенок.

Я пожал плечами. А Лэн уже возвращался, прижимая что-то к груди. И сообразив, за чем он бегал, я чуть было не засмеялся.

Лэн тем временем поставил перед Котенком глубокое блюдечко и осторожно наполнил его из глиняного кувшина.

— Вот. Это сливки. Хорошие сливки.

Котенок смерил Лэна презрительным взглядом, потом повернулся ко мне:

— Здесь все... такие заботливые? Заботливые мальчишки!

— Слушай, — шепнул я, — не обижай его. Он же не знает, что ты не пьешь сливки. Сделай вид, что лакаешь.

Котенок посмотрел на Лэна, который прямо-таки сиял от радости, и со вздохом подошел к блюдечку. Скосил на меня глаза и шепотом спросил:

— Так прямо и лакать?

Я ободряюще кивнул.

— Они не кислые?

— Свежие! — встрял в разговор Лэн.

Котенок с видом великомученика принялся лакать из блюдечка. Вначале медленно, потом все быстрее и быстрее, только язык мелькал над быстро убывающими сливками. Что-то не похоже, будто это притворство из дипломатических соображений.

— Откуда он? — с восторгом спросил Лэн.

Я понял, что придется либо врать напрапалу, либо признаваться.

— Лэн, я сейчас тебе расскажу все. Только не перебивай, пока не дослушаешь.

И я начал рассказывать. Про мое окно, куда редко заглядывало солнце, про Настоящий свет, который отразился от Настоящего зеркала...

Я рассказал все.

— А я никогда не видел солнца, — сказал Лэн. — У нас в городе живет старик, который его еще помнит. Но он очень старый, ему мало кто верит...

Он протянул руку и погладил Котенка. Тот, как ни странно, не сопротивлялся таким нежностям. Улегся мне на колени и умывался, как самый обычный котенок.

— Данька, а если Солнечный котенок откроет ту Потаенную дверь, ты уйдешь домой? — неожиданно спросил Лэн.

— Конечно!

— Можно мне с тобой?

Я растерялся. Это только в книжках можно привести друзей из сказки домой и сказать: «Мама, теперь мы будем жить вместе...» А на самом-то деле столько проблем возникнет...

— Данька, я же твой партнер... — Лэн шмыгнул носом и неуверенно добавил: — Я летаю хорошо. Я умею сражаться.

Представив Лэна, который сидит на военном полигоне, весь увешанный датчиками, а вокруг стоят зенитки — чтоб слишком далеко не улетел, — я вздрогнул. Как же ему объяснить?

— Не думаю, что в Данькином мире ты сможешь летать, — пришел мне на помощь Котенок. — Твои Крылья из этого мира. К тому же я не знаю, как мне теперь открыть дверь.

— Ты же наелся! Или еще налить?

Котенок фыркнул:

— От сливок волшебства не прибавится. Хотя в общем-то они вкусные. Но для волшебства нужен Настоящий свет. Если бы рассвело, хоть на миг...

— Рассвет придет... — вздохнул Лэн. — Это в нашем припадствии так уверенно говорится: «Я жду Рассвета — Рассвет придет». А на самом деле никто уже в это не верит.

— Лэн, расскажи про ваш мир, — попросил я. — А то мы ничего толком не знаем.

— Вначале я расскажу, — хмуро сказал Котенок. — Я, между прочим, кругосветное путешествие совершил. В двух словах: везде темно. А если подробнее, то я видел много городов, где живут люди, и очень много башен... — Котенок по-

238 ежился, — ...где живут какие-то существа из Тьмы. Я

видел, как вы между собой деретесь; как эти, темные, берут в плен ваших, как вы убиваете темных. Неприятное зрелище. Еще я видел, как из большого города у моря идут караваны и отплывают корабли, которые исчезают в никуда.

— Это торговцы, — махнул рукой Лэн. — К нам тоже скоро караван придет. Мы же не можем сами себя пищей обеспечить, у нас теперь мало что растет. Торговцы не воюют, они из другого мира. И с нами торгуют, и с Летящими.

— А вы им что продаете? — любопытствовал я. — Золото?

— Кому оно нужно? — удивился Лэн. — Ручки на дверях делать? Так бронза красивее. Нет, мы торгуем собой.

— Что? — не понял я.

— Взрослые бросают жребий или просто сговариваются, — со вздохом объяснил Лэн. — И нанимаются к торговцам или покупателям торговцев.

— И что делают?

— Воюют. Мы хорошие солдаты, Данька, и не боимся смерти.

— Да уж, — иронически сказал Котенок, и Лэн примолк. А Котенок продолжил: — Еще я видел очень большую башню. Я даже не смог над ней пролететь, пришлось огибать. И она вся из мрака.

— Это башня Тьмы, — вновь заговорил Лэн. — Многие города пытались ее разрушить, но ничего не выходило. Там живет повелитель Летящих.

— Я и сам догадался, — буркнул Котенок. — Как вы дошли до такой жизни, мальчик?

— Не знаю. Говорят разное: и что напали Летящие, которые принесли с собой мрак, и что мы сами в чем-то виноваты... Не знаю.

— Спросим у того старика, что помнит солнце, — решил Котенок. — Он должен знать правду. А эти, из мрака, они ваши или из другого мира?

— Они чужие, — уверенно сказал Лэн. — Они появились вместе с темнотой. Если бы мы не купили у торговцев секрет Крыльев, нам бы совсем туго пришлось.

— А для взрослых Крыльев нет?

— Нет.

— Все с вами ясно, — твердо заявил Котенок. — Кто хоть правит у вас?

— Никто.

— Так не бывает.

— Бывает. У нас, Крылатых, есть свои законы, и все следят, чтобы они выполнялись. У девчонок — свои. У взрослых — тоже. А в дела друг друга мы не лезем.

— Ну, к вам не лезут — это ясно, — неохотно согласился Котенок. — Вы, Крылатые, сила. К тому же от Летящих всех защищаете. А если один из вас, постарше, похитит девчонку, которая ему понравится? Что женщины-то могут сделать?

— Лишат нас Крыльев. Только женщины умеют их делать, а Крылья живут месяц-другой, не больше. А от взрослых зависит, привезут ли нам торговцы пищу и оружие.

— Хорошо живете. Дружно, полюбовно. — Котенок фыркнул и принялся яростно вылизываться. — Аңархия... мать порядка.

Он еще что-то бормотал, вспоминая 'каких-то революционеров, но явно уже сам себе. Я лично не понял, что плохого в такой жизни. А Лэн вдруг уставился на меня и спросил:

— Данька, вы что же, без Крыльев живете?

— У вас их тоже раньше не было, — огрызнулся я. — Зато у нас самолеты и вертолеты есть.

— Данька, так ты летать не умеешь?

— Нет.

— Нам завтра в вылет! Если поймут, что ты не Старший... а ты же не Старший... нас накажут.

— Обманщиков убивают мечом, — вспомнил я его слова. — Лэн, ты здесь ни при чем. Я тебя обманул.

— Да я сам себя обманул! Я слишком уж хотел, чтобы ты Старшим оказался... — Лэн плюхнулся на мою кровать и начал грызть ногу.

— Вынь палец изо рта! — даже не глядя в его сторону, велел Котенок. — И между прочим, раз вы стали партнерами, то ваши ошибки роли не играют. Ты, Лэн, Младший. Данька — Старший. Тебе напомнить правила поведения партнеров в жизни и смерти?

— Да знаю я, — хмуро сказал Лэн, по-прежнему грызя ногу.

Я понимал, что Котенок беспокоится за меня. И обрывки сна, где Лэн стоял напротив меня с мечом, не шли из головы. Но когда я посмотрел на Лэна — тощего, бледного до синевы, взлохмаченного, не знающего, куда деть руки, а куда —
240 глаза, меня пронзила жалость.

Странно, окажись у нас в классе такой мальчишка, его бы начали терроризировать все кому не лень. Драться-то он явно не умеет. И я бы, наверное, от других не отставал. Но одно дело — отобрать жевательную резинку, отвесить подзатыльник или засунуть головой в сугроб. А совсем другое — когда речь идет о жизни и смерти. Я не мог по-настоящему представить себе это. Не верил. Но шутить с такими вещами не хотел.

Лэн меня спас. Он поручился за меня. И какая разница, о чем при этом думал? Мысли — одно, дела — другое.

— Лэн, я могу уйти, — сказал я. — Ты объяснишь Старшим, что разоблачил меня и я убежал. Тебя не накажут, верно?

Лэн вскочил с кровати и подошел ко мне. Крепко сжал ладонь. Пальцы у него сильные, ничего не скажешь. Я понял, что он будет меня благодарить за предложенный выход, и на душе стало тоскливо.

— Старший, я тебя не предаю, — твердо сказал Лэн. — Клянусь! Я хочу быть твоим партнером. Мы что-нибудь придумаем.

Я тоже сжал его ладонь, и мы молча стояли, глядя друг другу в глаза. Пока Котенок мурлыкающим голосом не сказал:

— Ребятишки, вы не безнадежны. Я рад. Придумывать, конечно, придется мне, ну да ладно.

— Слушай, волшебник недоделанный! — завопил я. — Мы сейчас тебе вместе уши надерем! Кончай издеваться!

— Извиняюсь, — притворно испугался Котенок. — Очень уж трогательно вы подружились. Может, еще поцелуетесь?

Я запустил в Солнечного котенка подушкой и промазал. Зато Лэн, схватив другую, направил ее метко. Котенок с обиженным видом выполз из-под нее и принялся вылизывать лапы. Мы засмеялись — не из-за того, что очень уж смешно получилось, а потому, что все напряжение куда-то исчезло.

— Ладно, мир, — сообщил Котенок, кончая умываться. — Лэн, как долго учиться владеть Крыльями?

— Год, — с готовностью сообщил Лэн.

— Сформулируем вопрос иначе. За какое время ты научишь своего Старшего-неумеху держаться в воздухе и не производить впечатления перелетной курицы?

— За утро, — улыбнувшись, сказал Лэн. — Летать не так уж и сложно. Летать и сражаться — совсем другое.

— Вот и отлично. Завтра и научишь. Потом отправитесь на свой вылет и будете старательно увиливать от Летящих. Ты ведь это умеешь, если честно?

Лэн виновато опустил голову, и я шлепнул его по спине:

— Не обращай на Котенка внимания. Он язва, каких мало.

— Идите-ка спать лучше, — недовольно посмотрев на меня, сказал Котенок. — Завтра вам потребуются и силы, и остроумие.

— А ты?

— А я спущусь вниз, поразмышляю, книги полистаю, — важно сказал Котенок. — Должен же кто-то за вас думать?

— Спокойной ночи, Лэн, — сказал я. И они с Солнечным котенком вышли, а я, подобрав подушки, вновь нырнул в постель. Настроение у меня почему-то было отличным. А когда минут через десять в комнату пробрался Котенок, тихонько лег на свободную подушку и стал вылизывать измазанные в сливках лапы, я твердо решил, что теперь все будет хорошо.

— Спокойной ночи, — шепнул я.

— Это тебе спокойной ночи. А Солнечным котяткам желают ясного рассвета.

5. Трус

Только когда я впервые надел комбинезон Лэна, я понял, что же такое Крылья.

Плотная ткань обтянула меня, как резиновая перчатка руку. Потом я почувствовал боль в плечах и невольно вскрикнул. Словно на каждое плечо уселся Котенок и, растопылив лапки, выпустил когти.

— Не пугайся, — быстро сказал Лэн. — Крылу нужны силы.

— Мои, что ли?

— А чьи же? Как ты собираешься летать? Махать руками, как птичка?

С минуту я извивался и дергался, потом, под укоризненным взглядом Лэна, притих. К тому же и боль стала слабее.

— Так все время будет?

— Привыкнешь, — утешил Лэн. — Через месяц уже
242 и внимания не обратишь. Так, взмахни руками...

Я взмахнул. Ткань, свисающая с рукавов, вяло хлопнула, но расправляться не собиралась.

— Представь себе Крыло, — упорно повторял Лэн, наблюдая за моими неуклюжими попытками взлететь. Мы стояли в комнате на первом этаже, а Котенок, улегшись на перилах лестницы, наблюдал за нами. — Представь Крыло. Представь полет. Ты сможешь.

— Я не смогу, Лэн.

— Ерунда, все могут. Ты не тяжелый, Крыло поднимет тебя.

Через час, убедившись, что толку нет, Лэн заставил меня забраться на шкаф и прыгнуть с двухметровой высоты. Вот это подействовало.

Мне показалось, что руки у меня вдруг выросли в несколько раз, стали широкими и ударили... нет, не о воздух даже, а о воду. Падение вдруг замедлилось, пол вновь отодвинулся вниз, потом я снова опустился и опять подскочил к потолку. По комнате гулял ветер, раскачивая картины на стене и опрокидывая всякую мелочь.

— Нормально, — сказал Лэн, который стоял подо мной, задрав голову. — Крыло умнее тебя.

— Я же лечу! — заорал я, сообразив, что падение откладывается.

— Не летишь, а порхаешь по комнате, — подал голос Котенок.

— Крыло умеет летать, тебе надо лишь руководить им. Понимаешь? Ему нужен твой ум и чуть-чуть сил. Спускайся, Старший.

Я попытался сложить Крыло и мягко упал на пол. Плечи ныли сильнее, но я был в восторге.

— Лэн, а как делать из Крыла палатку?

— Убежище, — поправил Лэн. — Так, закрой глаза, разведи руки, растопырь пальцы. Представь, что комбинезон раздувается.

Это у меня вышло сразу. Открыв глаза, я убедился, что стою в маленькой куполообразной палатке, светящейся ровным светом. Плечи были покрыты мелкой красной сыпью, но боль сразу же прошла.

— Можно?

Лэн заглянул в отверстие, а между ногами у него протиснулся Котенок.

— Конечно.

— Положено спрашивать, — объяснил Лэн. — Убежище — это куда важнее, чем дом. Сюда просто так не войдешь.

Мы сели и уставились друг на друга. Мы с Лэном улыбались, Котенок был задумчив.

— У нас будет время зайти к тому старику до вашего вылета? — поинтересовался он.

— К тому, что помнит солнце? Вряд ли. Сейчас надо плотно поесть, потом еще потренироваться, потом еще поесть.

— Слушай, а чего я такой голодный? — сообразив, что слова Лэна не звучат для меня нелепо, спросил я. — Словно день не ел.

— Ты дал силы Крылу. Причем не только для этого порхания, а еще и про запас. Нам приходится много есть, Данька.

— По тебе этого не скажешь.

— Все уходит на ветер, Старший. Эх, потренироваться бы сейчас на воздухе! Но нельзя. Ладно, взлетай с места.

И мы тренировались, время от времени устраивая перерывы на еду. Я ел бутерброды, яичницу, конфеты, пил молоко и чай. Куда все девалось, не знаю, после часа тренировок голод вновь подступал с прежней силой.

— А сколько длится вылет? — спросил я у Лэна, болтаясь в воздухе. Я немножко научился управлять полетом, здесь было главным доверять Крылу, а оно уж делало все остальное.

— Часов пять-шесть.

— Я столько не выдержу, — испугался я.

— Мы берем с собой еду. К тому же ты сейчас все время тратишь силы, а в нормальном полете мы будем планировать и отдыхать. Давай тренируйся.

Мы отправились в вылет с башни нашего дома. Я-то боялся, что при этом будут присутствовать какие-нибудь Старшие, но этого не требовалось. Правда, за небом над городом все время наблюдали, и наш взлет не мог остаться незамеченным. Но мы надеялись, что издалека мой полет не покажется подозрительно неумелым.

А вот прыгнуть с десятиметровой башни было трудно. Я вновь и вновь подходил к краю площадки, там, где ограждающие перила были убраны. Камень под ногами, отполированный за много лет, казался предательски скользким. По улицам шли редкие прохожие, но на нас никто внимания не

244 обращал. Лишь двое малышей, мальчик и девочка, ко-

торых вела за руки пожилая женщина, упорно выворачивали головки, следя за башней и ожидая моего взлета. Боюсь, я их разочаровал.

— Пора, Старший,— тревожно сказал Лэн. — Пора. Мы уже должны быть в воздухе.

Я подошел к самому краю, остановился, балансируя.

— Соберись! — шепнул Лэн.

Раскинув руки, я закрыл глаза. И Крыло решило все за меня. Ударило по воздуху, твердому, как бетон, и башня ушла из-под ног. Не открывая глаз, я слышал, как бьют подо мной крылья Лэна, как звенит в ушах набегающий ветер.

— У нас есть Крылья! — крикнул Лэн, и я едва узнал его голос — такой он был счастливый. — Надо только не мешать им — и ты полетишь! У нас есть Крылья!

Я открыл глаза. Город был далеко внизу, люди на улицах уже стали неразличимы. Мы поднялись к самым облакам — редким, пушистым, над которыми стлалась темная пелена.

— Лэн! — крикнул я. Мой Младший носился вокруг, словно бы и не прикладывая никаких усилий для полета. Услышав меня, он сложил Крыло и поравнялся со мной.

— Лэн, можно подняться выше облаков?

Он понял.

— Нет, Данька, эта темная мгла убивает. Только Летящие могут выдерживать ее.

— А если подняться? Там есть солнце?

— Не знаю. Нам надо лететь, Старший. За мной!

И мы полетели прочь от города — туда, где нам положено было патрулировать. Лэн то залетал вперед, то возвращался ко мне, сбивчиво подсказывая какие-то секреты. Но я не слушал его, я наслаждался полетом.

Может, летать вообще без всего, как Питер Пэн, еще интереснее. Но такое бывает лишь в сказке. Мне сейчас и с Крылом хватало удовольствия. Тем более я совсем не боялся высоты, мне казалось, что я летал всегда.

Задача у нас была несложной: летать над холмами к северу от города, наблюдать, не покажутся ли Летящие, а если наткнемся на одиночного врага — атаковать его. То ли нам везло, то ли Лэн так удачно выбрал маршрут, но ни одного Летящего мы не заметили. Даже жаль, я бы хотел посмотреть на них сквозь очки и разобраться, на кого они все же похожи.

Временами мы зависали в воздухе — опускаться во время вылета не полагалось — и ели. Потом летели рядышком, и я расспрашивал Лэна обо всем подряд.

— Младший, а что вы делаете в своем Клубе?

— Ну, уж вино точно не пьем, — съязвил Лэн. — И не деремся... обычно. Всякое делаем. В Летящих играем...

— Это как?

— Очень просто. Садимся за стол, десять человек или около того, раздаем друг другу карты. Среди них две черные — это Летящие. Кому черные карты попались, никто не знает. Потом все закрывают глаза — это означает ночь, а Летящие открывают, узнают друг друга и взглядами намечают жертву. Потом все открывают глаза и начинают решать — кто же из нас Летящие, кого надо убить.

— Убить?

— Понарошку, конечно. Все сидят и решают, кто из нас самый подозрительный, кто тайный Летящий. Потом голосуют и кого-нибудь убивают. Понарошку. После этого наступает ночь, все закрывают глаза, а тот, кого убили, становится ведущим. Он по очереди называет все имена, а Летящие при имени своей жертвы поднимают вверх палец. Если оба указали на одного и того же — значит он убит. Потом все открывают глаза, и ведущий говорит, что ночью Летящими убит такой-то Крылатый. Или что Летящие плохо выбрали жертву, напали на разных людей, и те отбились. Снова решаем, кто же из нас Летящий, голосуем, еще кого-нибудь убиваем...

Лэн покосился на меня и на всякий случай добавил:

— Тоже не по правде, конечно. Опять наступает ночь, и Летящие или Летящий, если одного уже убили, на кого-нибудь указывают. Очень интересно, все так спорят, пытаются понять, кто себя подозрительно ведет, почему ночью Летящие убили именно того, а не другого... Играем до тех пор, пока не перебьем всех Летящих или они не перебьют всех Крылатых. Интереснее, само собой, быть Летящим. Я вчера два раза был, так ловко притворялся хорошим...

Я подумал, что игра действительно забавная, и я, если вернусь домой, научу ребят в нее играть. Только вместо Летящих будем выбирать каких-нибудь мафиози, а вместо Крылатых — честных граждан.

Когда время нашего вылета кончилось, мы были
246 километрах в сорока от города. Это полчаса полета, не

больше. Тем более что возвращаться мы решили по прямой, через невысокие горы, над которыми должны были патрулировать другие Крылатые. Это разрешалось.

— Сейчас прилетим, пойдем к кому-нибудь из взрослых в гости, — говорил Лэн. Он летел впереди, и мне было прекрасно его слышно. — Пусть нас покормят как следует. Мы имеем полное право после вылета по гостям ходить. А потом...

Он вдруг резко затормозил, забив крыльями в воздухе. Я едва не налетел на него.

— Смотри! — крикнул Лэн.

Над горами, в паре километров от нас, шла схватка. Двое боролись с третьим — судя по размерам, Летящим. И еще один, даже сквозь очки похожий на пятно тьмы, улепетывал в нашу сторону, молотя крыльями воздух.

— Этот патруль перехватил Летящих, — возбужденно заговорил Лэн. — Гляди, того доби́ли!

Летящий, на которого напали двое Крылатых, падал на горы. Одно крыло у него беспомощно хлопало, другое, видимо, поврежденное, обвисло.

— Разобьется, — уверенно сказал Лэн. — Улетаем?

— А этот? — Я протянул руку, указывая на удирающего Летящего, потерял равновесие и чуть было не закувыркался сам. Выправился и добавил: — Мы же можем его перехватить, Лэн?

Младший посмотрел на меня:

— Ты серьезно, Данька? Ты хочешь драться?

И я не выдержал. Я слишком хорошо помнил, как улепетывал по горам от пары Летящих, мне захотелось рассчитаться с ними.

— Брось трусить! — заорал я на Лэна и метнулся вперед, навстречу Летящему. Лэн полетел следом.

Мы сближались, беря беглеца в кольцо, — я с Лэном и другая пара. Летящий увидел нас и попробовал подняться выше, но Лэн легко опередил его и завис над темной фигурой. В руках он сжимал нож, и Летящий не рискнул атаковать моего Младшего снизу. Лэн уже говорил мне, что позиция над врагом — самая удобная в бою.

Выхватив из ножен меч, я приблизился к Летящему. Крылья сами тащили меня в бой, и у меня вдруг появилась четкая уверенность — я все сделаю как надо. Подлечу к существу из мрака — и убью. Да, убью, потому что они уби-

вают людей, потому что они принесли в этот мир тьму, потому что я теперь — Старший в паре. Интересно лишь, на кого же похож Летящий — на птицу, на ящера или все же на человека, но с уродливым, злым лицом.

Какой же глупый я тогда был...

Поднырнув под Летящего, я свечой взмыл вверх и оказался с ним лицом к лицу. Думаю, Лэн в этот миг был мной доволен — его Старший выполнил атаку красиво.

Выполнил — и замер, потому что укутанный в комбинезон из тьмы, раскрыв огромные черные крылья, передо мной висел самый обычный человек. Молодой парень, чем-то похожий на Шоки, только лицо его не закрывала прозрачная пластина, как у Крылатых, оно было открыто. И глаза смотрели на меня — он видел. Видел сквозь вечную ночь.

— Не убивай, — прохрипел он. — Не убивай...

Я застыл в воздухе, лишь Крыло поддерживало меня, а меч был направлен на Летящего. У него меча не было, наверное, потерял в схватке.

— Отпусти, — тихо, я едва услышал его в свисте ветра, прошептал Летящий. Под нами было с километр высоты, потом — скалы, и я вяло подумал, что стоит мне лишь ударить по черному крылу, и...

— Отпусти, — повторил Летящий. Те двое, что убили его напарника, приближались. Лэн сверху закричал:

— Бей! Бей, Данька!

— Лети, — прошептал я, опуская меч. И увидел удивление на лице Летящего. Обычном человеческом лице, лишь слегка искаженном какой-то внутренней болью.

— Лети со мной, — прошептал он. — Лети, ты наш!

— Нет! — заорал я. — Уходи!

— Ты еще придешь, — произнес Летящий и унесся вниз. Он набрал скорость в пикировании, потом раскинул черные полотнища крыльев и заскользил над горами. Его уже было не догнать.

— Что ты наделал! — закричал Лэн, спускаясь ко мне.— Что ты наделал, Старший!

— Он же человек!

— Он из Тьмы! Он ее прислужник!

— Он такой же, как мы! Он человек!

— Ты нас обоих погубил,— не слушая, прошептал

248 Лэн.— Данька...

По лицу его текли слезы, и я как-то разом пришел в себя. Действительно, разве прислужники зла не могут быть людьми — внешне? Могут.

— Я видел! — закричал Крылатый из другой пары, подлетая к нам. — Ты отпустил его, ты предал!

Это был мальчишка, наш с Лэном ровесник. Его Старший, более тяжелый и неповоротливый, отстал.

— Я все объясню! — крикнул я. Но меня не слушали. Подлетел и Старший, тот самый парень, с которым я вчера дрался. И меня это ничуть не удивило. Если уж не везет — так во всем сразу.

— Попробуешь скрыться? — с надеждой спросил он. В руках у него был арбалет.

— И не подумаю, — храбрясь изо всех сил, ответил я. — Я все объясню.

— Попробуй... Чеки, лети в город. Пусть все соберутся на площади, у виселицы.

Его Младший, явно уверенный в превосходстве своего Старшего над нами с Лэном, полетел в город.

— Теперь вы! — скомандовал мой враг. — Оба. Ты, Лэн, будешь оправдываться отдельно.

Мы полетели к городу. Лэн приблизился ко мне и шепнул:

— Попробую выбить у него арбалет. Я быстрый, я успею. И улетим.

— Куда? — ответил я. — Не бойся, выкрутимся.

— Точно? — со слабой надеждой спросил Лэн.

— Не бойся, Младший!

Я собирался рассказать им правду. О том, как пришел из нашего мира, как встретился с Лэном, как напал на Летящего, но растерялся, увидев, что он человек, как и мы.

И лишь когда мы стали снижаться над городом, я понял: это все рассказывать нельзя. Никак нельзя. Потому что меня-то, может быть, тогда и простят. А вот Лэну, который скрыл мою тайну, конец.

В этот миг мне захотелось улететь. Но вокруг нас уже летал десяток Крылатых, и убегать, да еще с моим опытом полетов, было безумием. Мы приземлились в центре площади, заполненной народом, на маленький свободный пятачок. Следом, прямо в толпу, небрежно попадали Крылатые.

— Я сразу почувствовал в нем гниль! — громко крикнул наш конвоир. — И был прав! Сегодня этот... Старший... отпустил Летящего! Что нам ждать от него завтра?

Люди вокруг молчали. Здесь были и Старшие, и Младшие, и девушки, и взрослые. Правда, последних было немного. Но все они смотрели на меня так...

Мне стало страшно. Разве можно оправдаться перед людьми, которые тебя ненавидят и заранее все решили?

— Что нам ждать от него завтра? — повторил парень. — Да ничего! Потому что мы расплатимся с ним сегодня!

И он громко захохотал собственной шутке. Сквозь толпу ко мне протолкался Шоки. Перед ним расступались — видимо, Шоки в городе уважали.

— Зачем ты это сделал, Данька? — резко спросил он.

Я молчал. Да и что мне было говорить?

— Надо решить лишь одно, — тараторил тем временем униженный мной вчера Старший. — Трус он или предатель. Мне кажется, что предатель.

— Уймись, — бросил ему Шоки. — Данька! Как все было?

Я посмотрел ему в глаза — и понял: Шоки дает мне шанс. Пытается дать.

— Глаза, — неожиданно сказал я. — Глаза! У меня бывает такое с глазами, я начинаю плохо видеть. Я подлетел к Летящему и потерял ориентацию! А потом тот уже был далеко.

Наверное, я вспомнил, как мы фантазировали в школе перед контрольными. Голова болит, в животе колики, палец на руке вывернул... В школе такое помогало.

— Чушь! — заорал Старший, наставляя на меня арбалет. Но Шоки взмахом руки снова осадил его. Повернулся к Лэну и спросил:

— Ты знал об этом?

Лэн помотал головой и, вот молодец, торопливо сказал:

— Нет, не знал, но у Даньки что-то было с глазами, он временами останавливался, тер их...

— Не верьте его Младшему, он и сам трус!

— Заткнись, Ивон, — твердо сказал Шоки. — Всякое бывает. Слово Даньки и его Младшего против твоего и твоего Младшего. Ничья.

Как ни странно, Ивон не казался особо огорченным. Он улыбнулся и сказал, словно процитировал с книжки:

— Крылатый должен быть готов к полету и бою. А если подвела его рука — отсекайте руку, если не услышал он сигнала — отрежьте уши... Ты помнишь правила вылета,

250 Шоки?

Тот кивнул. Я еще ничего не понял, но решил, что дожидаться развязки не буду. Взлечу — и будь что будет. Постараюсь удрать...

Меня схватили за руки, кто-то, упав на землю, вцепился в ноги. Я даже и сопротивляться не пробовал. В полминуты с меня сорвали Крыло, и я остался перед толпой в одних плавках, как и пришел совсем недавно в город. Почему-то стало гораздо страшнее, словно одежда могла от чего-то защитить. Хорошо хоть, чьи-то грубые пальцы надели на меня очки.

— Ты все понял? — спросил Шоки. — Это закон, Данька.

Я ничего не понимал, но все-таки кивнул. Спросил:

— Что будет с Лэном?

— Если ты не выйдешь с ним на следующий вылет, ему придется искать другого Старшего, — с сочувствием сказал Шоки.

Если не выйду? Значит, надежда все-таки есть?

— Шоки, Лэн не трус. Помоги ему если что, — попросил я.

Шоки кивнул и, повернувшись к толпе, заорал:

— Что вы все собрались? Это дело Крылатых! И прогоните Младших, им нечего здесь делать!

Женщины и мальчишки помладше стали быстро выбирать-ся из толпы. Лишь один из мужчин спокойно возразил Шоки:

— Мы тоже были Крылатыми. И вправе остаться. К тому же кому-то придется быть с этим мальчиком... потом. Присмотреть за ним.

— Хорошо, — хмуро согласился Шоки. — Ивон, ты доволен?

— Вполне! — нагло ответил тот.

— Ты так ненавидишь Даньку?

— Я ненавижу Летящих. А он отпустил одного из них!

Шоки подошел ко мне и достал кинжал. Я задергался, но меня держали крепко, не вырвешься. Что же он собирается делать?

— Отпустите, все было не так! — крикнул вдруг Лэн. — Данька, скажи им...

— Молчи! — крикнул я. — Молчи, я приказываю тебе! Младший!

Лэн замолчал, зажав себе рот руками. Но смотрел он на меня с таким ужасом, что, отпусти меня сейчас помощники Ивона, — я бы упал на землю. Ноги не держали.

— Зачем ты отпустил Летящего? — подойдя вплотную, спросил Шоки. Моя ложь его не обманула.

— Не смог ударить, он был похож на тебя, — так же шепотом признался я. И увидел, как побледнел мой единственный среди Старших заступник.

— Это был мой брат, — тихо сказал он. — Но это ничего не меняет.

Ивон вышел из-за моей спины, остановился рядом с Шоки и быстрым движением сорвал с меня очки. Я погрузился во тьму. Как неприятно быть слепым среди зрячих! Только шумное дыхание вокруг и страх, страх, страх...

— Дай мне! — сказал невидимый Ивон.

— Нет, — отрезал Шоки. — Держите ему голову!

И тут я понял. Понял все. И забился, пытаюсь вырваться или хотя бы отвести назад голову, в которую вцепились чьи-то услужливые руки, а потом просто кричал:

— Не надо, не надо, лучше убейте меня!

Мне зажали и рот, я вцепился в чужую руку зубами, но не смог прокусить ткань Крыла. А потом была боль в левом глазу — огненная, сверлящая боль от удара кинжалом и вспыхнувший на мгновение кроваво-огненный свет...

Когда мне снова смогли зажать голову, то боль вонзилась в правый глаз. Только я этого уже не помнил. Или очень хорошо постарался забыть за то время, что провел без сознания.

6. Настоящий свет, Настоящий взгляд...

Я лежал, накрытый одеялом, и ничего у меня не болело. Это потому, что ничего страшного и не случилось. Я просто уснул рядом с Солнечным котенком, и мы еще не тренировались с Лэном, и не было вылета, и не было...

Но ведь было. Было! Было!

Я вскрикнул, вспоминая случившийся ужас. И чья-то рука легла мне на лицо.

— Тихо, мальчик, тихо... Не кричи. И не плачь, если сможешь.

— Где я?

— У меня. — Голос был незнакомым, и его владелец сразу же поправился: — У Герта, у старого Герта. Ты не слышал про меня?

Я покачал головой.

— Ничего, это ничего, мальчик... Ты хочешь есть? Ты ведь недавно с вылета...

Но есть я не хотел.

— А пить?

Герт напоил меня чем-то, я даже не понял, что пил. Потом снова погладил по щеке.

— А где Лэн?

— Ушел к себе... к вам домой. Тебе лучше пока побыть у меня, мальчик. День-другой...

— Скажите, вокруг темно? — с глупой надеждой спросил я.

— Нет, — после короткой паузы ответил Герт. — У тебя глаза плотно закрыты.

— А если я их открою?

— Не надо, мальчик. Я наложил мазь, но если ты откроешь глаза, то боль вернется.

— Это навсегда? — спросил я.

Герт молчал.

— Что теперь со мной будет?

— Если ты не сможешь летать, тебя лишат еды.

Я засмеялся. Летать? Конечно, какая мелочь! Меня ослепили, но пока оставили среди Крылатых. Провинился не я, а мои глаза. Но меня бросят подышать с голоду. Разве что Лэн и сердобольные взрослые будут меня иногда подкармливать...

— Не плачь, — повторял Герт, вытирая с моих щек слезы. — Ты размываешь мазь, а у меня ее мало. Без нее вернется боль.

Пусть вернется... Пусть... Я поднял руку, но так и не смог коснуться своих плотно сжатых век. И в этот момент хлопнула дверь и послышались шаги.

Вот что мне теперь осталось — звуки. Навсегда. Только шорохи шагов и сочувствующие голоса.

— Как ты, Старший? — тихо спросил Лэн.

Судя по звуку, он был рядом с кроватью, на которой я лежал. Я нашел на ощупь его руку и вцепился в нее.

— Зачем, зачем Шоки это сделал? — прошептал я. — Почему он сам меня... ослепил?

Почему-то это меня волновало.

— Если бы он дал кинжал Ивону, тот постарался бы тебя убить, — вполголоса сказал Лэн. Уткнулся мне в

грудь и заревел. — Это из-за меня, все из-за меня, Данька... я должен был сказать.

— Тебя бы точно убили.

— Мне надо было сказать с самого начала! Я трус, это все из-за меня, я трус, Старший!

— Не бросайся такими словами, мальчик! — строго сказал Герт. — Ты не трус. Просто ты не создан для этой войны. Мы совершили когда-то ошибку, а расплачиваться приходится вам.

— Это ты помнишь солнце? — спросил я, положив руку Лэну на плечо. Тот всхлипывал уже тише. Почему-то его слезы меня успокоили. Я — по-прежнему Старший. Я должен быть сильнее. Я смогу!

— Да, мальчик. Я один из последних, кто помнит Настоящий свет.

— Вот мы и встретились, как хотели, — сказал я. — Лэн, а где Котенок?

— Здесь я, — подал голос Котенок, и по звуку я решил, что он парит в воздухе надо мной. — Я пока молчал, потому что изучал ситуацию.

Голосок у него был серьезный, но довольно спокойный. И ко мне вернулась надежда.

— Котенок! Ты же смог тогда меня вылечить! Помнишь?

Котенок молчал, зато Герт изменившимся голосом произнес:

— Мне не кажется? Ты разговариваешь?

— То, что я свечусь, тебе тоже не кажется, — отрезал Котенок. — Данька, я не смогу тебе помочь. Сейчас — не смогу.

Я вздохнул и подумал, как здорово было бы исцелиться, и снова посмотреть в лицо Ивону и Шоки, и вернуться в дом Лэна, и устроить там охоту с подушками на Солнечного котенка... Как-то само собой я опять заплакал.

— У меня не хватает сил, — извиняющимся голосом сказал Котенок. — Мне бы чуть-чуть света, Настоящего, и я бы тебя вылечил. Прости.

— А потом, когда найдем свет, сможешь? — с надеждой спросил я.

Котенок заерзал, опускаясь на постель рядом со мной. Похоже, он не летал, откуда у него силы-то на полет, его держал в руках Герт. Вот всегда я теперь буду обманываться...

— Ответь! — потребовал я.

— Если немного времени пройдет, то вылечу.

Теперь настала моя очередь отмалчиваться. А Герт тяжело прошел по комнате и начал рыться в каком-то шкафу — я слышал, как скрипнула дверца, зашумели передвигаемые предметы...

— Данька, ты меня простишь? — спросил Лэн.

— Перестань, Младший, — попросил я. — Мы же партнеры.

— Эй, ребята, если я не ошибаюсь, нужен Настоящий свет?

Я почувствовал, как встрепенулся Котенок, поворачиваясь на голос Герта.

— Да, чтобы спасти Даньку. Ну и мне бы чуточку не мешало.

— Я понимаю, что вы издалека, но ты-то, Лэн, наш, — продолжил Герт. — Я был Младшим у твоего прадеда. Тогда все только начиналось, дружок... Ты ведь слышал о Солнечном камне?

— Это сказка, — дрогнувшим голосом произнес Лэн. — Я так думал.

— Сказка... Мгла тогда была нестойкой. Временами солнце появлялось, и Солнечные камни, что добывали в наших горах, копили его свет.

— За столько-то лет они давно перестали светиться, — слабо возразил Лэн. Я понял, что он боится надеяться.

— Если держать камень в темноте — то да. А вот если спрятать его в шкатулку из зеркал, чтобы свет возвращался обратно... Что надо сделать?

— Положи шкатулку на кровать и открой, — велел Котенок.

И через мгновение я почувствовал на своем лице свет. Теплый, ласковый солнечный свет... Котенок замурлыкал.

— Зачем он лижет камень? — удивленно спросил Герт. И Лэн ему ответил:

— Он питается Настоящим светом. Ему нужно набраться сил... Так?

— Не мешайте, — буркнул Котенок. — Долго он будет светиться?

— Минут пять, камень-то маленький, — ответил Герт. — Хватит?

— Посмотрим, — окрепшим голосом сказал Котенок.

Я лежал и ждал. А Герт тихо говорил, не то мне, не то Лэну:

— Мы тогда решили, что если не сможем победить, так хоть перед смертью увидим Настоящий свет. Не думай, я умирать не собираюсь. Я не суеверный...

Потом Котенок, ступая лапками мне по лицу, склонился над моими глазами. Пренебрежительно произнес: **255**

— Какая дикость... Мазь из наркотиков и трав. Лежи тихо, Данька, будет больно.

И его язычок, маленький и шершавый, принялся вылизывать мне глаза. Это длилось долго, но было совсем не больно, только чуть-чуть щипало. А Лэн с Гертом молчали как зачарованные.

— Вот, — сказал наконец Котенок. — Вроде кончил. Не знаю, что получилось, я не доктор. Но видеть сможешь.

— Так я не вижу! — крикнул я так громко, что Котенок подпрыгнул на мне и завопил в ответ:

— Веки подыми, глупый мальчишка!

И я открыл глаза.

Котенок смотрел на меня, и я понял, какой добрый у него взгляд, добрый и виноватый. Мех у Котенка светился ярко, как раньше. Мордочка была перепачкана целебной мазью и еще чем-то.

Потом я посмотрел на Герта. Он и вправду был старым, лет шестьдесят или семьдесят. Я здесь еще таких стариков не видел. Седой, морщинистый, в старой застиранной рубаше, но с галстуком, как у Старших Крылатых. Герт выглядел порядком смущенным.

А Лэн смотрел на меня и тихо плакал. По инерции. Я знал, что он сейчас улыбнется и скажет: «Старший, все в порядке!»

— Старший, все в порядке!

Я кивнул и сказал:

— Уже понял. Все как раньше, да?

— Да. — Лэн неуверенно пожал плечами, и опять я угадал его слова: — Только... у тебя глаза немного светятся.

— Жуть какая, — прошептал я, вздрогнув. — Котенок, правда?

— Глупые вы все, — умываясь, сказал Котенок. — Посмотри на хорошую картину — и увидишь, что глаза у людей могут светиться. Посмотри на того, кто тебя любит. Посмотри на ребенка или на старика. Это свет, который в тебе. У кого-то он виден всегда, а некоторые его гасят всю жизнь. Глупые вы мальчишки...

Я посмотрел на Лэна и почти честно сказал:

— У тебя тоже светятся.

— Это они твои отражают, — нашелся Лэн. Встал и принялся вытирать с лица остатки слез. Он, похоже, ревел без перерыва все время после того, что со мной случилось. И когда со мной говорил, ревел, только беззвучно.

— Ничего не понимаю. — Герт покачал головой. — У мальчика были выколоты глаза, ему ничего не могло помочь. И камень-то я отдал просто на всякий случай... Вы волшебник?

— Значит, к простым котяткам можно и на «ты», — скандальным голосом заявил Котенок. — А к волшебным на всякий случай будем обращаться вежливо... Чего уж там. Не надо.

— Между прочим, я отдал тебе самое дорогое, что у меня было, — серьезно сказал Герт. И Котенок сразу перестал ехидничать:

— Извините, я понимаю. Это просто я еще маленький, иногда веду себя плохо.

Герт протянул руку и посадил Котенка себе на колени. Тот, смущенный, не стал возражать. Лишь буркнул:

— Мурлыкать не буду, не надейтесь... Или на «ты»?

— На «ты».

— А ты ничего, нормальный, — хамовато сказал Котенок и повернулся ко мне: — Данька, пройдишь по комнате, погляди по сторонам. Убедись, что все в порядке, пока у меня есть силы что-нибудь исправить.

Я встал, оделся (Лэн принес мне одежду, такую же, как и у него, — шорты и футболку), прошелся по комнате. Все было в порядке. Видел я как и раньше, даже...

Даже лучше. Я глянул на платяной шкаф в углу комнаты и непонятно как увидел, что в нем висит. Сквозь закрытую дверцу!

— Герт, у тебя в шкафу два костюма, много женских платьев, штук десять твоих рубашек, Крыло для Старшего и пара галстуков. Точно?

— Закрой дверцу, негодный мальчишка, — не поворачиваясь сказал Герт. А Лэн, который видел, что я ее и не открывал, захлопал глазами.

— Я стал видеть сквозь дерево, — почти не удивляясь, сказал я.

Котенок выгнул спину дугой, взъерошился и тревожно сообщил:

— Этого я и боялся. Перестарался, похоже... Тебе сильно мешает такое, Данька?

— Ничего не мешает, — возмутился я. — Наоборот... Герт, а к твоему дому идет какая-то старая женщина в синем платье.

— Это моя старуха, — обреченно сказал Герт. — Сейчас все и начнется...

Он завертел головой. Похоже, эта новость подействовала на него сильнее, чем мои удивительные способности:

— Я же клялся, что вымою пол... Свет! Все из головы вылетело.

Смотреть на него было немножко смешно. Я представил, как этот старикан, засучив рукава, елозит тряпкой по полу, и хихикнул. Лэн тоже, по-моему, просто за компанию. Лишь Котенок сохранял озабоченность:

— Данька, так ты уже и сквозь стены видишь? Они же каменные!

— Сквозь стены не вижу, — признался я. — Сквозь деревянные ставни и шторы — пожалуйста.

— Ты в порядке?

— Да я как новенький! — крикнул я и подпрыгнул в доказательство. Именно в тот момент, когда старушка зашла в дом.

Вначале она просто покачала головой. Потом наморщила лоб, глядя на меня и пытаясь что-то сообразить.

— Кэя, я не успел убрать, тут такое получилось, — засуетился Герт. Смешно: взрослый, даже старый человек, а оправдывается, как мальчишка.

— Герт, я знала, что ты взялся ухаживать за мальчиком, которого ослепили, — медленно сказала старушка. — Но теперь мне кажется... Ты видишь?

— Да, — виновато признался я.

Старушка вдруг просияла и всплеснула руками:

— Герт! Шоки все-таки схитрил? Да?

Мы молчали.

— Я знала, что наш внук не сделает такого, — с облегчением сказала старушка. — И чего я, дура, в нем сомневалась?

— Будем считать, что так и было, — меланхолично предложил Котенок. — Неплохая версия.

— Ты разговариваешь? — ахнула старушка.

— С такой милой женщиной заговорит даже маленькая серая мышка, — заявил Котенок галантно. Похоже, этот дикий комплимент вернул Кэе самообладание. Она покачала головой, подошла к Котенку, подозрительно посмотрела на него, потом на Лэна.

— Это не он, — подсказал Котенок.

— Это не я, — замотал головой Лэн.

— Отлично. — К старушке вернулось самообладание. — Ты Младший в паре, не так ли? Значит, картошку чистить умеешь. Пойдем.

И она чуть ли не уволокла Лэна за собой.

— Это у нее всегда так называется — «картошку чистить», — заявил Герт, усаживаясь в мягкое кресло у камина. — Скорее ему придется месить тесто для пирога... Данька, если уж с тобой все в порядке... Ты не подашь мне трубку и кисет? Они на столе.

— Вижу, — с удовольствием сказал я.

Герт принялся набивать трубку, поглядывая на нас с Котенком. Тот улегся перед ним на пол. Я подумал и сел рядом на корточки.

— И что вы хотите узнать? — полюбопытствовал Герт.

— Как вы потеряли солнце, — твердо сказал Котенок. — Ты расскажешь?

Герт помрачнел:

— Расскажу. Мы его продали.

— Что?! — завопил я.

— Продали, — повторил Герт. — Каждый в отдельности и все вместе. Тогда торговцы впервые пришли к нам, у них было много удивительных вещей... — Герт вздохнул. — А у нас мало что оказалось им нужным. Пшеница, фрукты, мечи — все это их не интересовало. Мы жили просто, а нам так хотелось жить красиво. Я был таким, как ты, Данька, и помню, как мать смотрела на украшения и ткани, которых никогда не было у нас. А отцу очень понравился меч, рассекающий камень и железо, как воск. Он был воином.

Герт зажег трубку, вдохнул дымок и продолжил:

— И вот однажды мама вернулась от торговцев со всем, что хотела иметь. Она продала ту часть солнца, что светила для нее. Теперь она всегда ходила в полутьме, на ней лежал сумрак. Но ей он совсем не мешал, да и я тогда не испугался. А в небе появилась маленькая серая тучка — она всегда закрывала маму от солнца. И тучек таких становилось все больше и больше. Зато у нас появились яркие лампы в домах, и горячая вода в ваннах, и хорошее оружие, и вкусная еда, которой не было раньше. Кто-то потребовал от торговцев, чтобы его кормили всю жизнь — и те стали исправно возить пищу. Это было так просто — продать чуть-чуть света и жить после этого в сытости и спокойствии. Люди ходили по улицам, как

серые тени, и последние пятнышки света прыгали вокруг них, уворачиваясь от тьмы. Не всех соблазнили еда и тряпки, но и для самых несговорчивых нашелся свой товар. И они продали свет. За умные книги, которые мечтали прочитать, за красивые слова, которые научились говорить, за новые песни, которые так приятно было слушать.

Многие стали продавать свет своих маленьких детей — те еще не могли с ними спорить. И небо затянулось серой мглой, что расступалась все реже и реже. А в самых темных местах стали появляться башни, где жили Летящие. Они нападали на нас и похищали людей, которые тоже становились Летящими. Мы попросили у торговцев Крылья — у нас уже не осталось света, которым можно было торговать, но надо было бороться. И они предложили самым сильным мужчинам наняться к ним — в охрану. У нас не было выбора. Вот только Крылья поднимали лишь детей — взрослых они не выдерживали. Так все и закончилось. Мрак сомкнулся, когда все мы продали свой свет. Подростки разделились на Старших и Младших и стали охранять города от Летящих. Взрослые нанимались к торговцам, чтобы прокормить свои семьи. Лишь немногие, — Герт грустно улыбнулся, — дотягивали в городах до старости. Мы привыкли так жить.

— Вы продали свет, и ваше солнце перестало светить, — зло сказал Котенок. — Солнце светит для людей, и если те выбирают Тьму...

Он зашипел и начал яростно умываться.

— Солнечный котенок, так что же, у них не осталось надежды? — шепотом спросил я. — Свет не вернется? Если они исправятся, пообещают...

Герт вздохнул:

— Мы пробовали. Мы просили прощения у солнца, мы убивали Летящих, мы жгли костры, стараясь разогнать мрак... И торговцев мы просили выкупить свет обратно. Но те сказали, что свет давно уже куплен у них и покупатель не хочет продавать его обратно.

— И этот покупатель — повелитель Летящих, — подытожил Котенок.

— Мы думаем так, — согласился Герт.

Котенок нервно заходил по комнате.

— Я видел его башню, — наконец сказал он. — Там тьма.

Не знаю, не знаю... Разве что свет спрятан в самых глубоких подвалах... Вряд ли все так просто, Герт.

— Что мы будем делать? — спросил я.

Котенок покосился на меня:

— Решай сам. У меня сейчас есть немного силенок. Я, наверное, смог бы открыть ту дверь.

— Смог бы? — Я вскочил, взял Котенка на руки. — Мы вернемся домой?

— Я тебя верну, — пообещал Котенок.

— А сам?

— Солнечные котятя не бросают в беде мир без солнца.

— Знаешь, я тоже не бросаю в беде друзей! — разозлился я. — А потом, когда победим, сможешь вернуть меня?

— Конечно.

Герт задумчиво смотрел на нас, забыв о своей погасшей трубке. Потом спросил:

— Если я правильно понял... Там, откуда вы родом, есть Свет?

— Полным-полно! — гордо сказал Котенок. — Там его еще не продали, надеюсь.

— Но вы собираетесь помочь нам?

— Попробуем, — скромно заявил Котенок. — Я кое-что умею, да и Данька оказался не самым глупым в мире мальчишкой.

В этот момент из кухни вернулся Лэн. Перепачканный мукой, хмурый, но довольный.

— Я заслужил лишний кусок пирога, — гордо заявил он, усаживаясь за стол. — Все согласны?

Мы не спорили. Тем более что пирог оказался огромным и очень вкусным, с земляничным вареньем. Куски мы, конечно, не считали, но когда остался последний, Кэя осторожно завернула его в бумагу и убрала.

— Это... внуку, — смущенно глядя на меня, пояснил Герт. — Данька, ты не будешь мстить? Ведь правда?

Я молчал. Все ждали моих слов — и Герт, и Кэя, которой, наверное, Лэн рассказал, как все было на самом деле.

— Подожду, пока станем взрослыми, — пообещал я. — И набью ему морду... первым подходящим утром.

Котенок мрачно смотрел на меня.

— Если не попросит прощения, — неохотно добавил я.

Герт протянул руку и потрепал меня по голове.

— Ты хороший мальчик, Данька, — ласково сказал он. — Что бы ни случилось — Тьме тебя не коснуться. **261**

От такого комплимента я засмутился и начал торопить Лэна идти домой. Перед дверью Герт остановил меня и дал узкую черную ленту.

— Не стоит Крылатым видеть твои глаза. А то они решат повторить наказание. Прделаем дырочки, и...

— Не надо дырочки, — сказал я, завязывая лентой глаза. — Это ведь просто материя. Спасибо, Герт. Спасибо, Кзя. Пирог был отличный!

И мы пошли к себе домой. Котенка я держал на руках, а Лэн придерживал меня за плечо, словно я по-прежнему был слепым. На улицах оказалось много народу, видно, время еще было раннее. Я шел и видел лица встречных. Некоторые, особенно Старшие Крылатые, улыбались. Таких было немного, очень немного. Но они были.

7. Караван

Шоки зашел только через три дня, накануне нашего с Лэном второго вылета. Нельзя сказать, что мы скучно провели это время. Я прочитал уйму книг, попадались очень интересные; каждый день тренировался с Крылом, учил Лэна приемам айкидо, рассматривал картины, которые рисовал прежний Старший Лэна, Керт. С моим новым зрением это было ужасно интересно. Например, читал я раз в десять быстрее и часто догадывался, чем кончится книга, еще на первых страницах. Такие книги я не дочитывал. А обучая Лэна приемам, я видел все его ошибки так ясно, что выправлять их было проще простого. С картинами же оказалось интереснее всего. Я их видел по-Настоящему, как раскрытые в стене окна, а не как куски раскрашенного холста. Этот Керт был отличным художником, хотя, по-моему, и не совсем хорошим человеком. Была у него картина, где над черным неподвижным морем, под серой пеленой туч, летели двумя цепочками Летящие и Крылатые. Вдали, едва различимые на картине, они сливались в один строй, улетающий куда-то в бесконечность. Картина называлась «Перед боем», только я-то видел, что никакого боя здесь нет и не будет. На другой картине падал на скалы убитый Летящий, а над ним парил Крылатый, похожий на самого Керта, если верить Лэну. Эта картина называлась «Победитель».

Летающий на ней был гордым и красивым даже в смерти. А Крылатый нарисован кое-как, словно художник стеснялся его изображать. Еще одна картина мне очень понравилась, а Лэну нет. И неудивительно. На ней был нарисован сам Лэн, сидящий с ногами в кресле и исподлобья глядящий в сторону. Там легкими красивыми мазками были нарисованы парень с девушкой, чокающиеся бокалами с вином. Лэн, глядя на эту картину, злился и говорил, что Керт был разгильдяй и бабник, но его, Лэна, это ничуть не трогало, и назвать картину «Ревность» было глупо.

Мне все время хотелось спросить, как Керт попал в плен, потому что я уже начал кое о чем догадываться. Но пока откладывал этот разговор.

Очередной наш вылет был вечером, и с самого утра мы только и делали, что наедались впрок, изредка перепархивая по комнате, чтобы размять Крылья.

Шоки я увидел сквозь дверь, начал было искать свою черную повязку, потом плюнул на это и просто сел в кресло, закрыв глаза. Лэн впустил Шоки и молча встал рядом со мной.

— Привет, — неуверенно сказал Шоки.

— Привет. Это кто? — не удержался я от маленькой мести, разглядывая Шоки сквозь плотно сжатые веки. Шоки закусил губу и отвел от меня взгляд.

— Это я, Шоки.

— Зачем ты пришел?

— У вас сегодня вылет... Патрулирование караванной тропы...

— Мы знаем, Старший Шоки, — невозмутимо сказал я. — Все в порядке.

— Собираетесь лететь? — Он сумел скрыть удивление в голосе, но не на лице.

— Конечно. Разве у меня есть другой выход?

Наверное, Шоки хотел что-то предложить, но теперь не стал. Так я и не узнал, чем же он собирался мне помочь. Помывшись, Шоки как дурак поинтересовался:

— Как глаза, Данька? Болят?

— Этого не опишешь, — честно сообщил я. — Хочешь попробовать? Так неси кинжал, он у тебя уже испытан в деле.

Шоки вскочил и выбежал из дома. В дверях повернулся и крикнул:

— Ты сам предпочел это смерти! И не смей обвинять меня! Подло, Данька! Я подыграл тебе, ты остался в живых!

Дверь хлопнула. Я раскрыл глаза и смущенно посмотрел на Лэна. Тот жестко сказал:

— Правильно, Данька. Так ему и надо. Страж порядка...

Я не стал спорить. Но чувствовал, что и сам переборщил. У Шоки-то действительно не было выхода.

— Пошли на башню, Лэн.

Лэн поднялся за мной, сунул в руки черную ленту. Криво улыбнувшись, я завязал глаза. Какая разница? Я видел до самого горизонта. И даже серая мгла все меньше мне мешала.

В моих глазах жил Настоящий свет.

— Летим! — сказал я, взмывая в низкое небо. Ударил ветер — тугие прозрачные струи, — и я скользил между ними так, чтобы Крылу доставалось меньше работы.

Лэн отчаянно поднимался следом. Его Крыло рубило воздух, протискиваясь напролом. Как хорошо иметь Настоящее зрение!

— У меня есть крылья! — закричал я над молчаливым городом. — У меня есть Настоящие крылья!

Лэн с трудом догнал меня. Я видел, как тяжело бьют воздух крылья Младшего, и капельки пота на его лице.

— Трудно? — спросил я. — Летим наперегонки?

Лэн сложил крылья и заскользил на север, к горному перевалу, откуда приходили караваны торговцев. Засмеявшись, я последовал за ним.

У перевала я догнал Лэна, поднырнул под него и схватил за руки, складывая Младшему Крыло. Лэн обвис, и я увидел в его глазах ужас.

Тьма и свет! Что же я делаю!

— Лэн, я научился летать! — крикнул я, словно бы оправдываясь. — По-настоящему! Нам теперь никто не страшен!

— А я тебя боюсь, — тихо сказал Лэн.

Я молча обнял его и заскользил вниз, притормозив у самой земли. Поставил Лэна, сложил свое Крыло. Лэн стоял по стойке «смирно» и не мигая смотрел на меня.

— Прости, — попросил я. — Знаешь, когда можешь летать так... как птица... то тянет на всякие глупости.

— Знаю, — серьезно сказал Лэн. — Хорошие Крылатые иногда сами уходят к Летящим. Они не хотят расставаться с полетом, когда становятся взрослыми.

264 — Так ушел Керт? — спросил я.

Лэн кивнул:

— Ему уже немного оставалось, полгода-год. Он приказал мне следовать за ним, и мы сели на башню Летящих. Тогда Керт схватил меня и сказал, что мы станем Летящими. Что нет никакой разницы, только у нас будут крылья навсегда и мы перестанем бояться тьмы. Он всегда считал, что лучше меня знает, что мне нужно...

— Лэн...

— А я не хочу перестать бояться тьмы! Я ее ненавижу!

Лэн плакал, а я все никак не мог понять, в чем дело.

— Теперь и ты! — вдруг выкрикнул мой Младший. — Тоже решаешь, что для меня лучше! Чем ты отличаешься от других?

— Прости, — только и смог сказать я. — Лэн, ты лучше всех летаешь. Я просто обалдел от того, что смог тебя поймать в воздухе.

Слезы у Лэна сразу высохли, он неуверенно улыбнулся.

— Не сердись, партнер, — попросил я. И посмотрел на него Настоящим взглядом. Лицо Лэна дрогнуло и словно растаяло, изменившись. Я видел его без малейшей фальши, и мне было немного стыдно за это свое умение. Но я знал: то, что вижу, не расскажу никому и никогда. Ни за что на свете.

Потом я сказал то, что надо было сказать:

— Лэн, можешь меня ударить. Я тебя напугал. Только давай все-таки будем еще летать наперегонки.

— Ты теперь догонишь, — грустно сказал Лэн.

— Постараюсь, — неуверенно сказал я. И Лэн сразу повеселел:

— Давай-давай. Постарайся, а то я просто летел не в полную силу.

Мы стояли посреди узкого горного ущелья, это и был тот перевал, через который шли торговцы. И уже собирались взлететь, когда Лэн схватил меня за руку:

— Тихо!

Вслушавшись, я уловил слабый стук и звяканье. Звуки приближались.

— Караван! — уверенно сказал Лэн. — Вот как удачно. Сверху его трудно заметить, торговцы обычно маскируются.

— От Летящих?

— От всех.

Вначале из-за поворота ущелья вышел высокий мужчина в пятнисто-бурой одежде, отлично повторяющей цвет скал.

Я насторожился, но Лэн спокойно сказал:

— Это охранники каравана. Привет!

Охранник, положив руку на меч, подошел к нам. Следом появились еще трое, потом несколько огромных, похожих на буйволов животных, груженных тяжелыми тюками.

— Привет, Младшие, — с ноткой симпатии сказал мужчина. — Почему вы одни?

— Я Старший в нашей паре, — оборвал я его. — Когда вы доберетесь до города?

Мужчина удивленно смотрел на меня. Покачал головой:

— Откуда нам знать? Мы лишь охрана... которой будешь и ты, если доживешь. Спрашивай у торговцев.

Мгновенно утратив к нам интерес, охранник пошел дальше. Трое его товарищей обогнули нас и, не заговаривая, прошли мимо.

— Они уже считают себя выше горожан, — хмыкнул Лэн. — Тоже мне рабы каравана... Вон торговцы, идем!

Караван был большим — наверное, сотня животных, тащивших груз, десятков охранников и всего трое торговцев. К своему удивлению, я понял, что это семья — мужчина и женщина, которым было лет по тридцать, и девочка, старше меня на год-два, рыжеволосая и загорелая. Ага! Я посмотрел на Лэна, но тот не обратил внимания на загар девочки. Ладно, сам разберусь. И очков у них не было! Как же они видят?

— Привет! — явно стараясь выглядеть гордым и важным, сказал Лэн. — Как прошел путь? Летящие не досаждали вам в дороге?

— Мы не воюем, мальчик. Даже с Летящими. — Мужчина-торговец отошел от мерно шагающих животных и двинулся рядом с нами. — А как ваш город? Все воюете?

Лэн кивнул. Он наслаждался общением с торговцем. А я просто шел, разглядывая эту семейку коммерсантов.

Все они были смуглыми, явно от загара. У девочки даже кончик носа шелушился — на солнце перележала, сволочь! И одеты они были отлично — все в штанах, больше всего напоминающих джинсы, и ярких свитерах, а девочка и ее мать еще в каких-то вязаных шапочках. Ну правильно, в горах холодно. А они к холоду не привыкли, видно по всему. Из оружия только у мужчины был короткий меч — торговцы то ли полагались на свою охрану, то ли имели в запасе что-то

266 посильнее холодного оружия.

Как они мне не понравились! Сразу и накрепко. Особенно девчонка, которая ухмылялась, разглядывая Лэна, и временами перешептывалась о чем-то с матерью, после чего обе они вполголоса смеялись. На фоне охранников в бурых маскировочных костюмах и нас с Лэном в черных Крыльях эти трое выглядели как праздные богатые туристы в районе боевых действий.

— Хочешь конфетку? — поинтересовался тем временем мужчина-торговец у Лэна. Тот с готовностью кивнул. И торговец, достав из кармана конфету в бумажной обертке, кинул ее Лэну, хотя между ними и метра не было. Лэн подпрыгнул, поймал конфету и повернулся ко мне:

— Хочешь, Старший?

Девчонка опять хихикнула. Я подошел к Лэну, взял у него конфету, уронил и наступил на нее ногой. Потом повернулся к торговцу и сказал:

— Какая жалость. Я ее уронил.

Мы с торговцем остановились, уставившись друг на друга. Караван продолжал идти. Лэн тоже замер, испуганно глядя на нас.

— Мы редко делаем подарки, — сказал наконец торговец. — Не стоит от них отказываться.

— Подарков я пока не видел, — ответил я. — Только подачку. Счастливого пути, встретимся в городе.

Расправив Крыло, я взмыл вверх. Эх, жалко, не посмотрел на торговцев Настоящим взглядом! Ладно, еще будет время.

Лэн догнал меня на пути к городу, спросил, пристраиваясь рядом:

— Зачем ты так, Данька? Конфеты у них всегда вкусные!

— Ребенок! — с неожиданной злостью сказал я. — Лэн, опомнись, нельзя же так унижаться!

— Повязку надень, нам навстречу кто-то летит, — быстро увел разговор в сторону Лэн. Я с досады чуть не вlepил ему, но повязку все-таки надел и пропустил Лэна вперед.

Когда я увидел, кто летит нам навстречу, Лэн и торговцы напрочь вылетели у меня из головы. Это был Ивон. Я узнал его по полету, удары Крыла каждого человека теперь были для меня непохожи, как почерк.

— Работаешь поводырем? — крикнул Ивон, зависая над нами. — Отлично, Лэн! Ты хороший партнер для труса.

А как ты, Старший из чужого города? Повязка не жмет? **267**

Я взмыл вверх и приставил острие меча к его горлу. Как он перепугался!

— Ты же теперь слепой! — закричал Ивон, даже не делая попыток увернуться. — Ты слепой!

— Мне хватает слуха, — заявил я. — Как тебе мой клинок? Острый?

— Крылатые не убивают друг друга! — с противным повизгиванием в голосе крикнул Ивон. — Лэн, останови его!

Лэн парил рядом, наслаждаясь происходящим.

— Ивон, у вас прекрасный обычай наказывать трусов, — сказал я. — Но теперь я ввожу новый. Наказывать подлецов.

Ударив со всего размаху, я рассек его правое крыло. Ивон закувыркался, падая вниз. Секунду я провожал его взглядом, потом сложил крылья и бросился следом.

Поймал я Ивона у самой земли. Схватил за волосы и довольно резко затормозил — в ладони остались вырванные с корнем пряди. Ивон верещал, как поросенок.

— Запомни, — опускаясь рядом, сказал я. — Нельзя быть подлецом. Никогда. Повторяй это по утрам. И может быть, доживешь до дня, когда Крыло откажется тебя держать.

На всякий случай я ударил и по левому крылу Ивона, а тот стоял, в ужасе глядя на меня и не пытаясь снять свой арбалет. Потом я взмыл вверх. Так быстро, что пущенная вдогонку стрела меня не догнала.

— Что ты с ним сделал? — спросил Лэн, дожидавшийся меня в небе. — Убил?

— Нет, порезал Крыло. Пусть идет в город пешком.

— Это позор, — серьезно сказал Лэн.

— Надеюсь. Как ты думаешь, он дойдет?

— Да что с ним, гадом, делается? Сам доползет или караванщики подберут. Он как раз на их тропе.

— Полетели домой, — отбрасывая сомнения, сказал я.

Мы приземлились на площади — там, где меня ослепили три дня назад. И пошли в сторону нашего дома. Люди провожали меня взглядами, кто испуганными, кто удивленными. На полпути нам попался Шоки. Лэн с грустным видом тронул меня за плечо, я остановился, глядя перед собой сквозь черную повязку.

— Рад, что у вас получился вылет, — подходя, сказал Шоки. — Ты прекрасно летаешь, я видел. Прости.

И злость на него у меня почти пропала.

— Шоки, нельзя быть рабом законов, — сказал я. — Иначе будешь рабом и во всем остальном. Над горами мы встретили Ивона. У него возникли проблемы с Крылом, так что он придет домой пешком и не совсем в срок. Не беспокойтесь зря.

— Ничего не понимаю... — признался Шоки. — Данька, как ты это делаешь?

— Караван придет в город к завтрашнему утру, — словно не слыша вопроса, сообщил я. — Можете решать, кто будет к ним наниматься. И считайте, что мы с Лэном уже нанялись охранять их от нашего города до города торговцев.

— Вы уходите? — словно не веря своим ушам, воскликнул Шоки.

— Пойдем, Младший, — велел я Лэну, и мы пошли прочь. Метров через десять Лэн не выдержал:

— Данька, ты серьезно?

— Вполне.

— Но ты даже не спросил меня! Может, я не хочу уходить!

Я вспомнил Лэна таким, каким видел его Настоящим взглядом. И поинтересовался:

— А ты что, не хочешь?

Лэн молчал.

— Мы пойдем в город торговцев. Мы вытрясем все их тайны. Мы узнаем, где они ухитряются так лихо загорать, — постепенно распаляясь, говорил я. — И не смей врать, что ты не мечтаешь удрать из своего города!

Лэн ответил, когда мы уже подошли к дому:

— Да, мечтаю. Мне не нравится мой город! Только лучше бы ты не получил это свое Настоящее зрение и не видел меня насквозь! Данька, я не хочу, чтобы за меня решали!

Домой мы вошли молча. Каждый сам по себе. Лэн достал буханку, нарезал и принялся мрачно жевать черствый хлеб. Я таким самоуничижением заниматься не стал, выудил кусок вяленого мяса и с чувством вгрызся в него.

За этим занятием нас и застал Котенок. Он, наверное, мирно спал наверху, но почувствовал наше возвращение и сбежал вниз.

— Ого, — только и сказал Солнечный котенок, забрался на стол и улегся между нами.

С минуту он молчал, разглядывая то меня, то Лэна. И я со стыдом понял, что уж он-то все увидит действительно насквозь. Не спрячешься.

— Лэн, я буду говорить с тобой, — строго начал Котенок.

— Почему? — вскинулся Лэн. — Я ни при чем! И вообще с Данькой не ссорюсь.

— Я буду говорить с тобой, потому что с Данькой сейчас говорить бесполезно, — продолжил Котенок так же сурово. И сердце у меня сжалось. Это как бесполезно?.. — С Данькой сейчас большая беда, очень большая. Он получил немного Настоящего света и стал видеть Настоящим зрением. И сразу же решил, что теперь превратился в доброго героя, который видит всю правду и лучше всех знает, что кому надо делать. Попутно возвращая свет целому миру.

— Неправда! — завопил я. Но Котенок взглянул мне в глаза, и я осекся.

— Можешь выйти, — сказал Котенок. — Я говорю не с тобой, а с твоим единственным Настоящим другом. Лэн, у Даньки на радостях все перепуталось. Он думает, что если в его глазах — свет, то он ничего плохого сделать не может. А это не так. И Свет, и Тьма — это просто силы. Конечно, светом трудно сделать черное дело, а тьмой — высветить зло. Трудно, но можно. Будь ты хоть весь светящийся, это тебя не застрахует от ошибок и скверного характера.

— Так что же делать? — тихо спросил Лэн. — Чем я могу помочь?

— Прощай Даньку, когда он тебя обижает. Пойми, что он на самом деле хочет сделать все как лучше. Просто он теперь видит всех такими, какие они есть на самом деле, а иногда надо смотреть, какими они хотят быть.

— Хорошо, — сказал Лэн.

— И еще. Спорь с Данькой не потому, что он позабыл спросить твоего согласия — он же просто знал, что ты согласишься. Спорь с ним, когда он будет на самом деле ошибаться.

Лэн молча кивнул.

— А теперь, — поднимаясь, сказал Котенок, — я выйду и снова зайду. И когда вернусь, здесь все должно быть по-другому.

Когда Котенок вернулся, на столе для него стояло полное блюдо сливок, а в кресле напротив ждали мы с Лэном.

— Ого, — вновь сказал Котенок. Но совсем с другой интонацией. Лакнул для пробы сливки и одобрительно кивнул. — Как это у вас получилось?

— Сливки, что ли? — притворно удивился Лэн. —

270 Их еще целый кувшин.

— Да нет же! Мяу! — прикрикнул Котенок. — Не морочь мне голову, ты прекрасно понял вопрос!

Мы с Лэном переглянулись и рассмеялись.

— Да никак, — ответил я за Лэна. — Мы просто посмотрели друг на друга, потом Лэн достал сливки, а я блюдец. Потом мы сели и стали тебя ждать.

— Пойдет, — решил Котенок. — Главное — без всяких глупых извинений и клятв в вечной дружбе. В общем, начинаем военный совет. А тебе, Данька, персональное напоминание: осторожнее с Настоящим зрением.

— Мы нашли торговцев, — первым начал Лэн. — Они завтра будут в городе, и Данька уже успел с ними поссориться.

— И за дело, — подхватил я. — Их трое, не считая охраны. Мужик с женой и дочка, противная, как ведьма. Мужик дал Лэну конфетку, кинул, как собачке! Я ее растоптал. А девчонка загорелая, она недавно была на солнце!

— Ты уверен, что этот торговец хотел обидеть Лэна?

— Нет, но...

— А ты знаешь, что торговцы плавают на своих кораблях в разные миры и их дети вовсе не обязаны быть бледными, как вареная рыба?

Я молчал. Потом опустил глаза и признался:

— В общем, я, наверное, дурак. Я решил, что нам надо попасть в город торговцев и узнать...

— ...где они прячут солнышко, — сладким голосом закончил Котенок. — Сказочек начитался. Но в город торговцев нам действительно надо.

— Да? — обрадовался я. — Зачем?

— Узнать, кто купил у них свет. Узнать, почему они не воюют с Летящими. Что они им такое продают или что покупают, почему никого не боятся. И зачем им тогда нужна охрана? Города на торговцев чуть ли не молятся, с Летящими у них все шито-крыто. А охрана с караванами идет.

— Правильно, — сказал я. — Котенок, ты куда лучше, чем я, все рассчитал!

— Это потому, что я не полагаюсь только на внешность или только на сущность, — объяснил Котенок. — А ты вначале сделал все выводы из внешности торговцев, а потом — из сущности Лэна. Вот и двойная ошибка.

— Данька! — неожиданно спросил Лэн. — Ты что, и вправду видишь меня насквозь?

Он напряженно ждал ответа, и я соврал. Кому же приятно, что ничего нельзя сохранить в тайне, пусть даже и от друга:

— А чего тебя видеть? Ты и так как на ладони. Буду я на тебя силы тратить!

Лэн немного успокоился. Вздыхнул и сказал:

— Данька прав, надо пойти в город торговцев. Я тоже давно хотел там побывать... Только вначале надо попросить Шоки, чтобы наш дом никому не отдавали, а то я к нему привык, — неожиданно закончил он.

Поговорить с Шоки? Я шмыгнул носом, представляя такой разговор после нашей сегодняшней перепалки. И Лэн великодушно пообещал:

— Я сам с ним поговорю. Знаю, что он меня не очень любит, ну да это будет честная просьба... Шоки не откажет. Сейчас и пойду.

— Давай-давай, — подбодрил его Котенок. — Я пока обдумую, что нам с собой взять. И пороюсь в твоих шкафах, не против?

— Да хоть все перерой! — весело сказал Лэн, вставая. — И еще... вы меня рано не ждите. Я зайду попрощаться к маме.

— Вот мы дураки, — сокрушался Котенок, когда Лэн вышел. — Совсем забыли, что он еще ребенок, у которого есть мама... Данька, а ты чего ревешь? А?

— Волшебник несчастный! — крикнул я, пряча лицо в ладони. — У меня тоже есть мама! А я даже попрощаться с ней не могу!

Часть вторая

ТОРГОВЦЫ

1. Мы уходим из города

С самого утра мы собирались. Много вещей с собой брать не стоило, даже если бы мы пошли, а не полетели. Выбрали лучшее оружие (выбирал Лэн), теплую и красивую одежду, немного еды. Ну и конечно, по новому Крылу, про запас.

Торговцы пришли в город к обеду. Караван медленно втянулся на площадь, охранники заставили животных улечься, а мужчина-торговец подошел к ожидавшим его взрослым и принялся торговаться.

Это, конечно, только так говорится — торговаться. На самом-то деле он сообщил свои условия, а у взрослых особого выбора не было. Торговец предложил отдать почти половину груза — пищу, ткани, оружие, если десять молодых мужчин наймутся к какому-то герцогу из другого мира. Торговец подчеркнул, что в том мире есть солнце и мужчинам дадут Крылья, поднимающие большой вес. Так что они смогут летать, как в детстве.

Желающих нашлось немало. Взрослые даже заспорили между собой, но постепенно договорились. Как я понял, через пять лет они могли вернуться обратно, или наняться к другому человеку, или еще на пять лет остаться у герцога, на этот раз уже не бесплатно, а получая деньги для себя. Многие мужчины сразу стали говорить, что они вернутся через пять лет. Но я им не поверил, да и остальные тоже. Разве можно променять солнце, Крылья и службу в гвардии герцога на темный, мрачный мир, где они не могут летать?

Когда все было обговорено и взрослые принялись разгружать тюки, мы подошли к торговцу.

— Мы хотели бы наняться к вам, — начал я.

Торговец удивленно приподнял брови:

— Никогда бы не подумал. Ты же не слишком уважаешь нас, мальчик.

— Мы хотим наняться ненадолго, — пояснил я. — Просто чтобы дойти до вашего города.

— Да? — Торговец, похоже, откровенно забавлялся. — А дальше?

— Посмотрим, думаю, для Крылатых найдется занятие и там.

— Возможно, возможно. — Торговец кивнул. — Знаешь, мальчик, мне кажется, что ты считаешь нас врагами. И поэтому я соглашусь на вашу просьбу. Понимаешь?

— Думаете, мы вас полюбим?

— Не обязательно. Но у нас так мало врагов, что мне хочется понаблюдать за вами вблизи.

— Честный ответ, — признал я.

— А в нашем деле врать невыгодно. — Торговец протянул руку, словно собирался погладить меня по голове. Я отстранился, и он сделал вид, что ничего не произошло. Сказал: — Не думаю, что вам придется работать в пути. Но предлагаю плату: по пять монет каждому. Это хорошие деньги.

— По семь монет, — сказал я. Торговец удивленно посмотрел на меня. Я добавил: — По семь. Торговаться я умею.

— Не думаю. Но ладно, по шесть.

— Идет. — Теперь я протянул ему руку, и торговец с серьезным видом пожал ее.

— Мы отправимся через два часа. Отдыха в вашем городе не будет, мы спешим. Так что не опоздайте, ждать не собираюсь... Да, тебе можно задать вопрос?

— Конечно.

— В горах ты был без повязки на глазах. Зачем она тебе в городе?

Я растерялся. Я и думать забыл, что в горах снимал повязку. И какое это нелепое зрелище — мальчик с плотно завязанными глазами, который ведет себя, словно все видит. Может, сказать, что мы играем? Но какие тут игры, кроме «Крылатых и Летящих»... Оглядевшись, я убедился, что рядом никого из горожан нет. И стянул с глаз черную ленту.

— Так лучше?

— А зачем была нужна повязка?

Я не ответил. Вместо этого посмотрел ему в лицо Настоящим взглядом. Но прежде чем успел увидеть торговца, тот вздрогнул как от удара, быстро достал из кармана и надел большие черные очки. Вроде солнцезащитных, с зеркально-черными стеклами.

Сквозь эти очки я не видел.

— Так лучше? — повторил мой вопрос торговец.

— Нет, — сказал я и снова завязал глаза черной лентой.

— Очень жалею, что заключил с тобой договор, — заявил торговец. — Ты не согласишься его расторгнуть?

Здорово, что он так серьезно относится к обещаниям...

— Нет, не соглашусь.

— Через два часа мы уходим. — Торговец отвернулся и зашагал вдоль каравана. Интересно, а как он видит во тьме? В черных очках... И как видел раньше, без всяких очков?

— Лэн, бежим за вещами, — сказал я.

— У нас же два часа...

— Фига с маслом, а не два часа. Быстрее.

И мы рванули домой. Там торопливо надели рюкзаки (Лэн сунул себе за пазуху Котенка — нечего его показывать раньше времени) и побежали обратно. Караван уже готовился в путь. Охранники, старые и новые, пинками поднимали буйволов, торговец что-то объяснял удивленным взрослым, его жена и дочка шли по улице, ведущей из города, словно показывая путь. Я помахал торговцу рукой. Тот сделал вид, что не заметил, пожал руки нескольким взрослым и зашагал за караваном.

— Пойдем, Лэн, — сказал я.

— Может, спросим, не надо ли чем-нибудь помочь?

— Плохой из тебя солдат, Лэн. Кто же напрашивается на работу? Не бойся, этот тип в черных очках про нас не забыл. Наоборот, только о нас теперь и думает. Пошли.

И мы побрели вслед за караваном, едва удерживаясь от искушения взмыть в воздух. С нами не прощались. Только Лэн помахал рукой нескольким мальчишкам и сказал мне, что Младший Ивона стоит в толпе с убитым видом. Наверное, переживает за своего опозоренного Старшего.

Первые три дня мы совсем ничего не делали. Караван неторопливо шел по горным дорогам, каждую пару часов останавливаясь минут на пятнадцать. Еще один двухчасовой привал был днем, а для сна торговец отводил всем де-

сять часов. Те охранники, что шли с караваном с самого начала, на нас почти не обращали внимания. Они болтали между собой, вспоминали каких-то знакомых из города — наверняка города торговцев, рассуждали, куда первым делом отправятся, когда вернутся домой. Взрослые из нашего города вели себя приветливее. Я все время ловил их удивленные взгляды, потому что черной повязки с глаз не снимал, но вопросов они не задавали. Вечером все ставили палатки, торговцы забирались в свою, охранники, кроме стороживших ночью, — в свои. Взрослые из нашего города ставили несколько палаток, но обычно полночи просиживали в одной, потягивая крепкое вино из кожаного бурдюка, что выдавал им каждый вечер торговец. Разговоры их сводились к тому, что они прекрасно помнят, как владеть Крылом, цену себе знают и, заработав побольше денег, построят дом в самом солнечном месте, какое только найдут. О том, чтобы вернуться обратно, никто уже и не заикался. Мы с Лэном тоже устраивались со взрослыми и тихонько сидели в углу, слушая их рассуждения. К нам относились неплохо, вроде даже с уважением. Я не сразу понял, что взрослые по-своему расценили наш уход из города. Они решили, что мы не хотим воевать с Летящими и дожидаться возраста, когда можно уйти с торговцами в другой мир, а собираемся удрать прямо сейчас.

Котенка мы от них не прятали. Просто он притворялся обычным, неговорящим и нелетающим, а свет свой делал как можно слабее. Кошки в городе были, хоть и немного, и никто Котенка в волшебных свойствах не заподозрил.

Когда мы уходили от взрослых в свою палатку, то устраивали маленький военный совет. Но обсуждать было почти нечего. Куда идем — не знаем, от кого обороняем караван — тоже. Вся семья торговцев стала носить черные очки, и Настоящим взглядом на них не посмотришь. Я пробовал смотреть по-Настоящему на охранников каравана, но ничего толком не увидел. Они были такими, какими и казались. Я раньше думал, что это очень хорошая черта — быть простым и открытым, а теперь понял: когда у человека нет внутри никакой тайны, ни плохой, ни хорошей, то он делается как неживой.

Только на третий день что-то изменилось. Вначале засуетились охранники. Теперь двое шли далеко впереди, проверяя все подозрительные места на тропе, а еще трое внимательно следили за небом. Торговец подошел к взрос-

лым нашего города, поговорил с ними, потом дал каждому по пять монет — больших кругляшей из прозрачного камня вроде хрусталя. Мужчины подавали оружие и тоже рассеялись по каравану среди охранников.

Потом торговец подошел ко мне.

— Пора отрабатывать плату, — вместо приветствия сказал он.

— Плати, — пожал я плечами.

Торговец без споров выдал мне десять монет, поколебался, потом добавил еще две. Я спрятал их в карман на Крыле и спросил:

— А где можно их потратить?

— В нашем городе, — не удивляясь, сказал торговец. — Теперь готовы работать?

— Да.

— Сейчас мы выйдем в заболоченную долину. Посреди нее — островок, на котором стоит башня.

— Башня Летящих?

— Конечно. Караван дойдет до островка, к нам выйдут Летящие, и я буду говорить с ними. Обычно никаких подвохов не бывает, но надо все предусмотреть. Я хочу, чтобы ты со своим напарником проверил дорогу до башни — это километров десять — и убедился, что на ней нет засады. Потом вы вернетесь и будете охранять мою семью. Летящие не должны вас увидеть.

— Значит, вы с ними торгуете, — сказал я.

— Иначе никакой охраны не хватило бы. К тому же мне выгодно торговать со всеми. Это моя работа.

Спорить было глупо, а говорить, что он поступает подло, еще глупее. Я промолчал.

— Еще вопрос, мальчик. Откуда у тебя Настоящее зрение?

— Заметили? — полюбопытствовал я.

Торговец снял очки и помахал ими.

— Это стекла, наполненные тьмой. В них ничего не увидишь на свету, зато прекрасно видно во мраке. И очень хорошо замечаешь черные стороны в людях.

— Значит, изучали меня? — Я едва смог сдержаться.

— Пробовал. В твоих глазах Настоящий свет, он слепит меня. Полагаю, тьма в моих очках точно так же мешает тебе.

Я почувствовал к нему легкое уважение.

— Мешает. Поэтому я вам не доверяю.

— Твое право. Бывали уже люди, которые считали нас, торговцев, виновными во всех бедах. Они приходи-

ли в наш город в поисках зла, но... Ладно, разбирайся сам. Но пока ты ошибаешься.

— Откуда у вас эти очки? — выкрикнул я. — Их делают Летящие?

— Да. А я с ними торгую. Вещи не виноваты ни в чем, очки тьмы можно использовать для самых добрых дел. Я торговал бы и Настоящим светом, останься он здесь...

— Его нет, потому что вы его продали! — крикнул я.

И, отвернувшись, пошел к Лэну. Тоже мне философ торговый! Торкую всем, чем выгодно! Вещи не виноваты... Знаем, и на Земле такое говорят, когда продают оружие и наркотики. Ладно, придем в их город — разберемся.

— Лэн! — крикнул я, увидев своего Младшего. — Хочешь размяться?

Он неуверенно улыбнулся:

— Летим?

— Да. Задание от нашего доброго нанимателя.

Ничего больше не спрашивая, Лэн расправил Крылья и взмыл вверх. Я увидел, какими взглядами проводили его взрослые. Неудивительно, я бы на их месте тоже помирал от зависти...

Раскрыв Крылья, я поднялся следом. Легко, даже легче, чем Лэн. В полете я сразу сорвал черную ленту, сунул ее в карман, огляделся. Нашел поток воздуха, несущийся в нужном направлении, и подставил ему Крыло.

— Куда мы летим? — добираясь ко мне напролом, через все воздушные течения и омуты, спросил Лэн.

— По караванной тропе. Она ведет в долину, а там...

— Там — башня Летящих, — мгновенно меняя тон, крикнул Лэн. — Данька, там Летящие!

— Знаю. Но торговец туда и направляется. Думаешь, везет остатки товаров для другого города? Ничего подобного! Для Летящих!

Ничего больше не говоря, Лэн полетел над тропой. Я — следом. Мы летели низко, метрах в двадцати, чтобы хорошенько рассмотреть все щели в камнях. Но засады не было. Я сразу это понял, потому что с моим новым зрением Летящие, окутанные тьмой, видны были бы даже в укрытии.

Вылетев из ущелья, где лежала тропа, мы оказались над болотом. Точнее, над небольшой долиной, залитой грязью, от которой шел резкий, даже на высоте чувствовавшийся запах.

— Вон она, башня Летящих! — сказал Лэн, притормаживая. Мы зависли рядом. Я посмотрел вперед — и впервые увидел жилище Летящих.

Посредине болота был маленький скалистый островок. А из него, сложенная из такого же серого камня, поднималась вверх тонкая башня. Не очень уж и мрачная на вид, высокая — метров сорок. Верх башни опоясывал узкий выступ — с него Летящие, наверное, и стартовали.

Мы медленно подлетели ближе. Башня казалась мертвой. Лишь когда до нее осталось метров двадцать, я увидел узкие окна-амбразуры. И в них дрожала тьма.

— Летим обратно, Лэн, — прошептал я. Мне стало не по себе и сразу захотелось вернуться к каравану.

— Нам не надо нападать? — дрожащим голосом спросил Лэн.

— Зачем? Торговец с ними не ссорится, он просто боится засады.

— Зато мы с ними воюем...

— Лэн, один Летящий погоды не сделает. А сколько их в башне?

— Не знаю. Иногда они живут поодиночке, иногда группами...

От башни потянуло холодом. И я почувствовал взгляд — тяжелый, ненавидящий взгляд сквозь ночь. словно блеснули во мраке черные очки торговца.

— Летим! — крикнул я, разворачиваясь. Лэн ударил крыльями, взмыл на несколько метров. Вовремя. Из бойницы, откуда я почувствовал взгляд, со свистом вылетела короткая стрела. Пронзила воздух там, где только что парил Лэн, и понеслась вниз, к болоту.

Ох и рванули же мы от башни! Те крохи воинственности, что были у Лэна, сразу куда-то делись, он удачно поймал ветер — словно от страха у него появилось Настоящее зрение, и я догнал его лишь над скалами. Сложив крылья, мы ворвались в ущелье и понеслись к каравану.

— Ненавижу! — крикнул Лэн, не замедляя полета. — Как я их ненавижу, Данька! Если мы вернем свет, они умрут?

— Не знаю, — признался я. — Может, удерут, а может, погибнут. В них мрак, они должны бояться света...

Спланировав, мы опустились посреди каравана. Я заметил, что несколько охранников с арбалетами держали нас на прицеле, пока не убедились, что мы — Крылатые.

Торговец быстрым шагом подошел к нам, и Лэн тут же напустился на него:

— В нас стреляли из башни! А вы хотите с ними торговать!

— А зачем вы подлетали к башне? — поинтересовался торговец. — Я этого не требовал, мальчики. Вы должны были лишь проверить тропу!

Лэн сразу примолк. Наверное, с дисциплиной у Крылатых было строго.

— Боюсь, что вы создали проблемы, — продолжал торговец. — Ладно, теперь уже поздно об этом говорить. Ты, Младший, будешь охранять мою дочь, а ты, — он указал на меня, — мою жену.

Меня такой расклад вполне устроил. Мы с Лэном быстро, чтобы не нарваться на лишние упреки, отошли в сторону. Лэн хмуро покосился на торговца, который беседовал с охранниками, расстегнул Крыло и достал из-за пазухи Котенка.

— Так ты что, с нами был? — поразился я.

Котенок прыгнул на землю и сердито ответил:

— Был? Если кто-то, не спрашивая моего согласия, взлетает, оставив меня под одеждой, то особого выбора нет. Был! Восторгался пейзажем, болотными ароматами и вашим стремительным полетом обратно.

— Извини, — смущенно сказал Лэн. — Что нам сейчас делать?

— То, что велел торговец. Вы же у него на службе. А мне уж позвольте некоторое время передвигаться самостоятельно.

Котенок проскользнул между размеренно шагающими животными и скрылся в скалах. Как он ни старался, но шерстка его чуть-чуть светилась. Хорошо хоть, что все сейчас были заняты.

— Пошли, Младший, — сказал я. — Приступим к охране женщин и детей.

— Тебе хорошо, — огрызнулся Лэн. — Эта... торговка... на тебя и внимания-то не обратит. А девчонка меня за пять минут достанет.

Но тут Лэн ошибся. Не знаю, быстро ли его достала девчонка, а вот меня жена торговца вывела из себя минуты за три.

Я подошел к ней, когда она вооружалась. Из какого-то тюка достала короткий широкий меч без ножен, закрепила его в петле на поясе, потом стала задумчиво разглядывать пару кинжалов, явно решая, какой из них лучше.

— Я буду вас охранять, — чувствуя, как нелепо звучат мои слова, произнес я.

Торговка посмотрела на меня, потом прицепила к поясу оба кинжала и согласилась:

— Охраняй.

Как полный идиот я поплелся за ней. Но через пару шагов женщина обернулась и спросила:

— Тебе сколько лет, мальчик?

— Тринадцать.

— И давно ты воюешь?

— Недавно.

— А чего тебе больше всего хочется?

— Не выполнять последнее задание! — не выдержал я. А торговка неожиданно засмеялась:

— Молодец... Ты молодец, паренек. К Реате тоже приставили охрану?

— Чего? — не понял я.

— Реата. Моя дочь. К ней приставлена охрана? — словно больному разъяснила женщина.

— Приставлена. Ее Лэн будет охранять.

— Ребятишки... — с неожиданной жалостью произнесла она. — Да вас самих охранять надо... Как вас матери-то отпускают?

И я взорвался:

— Вам-то что с того? Не прикидывайтесь добренькой! Вы на этой крови жиреете! И плевать я на вас хотел!

— Бедный мальчик, — вздохнула женщина. — Я не обижаюсь.

Она пошла дальше, а я плелся следом, злясь и на себя, и на нее, и даже на Лэна — за компанию. Караван долго тянулся по ущелью, остановившись наконец у кромки болота. Летящих нигде не было. Мы ждали.

— Почему у тебя такие странные очки? — поинтересовалась вдруг женщина. Я даже не сразу понял, что она имеет в виду черную ленту, которой я завязывал глаза. Действительно похожую на очки Крылатых, только непрозрачную.

— Новая модель, — съязвил я. — Сами разработали, без вашей помощи.

— И хорошо видно в темноте?

— Великолепно! А вы как видите без своих черных очков?

— Линзы, — просто объяснила женщина. — Такие же, как очки, но крепятся прямо на глаза.

— Я знаю, что такое контактные линзы, — с разочарованием от того, что тайна зрения торговцев оказалась столь простой, сказал я.

Женщина посмотрела на меня с удивлением, но промолчала. Повернулась в сторону башни.

— Кажется, летят... Видишь?

Я видел. С вершины башни падали вниз, разворачивали крылья и неслись к нам неясные тени Летящих. Их еще трудно было разглядеть, слишком далеко стояла башня, но я попытался всмотреться Настоящим взглядом...

Летящих было не меньше дюжины. И в руках каждого сверкал металл... нет, не то, он вроде бы и сверкал, но одновременно казался черным. Чертовщина какая-то...

— Они всегда летят с мечами? — чувствуя, как дрожит голос, спросил я.

— Иногда — да, — ответила женщина. — Не бойся.

— У них странные мечи, — не думая о том, что моя неосведомленность подозрительна, сказал я. — Словно из слепящего мрака...

— Что?! — Жена торговца схватила меня за плечи, уставилась в лицо, словно готова была сорвать с глаз черную ленту. Потом повернулась и закричала: — У них мечи тьмы! Они нападают! Приготовьтесь!

2. Я делаю выбор

Когда Летящие обрушились на караван, я не знал, что мне делать. Легко сказать — обороняй такого-то человека от нападения сверху. А как это сделать? Взлететь? Если я буду болтаться над самой землей, то лучшей цели для Летящих и не придумаешь. Если же буду летать как обычно, то жена торговца останется без прикрытия.

А как бы я с ней ни ссорился, она была человеком. И я обещал ее защищать.

Поэтому я просто стоял, приготовив Крыло. Охранники и мужчины из города стреляли по врагам из арбалетов.

282 Особой пользы от этого не было — трудно попасть в

быструю воздушную цель тяжелой арбалетной стрелой. Но все же Летящие снижались с опаской, и стоило им попытаться стащить с одного из буйволов тюки, как к ним устремлялись сразу несколько человек. Забавнее всего было, что животные на происходящее никак не реагировали, наверное, их приучали не бояться Летящих. Я даже немного расслабился, решив, что вся цель нападавших — украсть несколько тюков с товаром.

Жена торговца явно была другого мнения. Она стояла с обнаженным мечом в руках, настороженная и собранная, потом крикнула:

— Мальчик, где Реата?

— Откуда я знаю?

— Где Реата и твой друг? Найди их!

— Мне приказано охранять вас, — крикнул я и увидел, как с неба пикируют на нас две тени. — Берегитесь!

Мы отпрыгнули в разные стороны, а между нами тяжело приземлились Летящие. Лица их скрывали маски, и я не мог понять, сколько им лет. Судя по фигурам — вполне взрослые.

— Не сопротивляться, — приближаясь ко мне, сказал Летящий. — Быть послушным.

Второй шел к женщине. Но по ее ухмылке и плавным движениям меча я понял, что так просто Летящим жену торговца не взять. Расправив Крыло, я взмыл в воздух.

Мой враг словно ждал этого. Со странным протяжным воплем он взлетел следом. Мощно и неуклюже, напролом через нисходящий воздушный поток. Дурачок... Я засмеялся, выхватывая свой меч, и спикировал на едва оторвавшегося от земли врага.

Навстречу мне ударила полоса пылающего мрака. Отчаянным движением я вывернулся — меч Летящего лишь задел левое крыло.

Никогда не думал, что боль раненого Крыла передается человеку! Мне казалось, что удар пришелся по руке, что плечо рассечено мечом мрака. Из последних сил я взмыл выше, вернулся, сорвал с глаз черную повязку. Сейчас мне понадобится все Настоящее зрение, которым владею...

Летящий стремительно нагонял меня. Да, у него была невыгодная позиция — снизу. Зато с его чудовищным оружием мой меч сравниться не мог. Я раскинул крылья и посмотрел на Летящего, пытаясь предугадать его движения. Наши глаза встретились.

С отчаянным криком Летящий выпустил меч, закрыл лицо маской руками и начал падать. У самой земли он выправился и рывками, неуверенно, полетел над болотом — к башне.

Догонять его я не стал. Я бросился на помощь жене торговца. Только она в моей помощи не очень-то и нуждалась. Своим коротким мечом она прекрасно парировала удары Летящего, и тот неуклюже отступал. Но мое появление все же помогло. Услышав шелест крыльев, Летящий обернулся. И жена торговца, выхватив один из своих кинжалов, метнула в него.

Тонко взвизгнув, Летящий раскинул крылья, словно собираясь взлететь. Но не смог и грузно повалился на землю. Нож торчал у него между лопаток — мне показалось, что я вижу жиденький дымок, сочащийся из раны вверх и тут же оседающий, черной моросью покрывающий землю. Летящий дернулся и затих.

И в тот же миг хлопанье крыльев наполнило воздух. Летящие, до той минуты дравшиеся с охранниками или молчаливыми тенями скользившие над самой землей, разом взмыли вверх и понеслись к своей башне.

— Всегда так, — очень спокойно сказала женщина, подходя ко мне. — Стоит одного уложить, и проблем нет...

Я посмотрел на нее, потом на мертвого Летящего. Тот словно съежился, врос в землю, его сотканые из тьмы крылья опали, мягкими складками обтекая тело.

— Вы уже дрались с ними? — спросил я.

— Бывало. Сейчас он начнет каменеть.

— Что?

— Превратится в камень. А ты мне помог, мальчик. Как тебя звать?

— Данька.

— Никогда не слышала такого имени. Меня зовут Гарет.

— Очень приятно, — буркнул я, провожая взглядом улетающих врагов. Вокруг перекликались охранники, слышался чей-то смех. Похоже, потерь не было.

— Тяжело летят, гады, — тем временем сказала жена торговца. — Сперли пару тюков, не иначе.

— И что теперь? — поинтересовался я.

— Теперь? Подождем, пока они не вернутся для настоящей торговли.

Я чуть не сел:

— Конечно. Война войной — дело делом. Они порой нас проверяют на прочность, все надеются выгадать...

Гарет сплюнула, словно мужчина, и насмешливо продолжила:

— Только это им влетит в убыток. Теперь муж поднимет цену, а они и пикнуть не посмеют.

Я поглядел на убитого ею Летящего и с удивлением понял, что тот уже окаменел. Превратился в черную зализанную глыбу, сохраняющую очертания тела.

— Данька, а что с твоими глазами? — вдруг поинтересовалась женщина. — Они светятся или у меня лгут линзы?

— Светятся, — доставая из кармана черную повязку, ответил я.

— И то, что ты видишь без очков, связано с этим?

— Не ваше дело, — огрызнулся я и пошел мимо топчущихся на месте быков. Интересно, как дела у Лэна...

Навстречу мне попались несколько охранников, но я уже надел свою «повязку», и те ничего не заподозрили. Лишь один проводил меня взглядом... но не враждебным, а скорее смущенным и виноватым.

Торговца и его рыжую дочку я нашел у самого края болота. Они о чем-то оживленно спорили, торговец держал девчонку за плечо, а та все норовила сбросить его руку.

— С вашей женой все в порядке, — сказал я, подходя.

Торговец кивнул. Вяло как-то кивнул, отводя глаза... И сразу же потянул из кармана очки — прикрыться от Настоящего взгляда. Мне стало нехорошо.

— Что случилось? — спросил я.

— Реату чуть не украли, — хмуро сказал торговец.

Мне показалось, что я понял, к чему он клонит, и перешел в наступление:

— Не украли же! Значит, нечего нас обвинять!

Торговец молчал, а его противная дочка шмыгнула носом. И тут я понял.

— Где Лэн? — обмирая, прошептал я. — Где Лэн?

— Рассказывай, — хлопая девчонку по плечу, сказал торговец. Посмотрел на меня и добавил: — Мне очень жаль, можешь поверить. Я понимаю, что такое друг, тем более у вас, Крылатых.

Я молчал, глядя на Реату. Та, не поднимая глаз, про-
бормотала:

— Мы стояли, и Лэн все нудел, чтоб я осторожно себя вела, ну я разозлилась и отошла...

— Где он, дура?! — заорал я.

— Его Летящие утащили, Данька, — сказала девчонка. Вдохнула и с нелепой гордостью добавила: — Он меня смело защищал.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — неожиданно поразившись ее словам, спросил я.

Реата пожала плечиками:

— Он твое имя выкрикнул, когда его утащили...

Снова вздохнув, Реата самокритично сказала:

— Не надо было мне отходить от каравана...

Я почувствовал, как внутри у меня все похолодело. Положил руку на меч и пошел к девчонке. Сам не знаю, что я собирался делать.

— Осторожно, Крылатый, — тихо, но с угрозой сказал торговец. — Не ошибись.

Я продолжал подходить к ним. И тут между нами мелькнуло светящееся пятно. Солнечный котенок прыгнул на камень передо мной и сказал:

— Он прав. Не ошибись.

Реата охнула, торговец отступил на шаг. Если они и обращали внимание на Котенка, то видели его несветящимся и неговорящим. Но мне на них сейчас было наплевать.

— А ты еще указываешь?! — крикнул я Котенку. — Где ты был? Почему бросил Лэна?

Котенок провел лапкой по мордочке, потом кивнул и сказал:

— Допускаю. Я виноват. Наказывай меня, а не эту глупую девочку. Тем более что ее отец вряд ли позволит тебе рукоприкладство:

Сев на камни, я заплакал. Повязка мешала, я стянул ее и бросил в топь. Не буду больше ни от кого скрываться. Никогда не буду! Ненавижу их всех — и Летящих, и Крылатых, и торговцев.

Я вдруг понял, что у меня был друг. Настоящий, потому что мы с ним вместе рисковали жизнью... и вообще стали как братья. Братья тоже могут и ругаться, и драться, только все равно друг друга любят.

А теперь у меня нет друга.

— Мальчик... — Торговец провел ладонью по моей голове, и от горя я даже не отстранился. — Не плачь. Я сочувствую.

— Что можно сделать? — спросил я.

— Они прилетят, чтобы обменять свои товары на наши, — уверенно сказал торговец. — Я предложу им выкуп за твоего друга.

Плакать я перестал. Появилась какая-то надежда, и сразу захотелось действовать.

— Его не убили? — робко спросил я.

— Нет, — поколебавшись, сказал торговец. — Ты что, не понимаешь, что Летящие сделают с Лэном?

— Нет...

— Превратят в Летящего.

Меня замутило. Я вспомнил свой сон... про Лэна, идущего навстречу с мечом. А еще я представил его укутанным во тьму, с черными провалами глаз, и мне стало жутко.

— Котенок... — прошептал я.

— Что, Данька?

— Посоветуй что-нибудь!

— Торговец прав, — нехотя повторил Котенок.

— А если отбить его? — спросил я, вставая. — Ну? Слабо?

— У них мечи из мрака, — очень тихо сказал Котенок. — Таким мечом очень легко погасить Настоящий свет. А я... я ведь совсем не умею драться, Данька. У меня только когти и зубы. Очень маленькие когти и зубы.

В отдалении стояли все люди нашего каравана. Я посмотрел на них — и почувствовал, как вздрагивают они от моего взгляда. От Света, который живет теперь в моих глазах.

— У меня Настоящее зрение, — сказал я Котенку. — Это ведь может помочь?

— Не уверен. В твоих глазах Свет. Ты увидишь лучшее, что есть в человеке. Это может помочь, только если в них еще осталось добро. Сомневаюсь... А в глазах Летящих — тьма. Они увидят твой страх, и твои ошибки, и твою боль. Гораздо удобнее, чтобы причинить вред.

«И все же Летящий испугался моего взгляда», — подумал я. Но спорить с Котенком не стал. Повернулся к торговцу и спросил:

— Ты действительно сможешь выкупить Лэна?

— Я буду торговаться до последнего, — твердо сказал торговец. — В той мере, в какой торговался бы за собственную дочь.

Я ему не поверил. Но это была какая-то надежда.

Летающие вернулись через полчаса. Не все и уже без мечей. Они опустились на краю болота, и торговец в одиночку подошел к ним. Как ни в чем не бывало!

Я сидел метрах в ста, поглядывая то на башню, где сейчас был Лэн, то на сгустки тьмы, обступившие торговца. Врет он или нет? Сможет ли выкупить Лэна?

Минут через пять торговец взмахнул рукой, и охранники медленно отошли от животных. Летающие не то прыжками, не то перепархиванием двинулись к быкам. Стали отстегивать от упряжи тюки и взлетать с ними. Каждый нес по пять-шесть тяжелых тюков. Ого...

Не глядя, я провел рукой по шершавому камню, на котором сидел, нащупал Котенка и бесцеремонно посадил себе на колени. Спросил:

— Они договорились?

— Не знаю, — виновато ответил Котенок. — Мало ли как у них принято торговать. Сейчас нам скажут...

Летающие, нагрузившись сверх всякой меры, тяжело полетели к башне. Навстречу им двигались другие, тоже с тюками, которые они сваливали перед торговцем. И такие рейсы повторились раз десять. Каждый раз, когда нагруженные Летающие приближались к нам, я с надеждой вглядывался в их полет.

Лэна не было.

Лишь когда последние Летающие с остатками груза скрылись, я подошел к торговцу. Тот выглядел довольным и веселым. Правда, при виде меня посерьезнел.

— Не вышло, Данька, — без всяких церемоний сказал он. — Увы. Они не согласны отдать мальчика. Понимаешь, Летающие не размножаются как люди, пленники для них — единственная возможность увеличить свою численность. Не грусти. Ты получишь плату за двоих, и еще...

— Ты либо гад, либо лжец, — тихо зверяя, сказал я. — Сними очки!

Торговец медлил.

— Сними! Или я убью тебя, клянусь!

Торговец вздохнул и снял очки. Правда, добавил:

— Я не боюсь угроз. Но хочу, чтобы ты убедился в моей честности.

Это немножко трудно — смотреть на человека Ностоящим взглядом. Видеть, как плавится лицо, перете-

кая в иные формы, теряя возможность притворяться, скрывать что-либо...

— А ты не врешь, — с неожиданным облегчением сказал я, глядя на торговца. — Ты просто сволочь. И даже за собственную дочь не отдал бы больше, чем предлагал за Лэна.

Торговец поежился, как на холодном ветру. И снова нацепил очки.

— Сейчас мы собираем их товар, грузимся и уходим, — сухо сообщил он. — Ты подчиняешься моим приказам?

— Я помогу упаковаться, — кивнул я. Котенок за моей спиной мякнул от удивления. Торговец повеселел.

— Ты очень странный мальчик. Очень-очень. Но я рад, что ты воспринял свою трагедию мужественно и...

— Я помогу вам упаковаться и дойду с караваном до ущелья, — оборвал я его. — Потом вернусь за Лэном. А если не смогу его спасти, догоню караван и убью тебя. Веришь, что я это сумею?

— Я с тобой полечу, — в очередной раз заявил Котенок, когда шум уходящего каравана стал едва различим. — В конце концов, я виноват. А у меня есть волшебство...

— И еще двадцать коготков, четыре маленьких клыка и более мелкие зубы.

— Что, посчитал уже? — обиженно начал Котенок. Но замолчал — наверное, понял, что сейчас не время для мелких обид и подначек. Стал умываться, как всегда, когда был чем-то смущен. Потом предложил: — Давай сделаем так, Данька. Я подлечу к башне с одной стороны и отвлеку Летящих. А ты постарайся проникнуть потихоньку и освободить Лэна.

— Ладно, — невесело согласился я. — Начнем.

Мы спрятались в ущелье, и Летящие нас разглядеть не могли. Вряд ли им придет в голову, что кто-то рискнет штурмовать башню. Тем более что их там целая куча...

Расправив Крыло, я придирчиво осмотрел его. Оно было новым — то, которое ранил Летящий, пришлось выбросить. Еще одно было туго скатано и приторочено к поясу. Для Лэна.

— Удачи тебе, Данька, — сказал Солнечный котенок.

— И тебе тоже, — пожелал я.

Низко-низко, над самыми скалами, я полетел, оглядая долину. Выбрал удобную расщелину и залег там, глядя

на башню. Она торчала посреди болота, как черная свеча на пироге из дерьма. В окнах дрожала тьма — я чувствовал ее даже на таком расстоянии.

А еще я чувствовал, что там — Лэн.

Когда маленькая светящаяся искорка — Солнечный котенок — вылетела из ущелья и понеслась к башне, постепенно набирая высоту и скорость, я понял, что мое время пришло. Расправив Крыло, я прыгнул со скалы, поймал ветер и помчался, почти не шевеля Крыльями. Странно, что совсем недавно я боялся высоты. Это оказалось так просто — летать...

У основания башни я приземлился, сложил Крыло и посмотрел вверх. Котенок описывал круги над вершиной, как мотылек вокруг лампы. Здорово, если Летящие отвлеклись на него и меня не видят... Настоящим взглядом я окинул камни, из которых сложили башню, пытаюсь увидеть дверь. И увидел. Деревянную, сбитую из грубых досок. И как я ее сразу не заметил?

Схватившись за ручку — грубо прибитую деревяшку, — я дернул дверь на себя. И в глаза мне ударил свет!

Вряд ли его можно было назвать Настоящим. Он сложился из серого вечернего сумрака, и резкого света фонарей, и кинжальных пучков света из окон... Ой-ой-ой, как тяжело с Настоящим зрением смотреть на электрические лампы!

Дверь была Потаенной. Второй из трех, ведущих на Землю. Я стоял перед порогом, который вел на площадь. И площадь эту, выложенную древней брусчаткой, с гуляющим народом, с перезвоном курантов, отбивающих какой-то вечерний час, узнал бы в моей стране любой первоклассник. Даже не бывавший в Москве, как и я.

В нашем мире Потаенная дверь тоже выходила из какой-то башни. Несколько прохожих уже удивленно таращились на меня: мальчишку в странном черном комбинезоне, с горящими глазами. Какой-то коротко стриженный парень, празднично болтающийся среди толпы, вдруг начал энергично проталкиваться в мою сторону. Да, объясняться придется долго...

Я стоял на пороге, чувствуя зловонный холод болота за спиной и теплый, душный воздух большого города на лице. И понимал, что ни с кем объясняться не придется.

Может, я и хочу домой. Может, я и трус... ну, немножко. Но я не подлец.

Последний раз глянув на площадь, на какой-то огромный магазин напротив, на древние камни под но-

гами, я сделал шаг назад. И Потаенная дверь захлопнулась, словно только и ждала моего решения.

— Пусть думают, что померещилось, — сказал я себе, глядя на деревянную дверь, медленно нарастающую камнем. — Возможно будет еще вернуться...

Но почему-то я знал — эту Потаенную дверь мне уже никогда не открыть.

На подрагивающих ногах, чувствуя, как подламываются колени, я обошел башню Летящих.

Дверей здесь больше не было. Никаких — ни обычных, ни Потаенных. Летящие прекрасно обходились площадкой наверху.

Но ведь оставались еще и окна! Узкие для взрослого, но вполне пригодные для меня!

Одно из окон оказалось довольно низко, на уровне моего лица. Я глянул в него — и отшатнулся.

Мрак. Густой, черный, непроницаемый мрак. Лишь через несколько секунд я понял, что в окно вставлено стекло, такое же, как в черных очках торговца. Я ударил кулаком — никакого эффекта. Тогда я достал меч и несколько раз рубанул по стеклу клинком.

Потом ударил рукояткой меча.

Ни-че-го. Не так-то просто разбить темноту.

Я стоял у подножия башни, кожей чувствуя, как истекают последние минуты. Либо я пройду... либо можно уже не спешить.

Я смотрел на окно, и ненависть, перемешанная со страхом, закипала в душе. Надо разбить стекло. Я должен. Я смогу!

Черная гладь, затягивающая узкое окошко, задрожала. Словно мой взгляд толкал стекло сильнее кулака или стали. Я мог бы удивиться — и, наверное, все бы пропало. Но меня сейчас ничего не могло удивить. Я смотрел на тьму, и та корчилась, гнулась под взглядом, пока не раздался тихий хруст и стекло не разлетелось тысячей мелких осколков.

А теперь у меня не было времени удивляться. Подтянувшись, я протиснулся в окно и прыгнул внутрь башни.

Маленькая комнатка. Закрепленный на стене факел, горящий черным пламенем. Я даже почувствовал его свет — не увидел, а почувствовал, как ледяное дыхание на коже.

Больше в комнате не было ничего и никого. Одна дверь, под самым потолком — маленькое окошечко, забранное решеткой, ведущее внутрь башни. Наверняка не для обогрева, а для вентиляции.

Где же мне искать Лэна? Узников обычно держат на вершине башен... Я толкнул дверь, но та не поддавалась.

Ломать? А смогу ли? Это ведь просто крепкое дерево, а не стекло из тьмы... Я посмотрел на осколки стекла — и наконец удивился: они стали самыми обычными. Только на некоторых дрожала багрово-черная жидкость, взявшаяся невесть откуда.

Не знаю, что бы я сделал в конце концов, не будь в комнате так тихо. Но в башне царила мертвая тишина, лишь в окне робко шелестел ветер. И я услышал стон — слабый стон через зарешеченное окошечко под потолком.

Какой же я дурак! Это обычных узников могут держать наверху. А Крылатых должны запереть как можно ближе к земле.

И комнатка, где я оказался, наверное, была тюремной камерой. Такой же, как соседняя, откуда донесся стон Лэна.

3. Я учусь убивать

К окошечку под потолком я добрался легко. Стены внутри были из таких же неровных камней, как и снаружи, по ним лазать — одно удовольствие. Вот только свет из глаз мог меня выдать, а повязку я выбросил.

Хорошо еще, что Настоящим зрением я видел и сквозь веки.

Вцепившись в решетку, я заглянул в соседнюю камеру. И внутри у меня все похолодело.

Вначале я увидел Лэна. Он лежал на железном столе посреди комнаты, без Крыла и вообще совершенно голый, только очки ему оставили. В углах стола торчали какие-то крюки, к ним кожаными ремнями были привязаны его руки и ноги.

Рядом со столом сидели на корточках двое Летящих. И негромко разговаривали — я не-то слышал их, не-то читал по губам.

— Тот, кто светил, улетел.

— За ним погнались.

— Откуда Настоящий свет? Кто он?

— Если поймают того, кто светил, — мы узнаем. Если нет — пусть думает Нынешний.

— Это его обязанность.

— Да. А наша — делать Летящих.

— Начинаем.

— Начинаем.

Летающие поднялись, подошли к стене, где на полках стояли колбы и банки с мутными жидкостями, валялись жуткие на вид инструменты, висели маленькие тазики и противни... Стали деловито отбирать какие-то предметы. Потом вернулись к столу.

Лэн задержался, но вырваться, конечно же, не смог.

— Не бояться, — знакомым тоном сказал один из Летящих. Да это же тот, с которым я дрался! — Не противиться. Если ты сам захочешь стать Летящим, тебе будет веселее.

— И не так больно, — добавил второй Летящий, раскладывая на столе под боком у Лэна изогнутые, маленькие, как скальпели, ножи; стальные крючки, пустые колбы, два маленьких таза...

— Гады... — прошептал Лэн. — Гады. Я вас ненавижу.

— Это будет недолго, — выгружая инструменты и склянки, сказал мой недавний противник. Лишь одну колбу, наполненную непроницаемо черным раствором, он оставил в руках. — К вечеру ты будешь с нами.

— Это вам недолго, — сказал Лэн. — Данька с Котенком вернут солнце...

Он тихо заплакал, и я понял, что никакой помощи мой Младший уже не ждет. Даже не пытается на нее надеяться.

— Солнца не будет, — успокаивающе сказал второй Летящий. — Наши предки продали его. Они правильно сделали. Тьма лучше.

— Хочешь знать, что с тобой сейчас будет? — поинтересовался мой противник.

— Нет! — сквозь слезы крикнул Лэн.

— Странно. Ты всегда был таким любопытным мальчиком, Лэн.

Лэн дернулся, прекращая реветь. Запрокинул голову, пытаясь разглядеть Летящего:

— Откуда ты меня знаешь?

Я тоже уставился на Летящего. Из всех сил всмотрелся, и Настоящее зрение не подвело. Лицо Летящего словно приблизилось... и я узнал...

— Я Ивон, — без всяких эмоций сказал Летящий. — Меня звали Ивон. Я даже хотел когда-то быть твоим Старшим.

Я из всех сил потянул прутья решетки. Ни черта. Строили Летящие на совесть.

— Ты... ты... — начал Лэн.

— Я. Твой Старший бросил меня в горах без Крыла. Я попал к Летящим. Рад, что так получилось. В душе я всегда хотел этого.

— Хотел? Почему? — Лэн снова беспомощно задержался в ремнях.

— Летать всегда. Иметь настоящий полет. Легкость полета. Хочешь знать, как я стал Летящим?

Лэн как загипнотизированный кивнул.

— Мне вырвали глаза, — бесстрастно сказал бывший Ивон. — Не сразу, постепенно. Так, чтобы боль превратила их свет во тьму. Потом из них сделали эликсир для стекол мрака.

Лэн замотал головой. А Ивон продолжал:

— Потом мне вырвали сердце. Тоже очень медленно. Чтобы весь свет в нем перешел во мрак. Из наших сердец нам делают крылья. Крылья, способные поднять любого, не только ребенка.

— Зачем летать без сердца... — прошептал Лэн. Ивон его не слушал.

— Мне выпустили всю кровь. Из нее делают Черный огонь, которым так весело сжигать вас в горах. Если бы Нынешний позволил, мы давно бы испепелили все ваши города. Кровь тоже выпускают медленно, из нее должен выйти весь свет.

— С тобой им медлить не стоило, — вдруг очень спокойно сказал Лэн. — У тебя не было света — ни в глазах, ни в сердце, ни в крови.

Ай да Лэн! Ивон (я не мог называть его иначе) дернулся, как от удара. Но продолжил с прежним равнодушием:

— Тебе досказать всю процедуру? Мы от многого тебя избавим, чтобы ты легче летал. И много чего получим — и на продажу торговцам, и для тебя самого. Или тебе уже стало спокойнее?

Я мог бы подумать, что он на самом деле считает, что успокоил Лэна. С этих придурков станется. Но Ивон вдруг разразился хриплым каркающим смехом, и я понял — он издевается. Пользуется лишней возможностью помучить Лэна.

Он просто садист. Всегда им был, даже когда назывался Крылатым.

294 Почему я его не убил?

— Ты много говоришь, — неожиданно произнес другой Летящий. — Сразу видно — недавно был человеком. Не нужно.

— Нужно, — огрызнулся Ивон. — Я лучше знаю людей. Уже сейчас в нем рождается мрак. От страха. От предчувствия боли. Я знаю.

— Не будет во мне никакого мрака! — крикнул Лэн. — Я просто умру от ваших пыток!

— Не умрешь. Нельзя умереть полностью, — сказал Ивон. — Видишь?

Он поднял черную колбу, которую держал в руках.

— Это Черный огонь. Слабенький, разведенный. Он не сожжет тебя, когда мы вольем его в твоё горло. Он выжжет в тебе человеческую смерть и человеческие чувства. Это будет началом. Видишь колбу?

Ивон протянул руку и сорвал с Лэна очки.

— А теперь ты ничего не увидишь, — торжественно сказал он. — До тех пор, пока Тьма не даст тебе новые глаза.

Я еще раз тщетно попытался выломать решетку. Не смог и соскользнул на пол, уже не заботясь, услышат меня или нет. Подбежал к двери, подергал ее. Господи, что же мне делать? Биться о стены, пока за ними будут... нет, даже не убивать или пытаться, а превращать в чудовище моего друга?

— Думай о том, кого ты любишь, — донеслось из-за стены. — Думай, чтобы Черный огонь превратил человеческую любовь — в нашу. Чтобы легче было искать своих друзей и приводить их к нам.

— Я не буду о тебе думать, Данька! — закричал Лэн так, что у меня на мгновение замерло сердце. — Не буду!

Он замолчал, словно ему зажали рот. И я, что-то закричав, прыгнул на каменную стену, готовый или проломить ее, или разбиться насмерть.

Мгновения словно растянулись. Я вдруг увидел всю стену — каждый камень, каждую крупину черного раствора, крепящего их. И алые точки, горящие между камнями. Их скрепляли Черным огнем, человеческой кровью.

Но как ни старайся, весь свет из крови не уйдет.

Я ударил по алой точке, горящей передо мной. Ударил, не отрывая от нее Настоящего взгляда. И камни, дрогнув, зашатались, словно вся стена была сложена из детских кубиков.

Проломив стену, чудом увернувшись от падающих булыжников, я влетел в соседнюю камеру.

Ивон разжимал рот дергающемуся Лэну, вливая туда дымящуюся черную жидкость. Второй Летящий перебирал лежащие в тазике крючки и ножи. Когда стена рассыпалась и я оказался перед ними, оба оцепенели.

— Получай! — крикнул я, выхватывая меч. И ударил Летящего, который был ближе, перерубая ему шею.

Это оказалось так легко — даже без Настоящего зрения. Словно меч ударил не плоть, а прогнившую изнутри деревяшку. Летящий с грохотом повалился, окутываясь дымным смрадом. На пол упал уже не человек, пусть даже бывший, а куски черного камня.

Ивон молча, не выпуская колбы с Черным огнем, прыгнул к двери. Распахнул ее и поднял руку, словно собирался метнуть колбу в меня.

Наши взгляды встретились. Ивон закричал, как и в прошлый раз, выпустил колбу и скрылся за дверью. Колба, звякнув, разбилась, и на пороге заплясали языки черного пламени.

— Лэн! — прошептал я, склоняясь над своим Младшим. — Лэн, я пришел!

Лэн мотал головой, отплеываясь. Он был без очков и не видел, что происходит. Но когда я заговорил, он замер и слабо произнес:

— Данька, беги...

— Вместе убежим, — перерубая мечом связывающие его ремни, сказал я. — У меня Крыло для тебя. Ты в порядке?

Вместо ответа Лэн перегнулся со стола, и его вырвало черной дымящейся жидкостью. Опираясь на мою руку, он слез, неуверенно нащупывая ногами пол, и сказал:

— Данька, здесь двое Летящих...

— Здесь один труп и один сбежавший трус, а не Летящие. Надевай Крыло!

Я помог Лэну забраться в комбинезон и потащил его в пролом. Потом обернулся, схватил с пола булыжник и, повинуясь порыву, швырнул его в уставленные склянками полки.

Камера превратилась в огненный ад. Ревущее Черное пламя лизало стены, и камни таяли, как воск.

— Быстрее! — крикнул я, подсаживая Лэна в окно. Выпрыгнул вслед за ним, шлепнувшись в грязь. Лэн стоял на коленях, его снова рвало.

— Сможешь лететь? — спросил я.

— Попробую, — вяло пообещал Лэн.

Башня шаталась. Сквозь стены пробивались черные огненные языки. Струйки огня избегали по камням, окутывая вершину башни снопом искр.

— Летим! — крикнул я. — Летим, Младший!

Лэн попробовал встать — и снова упал. Времени уже не было. Я схватил его за плечи, приподнял...

— Держись за меня!

— С грузом не взлетишь... — заплетающимся языком произнес Лэн. Но все же обхватил меня, замер.

Расправив Крыло, я тяжело оторвался от земли. Полетел, медленно набирая высоту. Хороший поток восходящего воздуха шел вверх от башни, но нырять в него мне не хотелось. Мы летели над болотами, удаляясь от башни.

— Лэн, попробуй лететь сам, — прошептал я. — Лэн!

— Да, сейчас, — тихо ответил Лэн. Но никаких попыток лететь самостоятельно не сделал.

Башня за нами с грохотом обрушилась. Я почувствовал ударивший в спину жар, обернулся. Над пылающими руинами кружили трое Летящих. Остальные, похоже, выбраться не успели. Но уцелевшая троица гнаться за нами и не думала.

— Потерпи, Лэн, — сказал я. — Держись. Нам только до скал добраться...

— Держусь, — согласился Лэн.

...Котенок нашел нас минут через двадцать, когда мы укрылись в скалах. Спрашивать его, как он удрал от Летящих, я не стал. Какая, в конце концов, разница. Есть дела и поважнее.

Лэн лежал на камнях, прижимая ноги к животу и тихо постанывая. Котенок хмуρο посмотрел на него, потом — вопросительно — на меня.

— Его заставили глотнуть Черного огня, — беспомощно сказал я. — Он вначале держался, его вырвало несколько раз. Я думал, все уже в порядке. А потом... потом он расклеился.

— Немного выпил?

— Чуть-чуть...

Лэн глухо закашлялся, и я взял его за руку. Что тут еще сделаешь...

— В нем сейчас сгорают человеческие чувства, — грустно сказал Солнечный котенок. — Быть может, Лэн победит и останется прежним. Быть может, умрет, если не хватит сил, но останется воля. Или...

— Что «или»?

— Или Летящим станет. По характеру. Нет, вру. У него останется человеческое сердце и человеческий взгляд. Его придется заново учить дружбе и доброте. Это иногда получается.

Я нагнулся над Лэном. Прошептал:

— Младший...

Меня встретил мутный и беспомощный взгляд. Наверное, Лэну было совсем плохо.

— Данька, убей меня. Я не хочу становиться... Летящим.

— Глупости, — твердо, как только мог, сказал я. — Держись, Лэн! Ты сможешь!

— Нет, Данька... Вначале был жар, это очень больно, но ничего... А теперь внутри холод. Все замерзает... Данька...

— Котенок, что делать?

— Верить, — просто ответил Котенок. — Верить и любить его. Даже если Черный огонь победит. У нас нет ничего, кроме веры и любви. Но это очень много, когда вокруг только ненависть и отчаяние.

Солнечный котенок осторожно подошел к Лэну, прижался к его груди, свернулся клубочком и замурлыкал. Поколебавшись секунду, я лег рядом и обнял Лэна со спины.

Холод. Холод отовсюду. От камней под нами, от неба, затянутого серой пеленой, от дрожащего в ознобе Лэна. Холод и тьма.

У нас нет ничего, кроме любви и веры. Но, может, и это немало?

— Лэн, держись, — прошептал я, не ожидая ответа. — Держись и дерись. Мы любим тебя. Ты победишь.

Холод и тьма отовсюду. Я всегда буду с ними драться, даже когда вернусь домой. Всегда.

Даже сквозь закрытые веки я видел, как мерцает в Лэне Черный огонь. Но и в Черном огне есть искры добра, которые не погасишь.

Я не помню, сколько мы так лежали, согревая Лэна своим теплом. Я заснул, как это ни странно. А проснулся от того, что Лэн шевельнулся и встал.

Мы с Котенком переглянулись. Потом посмотрели на Лэна. Тот озибался, потом стал разглядывать свои руки, словно впервые их видел. Сердце у меня сжалось.

— Как ты, Лэн? — спросил я, с ужасом ожидая от-

Лэн вдруг поморщился, под прозрачным щитком очков блиснули слезы.

— Данька, я теперь Летящий? Да? Все, да?

— Дурак! — заорал я, мгновенно переходя от страха к радости. — Ты победил! Летящий такого вопроса не задал бы!

— И уж точно не плакал бы, — добавил Котенок. — Ты и вправду победил, Лэн.

Лэн бессильно опустил на камни рядом с нами. Тихо сказал:

— Это вы победили. Вы меня спасли.

— Глупости, ты боролся как герой! — возбужденно сказал я. — Есть хочешь?

— Ужасно, — смущенно признался Лэн. Я достал из карманов два свертка из блестящей фольги, гордо спросил:

— Любишь шоколад?

— А что это?

— Так я и думал, что гады-торговцы вам его не привозят, — без всякой злобы сказал я. — Попробуй, это здорово.

— Торговец расщедрился на прощание, — пояснил Лэну Котенок. — Дал из своих запасов.

— Фиг бы он дал, — возразил я. — Это дочка его противная, Реата, заставила.

— Еще бы, — развертывая фольгу, запетушился Лэн. — Я ее от Летящих спас! За такое всю жизнь надо быть благодарной...

Он смущенно посмотрел на меня и тихо добавил:

— Данька, я даже не знаю, что тебе сказать...

— Ну и не надо говорить, — согласился я, откусывая шоколад. Он был не такой, как наш: не плитка, а скорее еловая шишка, очень горький и твердый. Но все равно вкусный.

— Котенок, а ты будешь? — робко предложил Лэн.

— Котята не едят шоколад даже в Данькином мире, — гордо отказался Солнечный котенок.

— Они бы, может, и ели, да кто ж им даст, — возразил я, отламывая кусочек от своей порции. — Попробуй.

Лэн тоже поделился с Котенком, и мы принялись за свой скромный завтрак. Я с удивлением понял, что двести граммов шоколада — это, наверное, максимум, который можно съесть за один присест.

— А что теперь будем делать? — поинтересовался Лэн, доев свой кусок и бесцеремонно отстегивая с мое- **299**

го пояса фляжку. И я в очередной раз облегченно вздохнул, уверившись, что с ним все в порядке.

— Как что? Двинемся в город, — мусоля лапкой мордочку, заявил Котенок.

— В наш? — с облегчением, но и разочарованно спросил Лэн.

— Нет, в город торговцев, — сказал я. — Мы еще ничего не выяснили. Может, караван по пути догоним.

— Думаю, это будет трудновато, — заявил Котенок. — Но попробуем.

К счастью, Солнечный котенок ошибся. Он забрался за пазуху к Лэну, и мы взлетели. Караванная тропа была как на ладони, ветер оказался попутным, и часа через три мы увидели под собой медленно бредущих животных. Караван так спешил удалиться от башни, что о маскировке не заботились. При нашем появлении все остановились, а охранники подняли арбалеты.

— Это мы! — крикнул я, снижаясь.

— Кто с тобой? — словно не слыша моих слов, спросил торговец.

— Лэн! — не понимая, в чем дело, ответил я. — Мы садимся!

Торговец промолчал, и мы приземлились возле него. Я заметил, что дочка торговца прячется за его спину.

— Это же мы! — снова повторил я, складывая Крыло. — Вы чего?

— Лэн — Летящий, — не совсем уверенно заявил торговец.

— Никакой я не Летящий! — возмутился Лэн. — Данька меня спас!

Вокруг нас медленно сошло кольцо охранников. И я сообразил, что если они решат выстрелить из своих арбалетов, то вернуться не удастся.

— Как ты мог его спасти? — обращаясь ко мне, поинтересовался торговец. — Мальчика утащили в башню. Оттуда еще никто не убежал.

— Он и не убегал, — сообразив, что переспорить торговца не получится, сказал я. — Мне пришлось разрушить башню.

Кто-то засмеялся. Но торговец молча разглядывал меня, потом достал из кармана черные очки, надел их. Я вспомнил, из чего делают стекла тьмы, и мне стало противно.

— Ты не врешь, — сказал наконец торговец, и я отметил, что он сказал именно «не врешь», а не «говоришь правду».

300 — Как ни странно...

Он долго смотрел на Лэна, потом, сняв очки, — вновь на меня. Задумчиво, словно колебался, сказать что-то или не стоит.

— Уберите оружие, — приказал он наконец. — Они — люди.

Охранники повиновались не сразу. И еще постояли, разглядывая нас, как диковинку, но не подходя. Потом между ними протиснулся мужчина из нашего города, взял Лэна за подбородок, посмотрел в глаза. Удивленно сказал:

— А ведь правда, Лэн... Тебе повезло, парень.

— Я знаю, — серьезно ответил Лэн.

Охранники зашумели, подходя к нам. Казалось, что каждый имел цель потрогать нас, пихнуть или сказать какую-нибудь глупость. Прервал этот митинг торговец:

— Так, если двоим мальчишкам повезло, это еще не значит, что у нас не будет неприятностей в дороге. Охрана!

Люди стали быстро расходиться по своим местам.

— Я хочу поговорить с тобой, — тронул меня за плечо торговец. — Отойдем.

Мы отошли в сторонку. Мимо тащились буйволы, навьюченные товаром Летящих.

— Ты действительно разрушил башню? — спросил торговец, помолчав.

— Да.

— Хотел бы я знать, как ты стал таким, какой ты есть, — задумчиво продолжил торговец.

Я отвернулся:

— Это было не слишком приятно.

— Догадываюсь. Данька, ты уверен, что с твоим другом все в порядке?

— Конечно. — Я посмотрел на торговца. Тот был без очков, но пробовать Настоящий взгляд мне не хотелось. — А в чем дело?

— В нем тьма, мальчик. Я вижу ее сквозь очки Летящих. В нем тьма, она сжалась, затаилась, но она жива.

— Его... пытались сделать Летящим... — с трудом произнес я.

— Они почти успели. Ты можешь поручиться за своего друга?

— Да, — не раздумывая ответил я.

С минуту торговец молчал. Караван уже медленно удалялся по тропе.

— Хорошо. Вы продолжаете работать на меня. До города.

Я кивнул и спросил:

— Приказания будут?

— Воздушный дозор, разведка дороги. Как и раньше.
Расправив Крыло, я приготовился взлететь. Пусть торговец идет пешком, я все-таки Крылатый!

— Данька, постой...

Я обернулся.

— Меня зовут Габор. Запомнишь?

— Конечно, Габор, — ответил я. — Запомню.

И взмыл в темное небо.

4. Город у моря

До города торговцев мы добрались через неделю. Без всяких приключений, даже вспомнить нечего. Единственное, что изменилось, — это отношение к нам взрослых. Нас не то чтобы боялись или невзлюбили, но при нашем появлении разговоры стихали, лица у всех делались кислыми и скучными.

Тяжело выделяться из толпы и при этом продолжать с ней общаться.

Только Габор со своей семьей относился к нам по-прежнему. Даже подчеркнуто по-прежнему, словно ничего и не произошло. О тьме, которая затаилась в Лэне, он больше не говорил. А я, как ни старался, разглядеть ее не мог. Не те способности, наверное. Спросить совета у Котенка я не рискнул. Мало ли что он насоветует...

Поздно вечером, хотя время никакой роли не играло, мы перевалили через горы и увидели город. Караван остановился без всяких приказов, и Габор даже не стал этим возмущаться.

Посмотреть действительно было на что.

Город был освещен. В городе Крылатых никто и не додумался поставить на улицах фонари, а окна закрывали так плотно, словно боялись воздушного налета.

Торговцы не боялись никого. Или делали вид, что не боятся. Из окон лились на улицу потоки света, на перекрестках и площадях стояли фонари — чаши, в которых горело белое пламя.

Город оказался не таким уж и большим, занимал небольшой кусок побережья и холмы вокруг. Сразу было видно, что он вырос вокруг порта. Там стояло десятка два кораблей, еще один медленно выплывал из гавани.

Ко мне тихонько подошел Лэн, болтавший о чем-то с дочкой торговца. Уныло спросил:

— Чего они так восхищаются? Город как город, только фонарей на улицах натывали... Глазам от них больно.

— А ты очки сними, — посоветовал я. И почувствовал, как во мне тоже что-то меняется. Словно я переключился с Настоящего зрения на обычное.

На меня упала тьма. Но сквозь нее пылали фонари на улицах, и лился теплый свет из окон, и перемигивались огоньки на парусниках, а море отражало весь этот свет, превращало его в мягкое разноцветье, мерцавшее на волнах.

— Ух ты... — восхитился Лэн. — Ух ты...

И я подумал, что он ведь никогда не видел звездного неба или ярко освещенных улиц. Тьма заставляла его носить очки, бороться с собой. А ведь темнота тоже бывает красивой — когда в ней прячется свет.

— Почему у нас не так? — вздохнул Лэн. — Почему?

У него из-за пазухи высунулся Котенок. Наставительно мяукнул:

— Потому что вы боитесь тьмы.

— Но это ведь правильно! Ты сам — из света!

— И свету нужна темнота, — непонятно ответил Котенок. — Глупые мальчишки, когда же вы поймете, с чем вам надо бороться...

И он снова нырнул Лэну за пазуху.

— Не царапайся, — обиженно сказал Лэн. — Данька, как ты думаешь, мы уже пришли?

«А это мысль», — подумал я. И поискал глазами Габора. Он как раз давал разгон охранникам, и те, бросив любоваться городом, пихали меланхолических буйволов.

— Габор... — начал я. Торговец ухмыльнулся, махнул рукой:

— Ладно. Нечего вам плестись всю ночь. Забирайте свои пожитки и проваливайтесь.

На мгновение мне показалось, что торговец собирается полезть в карман и дать мне еще пару монет. И, честно говоря, на этот раз я бы не обиделся.

Но Габор все-таки обошелся без лишних сантиментов.

— Летите, — повторил он.

И я не стал с ним прощаться. Махнул рукой его жене — все-таки мы с ней вместе дрались, — подошел к краю обрыва, расправил Крыло. Лэн стоял рядом, приплясывая от нетерпения.

— Давай?

— Давай, — согласился я. — Кто быстрее...

И темнота, в которой светились огни города торговцев, мягко обняла нас. Я не стал пользоваться Настоящим зрением — это убило бы ночь, которая впервые показалась мне настоящей, доброй, как дома. И конечно же, проиграл Лэну. Он кружил над центром города, когда я только-только подлетал к окраине. Подо мной проплывали двух-трехэтажные дома, приземистые и крепкие, в них явно не только жили, но и хранили товары. Люди, идущие по улицам, задирали головы, провожая меня взглядом.

— Курица! — в полном восторге вопил мне Лэн. — Сонное Крыло! Я тебя обогнал!

Но настроения мне это не портило.

— Давай сядем на площадь, — попросил Лэн, когда я приблизился. — Там какие-то лавки... Я есть хочу ужасно!

— Давай лучше в порту, — предложил я. И Лэн тут же согласился. Наверное, ему тоже было интересно посмотреть на корабли, вряд ли он раньше их видел. Я-то хоть по фильмам знал, что такое парусники.

И мы, расправив Крылья, спланировали к морю.

Набережная была вымощена булыжником. Наверное, по нему много ходили, потому что камни стали ровными и скользкими. Лэн, приземляясь, подвернул ногу и стал, ругаясь, ее растирать. Я сложил Крыло и огляделся.

С одной стороны угрюмо громоздились какие-то склады, с другой — покачивались на мутной воде корабли. Но разглядывать их было некогда — к нам быстрым шагом шли трое мужчин.

Одеты они были забавно: в длинные, почти до колен, шерстяные свитера, из-под которых выглядывали канареечные брюки. Но поверх свитеров на кожаных перевязях болтались короткие мечи, и я насторожился.

— Лэн, — тихонько позвал я. — Осторожно.

Лэн сразу прекратил сокрушаться по поводу неудачной посадки. Мы встали плечом к плечу, поджидая приближающуюся тройцу.

Похожи они были скорее на взрослых из города Лэна, чем на торговцев. И оружие у них было такое же, и на лицах — то странное, привычное равнодушие, что так удивило меня

когда-то.

— Крылатые, — чуть насмешливо сказал один. — Точно, Крылатые. Вы что здесь делаете, ребятишки?

— А вы кто такие? — хмуро спросил Лэн. Особой почтительностью к старшим по возрасту Крылатые никогда не отличались.

— Мы на службе города, — с готовностью сообщил мужчина. Он был немногим старше Шоки или Ивона — сам, наверное, еще недавно был Крылатым. — Ну а вас как занесло в город торговцев?

— Сами прилетели, — с вызовом ответил Лэн. — А что, нельзя?

— Можно, — кивнул наш собеседник. — Только учтите — здесь вам не ваши города, где все дается даром. Здесь надо платить. За жилье, за еду, за все, что будет нужно.

— У нас есть деньги, — гордо сказал Лэн. И я заметил, как оживилась троица. Молчавший до сих пор мужчина, самый старший из них, лет сорока, требовательно заявил:

— За право находиться в городе торговцев — налог. По две монеты с каждого.

Лэн растерянно посмотрел на меня. Пожал плечами, явно собираясь согласиться. А я смотрел не на него — на взрослых, «служащих городу». Неужели четыре монеты — такие большие деньги? Или им все равно, с кого содрать мзду — со взрослых или с нас?

— А если не заплатим — будете за нами гоняться? — поинтересовался я. И растопырил руки, так, чтобы ткань Крыла расправилась.

В лицах взрослых что-то изменилось. Тот, что помладше, присел на корточки и смягчившимся голосом сказал:

— Да нет, парень, не будем. Вы из какого города?

— Шихар, — ответил Лэн. — Это к югу, возле реки Далал. Вот, оказывается, как называется город Лэна...

— Знаю. Был однажды там. Знаете старого Герта?

Я невольно улыбнулся:

— Знаем!

— Когда вернетесь, передайте ему привет от Вока. Вок — это я.

Мы дружно кивнули.

— Так что вы здесь ищете, ребята?

— Интересно, — невинным голосом ответил Лэн. —

Нанялись охранниками к торговцу, дошли до города. **305**

Поглядим, как тут живут, и с ближайшим караваном двинем обратно.

Вока этот ответ вполне удовлетворил. Он похлопал Лэна по плечу, встал и официальным голосом произнес:

— Даю вам разрешение находиться в городе торговцев. Соблюдайте порядок, подчиняйтесь приказам стражи, не забывайте, что за все надо платить. Будут проблемы — разыщите меня.

Спутники Вока в разговор не вмешивались. Но когда двинулись по набережной дальше, вполголоса заспорили с ним.

— Здорово, — тихо сказал Лэн. — Я уж думал, придется платить или удирать.

— Он слишком скупает по крыльям, — ответил я. — Понимает, что уже никогда не полетит, но еще прекрасно помнит, как летал. Ему не с руки было на нас наезжать. А вот его напарники — постарше, они уже все позабывали. Нам повезло, что он был главным.

— А как же иначе? — удивился Лэн. — Он еще недавно был Крылатым, летал и сражался. Ясно, что он лучший боец, чем эти два старикана.

Да, все-таки мы с Лэном думали по-разному. И удивлялись разным вещам. Если бы Лэн увидел, чем наши ровесники занимаются в моем мире, он бы от удивления даже возмущаться не смог.

— Давай поищем какую-нибудь столовую, — сказал я. И невольно улыбнулся, почувствовав, как смешно прозвучало слово «столовая» среди этих сказочных парусников. — Какую-нибудь таверну то есть.

Таверну мы отыскиали лишь через полчаса, когда догадались не бродить вдоль набережной под любопытными взглядами редких прохожих — не торговцев, а, судя по виду, стражников и моряков, — и двинулись к центру города. И называлась она не таверной и, конечно же, не столовой, а просто «Заведением». Зато запахи из полуоткрытых дверей доносились очень даже вкусные. Солнечный котенок, дремавший у Лэна за пазухой, высунул мордочку, принюхался и удовлетворенно хмыкнул. Мы с Лэном переглянулись.

— Не забудьте поинтересоваться, где можно найти ночлег, — посоветовал Котенок, забираясь обратно под Крыло. —

306 А мне возьмите молока.

В глубине души я был твердо уверен, что увижу нечто вроде таверны из пиратских фильмов, но тут меня ждала неожиданность.

Заведение оказалось совсем маленьким — простая комната с пятью или шестью столиками и бамбуковой занавеской, отделяющей кухню. За двумя ближними столиками сидели стражники и сосредоточенно жевали котлеты с какой-то кашей. Еще за одним — два торговца в своей джинсовой «униформе», потягивая вино из высоких бокалов. На нас покосились, но не слишком неприязненно. Мы сели за свободный столик, и я с удивлением почувствовал, что в городе торговцев мне начинает нравиться.

— Что теперь делать? — шепотом спросил Лэн.

— Откуда я знаю? Давай пока посидим.

Лэн сглотнул слюну и неохотно кивнул:

— Ладно. Только есть хочется...

И мы стали сидеть, глядя друг на друга и делая вид, что абсолютно никуда не торопимся. К счастью, ждать пришлось недолго. Один из торговцев бросил на свой столик хрустальную монетку, поднялся и пошел к выходу, оставив второго мрачно допивать вино. Но возле бамбуковой занавески он негромко сказал:

— Хозяйка, к вам клиенты...

Лэн оживился, а Котенок снова высунулся наружу.

Штора зашелестела, раздвигаясь, и показалась девушка лет двадцати. Симпатичная, только очень уж рыжая. Я сразу решил, что это дочка какого-нибудь торговца.

— Крылатые, — не то удивленно, не то радостно произнесла она. — Чего вам, мальчики?

— Мне — молока, — неожиданно вмешался в разговор Котенок. — А ребятишек надо бы накормить получше. На ваше усмотрение, леди.

Пару секунд «леди» переводила взгляд с Котенка на нас с Лэном, словно пыталась понять, кто здесь чревовещатель. Потом переспросила:

— Кому молока?

— Мне, мне, — дружелюбно уточнил Котенок. — Можно сливок.

— Ты разговариваешь? — вскрикнула девушка.

— Надо же чем-то занять язык, если нас здесь не собираются кормить, — невозмутимо пояснил Котенок. **307**

— Сейчас... — Девушка метнулась на кухню, едва не запутавшись в шторе.

— Ты зачем это сделал? — прошипел я.

— У нас что, денег много? — поинтересовался Котенок.

— Ну...

— Значит, не спорь. С таких удивительных посетителей, как мы, лишнего не сдерут.

Минуты через две мы с Лэном уже жевали котлеты, причем у меня возникло подозрение, что в них больше рыбы, чем мяса. Ну а Котенок увлеченно лакал свои сливки. На нас тарасились стражники, забывшие о своих тарелках, и две девчонки из-за бамбуковой шторы. Есть под таким напором взглядов было трудновато, мы с Лэном порядком отстали от Котенка. А тот закончил со сливками и подозрительно покосился на меня.

— По-моему, ты не осилишь вторую котлету, — задумчиво заявил он.

— Помогай, — согласился я и отломил половинку. Лэн хмыкнул и тоже разделил свою котлетину.

Один из охранников хрипло засмеялся. Мы продолжали есть. К нам вновь подошла рыжая девчонка и поинтересовалась:

— Крылатые, вы надолго в наш город?

— На недельку, — вновь встрял в разговор Котенок. И девушка, явно уверившись, что он в нашей компании самый главный, спросила:

— А где вы остановились?

— Пока нигде, — с неожиданной грустью заметил Котенок. Поднял мордочку, продолжая, однако, придерживать кусок котлеты лапкой, и добавил: — Состояние наших финансов весьма плачевно и позволит разве что пару обедов в вашем прекрасном заведении.

Секунду девушка размышляла, потом присела за столик и вполголоса заявила:

— Мы с удовольствием окажем вам гостеприимство. Заведение сдает комнаты, и одна из них, по счастью, свободна. Плата символическая — монета в неделю. Но при условии, что вы завтракаете, обедаете и ужинаете у нас.

Будь Котенок человеком — я бы пихнул его под стол, соглашаясь, мол! Условия явно были хороши, об этом свидетельствовало лицо девушки. Но Котенок печально возразил:

— Нам не хватит средств питаться у вас, милая

Девушка покосилась на охранников, которые вылупив глаза следили за беседой.

— Плата за еду тоже символическая. Монета.

— В неделю, — уточнил Котенок.

— Идет, — согласилась девушка. — Гостеприимство — моя слабость.

— А наплыв любопытных компенсирует издержки, — в тон ей заявил Котенок. Девушка засмеялась:

— Ребята, вы откуда?

— Не все сразу, — со вздохом сказал Котенок. — Можно еще по котлетке?

...Комната, куда нас привела девушка — кстати, звали ее вполне обычно, Магдой, — явно была не самым шикарным номером. Лэн, когда мы остались одни, поворчал слегка по этому поводу. Но мне лично показалось, что три на три метра для двух пацанов и Котенка вполне нормально. В комнате стояли две кровати — взрослые сочли бы их узкими, но нам жаловаться было бы смешно; камин, в котором лежали дрова, и столик с единственным стулом. Стены были кирпичные, даже не побеленные, что тоже вызвало у Лэна негодование. Над кроватью, которую Лэн облюбовал себе, висела маленькая картинка с изображением парусника, плывущего по ночному морю. По-моему, парусник выглядел куда красивее, чем в натуре. Возле двери, запирающейся на крепкий засов, висело маленькое треснувшее зеркальце. Вот и все. Впрочем, было еще окно, закрытое лишь легкой шторой, что вызвало у Лэна оторопь. Он не привык к тому, что на окнах нет ставней и сквозь стекло пробивается свет — пусть даже лишь свет уличных фонарей.

Котенок деловито обежал комнату и взлетел на мою кровать.

— Сегодня сплю с тобой, — заявил он. — Если будет холодно, то под одеялом. Ты во сне не пихаешься?

— Откуда мне знать, я же во сне сплю, — ответил я и спросил: — А почему ты не показал, что умеешь летать и светиться?

— А вдруг нам придется задержаться больше недели? — вопросом ответил Котенок.

— Из тебя бы торговец вышел, — не то осуждающе, не то восхищенно протянул Лэн.

— Я подумаю над этой идеей, — пообещал Котенок и начал умываться. — Вы ложитесь, мальчики, завтра дел будет много.

— Каких? — не удержался я.

— Откуда я знаю? Но не зря же мы сюда добрались. Спать!

На командный тон я обижаться не стал, послушно разделся и забрался под одеяло. Лэн, зевая, сказал:

— Спокойной ночи, Данька...

— Спокойной ночи, — согласился я. А Солнечному котенку, как и положено, шепнул: — Ясного рассвета...

Проснулся я оттого, что Котенок покусывал меня за мочку уха, а рот зажимал лапкой. Я просто обалдел и едва не скинул его на пол. Но тут Котенок прошептал:

— Тихо, Данька... Вставай.

Я встал, а Котенок, слабо светясь, повис в воздухе.

— Что? — тихо спросил я, ничего со сна не соображая.

— Посмотри на своего Младшего...

Наконец я понял, что случилось что-то неладное, и шагнул к кровати, где спал Лэн. Шагнул — и замер. Это был не Лэн. Кто-то очень похожий, но лицо его было таким злым и жестоким, что мне стало страшно.

— Тьма, — прошептал под ухом Котенок. — Черный огонь горит в нем, Данька. Когда Лэн не спит — он сильнее тьмы. Но тьма в нем осталась...

Я сразу вспомнил торговца, который разглядел это сквозь свои черные очки. И беспомощно посмотрел на Котенка:

— Что делать?

— Сейчас? Разбудить или осветить Настоящим светом... или просто пожалеть. Но тьма будет расти. Мы должны найти много, очень много Настоящего света, чтобы выжечь тьму дотла.

— Как много?

— Не знаю. Очень много, Данька. Нам нужен Настоящий рассвет... Только не спрашивай, что это, я и сам еще не знаю. Я...

— Маленький, слышал, — оборвал я Котенка. И сел на кровать рядом с Лэном, осторожно взяв его руку.

Через минуту лицо Лэна разгладилось. И стало таким, как раньше, только на лбу выступили капельки пота.

— Пока все просто, — вздохнув, сказал Котенок. — Ложись досыпай. Я покараулю тьму.

И, забравшись Лэну на грудь, он тихо замурлыкал, больше не обращая на меня никакого внимания. Так что я улегся обратно, вот только уснуть больше не смог. Лежал, гля-

дя в деревянный потолок, на щели между досками, лежал, пока на улице не стали слышны шаги прохожих, а свет фонарей не сделался чуть ярче. Потом Лэн шевельнулся, зевнул и со смехом спросил:

— Что, Данька толкается во сне?

— Еще как, — нагло заявил Котенок. — Я лучше с тобой спать буду, ты смирный.

5. Клинок

Ванная и туалет оказались в конце коридора, одни на все комнаты. Как в коммуналке; хорошо хоть, что, кроме нас, в «Заведении» постояльцев явно не наблюдалось. Когда мы спустились вниз, еще позевывающие и мокрые после умывания, нас встретил мгновенно смолкший разноголосый гомон.

За столиками сидели человек по десять. В основном они пили, закусывая вино жареной рыбешкой. Я, конечно, в этом не разбираюсь, но, кажется, так обычно не делают. Были здесь и стражники, и торговцы, и все они пялились на нас без зазрения совести. Мы прошли к единственному свободному столику — его явно оставили для нас — и уселись, стараясь не смотреть по сторонам.

В полной тишине Магда принесла нам жареную рыбу с овощами, сливки в блюдечке — для Котенка и вино в бокалах — нам с Лэном.

— Спасибо, — растерянно поблагодарил я. Котенок молчал.

Магда суетилась, разнося посетителям вино. Мы торопливо ели, мечтая об одном: свалить отсюда. Котенок лакал сливки. И молчал.

Магда тревожно поглядывала на Котенка.

Лишь принявшись за рыбу, Котенок нарушил тишину.

— Пережарена немного... — отчетливо заявил он.

Среди посетителей пронесся громкий вздох. И снова воцарилось молчание, лишь булькало торопливо разливаемое вино. Лэн покосился на меня и шепотом спросил:

— Ну что, попробуем?

Я чуть-чуть попробовал вино и покачал головой. Оно было кислым и притом ужасно крепким. Так мы с Лэном и просидели, стесняясь попросить воды или сока и дожидаясь, пока Котенок расправится с рыбешками.

А ел он неторопливо. Потом запрыгнул Лэну на руки, и мы, не сговариваясь, пошли к выходу. Уже в дверях Котенок встрепенулся и спросил Магду:

— Леди, нельзя ли попробовать на обед рыбного супа?

Просиявшая Магда закивала. Мы вышли, и из-за хлопнувшей двери до нас донесся гул возбужденных голосов.

— Комедия... — хихикнул Лэн.

Котенок обиженно воскликнул:

— Кому комедия, а кому и роль клоуна... Так куда двинемся?

Лэн, а следом и я пожали плечами.

— Значит, будем гулять, пока не найдем чего-нибудь интересного, — решил Котенок. И мы пошли по улице, глаза по сторонам. Впрочем, глазеть было особенно не на что. Дома, прохожие, которых мы ничем не интересовали, часто натканные фонари.

— Ну как, Данька, по-прежнему считаешь, что торговцы в чем-то замешаны? — любопытствовал Котенок.

— Не знаю, — признался я. — Хиловаты они для серьезных пакостей.

— Задай себе главный вопрос, — наставительно сказал Котенок. — Самый главный. Если правильно поставить вопрос, то в нем будет и ответ...

— По-моему, ты нам морочишь голову, — разозлился я. — Сам что-то знаешь... а нам не говоришь.

Котенок промолчал, и мы так и шли молча, пока я не выдал:

— Главный вопрос — кому это выгодно? Так?

— Ну, приблизительно, — без энтузиазма ответил Котенок.

— Торговцам выгодно! — убежденно сказал Лэн. — Они на нас наживаются! — И посмотрел на меня: — Ведь правда, Данька? Так?

— Не перебивай Старшего, — осадил его Котенок. — Со всем распустился. И кто же во всем виноват, Данька?

— Не знаю, — честно сказал я. — Конечно, торговцам выгодно...

— Если ты выбросишь за окно котлету, а на нее слетятся мухи, ты скажешь, что мухи во всем виноваты? — любопытствовал Котенок.

— Если они вначале усядутся на котлету и мне будет противно ее есть, значит, они и виноваты! — снова встрял Лэн.

— Ну... в общем... — растерялся Котенок. Потом сердито мяукнул и сказал: — Мальчишки. В слова играете. Ничего вам пока не понять...

— Сам начал, — без особой убежденности сказал Лэн. И дальше мы пошли молча.

Постепенно улица стала меняться. Дома теперь были выше, фонари — куда чаще. Потом в домах стали попадаться подсвеченные изнутри стеклянные витрины со всякой всячиной.

— Лавки, — обрадовался Котенок, словно давно мечтал купить что-нибудь. — Деньги у нас с собой, Данька?

— Да.

— Пошли.

И прыгнув с рук Лэна, он направился к одной из дверей. Я только плечами пожал.

В лавке оказалось светло — пожалуй, даже слишком. Здесь горело штук пять ламп, но дело было даже не в этом: отовсюду — со стен и полок — сияли, отражая свет, зеркала.

— купишь то, возле которого я начну умываться, — заговорщицки сообщил Котенок.

А к нам уже подходил хозяин лавки — скуластый и черно-волосый парень. Попадавшихся нам раньше торговцев он не очень-то напоминал, но держался по-хозяйски уверенно.

— Желаете сделать покупку, молодые люди? — вежливо, но без особых восторгов спросил он. — В нашем городе надо платить...

— Знаю, — сказал я, глядя на Котенка, лениво гуляющего вдоль стен и заглядывающего в зеркала. — Мы заплатим.

Физиономия у парня сразу изменилась.

— Прекрасный день! У меня много покупателей, но Крылатых среди них еще не было! Что вы хотите?

— Зеркало, — глупо ответил я.

— Разумеется, но какое? — Парень театрально взмахнул рукой. — Маленькое или большое, для дома или для путешествий, круглое или квадратное, новое или старинное, в раме или без, украшенное драгоценностями или...

Солнечный котенок тем временем уселся под маленьким круглым зеркальцем в простой деревянной раме и принялся умываться.

— Да нет, нам попроще, — с облегчением сказал я. — Вон то, например, вполне подойдет.

Торговец повернулся, уставился на Котенка.

— А зверек откуда?

Котенок от возмущения прекратил умываться и выгнул спинку.

— Это наш, — вмешался я. — Не бойтесь, он ничего не разобьет.

— Разобьет — заплатите, — непринужденно сообщил папень. — То, говорите...

Он снял зеркало со стены так бережно, словно это была хрупкая ваза. Торжественно провозгласил:

— Это зеркало работы древнего мастера, такое старинное, что продавать его я не хотел. Двадцать монет, конечно, не компенсируют...

— Пошли. — Я дернул Лэна за руку.

— Подождите! — возмутился торговец. — Давайте найдем компромисс!

...Через четверть часа, обеднев на три монеты, но неся в руках сверток с зеркалом, мы выбрались из лавки. Лэн весело сказал:

— Все равно ведь обманул, точно?

— Он думает, что обманул, — насмешливо отозвался Котенок. — На самом же деле — прогадал, да еще как.

— Это Настоящее зеркало, верно? — спросил я.

— Верно, — согласился Котенок. — Молодец, Данька.

— Подумаешь, — сказал я. — Даже могу догадаться, для чего оно нужно. Мы сделаем еще одного Котенка. Друга для тебя. Так?

Котенок, мирно сидевший на руках у Лэна, соскочил на тротуар и завопил:

— Что? Идиот! Мальчишка! Солнечных котят так просто не делают! И зачем это вам еще один? Меня мало, что ли?

— Извини, — растерялся я. — Но зачем, если...

— Если дурак торговец не подозревал, что это за зеркало, — продолжал кипятиться Котенок, — то найдутся люди поумнее. Нам нужно оружие. Хорошее оружие. Чтобы победить Летящих. А хорошее оружие за десяток монет не купишь. Глупый мальчишка...

Он облизнул лапку и принялся нервно умываться.

— Извини, — повторил я.

— Если такой умный, лучше посмотришь в зеркало, —

314 вдруг предложил Котенок. — Хочешь?

Я растерянно уставился на сверток в своих руках. Посмотреть? И... увидеть свою сущность?

— Нет, — тихо ответил я. — Нет. Я не хочу.

— И правильно делаешь, — сказал Котенок, к которому уже вернулось самообладание. — Могу тебя уверить, не понравится.

Прохожие с любопытством поглядывали на странную сцену — двое Крылатых, стоящих перед котенком. Хорошо хоть никто из них не заметил, что мы разговариваем не друг с другом.

— Пошли, — заявил наконец Котенок. — И смотрите по сторонам. Нам нужна витрина с оружием.

Оружейную лавку мы искали долго. Похоже, у торговцев этот товар особым спросом не пользовался, а такие гости, как мы, появлялись в городе не часто. Наконец Лэн углядел дверь, над которой была приколочена вывеска с двумя скрещенными мечами. Витрины не было вообще.

— Проверим, — буркнул Котенок, и мы вошли. А войдя, сразу же поняли, что не ошиблись.

Помещение было длинным и узким, словно коридор. Стены закрывала частая железная решетка, прижимающая к каменной кладке развешанное оружие. Самое разное — у меня глаза разбежались. Мечи, кинжалы, арбалеты, шпаги, копья, топоры... И еще много всяких острых и тяжелых предметов, названий которых я не знал.

— Ого, — восхищенно сказал Лэн и протянул руку сквозь решетку — потрогать меч с длинным и тонким клинком. Пальцы его прошли сквозь лезвие, словно сквозь туман. Он отдернул руку, подозрительно глянул на ладонь и обиженно воскликнул:

— Да это все не настоящее! Здесь ничего нету!

— Это образцы, — тихо сказал кто-то у нас за спиной. — Пока вы не заплатили, вам не коснуться оружия.

Мы обернулись. Возле закрывшейся двери стоял невысокий мужчина. И откуда он там взялся — непонятно. Мужчина был самый обыкновенный. Среднего роста, не молодой и не старый, в одежде торговца, на руке — посверкивающий перстень. Меня это разочаровало. Хозяин оружейной лавки должен быть или древним стариком в черном плаще, скрюченным и морщинистым, или, наоборот, здоровенным детиной, голым по пояс. А этот...

— Крылатые — нечастые гости в нашем городе, — тем временем сказал оружейник. — Они, наверное, считают, что их Крылья — уже достаточное оружие. Не знаю, не знаю...

Мужчина шагнул к Лэну, по-хозяйски взял его за плечо, подтягивая к себе, и снял с его пояса ножны. Лэн, обычно не терпевший бесцеремонности, на этот раз словно язык проглотил.

— Ага, — радостно сказал оружейник. — Черная сталь, закалка в полете. У вас остались хорошие мастера, мальчик.

Вручив меч недоумевающему Лэну, он повернулся ко мне. Но мой меч вытаскивать не стал, лишь глянул на рукоять — и расплылся в улыбке.

— Крошка Туак всегда любил излишества, — глядя сквозь меня, сказал он. — Слишком богатая рукоять... слишком гибкая сталь. Странно, как этот меч прожил двести лет. Его, видно, редко доставали из ножен.

Оставив меня размышлять, что же я услышал — комплимент или насмешку в адрес своего оружия, — мужчина вновь посмотрел на Лэна. И спросил:

— И что же вас привело ко мне, мальчики? Купить лучшие мечи, чем те, что у вас, вы не сможете. Вам бы потребовалось больше денег, чем уместится в этом свертке... — Небрежный кивок на сверток с Настоящим зеркалом. — Продать? Я бы заплатил хорошую цену за меч Крошки Туака и за меч воздушной закалки. Но Крылатые не продают оружия. Или все изменилось и мир перевернулся... А?

— Говорить буду я, — неожиданно сказал Котенок, скромно примостившийся у моих ног.

Оружейник словно и не удивился. Присел перед Котенком на корточки и сказал:

— Так, мы приближаемся к истине... Поговорим здесь или пройдем в мою каморку?

Котенок держался на уровне.

— Пока здесь, — спокойно ответил он. — А там решим, куда идти.

— Решим. Что вам нужно?

— Настоящий меч.

— А мне нужны настоящие деньги. Я не добрый покровитель юных героев. Я торговец. Мне нужны деньги, чтобы заниматься своим делом.

— Так... — Торговец покосился на сверток в моих руках. — Я вижу, у вас найдется кое-что на обмен. Но нужно ли мне это кое-что?

— У тебя есть Меч, — просто сказал Котенок.

— У меня много мечей.

— Пошли в твою каморку.

— Пошли.

И торговец с Котенком неспешно двинулись по коридору. А мы с Лэном, совершенно ими позабытые, поплелись следом.

Утопая в мягком кожаном диване, мы смотрели на Котенка и оружейника. Котенок сидел посреди широкого деревянного стола и беседовал с сидящим в кресле оружейником. Зеркало, уже развернутое, лежало между ними.

— Я и сам разбираюсь в оружии, — продолжал спор оружейник.

— Да, но того, что может Настоящее зеркало, тебе не сделать.

— Допустим. Оно покажет, долго ли прослужит меч... не подделка ли он. Иногда я сомневаюсь в таких вопросах — зеркало поможет не ошибиться. Допустим. Но что ты за него хочешь?

— Настоящий меч.

— У меня много Настоящего оружия. Гляди...

Торговец повернулся в кресле, открыл стоящий у стены ящик. Легко, словно пучок удочек, вынул оттуда целую вязанку, иначе и не скажешь, мечей. Извлек из ножен — непривычно толстых, бугристых — тонкий клинок. На миг мне показалось... нет, только показалось...

— Волшебный меч королевства Тар. На рукояти есть кнопка, если ее нажать, то меч разрубает все.

— Кнопка? — ехидно спросил Котенок. — Фотоны, протоны и магнитные поля? Ты забыл, где находишься, торговец.

— Ладно, — ничуть не смутился оружейник. — Вот другой меч. Тоже очень могучий. Он разрубает камень...

— Мы не на каменоломню собрались.

— Хорошо. Вот меч, который сам выпрыгивает из ножен в случае опасности. Не надо лишь доставать его против воли. Он был потерян великим воином...

Котенок фыркнул. Спросил:

— А ты помнишь, сколько неприятностей этот меч доставил «великому воину»?

— Он сам виноват. Мальчишка...

— А я для кого ищу оружие? Для мудрого старца?

На этот раз торговец задумался. Он смотрел то на нас с Лэнном, то на охапку мечей. Потом неуверенно извлек еще один клинок:

— Вот... — Меч торговец держал очень осторожно, словно боялся, что тот выскользнет из ножен. — Страшное оружие. Он пьет жизнь врагов и отдает хозяину их силы.

Котенок выгнул спину дугой. Зашипел:

— Ты что, предлагаешь нам меч темных? Мне, Солнечному котенку, этот меч? Ты знаешь хоть, каким будет его конец?

Мы затаив дыхание следили за спектаклем. Ничего толком понять было нельзя, но ощущение, что перед нами скользят, задерживаясь на секунду, великие тайны, оставалось.

— Еще один меч, — торопливо пряча темный клинок, сказал торговец. — Светлый меч незаменим для битвы с силами зла.

— Плюс два в бою, — сам себе буркнул Котенок. И устало сказал: — Нам не нужны светлые и темные мечи. Нам не нужны световые сабли и атомарники. Имитационные клинки, если они у тебя припрятаны, тоже. Нам нужен Настоящий меч. Понимаешь?

Торговец снова взглянул на нас. И спросил:

— Кому он предназначен?

— Даньке. Это тот, загорелый и темноволосый.

От небрежного тона Котенка у меня появилось желание дернуть его за хвост. Он даже и не посмотрел на меня. Зато торговец уставился так, словно хотел просверлить насквозь. И спросил:

— Данька, ты разве из этого мира?

— Нет, — сам не зная почему, признался я.

Торговец встал с кресла, угрожающе нависая над Котенком.

— Ты что это вытворяешь, котик? Зачем ты привел сюда мальчика?

— Случайно вышло, — быстро ответил Котенок.

— Да? — недоверчиво хмыкнул торговец.

— Правда, я сам виноват, — вступился я за Котенка. Хоть он и вел себя все хуже и хуже, но мы были друзьями.

— Жалко, — вновь обрел спокойствие торговец. И спросил Котенка: — Ты понимаешь, что я не могу про-

сто продать Настоящий меч? Мальчик должен будет взять его сам.

— Понимаю, — очень тихо сказал Котенок.

— И пошлешь его за Мечом?

— Он сам решит, — старательно не глядя в мою сторону, сказал Котенок. — Расскажи ему про Настоящий меч, оружейник.

Торговец с отчаянием схватился за голову. Воскликнул:

— Свет и тьма! Мальчик даже этого не знает! Котенок, может, обойдемся обычным волшебным мечом? Хорошим мечом против темных сил?

— А ты уверен, что нужен меч против тьмы? — спросил Котенок.

— Все, хватит, — махнул рукой торговец. — Я беру вашу плату: Зеркало и все деньги, что у вас есть. И открываю мальчику путь к Настоящему мечу. Сейчас...

— Вначале расскажи про Настоящий меч! — сказал я. И сам поразился своему тону — какому-то твердому и сухому.

— Так... — Торговец повернулся ко мне: — Ты, выходит, имеешь право голоса?

— Говори, — сказал я, чувствуя, как против воли в глазах возникает ощущение Настоящего взгляда. Торговец вскрикнул, закрывая лицо рукой. Потом опустил руку — и мне показалось, что из маленького перстня разлилась по всему его телу матовая пленка.

— Стар становлюсь, стар, — тихо сказал оружейник. — Мальчишка-то с Настоящим взглядом... А я только на Котенка и смотрел... Что ты успел заметить, Данька?

— Ничего, — признался я.

— Хоть реакция осталась, — повеселел торговец. — Хочешь узнать про Настоящий меч, мальчик? Хорошо. Почему бы и нет. Тебе рисковать жизнью. Слушай.

Котенок заерзал на столе. Словно уже и не хотел, чтобы торговец рассказывал мне о Настоящем мече.

— Есть много миров и много оружия в них. Я торгую любым. Оружием против Света и оружием против Мрака. Я лишь оружейник. Но твой друг прав — даже меч Света не всегда справится с Тьмой. Есть лишь одно оружие, не знающее сомнений. Настоящий меч.

Лэн тихонько подвинулся ко мне. Словно ему стало не по себе.

— Этот Меч не принадлежит одному человеку. Ты можешь владеть лишь частью его сущности, бесплотным призраком. Но каждый раз, когда тебе будет грозить опасность, он появится в ножнах. И ты сможешь достать его и обратить против врага — любого врага. Он не подведет. Но ты вправе достать Меч лишь один раз. Лишь один.

— Почему? — спросил я.

— Потому что у каждого человека есть только один Настоящий враг. И от тебя зависит, узнаешь ты этого врага или нет, разменяешь силу Меча на пустяки или сбережешь для главного боя.

— А если я не пойму, что этот бой — и есть главный?

— Сам по себе Меч из ножен не выпрыгнет. Ты можешь проиграть и с Настоящим мечом — если не догадаешься воспользоваться им.

— А почему ты сказал, что Меч не может принадлежать только Даньке? — неожиданно спросил Лэн. — Это что значит?

— Только то, что частью Настоящего меча одновременно владеют тысячи людей, — почти весело сказал торговец. — Если Даньке повезет — то и он войдет в их число.

— Как я должен его взять? — спросил я.

— Пройти сквозь свои страхи. — Улыбка сползла с лица торговца. Теперь он казался почти грустным. — Меч создаст Лабиринт, по которому ты должен будешь пройти. Все, чего ты боялся и боишься, — все предстанет перед тобой. И рядом всегда будет Настоящий меч. Если ты найдешь свой Настоящий страх, если убьешь его, Меч поверит в тебя и отдаст часть своей сущности.

— А если я ошибусь и попытаюсь убить не Настоящий страх... то Меч убьет меня?

— Нет, что ты. Тебя убьет Настоящий страх. А это очень неприятно — умирать от Настоящего страха.

— Как мне его убить?

— Мечом. Настоящим. Мелкие страхи ты всегда сможешь победить, развеять. Настоящий страх покорится лишь Настоящему мечу. В Лабиринте, как и в жизни, ты можешь применить Настоящий меч лишь однажды.

— Ладно, я вначале буду пробовать обычный. — Я похлопал по ножнам. — Старый меч Крошки Туака.

— Решился? Что ж. — Оружейник пожал плечами. —

320 Но меч Туака ты оставишь здесь... пока. Настоящий меч

не потерпит соперничества. Лабиринт проходят без оружия. И глаза твои, боюсь, там будут видеть как обычные.

Котенок прыгнул со стола, подошел ко мне. Потеря о ногу и сказал:

— Пошли отсюда, Данька. Мы справимся без Настоящего меча. На свете много волшебного оружия.

— А Настоящий меч — один, — пожал плечами торговец.

— Где Лабиринт? — спросил я. И в этот миг, словно дожидаясь моего решения, диван утратил материальность. Я провалился сквозь него куда-то вниз, в темноту, в бездну... А сверху слабым отзвуком донесся голос оружейника:

— Ты уже в нем, мальчик.

6. Лабиринт

Лабиринт должен быть извилистым, со многими поворотами и ложными ходами. Это любой ребенок знает.

Лабиринт Настоящего меча оказался неправильным. Он начинался в маленькой квадратной комнате, из которой шел лишь один выход — длинный и прямой, без всяких ответвлений. Под потолком в кованые железные кольца были воткнуты два горящих факела, и это немножко походило на нормальный сказочный Лабиринт. А еще в потолке был люк, через который я, наверное, и провалился. Его закрывал огромный навесной замок, и если мне не померещилось, то дужка защелкнулась у меня на глазах.

Посреди комнаты лежала груда камней, плоских, не очень больших. Рядом — меч в кожаных ножнах.

Я подошел и потрогал его рукоять — очень простую, деревянную. Это и есть Настоящий меч? Самый сильный в мире?

Рукоять слегка дрогнула под пальцами. словно меч просился на волю. Только зачем он мне сейчас? Чтобы сложить камни удобнее, перерубить мечом замок и выбраться наружу?

Я даже засмеялся, сообразив, что это и есть первое испытание. Тоже мне страх. Если бы я боялся не вернуться, я ушел бы давным-давно. Еще из башни Летящих, где мне открылась Потайная дверь.

Закрепив ножны на поясе и тихонько что-то насвистывая, я пошел по коридору. Здесь было темнее, пото-

му что факелы горели куда реже, но видно было, что никаких ответвлений от коридора нет.

Коридор привел в комнату со стеклянной стеной. За стеной, освещенная настольной лампой, была моя комната. За столом сидела мама.

— Это вранье, — сказал я сам себе. — Это испытание. Это неправда.

Мама меня не слышала. И не видела, для нее стекло было обычной стеной, оклеенной обоями. Она не плакала, и лицо у нее было спокойное. Она перелистывала лежащий на столе альбом с фотокарточками. Наверное, посмотрела в очередной раз, а теперь сидит и не знает, что ей делать...

И я вдруг понял: то, что показывает мне Меч, — правда. Мама именно так и сидит... или сидела после того, как я исчез.

Я могу разбить стекло. И вернуться.

— Почему ты не могла так раньше... — бессвязно прошептал я. — Мам, почему ты замечала меня, лишь когда я болел... или теперь, когда пропал...

Мама продолжала сидеть. И я вдруг понял, что правда кончилась. Сейчас передо мной просто застывшая картинка, фотография. Моя мама давно бы уже встала и пошла звонить подруге или готовить что-нибудь на кухне. Ее жизнь не остановится, если я исчезну.

Но от этого почему-то страх лишь вырос. И я потянулся к Мечу — разбить стеклянную стену, вбежать в комнату, к маме...

Стать не Крылатым, а просто мальчиком Данькой из седьмого класса. Мне даже стало смешно. И я не коснулся Меча.

— Знаешь, — прошептал я, глядя сквозь стекло, — это раньше я боялся, что ты меня разлюбишь или умрешь. А теперь понял: в жизни все по-другому. Я бы все равно стал взрослым, только позже. И понял, что жить надо самому. Я, наверное, плохой. Только так получилось, что я быстро вырос. Мам, подожди, я еще вернусь.

Стекло стало мутнеть — передо мной оказалась просто каменная стена. И узкий темный проход, в конце которого слабо горел свет. Я сделал несколько шагов во тьму.

Было очень тихо. Коридор впереди казался нескончаемо длинным и темным. Не выдержав, я взял Меч в руки и вошел во тьму. Клинок был холодным даже сквозь кожаные ножны.

— Темнота — это ерунда, — громко сказал я. — Это не страшно. И то, что я уже не маленький, — тоже. Ерунда...

— Тебе теперь все ерунда, сынок, — слышалось впереди. И я замер.

— Папа? — Слова почему-то давались с трудом.

— Да, — прозвучало из темноты. — Удивительно, что ты меня не забыл. Мать ты предал очень даже просто.

— Это ты ее предал, — прошептал я, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь.

— Я не предавал, Даня. Это была наша жизнь. Взрослая. И тебе ее не понять.

— Ты не можешь здесь быть, — сказал я и протянул руку. Пальцы наткнулись на что-то мягкое и теплое. Папа всегда любил костюмы из тонкой шерсти, он только их и носил. Но я отдернул пальцы, словно коснулся змеи.

— Почему не могу? Мне все объяснили. Я даже знаю, что ты здесь делаешь. Тебе хочется поиграть в войну, сынок?

— Нет, — прошептал я.

— Хочется. Ты всегда таким был. Тебе нравилось все ломать и рушить с самого детства. Убегал из дома... лгал мне. Сколько я тебя ни наказывал, это не помогало.

Я отступил на шаг. А папа продолжал:

— Хочешь знать, почему мы с мамой разошлись?

— Нет! — крикнул я. Но отец не слушал:

— Из-за тебя, Данька. Мать не захотела воспитать из тебя нормального интеллигентного человека. Она потакала всем твоим капризам. Она делала из тебя подлеца. Вот и добилась своего.

— Уходи! — крикнул я, прижимаясь спиной к стене. — Уходи! Это все неправда!

— Правда. Ты же сам об этом думал, когда я ушел от вас. А теперь готов прогнать еще раз.

Я молчал.

— Проблемы со слухом? — почти ласково спросил папа. — Ничего, беседа у нас будет долгой. Может быть, еще не поздно сделать из тебя человека. Я попробую. Все-таки ты мой сын. Я должен попытаться... Подойди ко мне.

— Ты знаешь, что у меня в руках?

— Догадываюсь, Даня. Но ты ничего не сделаешь. Я же твой отец.

— Ты не он. Ты — самое плохое, что я о нем думаю. **323**

— Не смеши меня, сынок. Ты помнишь, что я тебе всегда говорил: проступок подлежит наказанию? Ты слишком многое натворил, и если я сейчас тебя не остановлю...

— Выйди на свет, папа, — сказал я и вдруг почувствовал, как исчезает страх. Отец замолчал.

— Ты боишься, папа? — спросил я. — Боишься? Чего? Света или того, что я уже не помню твоего лица?

— Не пререкайся! — крикнула темнота. Но теперь страх был в ее голосе.

— Ты помнишь, как наказывал меня, папа? Всегда по вечерам, чтобы у меня была ночь на размышления. А может, ты просто чувствовал себя сильнее и справедливее — в темноте? Что ты молчишь, папа?

Я уже шел по коридору, и за спиной был свет. Вслед мне звучало что-то неразборчивое про маму, и про то, что я во всем виноват, и про то, что я маленький фашист и убийца, который хочет побыстрее стать взрослым негодяем. Но я уже вышел из коридора. В комнату, где было светло и откуда вел еще один коридор — широкий, нестрашный. Спиной ко мне, вглядываясь в коридор, стоял Лэн. В руках у него был Настоящий меч в ножнах. Я даже посмотрел на свои руки — но и в них был тот же Меч.

— Ты настоящий или просто испытание? — спросил я. Лэн мгновенно развернулся, и мне стало не по себе.

Лэн, кажется, был настоящим. Испуганный взгляд, волосы взлохмачены. И смотрел он на меня так же, как я на него: «Ты настоящий или нет?»

— Ты... ты Данька? — осторожно спросил Лэн.

— А ты Лэн?

Мы глупо смотрели друг на друга, потом Лэн неуверенно улыбнулся. Сказал:

— Я-то настоящий.

— А откуда ты здесь взялся? — подозрительно спросил я.

— Оттуда же, — скосил вверх глаза Лэн. — Если Настоящий меч может служить сразу многим... — Он не закончил.

— Здорово, — признался я. — Мне и в голову не пришло.

— А ты уже чего-нибудь испугался? — спросил Лэн.

— Да так, мелочи... А ты?

— А я только появился. Стою, думаю, куда идти, — и вдруг ты.

— Я в той стороне все проверил, — похвастался я. — Это простой Лабиринт, без разветвлений. Пошли в эту дверь.

Проходя мимо Лэна, я словно случайно тронул его за плечо. Вроде бы все было без подвоха. И мы пошли по коридору, я впереди, Лэн следом.

— Может, я впереди пойду? — тихо спросил Лэн через минуту. Коридор становился все темнее и темнее.

— Зачем? — насторожился я.

— Ну... вдруг ты мне не доверяешь. Думаешь, что я не настоящий...

Я даже засмеялся от такого признания и спросил:

— А ты веришь, что я — Данька?

— Да, — заверил Лэн. — Зачем бы Мечу подсовывать мне такое испытание? Я тебя не боюсь. Мы ведь друзья.

— Ну и я тебя не боюсь, — сказал я.

Тьма стала совсем густой, никакого просвета. И даже впереди не угадывалось выхода.

А действительно ли я не боюсь Лэна? Все-таки в нем есть Тьма... И если сейчас... Я замотал головой, отгоняя предательский страх. И попытался думать логически. Если Лэн настоящий — а так оно, наверное, и есть, то бояться его нечего. Если же нет, если Меч все-таки придумал для меня еще одну подлую проверку... Мне же вовсе не так страшно, как раньше. Значит, этот страх не самый главный. И его можно побороть самому.

— Данька... — Рука Лэна легла мне на плечо. — Давай я пойду впереди.

От его прикосновения я вздрогнул. И отказываться от предложения мне уже не хотелось. Но я все-таки спросил:

— А почему ты хочешь пойти первым?

— Я к темноте привык, — просто сказал Лэн и обогнал меня. Минуту мы шли молча, лишь временами я касался его плеча, проверяя, не разминутись ли мы.

А потом Лэн вскрикнул, впереди послышался шум. Я рванулся вперед... и голова словно взорвалась от боли.

Первое, что я почувствовал, очнувшись, — это рукоять Меча, давящая в щеку. Я лежал на полу, Меч подо мной... А вдали затихали шаги и смутно знакомые голоса. Я оперся о пол, пытаясь подняться, и пальцы скользнули по процарапанным в камнях бороздкам.

Летящие.

Летящие, которых не могло быть в Лабиринте. Их и не было, конечно, это только мой страх... или страх Лэна.

Я встал, затаив дыхание, вслушиваясь. Шаги затихали, Летящие уходили назад по Лабиринту. И я, конечно же, мог их догнать... освободить Лэна.

Только вот в чем беда — я не боюсь Летящих. И то, что они похитили Лэна, меня не пугает. Если Лэн настоящий — то он сам должен справиться.

— Извини, — сказал я в темноту. — Каждый сам дерется со своим страхом. Извини.

И пошел по коридору дальше... Минуту, две, три... Было совсем тихо, и лишь по дуновению воздуха на лице я понял, что вышел из коридора в очередную комнату. Большую, но абсолютно темную.

И самое странное было то, что я совершенно не боялся за Лэна.

— Здесь есть кто-нибудь? — крикнул я. — Эй, новый страх! Тишина. Тишина и темнота со всех сторон.

— Эй! — крикнул я еще раз, но тише. Мне стало не по себе. Шуточки Настоящего меча кончились. И теперь готовилось что-то серьезное.

— Ты зря кричишь, — сказали из темноты. Знакомый голос с чужой интонацией. — Скоро все будет хорошо.

— Лэн? — спросил я. Это был его голос. Его, но с интонацией...

— Да, Летящий-Лэн. Я пришел за тобой, Данька.

— Это не ты, — с облегчением сказал я. — Никакие Летящие не превратили бы тебя за несколько минут. Ты снова страх. А я тебя не боюсь.

Тот, кто называл себя Летящим-Лэном, засмеялся.

— Конечно, Данька. Глупый Меч считал, что ты можешь испугаться своего друга. Это не так. Ты же смотрел на него Настоящим взглядом и знаешь, что он не предаст.

— Знаю, — сказал я.

— И с родителями... Ты давно уже не боишься за мать и перестал бояться отца. Ты вырос.

— Да, — сказал я.

— Ты даже врагов не боишься, верно? Ты просто не веришь, что можешь умереть.

— Не верю, — прошептал я.

Голос в темноте стал почти вкрадчивым:

— Но я знаю, чего ты боишься, Данька. Станный такой страх, неожиданный. Ты боишься, что тебя предаст друг.

326 Что с ним случится что-то такое, что...

— Замолчи! — крикнул я — Замолчи! Лэн меня не предаст!
— В жизни — возможно. А вот здесь, в Лабиринте Меча, предал. Но и ты не стал его спасать, так что все честно.

— Я знал, что это все не по-настоящему!

— Разве? Подозревал — но не знал. Значит, ты его предал, и теперь пришло время расплаты... Данька, а почему ты так боишься предательства друга?

Я молчал.

— Тебя всегда предавали? Или ты предавал сам? А, Данька?

— У меня не было друзей, — с трудом выговорил я. — У меня никогда не было настоящих друзей.

Летающий-Лэн засмеялся:

— У кого они есть, Данька... Впрочем, ты сказал правду. Смелый поступок.

— Со своим страхом нужно быть смелым.

— Хорошие слова. Что ж, попробуй.

Лязгнул металл, и что-то просвистело в воздухе рядом с моим лицом. Я отшатнулся, но слишком поздно. Щека стала мокрой и липкой, а по полу забарабанили капли.

— Чуть точнее, — прозвучало из темноты, — и тебе конец.

Прижимая ладонь к лицу и стискивая в другой руке Меч, я отступил. Щека болела толчками — то сильнее, то слабее.

— Тебе конец, — повторили из темноты. — Ты не видишь меня, а я тебя вижу. Даже Настоящий меч тебе не поможет.

Снова свист рассекаемого воздуха, но на этот раз я успел пригнуться. Враг был где-то рядом. Придуманый мною враг, который убивал не хуже настоящего...

Я потянул рукоять, и клинок выскользнул из ножен. Настоящий меч был виден сквозь тьму — тонкая светлая полоса.

— Решил попробовать? — подбодрили меня из темноты. — Ну что ж, давай... Не промахнись.

Я слышал, где он стоит. Прекрасно слышал. Словно Летающий-Лэн хотел, чтобы я его ударил.

— Не промахнись, — пообещал я. — Мне будет трудно не попасть.

Развернувшись спиной к своему страху, я поднял Настоящий меч. И ударил — не целясь. Трудно промахнуться по темноте.

Раздался треск, словно бритвой полоснули по бумаге. И в глаза мне ударил свет. Я зажмурился, невольно прикрываясь руками и все же видя своим Настоящим взглядом, 327

как ключья тьмы съеживаются и исчезают. Последней погасла тьма на том месте, где стоял Летящий-Лэн.

По полу тихо стучали капли. Кровь — она не красная, она черная. В ней есть тьма. В ней всегда была тьма.

Комната, в которой я стоял, была последней. Никакого выхода — лишь дыра в потолке, узкий и длинный колодец, в конце которого дрожала искорка света.

Я посмотрел на меч в своих руках — Настоящий меч. По светлomu клинку струились белые ветвистые разряды. Капля крови, упавшая на него, зашипела, сгорая.

— Ты мне пока не нужен, — сказал я Мечу. И тот послушно исчез. Лишь ножны остались на поясе. Я взмахнул руками, расправляя Крыло. По комнате прошел ветер, сметая к стенам пыль.

Здесь не было никаких воздушных потоков, и взлетать было трудно. Но я взлетел, отдавая Крылу остатки сил. Странно, их оказалось так мало...

Я так и не поднялся к концу колодца. Где-то на полпути стены сомкнулись вокруг меня — и растаяли. Не успев толком сложить Крыло, я вывалился в комнату оружейника — не то через потолок, не то через стену. Хорошо, что Крыло смягчает удары.

Котенок по-прежнему лежал на столе. Кажется, они с оружейником о чем-то разговаривали.

Лэн спал на диване, подложив под голову руки. Ни в какой Лабиринт он за мной не спускался, и, сообразив это, я окончательно расслабился.

— Рад за тебя, мальчик, — сказал оружейник. Он ничуть не удивился моему появлению, голос его был спокойным и чуть печальным.

— Я победил, — сказал я, садясь рядом с Лэном.

— Понимаю. Иначе ты не вернулся бы, — спокойно подтвердил торговец.

Я потрогал лицо. Крови там уже не было, ни капли. Но через щеку тянулся шрам — тонкий, словно бы заживший давным-давно.

— Трудно пришлось? — поинтересовался оружейник.

Я кивнул. Мне почему-то казалось, что он примется расспрашивать меня, но он не сказал больше ни слова. Просто сидел и смотрел то на меня, то на ножны Настоящего меча.

Пихнув Лэна в плечо, я встал и посмотрел на Котенка. Тот отвернулся.

— Пойдем домой, — сказал я.

Всю дорогу Лэн расспрашивал меня о Лабиринте. А когда понял, что я не хочу говорить, надулся и замолчал. Котенок бежал рядом, непривычно тихий и молчаливый.

Мы поужинали в «Заведении» к восторгу очередной порции зевак. На этот раз Котенок не стал их мучить — оживленно беседовал с Магдой и заказывал то новую порцию рыбы, то блюдец сметаны. Потом мы поднялись в свою комнату, и обиженный Лэн, не снимая Крыла, завалился на кровать. Котенок устроился у него в ногах.

Минут пять мы молчали. Лэн уснул — у него с этим никогда не было проблем. А мы с Котенком сидели в полумраке — лишь из окна падал тусклый фонарный свет.

Первым сдался Котенок.

— Данька, ты сердишься на меня?

— Нет, — честно ответил я. — Я рад, что у меня есть Настоящий меч.

— Тогда почему...

— А почему ты мне все не рассказал с самого начала? — спросил я.

Котенок начал нервно умыться. Потом спросил:

— Ты когда понял?

— Когда ты с оружейником разговаривал.

— И что понял? — Котенок явно не терял надежды.

— Ты не случайно меня притащил в этот мир. Ты знал, что здесь нет солнца. И хотел, чтобы я ввязался в войну с Летящими!

— Я не сразу это узнал, — тихо ответил Котенок. — Верить?

— Как это — не сразу?

— Данька, я же не мальчик. Я вообще не человек. Я просто Настоящий свет, отраженный Настоящим зеркалом и принявший форму.

— Ну и что?

— Ты не обидишься, если я все расскажу?

— А это мы посмотрим! Рассказывай!

— Когда в каком-то мире исчезает Свет, это беда для всех миров. И для обычных, и для тех, где с Настоящим светом тоже не все в порядке.

— Это ты про наш мир, что ли?

Котенок кивнул и поморщился. Потом, словно набравшись смелости, продолжил:

— Данька, Настоящий свет — это вовсе не добрый волшебник, или бог, или что-нибудь такое, разумное. Это просто одна из трех сил.

— Из трех? — Почему-то я удивился именно этому.

— Ну да. Свет, Тьма и Сумрак...

— А это еще что такое?

— Не важно, Данька, ты с ним здесь вряд ли встретишься... Свет — это просто сила, и Тьма — тоже сила. И ничего в них нет ни доброго, ни злого. И солнце в этом мире могло бы гореть по-прежнему, хоть это был бы мир Тьмы. Но получилось так, что здесь все началось с погасшего солнца.

Значит, нужно было немножко солнечного света из другого мира... и нужен человек из этого мира.

— А человек-то зачем?

— Ты что, думаешь, я могу в одиночку здесь все осветить? Ха! Ты должен помочь людям, которые здесь живут. Тогда придет и мой черед.

— А что ты сделаешь?

— Не знаю. Я просто инструмент, Данька! Я инструмент Света, которым он борется с Тьмой. Я, конечно, могу делать что хочу. Вот только сам я из Настоящего света и потому хочу лишь того, что хочет Свет.

— И давно ты это понял? — тихо спросил я.

— Недавно. Я же расту, умнею... понемножку. А я хоть и из Света, но форму-то мне дал ты. И Зеркало было человеческим. Так что я на вещи смотрю по-вашему.

— А кто тогда я, Котенок? Если ты инструмент Света, то я что, инструмент инструмента?

Котенок захихикал:

— Тоже мне молоток... Нет, Данька, ты человек. А это совсем другое. Ты сам решаешь, что тебе больше нравится — Свет или Тьма. И начинаешь бороться — на той или на другой стороне. Я твой помощник, и ты на стороне Света, а где-то здесь...

Котенок замолчал, словно подавился последней фразой.

— ...есть человек, у которого в помощниках Тьма, — закончил я. — Так? И я должен его убить. Так?

— Оба раза «так», — буркнул Котенок. — Только 330 все немножко сложнее. Тьма не с одним человеком. И

ее так просто не убьешь. Ты должен поделить людей между Светом и Тьмой. И помочь победить тем, кто за Свет.

— Они и так поделены!

— Да? Ты считаешь, что Крылатые — это те, кто за Свет?

Я вспомнил Клуб Старших. И как мне выкалывали глаза...

— А что же тогда? — спросил я. — Кого мне звать на сторону Света? Торговцев, что ли? Им вообще все по фигу!

— Ты должен делать добро из зла, потому что его больше не из чего делать, — твердо сказал Котенок. — Это кто-то из людей сказал. И сказал правильно. Если Крылатые считают, что они на стороне добра, на стороне Света — заставь их быть добрыми!

— Ни черта себе! Заставить быть добрыми?

— Да! Заставь их говорить о Свете, чтобы они поверили в него! Заставь их не просто называть себя хорошими и добрыми! Заставь их стать такими!

— Как я могу это сделать? Я же мальчишка, хоть и с Настоящим мечом!

— Хотел бы я посмотреть на мальчишку, который признается, что он мальчишка, — с какой-то грустной ухмылкой сказал Котенок.

Минуту я молчал, а потом ответил:

— Зря мы отдали Настоящее зеркало. Я хотел бы в него посмотреть.

— Для тебя все зеркала — Настоящие, — сказал Котенок и отвернулся.

Вначале я не понял. А потом встал и подошел к зеркалу у двери.

Зеркало как зеркало. Самое обычное. Пыльное, с облупленными краями, послушно отражающее мою физиономию. Лицо обыкновенного мальчишки, бледное, почти как у Крылатых, с растрепанными волосами, тонким шрамом на щеке — старым-престарым шрамом... Вот только глаза светятся, словно смотришь сквозь прорези в маске на звездное небо.

Это было так просто — и я так боялся это сделать... Словно прыгая с башни Крылатых, я посмотрел в зеркало Настоящим взглядом. И успел еще увидеть, как зрачки вспыхнули белыми искрами, прежде чем мое отражение растаяло. Теперь я видел в зеркале лишь комнату, спящего Лэна и Солнечного котенка, который тихо сказал:

— Жди, ты не сразу увидишь себя... Жди.

И словно услышав его слова, в зеркале вновь проступило лицо. Мое — и не мое. Оно было взрослым — тому, кто смотрел на меня из-за стекла, могло быть и двадцать, и тридцать лет. Но не это было самым страшным.

Тот — за стеклом — улыбался. Приветливо улыбался, словно наконец-то дождался встречи и безмерно этому рад. Лицо у него было спокойным и уверенным. Это он — не я — хотел уйти из дома. Это он — не я — легко и красиво отомстил Ивону. Это он — не я — сумел пройти Лабиринт, потому что давно не грустил по маме, не боялся отца и не собирался умирать за друга.

— Почему? — спросил я, но губы моего Настоящего отражения не шевельнулись. Ему этот вопрос был ни к чему, он знал ответ.

— Потому что ты такой, — грустно сказал Котенок. — Ты совсем-совсем взрослый, который ненавидит быть ребенком.

— И ты знал, что я такой?

— Да.

Я посмотрел на Котенка, а когда вновь повернулся к зеркалу, там опять был мальчишка.

— Он жестокий, — ни к кому не обращаясь, сказал я.

— Конечно.

— И злой.

— Вовсе нет. Ты жестокий, когда добиваешься своего. Но цели у тебя добрые, Данька.

Я молча подошел к кровати, разделся, лег под одеяло и лишь после этого спросил:

— Так часто бывает, Котенок?

— Так, как с тобой, редко. Чаще наоборот, когда во взрослом живет ребенок. И вот это страшно. Тогда можно смело говорить — он милосердный и злой. Он мягко и нежно добивается зла... А теперь спи, Данька. Давай будем все решать завтра.

7. Мы загораем

Меня разбудил Лэн. Потряс за плечо и чуть виноватым голосом сказал:

— Данька, завтракать пора. — И тут же, без всякого перехода, добавил: — Извини, что я вчера на тебя дулся.

— Да брось, проехали уже, — успокоил я. — А где наш мудрый и пушистый?

— Вниз пошел, ему есть захотелось, — с готовностью ответил Лэн.

Вчерашний день как-то стерся у меня из памяти. И Лабиринт казался ерундой, и страхи его — детскими, ненастоящими. Меч я взял, это хорошо. Лэн за мной в Лабиринт не лазал — еще лучше. А что в глубине души я взрослый и жестокий, так и что с того? В возрасте мы с моей сущностью когда-нибудь сравняемся... А жестоким я не был и не буду.

— Лэн, а в Лабиринте я тебя встретил, — похвастался я, умываясь. — То есть не тебя, это Меч меня обманывал.

Лэна мои слова не обрадовали. Он перестал плескаться в лицо водой и смущенно спросил:

— Данька, ты что, меня боишься?

— Не тебя, а за тебя, дурак, — сказал я с обидой. — В Лабиринте тебя... то есть ненастоящего тебя, похитили Летящие. Это у меня такой страх был, представляешь?

Лэн смутился еще больше:

— Так ты меня там спасал? А я еще злился вчера...

— Нет, это был не Настоящий страх, — признался я. — Настоящий — другой. Пошли завтракать?

— Пошли, — скучным голосом сказал Лэн.

Мы спустились по лестнице. Ножны хлопали меня по ногам — одни тяжелые, с мечом Туака, другие совсем-совсем легкие — это были ножны Настоящего меча.

Народу в «Заведении» стало еще больше, Магда носилась между столиками не одна, а с незнакомой девицей, их постоянно окликали, требуя вина. И неудивительно.

Котенок висел над блюдцем со сливками и неторопливо лакал.

— Ты зачем это делаешь? — прошипел я, садясь за столик.

— Настало время, — невозмутимо заявил Котенок, с видимым сожалением отрываясь от опустевшего блюда. — Теперь уже можно... Лэн, а ты чего такой кислый?

Лэн что-то буркнул и принялся ковырять в тарелке — жареная рыба вперемешку с картошкой.

— Они тут решили, что мы тоже коты, — предположил я. — Точно, Лэн? Все время рыбой кормят.

Ответить Лэн не успел — к нам подошла какая-то женщина. Я поднял на нее глаза — и узнал. Гарет, жена **333**

торговца! Я зашарил взглядом по столикам, но Габора не увидел. А вот их рыжая дочка сидела метрах в пяти и нахально улыбалась мне!

— Привет, Крылатые, — весело сказала Гарет. — Я присяду?

— Конечно. — Лэн торопливо отодвинул один стул. Тоже мне джентльмен!..

Гарет обвела нас изучающим взглядом и снизошла до объяснений:

— Как услышала про двух Крылатых с котенком, так сразу поняла — это о вас. Герои дня. С нами-то Котенок больше отмалчивался.

— Говорить было не о чем, — хмуро сообщил Котенок, забираясь ко мне на руки. Я погладил его. И чего он так завелся?

— Реата давала вам наш адрес, — тем временем продолжила Гарет, не обращая на Солнечного котенка особого внимания. — Зашли бы в гости...

— Дела, — сообщил я, а сам наклонился к Котенку и тихо спросил: — Ты чего?

— Не люблю таких, — прошептал Котенок. — Таких вот... ничем их не проймешь. Все видели, все знают...

Я едва не расхохотался. Солнечный котенок злился из-за того, что ему впервые встретился нелюбопытный человек! Гарет не удивлялась, не восхищалась, не пугалась Котенка. И тот негодовал.

Хвастунишка...

— У меня к вам предложение, — сказала тем временем Гарет, поглядывая то на меня, то на Лэна. — Деловое.

— Угу, — вяло ответил я, пересиливая смех. Котенок делал вид, что дремлет. Посетители изнывали от любопытства.

— Мы с дочерью собрались на морскую прогулку. Присоединитесь?

— Зачем?

Гарет помолчала секунду. Потом усмехнулась:

— Во-первых, мы заплатим. А во-вторых... можно будет позагорать.

Суденышко, куда мы погрузились, оказалось совсем маленьким, как яхта. Никакой команды на нем не было, но Гарет и Реату это не смущало. Они принялись поднимать парус, натягивать одни веревки и ослаблять другие — словом, заниматься той морской ерундой, которую сухопутно-

му человеку не понять. Нас с Лэном бесцеремонно использовали в качестве мускульной силы, явно не задаваясь вопросом об аморальности детского труда. Впрочем, когда на нас Крылья, то мы сильнее большинства взрослых. Крыло пьет силы, но умеет и отдавать их обратно.

Минут через пять парус раскрылся и яхта заскользила во тьме. Я привычно опустил на глаза прозрачный щиток очков, осмотрелся. Вдали белел парус — один из кораблей торговцев шел в гавань. Город у берега колол глаза огнями фонарей. Я стал смотреть вперед. Тьма, тьма до самого горизонта... Интересно, где Гарет собралась загорать? Она уверяла, что путешествие займет меньше одного дня и мы сможем, при желании, вернуться к вечеру...

Подбежал Солнечный котенок, и я заметил, что коготки он выпустил и прочно цепляется за деревянную палубу. Боится? Поймав мой взгляд, Котенок взмыл в воздух и сказал:

— Не люблю воду. Чужая стихия... Ты не в курсе, куда мы плывем?

— Я думал, ты знаешь, — признался я.

Котенок поморщился:

— Сколько раз повторять, я еще маленький...

Сопровождаемый плывущим по воздуху Котенком, я прошел на нос яхты. Вода плескала о борт в полуметре под ногами, в лицо бил ветер. Странно как-то, мы же плывем на паруснике... Я глянул на Гарет. Она стояла у мачты, ни за что не держась, и смотрела на дочку, точно так же застывшую напротив нее. Не колеблясь, я поднял щиток и посмотрел сквозь темноту Настоящим взглядом.

— Тоже видишь? — полюбопытствовал Котенок.

— Вижу.

Между Гарет и Реатой кружились в воздухе тускло светящиеся зеленоватые нити. С пальцев стекали, капая на палубу, серые огоньки.

— Я предполагаю, что они служат Сумраку, — очень спокойно, даже с облегчением сказал Котенок.

— Это плохо? — тихо спросил я.

— Нет, что ты. Это не плохо и не хорошо. У них свой путь, у нас свой. Пока они не пересекаются.

— Иди к Лэну, — велел я. — На всякий случай.

Котенок кивнул и полетел на корму. Лэн, похоже, наблюдал за удаляющимся городом... А я подошел к жен-

щинам, стал чуть в стороне, чтобы не попасть под зеленую «паутину», и спросил:

— Я не помешаю?

— Уже нет, — отводя взгляд от дочери, произнесла Гарет. — Ты все видишь?

— Ага, — на всякий случай согласился я.

— Тогда скажи своему другу, пусть закроет глаза и уберет светоумножитель. — Гарет глянула на меня и добавила: — Да и ты зажмурься. Мы выплываем из этого мира.

Я невольно посмотрел вперед по курсу яхты. И увидел, что там колеблется, медленно растягиваясь, едва заметная радужная пленка. словно мы протыкали изнутри огромный мыльный пузырь...

— Лэн, подними щиток! — заорал я. — Подними щиток и закрой глаза!

А в следующий миг радужная пленка под напором яхты лопнула. И во тьму ворвался свет.

Это было словно в темной комнате повернули выключатель. Рассвет не приходит так быстро, и тучи не могут разлететься со скоростью реактивного самолета. А здесь все произошло сразу. Тьма сменилась светом, темная непроглядная вода — светящейся лазурью, скорость — неподвижностью, серые очертания яхты — буйством красок. Больше всего меня поразили краски. От света я еще не успел отвыкнуть, а вот что такое настоящий яркий цвет, оказывается, забыл.

Дерево яхты было янтарно-желтым, парус — снежно-белым, металлические детали такелажа — темно-бронзовыми и медно-красными. На мачте, почти неразличимый на фоне неба, трепетал голубой вымпел. А вокруг, до самого горизонта, — спокойное лазурное море.

Яхта дрейфовала, словно и не мчалась только что со скоростью торпедного катера. Зато волны ощутимо раскачивали ее, и я вцепился в руку Гарет, чтобы не упасть. Та улыбнулась снисходительно, но ласково.

С кормы, пошатываясь, щуря глаза, шел Лэн. Вокруг него сумасшедшими прыжками носился Котенок.

— Это... это не у нас? — с какой-то тайной надеждой спросил мой Младший.

Я покачал головой:

— Мы вышли в другой мир.

— Нет, кажется... — Я посмотрел на Гарет. Но ответила Реата:

— Это мир королевства Тамал, мальчики. Очень хороший мир... Правда, мама?

— Правда, — подтвердила Гарет. — Тебе здесь понравится.

— Так вы что, обратно не собираетесь? — сообразил я.

Гарет покачала головой:

— Нет. Там нам скоро будет нечего делать. Умные уходят первыми, жадные ждут до конца. Хорошо было торговать с Летящими... да и с вами, Крылатые... но все кончается.

— Почему кончается?

Гарет покачала головой, словно вопрос ее удивил:

— Тебе виднее, мальчик с Настоящим взглядом, идущий со стороны Света. Мы, торговцы, всего лишь чувствуем, когда наступают перемены.

Она победоносно улыбнулась:

— Женщины торговцев покидают мир Крылатых. Мужчины тоже чувствуют, что пора уходить, но они не верят сами себе. Они хотят собрать сливки, которых уже не будет.

Я кивнул, словно понял ее слова. Посмотрел на Лэна. А тот стоял задрав голову и смотрел на висящее в зените солнце.

— Дурак! — завопил я, закрывая Лэну глаза ладонью. Лэн даже не шевельнулся, лишь с восторгом сказал:

— И сквозь руку светит... Данька, это солнце?

— Солнце, дубина! Ты глаза испортишь!

— Почему? — Лэн попробовал высвободиться, и я не раздумывая пригнул ему голову. Наставительно сказал:

— На солнце нельзя долго смотреть. Запомни! Нельзя смотреть на солнце!

— Правда? — с сомнением спросил Лэн.

Я убрал с его лица руку и спросил:

— Что видишь?

— Круги разноцветные...

— Закрой глаза и сиди, — посоветовал я. А сам спросил у Котенка, который висел в воздухе, как и Лэн, неотрывно глядя на солнце: — Он глаза не испортил?

— Нет, сейчас пройдет, — успокоил меня Котенок. — Ничего, детям положено обжигаться, чтобы узнать, что огонь горячий.

— А ты сам?

— Я-то? — хмыкнул Котенок, разглядывая солнце. — Ха-ха!

Ясно было, что сейчас от него ничего не добиться. Я снова взглянул на Лэна, который уселся на палубу и послушно жмурился глазами. И только теперь, при солнечном свете, я понял, какой же он бледный.

Кожа у Лэна была белая до голубизны. Волосы светло-светло-каштановые, про такие иногда говорят — выгоревшие. Может, они и выгорели. От тьмы. Да еще черная ткань Крыла оттеняла его бледность. Кошмар...

Я сел рядом, положил ему руку на плечо и спросил:

— Как глаза?

— Уже нормально. Темно, — продолжая жмуриться, сказал Лэн.

— Открывай глаза, — велел я.

Лэн посмотрел на меня и улыбнулся:

— Данька, а у нас тоже так будет?

— Конечно, — твердо пообещал я. — Еще лучше будет. И еще будут рассветы, и закаты, и облака, сквозь которые свет мягкий, и ночь, когда звезды светят.

Лэн кивнул, быстро и послушно, словно от того, поверит он или нет, зависело, сбудутся ли мои слова.

— Мальчики, вы купаться будете? — окликнула нас Гарет. Я обернулся и чуть было не зажмурился. Потому что она раздевалась. Выше пояса уже сняла все, а сейчас стягивала джинсы. А Реата успела раздеться совсем. И преспокойненько стояла у борта яхты, ничуть не стесняясь нас с Лэном.

Может, у Крылатых так принято? Я посмотрел на Лэна, который стал пунцово-красным, и понял — нет, не принято. Наверное, это у торговцев в порядке вещей.

Интересно, а я сейчас такой же красный, как Лэн?

Гарет неторопливо разделась догола, посмотрела на нас и понимающе улыбнулась. Снисходительно так и без смущения.

И тут я завелся. Что я, голых женщин не видел? Ну, в жизни, конечно, не видел, а на фотках во всяких газетах и журналах или поздно вечером по телику — сколько угодно.

— Лэн, будешь купаться? — спросил я.

Он замотал головой. И не своим голосом произнес:

— Я плавать не умею.

— А я искупаюсь, — сказал я и вдруг заметил, что мой голос тоже стал чужим, незнакомым.

Я начал снимать Крыло, понимая, что помедлю еще секунду — и тоже разучусь плавать, как Лэн. Хорошо еще, что ни Гарет, ни ее дочь в мою сторону не смотрели. А когда я выбрался наконец из тугого комбинезона, Реата вдруг прыгнула вниз головой в воду. Нырнула она отлично, без брызг, а вынырнула метрах в пяти и поплыла в сторону от яхты. Мне сразу стало легче. С каким-то упрямством я стянул и плавки. Шагнул к борту — и прыгнул в воду.

Вода оказалась теплой, ничуть не похожей на хлорированную жижу бассейнов, где я привык купаться. И еще очень соленой, меня так и выкидывало на поверхность. Я поднял голову — Гарет стояла надо мной.

Все-таки я еще не видел голых женщин. Фотографии — совсем не то. Я вдруг почувствовал... в общем, хорошо, что я уже в воде.

Жена торговца была довольно молодой. Может, лет тридцати или чуть больше, не знаю, я как-то плохо в таком разбираюсь. Но фигура у нее была стройная, как у молодых девчонок, из-за того, наверное, что Гарет все время путешествовала пешком...

— Теплая вода, Даня? — каким-то очень мягким, *странным* голосом спросила Гарет.

Я смог только кивнуть. Попытался отвести глаза — и не смог. Мне хотелось смотреть на ее груди, и ноги, и рыжий треугольничек волос. Никогда не думал, что *там* волосы такого же цвета, как и на голове. На фотках, которые я видел, волосы там всегда были темные.

Гарет присела на борт и скользнула в воду. Я заболтал руками, отплывая в сторону. Гарет окунулась с головой, вынырнула, засмеялась:

— Я тебя не утоплю, Данька. Можешь не удирать.

— И не собираюсь, — хрипло сказал я. Когда Гарет забралась в воду, стало не так неловко. Но зато появилось ощущение, что меня обманули.

— Лэн, пошли купаться! — снова крикнул я. Лэн не ответил.

— Твой друг слишком маленький, — мягко сказала Гарет. — Он стесняется. К тому же он просто человек.

Я хотел было возмутиться, что Гарет считает Лэна маленьким. Но ее последняя фраза меня совсем доконала.

— А мы кто? — с вызовом спросил я.

— Мы? Мы — те, кто стал рядом с богами. Мы служим Силам; ты — Свету, я — Сумраку. Это ничего, Свет и Сумрак не враги.

— Лэн тоже служит Свету! — возразил я.

— Нет, Данька. Лэн служит только тебе. И если ты перейдешь на другую сторону, он пойдет следом.

— Ерунда! — шепотом, боясь, как бы не услышал Лэн, возмущился я. — Мы друзья!

— Ты слишком сильный для того, чтобы быть другом. — Гарет сказала это мягко, но уверенно. — Либо тебя должны растоптать, унижить... либо Лэн должен стать сильнее и выше себя самого. Тогда вы сможете стать друзьями. Ты же и сам понимаешь, Даня.

Я не ответил. А Гарет медленно подплыла ко мне и, глядя в глаза, сказала:

— Данька, а я вовсе не такая старая, как ты думал. Верно?

Я замаялся. Рука Гарет легла мне на плечо, и вдруг стало душно, невыносимо жарко.

— Хочешь, покажу тебе одну тайну нашей яхты? — убирая руку, спросила Гарет.

— Да, — с облегчением ответил я.

— Плыви со мной.

Гарет поплыла к корме, быстро, сильно загребая руками. Я кролем плаваю плохо и поплыл следом брассом, брызгаясь во все стороны. Гарет, не оборачиваясь, тихо засмеялась.

Корма была высокой, как на каком-нибудь старинном галеоне. Над водой торчали бронзовые крюки, и я вдруг подумал, что на них можно подвесить мотор. Может, торговцы так и делали, когда попадали в мир, где «фотоны, протоны и магнитные поля». Из досок выступали какие-то медные болты.

— Гляди, — заговорщицким шепотом сказала Гарет и повернула один за другим три болта. В полуметре над водой открылся узкий люк.

— Иногда мы возим контрабанду или людей, которые скрываются от властей своего мира, — небрежно сказала Гарет. Подтянулась и легко скользнула в люк. Я опустил глаза. Мне снова стало не по себе.

— Тебе помочь? — спросила Гарет, протягивая руку. Из темного отверстия высывались лишь ее плечи.

— Вот еще, — разозлился я, забираясь в люк. Гарет отползла вглубь, освобождая мне проход. Хлопнула в ладоши,

340 и вспыхнул матовый световой шар.

Я выпрямился, чувствуя, как с меня стекает вода. Мы оказались в маленькой комнатке, два на три метра, почти пустой, лишь на полу лежал толстый матрас, а на стене на гвоздике висела махровая простыня. Гарет протянула руку, сняла простыню, быстрыми движениями промакнула волосы и обтерла тело. Меня стала бить дрожь.

— Замерз, мальчик... — мягко сказала Гарет, подходя. — Сейчас.

— Зачем мы здесь? — спросил я. А Гарет уже вытирала мне волосы, потом закутала в простыню всего. Лицо у нее было серьезным, но глаза улыбались.

Одно дело — когда купаешься голым с голыми. Совсем другое — когда стоишь рядом с обнаженной женщиной в маленькой комнате и она вытирает тебя... всего.

— Хочешь научиться любви? — спокойно спросила Гарет, отбрасывая простыню в угол.

Лицо у меня пылало, язык провалился куда-то глубоко в глотку. Я замотал головой.

— Обманиваешь, — невозмутимо заключила Гарет. — Понимаешь, Данька, мужчинам... ну и мальчикам тоже... это трудно скрыть. Особенно когда они раздеты.

Надо было убегать. Выскакивать из люка, забираться на палубу и надевать Крыло. Почему-то я был уверен, что при Лэне и Котенке Гарет приставать ко мне не станет. Вот только ноги меня не слушались.

А еще я не хотел убегать.

— Это нужно, — очень ласково сказала Гарет. — Тебе самому нужно. Ты еще поймешь.

Она присела на корточки, так, что ее лицо оказалось даже ниже моего, положила левую руку мне на плечи и притянула к себе. Помедлила секунду, потом поцеловала в губы.

Я однажды целовался с девчонкой. Еще в третьем классе. Мы вместе ходили в кино, а потом решили, что должны поцеловаться. Только с Гарет это получилось совсем не так. Рот ее был полуоткрыт... и я невольно разжал губы. Почему-то было совсем не противно.

А потом я почувствовал, как ее правая рука скользнула мне по спине, по ногам...

И Гарет, увлекая меня за собой, опустилась на матрас.

Когда я выбрался на палубу, Лэн загорал. Он все-таки разделся. До плавок.

— Ты далеко плавал? — спросил Лэн.

— Очень далеко, — сказал я и стал торопливо одеваться.

Теперь мне было стыдно, очень стыдно. И перед Реатой, которая загорала голышом чуть в стороне, и перед Гарет, которая с довольным видом выбиралась из воды. Я торопливо натянул Крыло, потом глянул на Котенка. Он уже насмотрелся на солнце и теперь довольно шурился. На мгновение я поймал его взгляд...

Он все знал. Он все знал наперед.

— Зачем, Котенок? — прошептал я. — Зачем?

— Все было не так, как ты думал, — бесстрастно ответил он. — И это хорошо.

— Почему?

— Ты должен приблизиться к своей сущности. Настолько, насколько сможешь. Не знаю, зачем это было нужно Гарет... а тебе поможет.

— Она тоже так сказала, — устало произнес я, опускаясь на теплую палубу. Лэн удивленно смотрел на нас.

— Перевернись, живот сгорит, — посоветовал я, и Лэн послушно подставил солнцу спину.

Это было неправильно. Все случилось... не так. Совсем не так.

— Данька, все нормально, — мягко сказал Котенок. И его интонации напомнили мне Гарет.

— Заткнись! — крикнул я. — Я не твой инструмент, запомни!

Вскочив, я подошел к Гарет и резко спросил:

— Зачем?

— Ты поймешь, если победишь, — пожав плечами, сказала Гарет. — А если проиграешь свой поединок... зачем тебе тогда знать?

Я не мог с ней спорить. Теперь — не мог.

— Нам пора обратно, — отводя глаза, выдавил я.

— Мы откроем проход, — кивнула Гарет. — Сейчас?

— Да.

— Реата!

Они снова стали рядом с мачтой, глядя в глаза друг другу. Реата весело сказала, обращаясь скорее к Лэну, чем ко мне:

— Если хотите вернуться обратно, взлетайте. Мы

342 откроем путь над яхтой.

Лэн потянулся за одеждой. Я увидел, как он морщится, натягивая Крыло, и понял, что Лэн успел обгореть.

— Я должна вам заплатить, — неожиданно сказала Гарет. — Мы договаривались, что работа будет оплачена.

— Работа была нетрудной, — зло сказал я. — Будем считать, что мы квиты. Открывайте путь.

— Не злись на меня, Даня, — неожиданно виноватым голосом сказала Гарет. — Ты еще поймешь... Взлетайте.

Крыло раскрылось, и я метнул себя в небо. Навстречу радужной пленке, за которой была тьма — привычная тьма. Следом летели Лэн и Котенок — он на этот раз не лентяйничал и летел сам.

— До встречи! — крикнула нам вслед Гарет.

И мы влетели во тьму.

Часть третья

ЛЕТЯЩИЕ

1. Возвращение

В город торговцев залетать не стоит, — крикнул мне Котенок. Я кивнул. Мне не хотелось видеть торговцев... и город их тоже.

Мы летели рядом. Кончиком Крыла я чувствовал взмахи Крыла Лэна. Котенок мчался впереди — оранжевый пушистый шарик, светящийся теплым светом. Как-то так получилось, что он вел нас, задавал направление. Ну и пусть. Я все равно не знал, куда нам лететь и что делать.

Город торговцев проплыл внизу — пятно сумрака, казавшееся светом на фоне тьмы. Потом потянулись горы, мы даже заметили какой-то караван, тянувшийся по тропе.

И мы летели дальше, молча и бесцельно, и Крыло выпивало силы, превращая обиду и стыд в ровную глухую печаль.

Все нормально. Плевать мне на Гарет... и на остальных торговцев. Когда мы победим, я прикажу им всем убираться. Ни один не останется в мире Крылатых.

Котенок замедлил скорость и, поравнявшись с нами, спросил:

— Тебе легче, Данька?

Я промолчал.

— Тогда садимся, вам надо отдохнуть, — заявил Котенок и камнем упал вниз. Лэн с готовностью сложил Крыло и последовал его примеру. А мне не хотелось менять полет на падение, и я заскользил по спирали за светящимся оранжевым пятнышком.

Солнечный котенок и Лэн ждали меня на маленьком выступе отвесной скалы. Без Крыльев на нее попасть было невозможно, и я подумал, что тут, наверное, никогда не стоял ни один человек.

— Здесь и будем отдыхать? — поинтересовался я. Странно, когда летишь, то высоты почти не боишься. А вот здесь, над отвесной пропастью, под резкими порывами ветра, сразу начала кружиться голова.

— Здесь. — Котенок сказал это неожиданно торжественным голосом. — Только не отдыхать. Праздновать.

Я посмотрел на Лэна. Он, похоже, понимал, о чем речь. В отличие от меня. Пришлось спросить:

— А что, есть повод?

Котенок запрыгнул мне на руки. И вдруг неожиданно ткнулся мордочкой в подбородок.

— Данька, я тебя поздравляю. С днем рождения!

Лэн протянул руку и неловко похлопал меня по плечу:

— Данька, с днем рождения...

— Да вы что, — оторопел я. — С каким днем рождения?

Мне еще...

Я замолчал. А сколько, собственно говоря, времени я провел здесь?

— У Солнечных котят отличное чувство времени, — тихо произнес Котенок. — Сегодня твой день рождения, Даня. Тебе исполняется четырнадцать. Понимаю, нам было не до этого...

Сев на скалу, я свесил вниз ноги. На высоту стало как-то наплевать. Подумаешь, высота... Вот не заметить, как прошел целый месяц, — это куда круче!

Впрочем, и встретить «деньрод» в таком месте — заключение что надо. От горизонта до горизонта — горы. Колпаки снега на вершинах; реки, выющиеся по дну ущелий; ленты тумана, стекающие по склонам. И ветер — ровный, холодный, чистый. И все это — сквозь очки-светумножители, превратившие ночь в густой сумрак, в очень пасмурный день.

В городе торговцев или в городе Лэна мне было бы грустно встретить свой праздник. На яхте, под чужим солнцем, — тем более.

А сейчас все было почти нормально. Мне действительно четырнадцать. Я почти взрослый. И сижу рядом с друзьями на крошечном выступе скалы с Настоящим мечом на поясе.

— Спасибо, ребята, — просто сказал я.

Лэн тем временем рылся в своей сумке, выкладывая пакеты с едой. А потом чуть смущенно извлек маленькую бутылку и сказал:

— Будем пить шампанское. Котенок говорит, что это у вас принято.

Я покосился на Котенка. Кладезь знаний...

— А еще у меня есть для тебя подарок. — Голос Лэна слегка изменился. — Он такой... странный. Но ты поймешь.

Лэн выпрямился, расстегнул Крыло, и я увидел, что внутри комбинезона, напротив сердца, пришита к ткани маленькая белая пластинка. Лэн принялся отпаривать ее — очень осторожно, самым кончиком кинжала.

— Что это? У меня такой штуки нет. — Почему-то я чувствовал себя все более и более неловко.

— Это ключ Крыла. — Лэн протянул мне пластину.

Она была легкой, прохладной на ощупь, а болтавшиеся обрывки нитей росли, казалось, прямо из нее.

— Зачем? — еще ничего не понимая, спросил я.

— Если ты сломаешь ключ, мое Крыло умрет, — разъяснил Лэн спокойно. — Ключ контролирует мое Крыло.

— Зачем? — повторил я. Лэн пожал плечами. Ответил Котенок:

— Данька, так принято в их мире. И не вздумай отказываться. Это знак доверия, понимаешь?

— Ты хочешь, чтобы я взял ключ? — напрямую спросил я Лэна.

Кивнув, Лэн принялся разливать шампанское по стаканам. Откупорил он бутылку так уверенно, что я невольно вспомнил его слова — о Младших, которые в своем клубе вина не пьют...

— Лэн, я бы отдал тебе свой ключ... — начал я. Но Лэн энергично замотал головой:

— У тебя его нет, ты же Старший. Да я бы и не взял.

Так... Я посмотрел на Котенка, некультурно обнюхивающего свертки с едой, потом протянул руку с ключом и тронул Лэна за плечо:

— Лэн, один вопрос...

Тот старательно распределял остатки шампанского на три стакана. Интересно, он что, и на Котенка разливает?

— Ты должен был отдать мне ключ сразу? Как только стал моим Младшим?

Лэн, не поднимая глаз, кивнул.

— Тогда почему делаешь это сейчас? Что изменилось?

— Это уже второй вопрос...

Он наконец-то посмотрел мне в глаза:

— Данька, со мной что-то не в порядке. После башни. Я... ну... сны странные снятся. Словно я с тобой дерусь, словно я... — Лэн на миг запнулся, — Летящий. Понимаешь? Пусть ключ будет у тебя.

— Глупости! — заорал я, стараясь казаться уверенным. — Мне много всякой чуши снится. Словно я в космосе летаю, воюю там... Или... ну, это я не при Котенке расскажу, он маленький.

Лэн послушно улыбнулся:

— Я понимаю, Данька. Только пусть ключ будет у тебя? Это мой подарок.

Спорить дальше было глупо. Я повертел пластинку и осторожно положил ее во внутренний карман Крыла. Был там такой карман, проложенный тонкими металлическими пластинками, так что сломаться ключ не мог. И по размеру подходил идеально... слишком хорошо подходил, чтобы это было случайностью.

— У меня тоже есть подарок, — неожиданно заявил Котенок. — Но он еще более странный. Так что вначале пейте свой лимонад.

Мы с Лэном покорно взяли стаканы. Котенок, как ни удивительно, тоже подошел к своему и подозрительно понюхал шампанское. Я невольно улыбнулся. Видела бы меня сейчас мама! Как я пью спиртное, полулежа на краю обрыва, вместе с говорящим котенком...

Шампанское было совсем не сладким, то ли дело то, что я пробовал дома. Но пить его было приятно. Котенок, морщась, вылакал четверть стакана и принялся за колбасу. Мы с Лэном тоже набросились на еду. В голове зашумело.

— Данька, мой подарок — на словах, — насытившись, объявил Котенок. — Ты теперь старше, и я могу тебе кое-что сказать.

— Валяй, — согласился я, пытаюсь нарезать мечом кусок сыра. Мне хотелось сделать это именно мечом, а он все время соскальзывал, снимая с сыра лишь мелкую дурацкую стружку.

— Сейчас мы полетим в какой-нибудь город Крылатых и станем их уговаривать пойти на войну с Летящими.

— А то мы не воюем, — фыркнул Лэн.

— Не воюете. Данька не даст соврать, в его мире бывают настоящие войны.

— Точно, — согласился я. Мне было очень приятно, что Котенок ссылается на мое мнение.

— Война — это когда весь народ, все люди встают на бой с врагом, — продолжал Котенок. — Когда на весах все силы бросают, когда люди готовы или победить, или умереть.

— У нас никто умирать не хочет. — Лицо Лэна стало хмурым.

— А чтобы Солнце светило, хотите? — неожиданно резко воскликнул Котенок. — Да, не вы его продали, но платить придется вам! Или будете еще тыщу лет размножаться для Летящих и торговцев, или рискнете! Им же только этого и хочется — такой вот «войны»! Летящим нужны молодые глупые ребята, и не тебе объяснять, для чего. А торговцам нужен товар — ваши бойцы и оружие Летящих. Они не виноваты, это их мораль. Но раз уж ты человек, Крылатый, так вставай на сторону Света!

Лэн молчал.

— Можешь допить мой стакан, — вдруг утих Солнечный котенок. — И не сердись на меня. Просто я не люблю врать и придумывать полумеры... Лэн, мальчик, если хочешь видеть солнце и звезды, не бояться за себя и своих друзей, — Котенок сделал паузу, — то нам придется начинать настоящую войну.

Лэн плеснул себе и мне из стакана Котенка и виновато сказал:

— Да я же не спорю. Я просто не хочу войны. Я не знаю, как там, в Данькином мире, воюют...

— У нас так воюют, что Летящие бы со страху померли, — встрял я. Мне уже давно хотелось что-нибудь рассказать, но я никак не успевал вступить в разговор. — Так воюют, что вся земля горит! Такими бомбами, что Черный огонь по сравнению с ними — тьфу!

— А с кем воюют?

Я растерялся.

— Ну... между собой. У нас же нет Летящих.

— А может, хорошо, что у нас они есть? — Лэн залпом допил свое шампанское. Мне пить не хотелось, но не отставать же...

— Зато у них есть Свет, — тихонько помог мне Котенок.

— Да! — гордо сказал я.

— Свет — это хорошо, — сказал Лэн. — Данька, у меня голова кружится. Давай потом поговорим?

— Давай, — неохотно согласился я. Поболтать можно было и с Котенком. — Лэн, а больше шампанского нет?

Лэн покачал головой и лег на спину. А Котенок снова забрался ко мне на колени.

— Данька, тебе не надо больше шампанского. Ты и так пьяный.

— Я? — Мне стало смешно. — От стакана шипучки...

— От полутора стаканов шампанского. На голодный желудок и в горах.

— Да ну... — Я прекрасно понимал, что Котенок не прав, но не знал, как ему это объяснить.

— Данька, выслушай меня, — продолжал Котенок. — Я все-таки хочу сделать тебе подарок. Совет. Ты меня слушаешь?

— Угу, — пробормотал я, ложась рядом с Лэном. Порывы ветра скользили по лицу. Щеки почему-то горели. Низкие серые тучи клубились над головой.

— Данька, сейчас мы попробуем поднять Крылатых на настоящую войну. И у нас это скорее всего не получится.

— Да?

— Наверняка. Крылатые привыкли воевать ради жизни, а не жить ради войны. В победу никто не верит... Так что у меня будет такой совет: не лезь в драку, если увидишь, что она ничего не решает. И говори им не о борьбе за Свет — они не знают, что это такое. Говори о борьбе с Тьмой. Убеждай Крылатых, что Летящие собираются напасть на их города, что отсидеться не получится.

— А зачем? — Я прикрыл глаза, мне хотелось спать. Я, наверное, сильно устал...

— Ты поймешь это позже. Сейчас просто поверь совету. Ладно?

— Ладно... — прошептал я, чувствуя, как голос Котенка уплывает вдаль. — Ты как торговцы... как Гарет. Я все должен понять со временем. Только действовать надо сейчас.

Я хотел еще сказать ему, как не люблю, когда за меня решают, но уснул.

Проспав пару часов на камнях, под холодным горным ветром, мы с Лэном могли бы здорово простыть. К счастью, Крыло — это не просто инструмент для полета. Силы оно выкачивает здорово, зато и от неприятностей вроде холода защищает прекрасно.

Запустив вниз пустой бутылкой из-под шампанского, мы взлетели. Погода продолжала портиться. Под серым куполом туч теперь неслись самые обычные дождевые облака. На Крыле оседала водяная морось. Когда мы вырвались из частокола горных вершин и стали снижаться, я почувствовал облегчение.

Ближайший к нам город был всего в часе лету. Но мы, не сговариваясь, решили лететь в город Лэна. Все-таки там будет проще... должно быть проще. Так что полет занял почти весь день.

— Ты скучал по дому? — спросил я Лэна, когда мы опускались у окраины. Посадку в центре города дозорные могли понять неправильно, а я не горел желанием увертываться от арбалетных стрел.

Младший неопределенно пожал плечами — жест очень забавный, когда летишь с расправленным Крылом.

— А я скучал, — признался я. — Хотя меня... не очень-то здесь любят.

Мы приземлились, сложили Крылья и переглянулись.

— Отдохнем и начнем утром? — предложил Лэн. Но я покачал головой:

— Давай лучше сейчас, пока запад не прошел.

— Верно, — поддержал Котенок. — Быстрота и натиск — методы Света.

На самой окраине, когда мы заметили идущих навстречу Крылатых, Лэн ойкнул:

— Данька, ты же без повязки!

— И не собирался надевать, — хмуро ответил я. — Теперь таиться нечего.

— Правильно, — вновь согласился Котенок. — Я тоже маскироваться не буду...

И он засветился так ярко, как только мог.

Мы прошли мимо остолбеневших Крылатых — двух Старших с девушками их возраста и одного Младшего, который с неприкаянным видом плелся следом. Я улыбнулся им и помахал рукой. Ответа не последовало.

— Подходите к площади, — сказал Лэн Младшему. Они наверняка были знакомы. — Прямо сейчас.

— Что будет... — довольно мурлыкнул Котенок, всплывая над мостовой и летя на уровне моего пояса. — Скандал!

В меня мысль о скандале особого восторга не вселила, но спорить я не стал.

Минут через двадцать, когда мы подошли к площади, где меня когда-то ослепили, там уже собралось порядочно народу. Видимо, встретившиеся нам Крылатые сразу бросились делиться сенсацией.

2. Равновесие

Шоки прибежал к площади одним из последних. Я молчал, тянул время, дожидаясь его. И лишь теперь, когда напряжение в толпе достигло высшей точки, заговорил:

— Я пришел дать вам Свет.

По-моему, очень здорово было сказано. Но Крылатые молчали, лишь взрослые, стоя отдельной группой, о чем-то переговаривались. Я набрал побольше воздуха и продолжил:

— Я из другого мира. Там светит Солнце. Там нет Летящих. Я пришел помочь вам...

Молчание. Лишь Шоки, протолкавшийся вперед, ел меня глазами.

Мне стало не по себе, но останавливаться было уже нельзя. Я посмотрел на Котенка, парящего рядом, и сказал:

— Это — Солнечный котенок, мой друг. Он создан из Света, для того чтобы помочь вам. Вы ослепили меня, но Свет дал мне новое зрение. Я не в обиде на вас. Я пришел, чтобы помочь.

— В чем помочь, Данька? — Шоки наконец-то нарушил молчание. И голос его был не удивленным или растерянным, а просто грустным.

— Вернуть Свет!

Шоки пожал плечами. Оглянулся на других Крылатых и пояснил:

— Как ты собираешься вернуть Свет, Данька? Наше солнце умерло. Мы остались жить. Как ты собираешься вернуть Свет?

Если бы я знал...

— Надо разбить Летящих, — стараясь казаться уверенным, произнес я. — Всего сказать я не могу, но вначале надо сделать это. Если все Крылатые из всех городов...

— Данька, ты знаешь, что такое Черный огонь?

Я взял Лэна за руку. Еще бы мне не знать...

— Да, Шоки...

— У нас равновесие, Данька. Мы не атакуем башни... во всяком случае, так, как ты предлагаешь, — все сразу и всеми силами. Летящие не сжигают наши города. Это равновесие, Данька. Если поступить по-твоему, то наши города сгорят, как щепки в очаге. Вместе со всеми, кто не воюет: детьми, женщинами, взрослыми.

— Зато...

— Что «зато»? Что может быть за то, чтобы сгорели наши родные?

Я беспомощно посмотрел на Котенка — и поймал его взгляд. Ах да...

— Ваши города уже горят, Шоки! Мы были в башне Летящих и слышали их разговоры. Они собираются напасть на Крылатых. Собираются сжигать города!

Вот теперь толпа вокруг нас не молчала. Крылатые говорили что-то друг другу, мне, Шоки, Лэну, Котенку... Даже в ушах заболело от шума. Шоки поднял руку, и все понемногу затихли.

— Это провокация, — твердо сказал Шоки.

У меня холодок пробежал по спине от его тона. Я, пожалуй, ничего не смог бы ответить, но тут заговорил Котенок:

— Я тоже был возле башни! Я говорю от имени Света!

Шоки, собиравшийся еще что-то сказать, примолк.

— Кто-нибудь из вас считает, что Свет может лгать?

Тишина. Но Котенок ждал ответа, и Шоки неохотно сказал:

— Нет, Свет не лжет.

— Отлично. Тогда слушайте: я был возле башни Летящих и слышал их разговоры. Через пару дней ваши города будут пылать в Черном огне. Ваш единственный шанс — напасть первыми.

Котенок говорил так убедительно, что я невольно задумался — когда и где он это слышал? Летящие ведь не собирались нападать...

— Это провокация, — повторил Шоки. — Провокация Летящих. Они пытаются запугать нас. Я понимаю, что ты не лжешь, но и Свет может ошибаться.

Что-то было не так. Крылатых не удивило наше возвращение, и мои исцеленные глаза, и Солнечный котенок...

— Да как вы можете нам не верить? — крикнул я. —
352 Мы из другого мира! Нас послал Свет!

Во взгляде Котенка я поймал неодобрение, а Шоки даже не снизошел до ответа. Вместо него, протолкавшись сквозь толпу, ответил взрослый — пожилой уже, лет сорока.

— Мальчик, ты думаешь, что первым пришел «помогать нам»?

Отвечать смысла не было.

— Я был в твоём возрасте, когда в наш город приходил воин из королевства Тамал. Он тоже говорил, что послан Светом. Он звал нас воевать, клялся, что разрушит башню повелителя Летящих в одиночку. Его больше никто не видел.

— Если бы вы помогли ему... — начал я.

— Ему помогли. С ним ушла половина Крылатых города. Никто не вернулся.

Мужчина подошел ко мне, положил руку на плечо и сказал почти ласково:

— Ты хочешь нам помочь — спасибо за это. Ты обманывал нас поначалу — но доказал, что по праву надел Крыло. Я рад, что ты вновь видишь... и даже лучше прежнего, раз стоишь во тьме без очков. Я говорю от имени взрослых мужчин — но, думаю, и Крылатые, и женщины города поддержат меня. Оставайтесь в городе, мы рады вас видеть, или уходите своим путем — и пусть удача останется с вами. Но войны мы не начнем.

— Спасибо, Старший моего Старшего, — торжественным тоном сказал Шоки. Словно повинувшись незаметной команде, взрослые стали расходиться. Потом рассосалась кучка девчонок. Остались лишь Крылатые.

— Шоки... — Я и сам почувствовал в своем голосе жалкие, умоляющие нотки. Но Шоки не дал мне закончить:

— Споров не будет, Данька. Мы решили. Ваш дом в порядке, можете возвращаться в него. Еду вам принесут, я распоряжусь. Отдыхайте.

И через минуту мы остались на площади одни.

Дул ветер, легкий, но прохладный, высоко над головой клубились тучи. Ни огонька в зашторенных окнах, ни шороха на расходящихся от площади улицах.

Темнота и тишина. Мрак и молчание. Ночь и небыль.

Только столб посреди площади. Лишь сейчас я понял, что это виселица со снятой до поры до времени веревкой.

Словно рассердившись на что-то, я перешел с Ностоящего зрения на обычное. Мир сжался, превратился

в крошечную клетку, освещенную Солнечным котенком. Слабенько же он стал светиться...

— Почему ты не сказал?

— Что мы не первые? — Котенок даже не взглянул в мою сторону.

— Да!

— Я не знал.

— Врешь!

— Данька, разве на Земле есть королевство Тамал? Это были посланцы Света из других миров. Я за них не отвечаю.

— Так, значит, и мы можем проиграть!

— Запросто. — Котенок медленно спланировал на мостовую, попал лапкой в лужу, брезгливо поморщился и запрыгнул Лэну на руку. — Идите домой, ребята. Наш разговор не для улицы, даже если она кажется пустой.

Шоки не соврал — нам принесли еды. Даже о сливках для Котенка позаботились. Мы ели молча, словно были в ссоре.

— Приуныли? — поинтересовался Котенок, долакав свои сливки.

Лэн молча терзал вилок котлету, словно задумал превратить ее обратно в фарш. Я ответил:

— А по-твоему, надо радоваться? Никто нам не поможет.

— Помогут, помогут. — Котенок словно ожидал моих слов. — Когда на город упадет Черный огонь, Крылатые передумают.

Я все еще не мог понять:

— Какой Черный огонь? Летящие не собираются нападать!

И Котенок, и Лэн молчали. Причем одинаково — словно знали то, о чем я никак не мог догадаться.

— Лэн... — Я посмотрел на своего Младшего. Лэн поднял глаза:

— Данька, Котенок хочет, чтобы мы сожгли город. Ты согласен?

Не знаю, за кого я больше обиделся — за Котенка, которого Лэн оскорбил, или за себя.

Я вскочил и ударил Лэна по лицу. Младший опрокинулся вместе со стулом, полежал секунду, потом сел на корточки и прижал руки к лицу. Из носа текла кровь.

— Ты рехнулся! — закричал я. И, уже ничего не сообщая, добавил: — Ты во Тьме! Это она говорит в тебе!

Лэн хлопнул носом, не делая попытки подняться, и прошептал:

— Да, я почти во Тьме... Поэтому и вижу ее лучше, чем ты.

Вся моя злость превратилась в стыд и жалость. Я сел рядом с Лэном, запрокинул ему голову, сказал:

— Подержи так, кровь быстрее остановится...

Что ж я наделал? Лэн меня на полголовы ниже и килограммов на десять легче. Нашел противника... Я вспомнил башню Летящих и крик Лэна перед тем, как в него стали вливать Черный огонь. К горлу подкатил комок.

— Лэн, прости... Котенок, а ты прости Лэна.

— За что?

Даже если очень хочется не верить, есть границы, за которыми сопротивляться глупо.

— Так Лэн угадал?

— Да. Вам придется сжечь город.

Все, что копилось во мне долгие дни — вся обида, и горечь, и злость, — все вырвалось наружу.

Я и не помню всего, что наговорил Котенку. И про то, как он затащил меня в этот мир, и как оставил одного в долине, и как меня ослепили, и что сделали с Лэном, и про Лабиринт Настоящего меча, и про торговцев...

А потом я замолчал, потому что больше обид не вспомнилось, а начини я перечислять их по второму кругу — обязательно бы разревелся.

Солнечный котенок слушал молча. Лишь один раз начал мусолить лапкой мордочку — когда я вспомнил о Лабиринте. Тихо-тихо вздохнул и спросил:

— Данька, ты выговорился?

— Да! — огрызнулся я, одной рукой запрокидывая Лэну голову, а другой обнимая его за плечи. — Ты вовсе не добрый, Котенок! И Свет твой ничем не лучше Тьмы!

Котенок снова вздохнул:

— Думаешь, мне это нравится, Данька? Это ведь только в сказках, если человек добрый, то он ничего плохого не делает. А в жизни, если Свет хочет бороться с Тьмой, то он должен быть жестоким. Нет у нас другого выхода, понимаешь?

— А это выход? Сжечь город и людей?

— Ну не весь же город... Может, никто и не пострадает. Надо сбросить пару склянок с Черным огнем на центр города, там жилых домов мало. Сгорят Клубы, мастерс-

кие, склады... Ну даже если пара домов и загорится — это же не атомная бомба! Все успеют выскочить! Зато Крылатые пойдут на Летящих.

— И все друг друга перебьют! Летящие драться умеют.

— Нет, Данька. Нам нужно, чтобы Летящие отвлеклись, стянули все силы в одно место. А мы атакуем их главную башню.

Почему-то, когда Котенок начал пересказывать свой план, он перестал казаться подлым и жестоким. Так, военная хитрость... Ну сгорит пара домов в городе — зато мы победим Летящих.

И я понял, что выгляжу теперь полным кретином.

— Ну и что мы сумеем сделать в главной башне? Неужели стоит убить правителя Летящих — и они все разбегутся и солнце появится?

— Не знаю я, Данька, — устало признался Котенок. — Я же объяснял — мне самому не все понятно. Но я чувствую, что надо атаковать главную башню.

— А где мы Черный огонь возьмем?

— Мало башен вокруг? — Котенок разве что плечами не пожал. — Неужели вы с Лэном не справитесь с одним-двумя Летящими? Башню разрушим, Черный огонь заберем. Все на пользу пойдет...

— А Летящих в башне — убьем.

— Да!

Все. Не было у меня больше возражений. Не мог я их найти, и только сердце грызла глухая, беспросветная тоска.

Я беспомощно посмотрел на Лэна:

— Младший... Это ведь твой город... Решай.

Лэн потрогал нос — кровь уже не шла, достал платок, осторожно высморкался. И сказал:

— Да я сразу понял, нет другого выхода.

Вот теперь все. Если даже Лэн соглашается...

— Давай бросим Черный огонь на другой город? — предложил я. — Здесь же твои друзья... — Я чуть не добавил «и мама», но вовремя замолчал.

На другой нельзя. Это подлость.

— А кто бросать будет? — спросил я Котенка так, словно колбы с Черным огнем уже стояли в шкафу.

— Ты, — не колеблясь ни секунды, сообщил Котенок. И торопливо заговорил, увидев мое лицо: — Я не могу,

356 физически. У меня лапки не поднимутся — это ведь

все-таки зло. Не могу я совершить *такое*. И Лэну нельзя, ему никак нельзя совершать злых поступков. Тьма только этого и ждет. Данька, ты пойми.

Почему-то я все должен понимать...

— Данька, ты не обижаешься? — Котенок требовательно смотрел на меня.

— Я разучился.

Мы еще говорили о чем-то — только это было так, впустую. Все уже решилось. Если бы я мог придумать выход...

Потом, поднявшись в свою спальню, я посмотрел Настоящим взглядом в зеркало. И увидел, что мое взрослое «я» улыбается. Чуть-чуть и с грустью. Но улыбается.

Котенок знал, кого брать в подручные.

Я снял с пояса меч Туака и пустые ножны Настоящего меча, повесил их на стену. Настоящий меч пока не спешил появляться, ждал своего часа. И я подумал, что, когда он наконец возникнет в ножнах, мне будет трудно удержаться от искушения сразу же его выхватить.

Ладно, проблемы надо решать по мере поступления.

Сев на кровать, я с ненавистью смотрел на зашторенное окно. Распахнуть бы занавески — и увидеть... нет, не солнце, сейчас все-таки ночь. Просто звезды — много-много ярких звезд, как в горах. И луну... интересно, здесь одна луна или несколько? Мне когда-то снился сон, что я купаюсь ночью в озере, а потом смотрю вверх — и вижу, что над головой целая толпа разноцветных лун. Жаль, такое бывает лишь во сне.

А здесь, даже если лун и много, не хватает сущей малости — солнца.

Я услышал, как скрипнула дверь, и отвернулся от окна. В комнату заглянул Лэн.

— Ты не спишь? — зачем-то спросил он. Ах да, свет я не зажигал, а Лэн без очков...

— Заходи. — Я хлопнул в ладоши, но лампа почему-то не зажглась.

— У меня тоже не горит. — Лэн уверенно прошел по комнате, сел на край кровати. — Их давно надо было поменять, еще перед уходом. Я завтра сбегаю на склад...

— Угу, — буркнул я.

Лэн мялся, и я вдруг почувствовал неловкость. Все равно как если бы он сидел с завязанными глазами и разговаривал со мной.

— Надо поменять, — еще раз согласился я, убирая Настоящий взгляд. — А то сидим в темноте... Может, свечки есть?

— Есть, внизу. Принести?

— Да ладно, все равно спать пора. Лэн?

— Что?

— Ты извини...

— Ладно, что я, не понимаю... Данька, я тебе одну вещь скажу, только не обижайся.

У меня заныло под ложечкой.

— Ну?

— Черный огонь на город сброшу я.

— Почему?!

— Это мой город. Если ты сожжешь его — ты станешь врагом. Чужим, который пришел со своей правдой. Не обижайся!

— А если ты сожжешь город?

— Я буду предателем. Только я предам не город и не людей, потому что я их люблю. Я нашу жизнь предам. Если у нас ничего не получится — я предателем и останусь. А если получится и жизнь изменится, я буду мятежником, бунтарем.

— Революционером, — подсказал я. — Лэн, а как же Тьма?

— Потерпит, — зло буркнул Лэн. — Данька, ты согласен?

— Давай вначале добудем Черный огонь. Потом решим.

— Ладно, — легко согласился Лэн. И замолчал.

— Тебе страшно?

Лэн поерзал, а потом признался:

— Темно. Я раньше не боялся темноты, честное слово. А сейчас она... словно притаилась перед прыжком.

— Знаешь что, — сказал я. — Ложись здесь и спи.

— Правда?

— Правда.

Лэн с готовностью растянулся на кровати и повеселевшим голосом сказал:

— С тобой не страшно... Я хотел Котенка к себе позвать, а он сидит внизу и книжки читает.

— Грамотей... — согласился я. — Лэн, у нас завтра вылет, не проспать бы.

— Я рано просыпаюсь... — сонно сообщил Лэн. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Я тоже закрыл глаза и лег. Рядом ровно дышал Младший, тишина стояла мертвая. Спокойной ночи... При-

вычное старое заклинание, может, еще первобытные люди желали друг другу перед сном спокойной ночи. И верили — так же, как и мы, — что пожелание спасет от любых бед.

Интересно, а когда я буду кидать на город колбы с Черным огнем, кому-нибудь поможет «спокойная ночь»?

Что бы ни говорил Лэн — ему нельзя сжигать город.

3. Черный огонь

Котенок высунул голову из-под воротника Крыла и недовольно спросил:

— Долго еще тянуть будем?

Я не ответил. Мы парили над башней Летящих уже с полчаса и никого не могли заметить. Пару раз Лэн пикировал вниз, кружил вокруг башни и вновь поднимался. Будь там много Летящих, они бы не удержались и бросились в погоню.

— Данька! — потребовал Котенок.

Посмотрев на Лэна, я качнул Крылом и начал снижаться. Башня медленно росла — словно не мы спускались, а скалы вспучивались нам навстречу.

Обычно Летящие ставят свои башни возле озер, рек или болот. Не то чтобы им очень нужна была вода... то ли традиция, то ли их представления о красоте.

Эта башня стояла посреди скал, а водой поблизости даже не пахло. Ее называли Круглой, хотя чем она была круглее остальных, никто объяснить не мог. Именно сюда пришел бывший Старший Лэна, Керт, когда решил стать Летящим. Наверное, потому Лэн и предложил напасть на нее.

Мы опустились на открытую площадку в самом верху башни. Три тонких каменных столбика поддерживали над площадкой деревянный колпак крыши, похожий на китайскую шляпу. Доски прогнили, на площадке валялся какой-то мусор, в углублениях скопилась вода. Ведущий вниз люк был полуоткрыт.

— Неряхи, — презрительно сказал Котенок, выбравшись у меня из-за пазухи и спрыгнув на пол. — Позорники... Ребята, стойте здесь, я пойду первым.

— Почему? — больше для порядка поинтересовался я. Мне было страшно.

— В меня труднее попасть, — объяснил Котенок. — Ждите. Он спрыгнул в люк, не спланировал, а именно спрыгнул. Шерстка его пылала — прятаться смысла не было, а вот напугать Летящих Свет мог.

Не сговариваясь, мы с Лэном вытащили мечи. Ножны Настоящего меча пустовали, и это чуть-чуть успокаивало. Значит, большой опасности нет.

— Спускайтесь, — пискнул снизу Котенок.

Комната, где мы оказались, тоже была пустой и захлавленной. Мусор, следы высохших луж, какие-то тряпки... несколько мечей без ножен. Лицо Лэна вдруг дрогнуло, он протянул руку:

— Это меч Керта...

Меч как меч, подлиннее моего и с кроваво-красным камнем на рукояти. Я осторожно поддел его ногой, сталь звякнула.

— Тише! — зашипел Котенок, вглядываясь в темноту винтовой лестницы, уходящей вниз.

Мы замерли, но, похоже, Котенок просто вслушивался в тишину.

— Это хороший меч, — прошептал Лэн мне на ухо. — Лучше твоего. Хочешь его взять?

— У меня есть хороший меч, — так же тихо ответил я. — Этот слишком тяжелый.

— Пошли! — Котенок побежал вниз по ступенькам. Мы двинулись следом, ориентируясь на идущий от него свет. В помещении очки помогали плохо, а Настоящее зрение мне использовать не хотелось.

— Странно, почему не горят факелы, — шепнул Лэн.

— Может, башня пуста?

Лэн с сомнением пожал плечами:

— У них вечно башен не хватает. Они предпочитают жить просторно...

Лестница привела нас в круглую комнату где-то на середине башни. Котенок спрыгнул на пол — и застыл на месте. Почувствовав неладное, я бросился к нему.

У стены стояла кровать — самая обыкновенная, застеленная белой простыней. На ней, глядя в потолок, лежал Летящий в черном комбинезоне. Одна рука свешивалась на пол, и перепонка крыла вздрагивала от сквозняка. Окно в комнате было выбито.

«Мертвый», — очень спокойно подумал я. Но Лэн, сжав меч обеими руками, стал подкрадываться к кровати. И

360 я сообразил, что мертвые Летящие каменеют.

Издав хрипящий звук, Летящий медленно повернул голову. Лэн замер. Холодный, стеклянный взгляд прополз по нам, потом Летящий сказал хрипло, но неожиданно громко:

— Дайте воды.

Оцепенение прошло. Я приблизился к кровати, держа меч на изготовку. Следом, тихо шипя и явно не замечая этого, шел Котенок.

— Не двигайся! — предупредил я. Летящий оскалился в улыбке:

— Не смогу. Я болен. Я умираю. Дайте воды.

— Обойдешься! — злорадно сказал Лэн.

Я молча отстегнул фляжку, поднес к губам Летящего. Тот сделал пару жадных глотков и отстранился. Сказал:

— Все. Во мне мало того, чему нужна вода. Но пить почему-то хочется.

— Ты сейчас умрешь, — сообщил Лэн.

Летящий кивнул:

— Умру. Минут пять... не больше.

— Не знал, что вы тоже болеете, — зачем-то сказал я.

— Мы болеем старостью. Дольше, чем вы... но тоже болеем.

Летящий долго смотрел на меня, потом кивнул:

— Я понял. Ты не отсюда. Ты пришел победить...

— Да! И он победит! — Котенок неожиданно встрял в разговор. Он весь напряжился, выгнув спинку и смотрел на умирающего Летящего с неожиданным вызовом. Летящий медленно повернул голову — мне показалось, что я слышу странный хруст. На простыню у лица Летящего осело облачко пыли.

— А... эмиссар Света... Забавный...

Он протянул к Котенку руку, и хруст стал явственнее. Зашелестели, падая на пол, песчинки. Котенок отпрыгнул и с удивлением спросил:

— Ты что, не боишься меня?

— Уже нет... уже не важно. Котенок... У меня тоже был... хороший... Мальчик, откуда ты пришел?

Лицо Летящего стало землисто-серым, изо рта при каждом слове вылетало облачко пыли. Я попытался ответить и не смог. Ужас шершавым комком застрял в горле.

— Ты не из Реттельхальма, я вижу... Да... Но жаль...

Он уже начинал заговариваться, а когда рука Летящего задела пол, от кисти отвалился палец. Каменный, лишь на изломе влажный, как мокрая глина.

— Зачем вы пришли сюда? Жалкая башня... старый Летящий. Мы редко умираем от старости. Вы умеете убивать... Зачем вы пришли?

— Нам нужен Черный огонь. — Я наконец-то смог ответить.

— А... — Кожа с лица Летящего сползала пластами серой штукатурки. — Что ж, попробуй, я не смог...

— Убей его, Данька! — завопил Котенок.

— Заткнись, гад! — взорвался я. — О чем ты говоришь, Летящий?

Но он уже перешел на другое:

— Черный огонь... Под шкафом... внизу... люк. Там есть запас... Возьми...

Теперь у него шевелились лишь губы. Все окаменело — и лицо, и руки, и даже глаза затянуло серым. Но он еще шептал:

— Котенок, забавный... я хотел, не смог... какая разница, за что воевать... я хотел...

Потом он замолчал.

Если бы Летящий не сказал про тайник, нам никогда бы его не найти. Там было четыре колбы с Черным огнем, и еще какая-то гадость в бутылках, которую мы не стали брать, и смешная тонкая шпага, которую я отнес наверх и положил на окаменевшего Летящего. В кожаном мешочке, лежавшем в самом углу тайника, была всякая странная мелочь: незнакомая монетка, огарок свечи, прозрачный кристаллик, мячик из красной резины, большой бронзовый ключ, перочинный ножик, карандаш... Эти вещи, наверное, что-то значили для Летящего, когда он еще был человеком. Их я тоже положил рядом с ним.

В одной из пустых комнат на столе я нашел карандашный рисунок, скорее даже набросок — быстрый, но уверенный. Я не стал говорить Лэну о нем. Керт нарисовал его после того, как стал Летящим, в этом я не сомневался. Название было написано на обороте: «Мой город». Но города там не было — только лица. Я узнал Шоки — с очень добрым серьезным лицом и пробивающейся из-под него ухмылкой; Ивона — обрюзгшего, толстого, благочестиво сложившего на груди руки; Герта — беззубого, с горящими глазами и брызгами слюны. Был там и Лэн.

Я поджег рисунок и положил на груды хлама в углу.

362 Открыл окошко, и ветер принялся весело раздувать ко-

стер. Керт не стал рисовать хуже и, наверное, не лгал. Просто он стал видеть *с другой стороны*.

Действительно не важно, за что воевать. И правду можно найти где угодно. Просто выбери вначале, как ты хочешь видеть, — и становись на ту или другую сторону.

Когда мы поднялись на открытую площадку, из нижних этажей башни уже тянуло дымом. Лэн бережно укладывал колбы с Черным огнем в сумку. Я взял у него одну, и Лэн поморщился:

— Зачем?

— Он заслужил, — ответил я, не вдаваясь в уточнения. Лэн не стал спорить, застегнул сумку и взлетел. Котенок хмуро смотрел на меня, потом поинтересовался:

— Почему ты меня обругал?

— Потому что понял, о чем говорил Летящий, — так же кратко, как Лэну, объяснил я. Котенок вздохнул, совсем человечески, и взлетел за Лэном.

Я еще постоял над открытым люком и, прежде чем бросить туда колбу, сказал:

— Я смогу. Я сильнее.

Башня запылала мгновенно, и горячий воздух подбросил меня, едва я раскрыл Крыло. Надо было спешить — срок нашего «патрулирования» заканчивался.

Дома я долго плескался в ванне. Наполнил ее до краев, плеснул шампуня и отмокал минут двадцать. Запах дыма въелся в волосы, а плечи болели — мы слишком много сегодня летали.

От горячей воды усталость не прошла, а превратилась в сонливость. Тогда я включил холодную воду и стоял под душем, пока с визгом не вылетел из ванной. Вот теперь стало хорошо. Обтеревшись тонким, слишком мягким полотенцем, я надел шорты, футболку и спустился вниз. Лэн сидел за столом, тоже мокрый и довольный, а Котенок вылизывался, улегшись в кресло.

Наверное, мы все чувствовали себя очень грязными.

— Данька, будешь суп? — заорал Лэн, едва увидев меня на лестнице. Он снова казался прежним Младшим, как после нашего знакомства, и я улыбнулся:

— Буду. Даже добавки попрошу.

— Вначале поговорим? — хмуро попросил Котенок, но мы с Лэном дружно замотали головами.

— Спелись, — фыркнул Котенок и принялся за жареное мясо. Суп он не любил.

Мы торопливо поели. Сумка Лэна стояла в углу комнаты, и мы все непроизвольно поглядывали туда.

— Поговорим? — снова подал голос Котенок. Даже немножко жалобно.

— Давай, — согласился я, отодвигая тарелку.

Решительности Котенку было не занимать. Тянуть он не стал:

— Данька, мы на грани ссоры. Так?

— Ага, — с какой-то неуместной радостью признал я.

— Это плохо! — с жаром заявил Котенок. — Послушай, Данька, мы столько преодолели! У тебя Настоящий меч, у нас Черный огонь, мы можем начать решающую битву между добром и злом. Все шансы на успех — у нас! Но только если мы будем вместе, будем дружны, как прежде...

— Котенок, — прервал я его, — а почему тот Летящий, когда он еще был человеком, не решился сжечь город и начать «решающую битву»?

Котенок заматал головой:

— Да с чего ты взял? Даже если он пришел из другого мира и боролся вначале за Свет...

— Не ври, — попросил я.

Котенок поколебался и сказал:

— Видимо, ему не хватило решительности. Он был слишком романтичным, слишком наивным. Думал, что за добро можно драться только честно. А когда понял, что от него требуется, растерялся. Ну... и ушел к Летящим.

— Может, он был прав? Летящие не сжигают города — а ты предлагаешь это сделать.

Котенок молчал. Нет, конечно, я не собирался уходить к Летящим. Но третью дверь в свой мир искать было еще не поздно. Пока я не натворил такого, после чего уже не уйти...

В дверь тихонько постучали. Лэн, явно обрадованный, бросился открывать. Котенок старательно не смотрел на меня.

Вошел Герт. Молча, словно чувствуя напряжение, висящее в комнате, потрепал Лэна по голове и направился к столу.

Мне сразу стало легче. Я понял, что надо делать.

— С возвращением, мальчики, — сказал Герт, усаживаясь. К «мальчикам» он отнес, похоже, и Котенка.

— Добрый вечер, Герт. — Мне до сих пор было трудно называть взрослых, тем более стариков, просто по имени. Но Герта я почему-то стариком не видел.

— Мне рассказали о том, что было на площади, — без предисловий начал Герт. — Данька, Лэн, это правда? О Черном огне?

Я посмотрел на Котенка. Тот перестал прятать глаза и хмуро заявил:

— Как хочешь. Говори...

И я рассказал. Все, от начала нашего похода и до умирающего Летящего в Круглой башне. Только про похищение Лэна совсем коротко, а про Гарет — не все...

Лэн принес чай — просто для порядка, и он безнадежно остыл к концу моего рассказа. А потом я замолчал и стал ждать слов Герта.

Он повернулся к Лэну, положил руку ему на плечо и сказал совсем не то, что я ожидал:

— Ты держись, Младший...

Я ждал. Герт посмотрел на меня и поинтересовался:

— Ты ведь сам это сделаешь? Лэну никак нельзя сжигать город...

— Да вы что? — У меня все перевернулось от спокойных слов Герта. — Seriously?

И тут же я понял — серьезно. Герт согласен с Котенком. У меня выбили из-под ног последнюю опору. И теперь остается только падать — все ниже, ниже, ниже...

— Давайте решим, как это сделать. — Герт говорил тихо, но твердо. — Надо сделать так, чтобы вас не заподозрили... и чтобы атака выглядела правдоподобно.

— Мы хотели сжечь нежилые здания. — Котенок вопросительно глянул на Герта. — Клубы, склады, мастерские...

Герт покачал головой:

— Подозрительно. Лучше сбросить эти колбы с большой высоты, из-под самых облаков. А дальше — ветер и судьба.

Можно привязать на каждую колбу длинную ленту материи, она замедлит падение и увеличит разброс. А Данька сложит крылья и приземлится раньше. Сразу вернется в дом, я тоже здесь буду. Засвидетельствую алиби...

Рассуждал Герт так уверенно, словно каждую неделю ему приходилось сжигать свой город.

— Как тебе план, Данька? — поинтересовался моим мнением Котенок. Я пожал плечами. Глупо спорить. Все «за». Даже Герт...

— Может быть, я еще и увижу солнце. — Старик слабо улыбнулся и погладил Котенка. — Как ты думаешь?

— Думаю, да.

Вот оно что... Солнышко, в которое уже никто не верит. И так хочется доказать всем, что был прав. Даже если придется сжечь город...

Я покосился на Лэна — не начнет ли он снова убеждать, что я не имею права бросать Черный огонь. Лэн молчал. Ну и прекрасно.

Вся вина будет на мне.

Ведь это я привел Котенка.

Мы решили начать через час — время уже будет позднее, на улицах никого не останется. Конечно, меня все равно могли заметить, но с этим риском приходилось мириться.

Время тянулось как в предновогодний вечер. Мы пили чай, и Герт снова расспрашивал меня о башне Летящих, о Настоящем мече... Я дал ему посмотреть ножны — пустые, легкие. Потом Лэн буркнул, что пойдет глянуть, есть ли еще народ на улицах. Он ушел, а мы продолжали разговаривать. Идиоты...

Я первым понял, что Младшего нет слишком долго, и посмотрел в угол. Сумка Лэна лежала там по-прежнему... только чуть обмякла. Я подошел к ней и открыл.

Внутри лежало свернутое в рулон старое Крыло. И все.

4. Дуэль

Над городом висела тьма. С гор дул ледяной шквальный ветер, и сквозь Крыло в тело проникал озноб. Небо казалось пустым, и ни очки, ни Настоящий взгляд не помогли мне рассмотреть Лэна.

Мы стояли на взлетной площадке башни и таращились по сторонам, словно ожидали, что Лэн вот-вот вернется и отдаст нам Черный огонь.

— Ему нельзя этого делать, — тоскливо повторил Герт. — Мальчик явно не в себе...

— Нельзя, — эхом отозвался Котенок.

— А зачем позволил Лэну уйти? — спросил я. Без всякой злости, просто у меня не было сомнений, что Котенок видел, как Лэн достает Черный огонь из сумки. Но Котенок неожиданно взорвался:

— Хватит обвинять, Данька! Я не знал этого! Я не собирался посылать Лэна на акцию! Где были твои глаза, Старший?

— На площади, в пыли! А за эти я не отвечаю — они из Света!

— Тихо, — прервал нас Герт. — Лэн!

Лэн падал — крошечное пятнышко, едва различимое в небе. Метрах в ста над землей он раскрыл Крыло — вначале чуть-чуть, а потом полностью. Он тормозил, спускаясь словно на двух маленьких парашютах. Я представил, как выворачивает руки набегающий ветер, и у меня самого заныли плечи.

Уже над самыми головами Лэн часто забил крыльями и опустился на башню мягко, словно после обычного планирования.

Он не удивился, увидев нас. Сложил Крыло и подошел ко мне.

— Зачем? — тихо спросил я.

Лэн пожал плечами... и улыбнулся!

— Ты же хотел этого, Данька.

Я попытался возмутиться... и не смог. Хотел? Я не хотел сжигать город сам! Это совсем другое.

Но выбор ведь был простым — либо я, либо Лэн должны это сделать. И Лэн меня опередил.

Опередил, потому что я особенно не торопился.

— Где колбы? — резко спросил Котенок.

Лэн неопределенно показал вверх:

— Там. Падают. Ветер сильный. Где упадут, не знаю.

Еще не понимая почему, я на шаг отступил от Лэна. И вдруг вспомнил, кто любил разговаривать такими короткими, рублеными фразами.

Лэн улыбался, поглядывая то на Котенка, то на меня. Потом сказал:

— Надо спуститься. Сейчас упадут. Вдруг прямо нам на головы?

Я лишь покачал головой. Лицо у Лэна было нормальным, и, кроме манеры говорить, ничего вроде бы не изменилось, но посмотреть на него Настоящим взглядом я не решился.

— Надо спуститься в дом, — повторил Лэн.

— Нет. — Я произнес это с неожиданным облегчением, прекрасно понимая, что не прав, но твердо зная, что не передумаю. — Я останусь здесь.

— Я тоже останусь, Даня. — Герт положил руку мне на плечо и посмотрел в лицо — строго, серьезно.

Котенок поерзал, но ничего не сказал. Просто встал между нами, прижимаясь к ногам. Лэн недоуменно фыркнул, потом пожал плечами:

— Ну ладно. Останемся.

Так мы и стояли с полминуты, глядя друг на друга и не решаясь посмотреть вверх. Ветер трепал Лэну волосы, отбрасывая на глаза, но он словно не замечал этого. Так я и запомнил этот миг...

Первым вспыхнуло здание, которое было мне знакомо. Клуб Старших. Темное пламя мгновенно растеклось по крыше, и шорох пылающего дерева казался в тишине громким, как автоматные выстрелы.

«Это не так уж страшно, — подумал я. — Это не атомная бомба... даже не напалм...»

Пламя словно дожидалось этой мысли. Черный огонь стек со стен и заплясал на булыжной мостовой, подбираясь к соседним домам. И тут полыхнуло второй раз — теперь гораздо ближе, метрах в ста от нас. Я почувствовал жаркую волну, ударившую в лицо, и низкое квадратное здание в конце улицы развалилось. Мгновенно, словно его взорвали изнутри.

— Оружейные склады. — В голосе Герта была растерянность. — Лэн, как ты ухитрился нацелиться?

Я повернулся, с трудом отрывая глаза от огня, и увидел смущенную улыбку на лице Младшего. Так улыбаются, услышав незаслуженную, но лестную похвалу.

— Да я не целился... Ветер и судьба. Так, Герт?

Герт молчал. «Проняло», — с радостью подумал я.

— Ветер и судьба, — прошептал Котенок. — Сознательно ты, конечно, не целился...

Ударило в третий раз — тоже недалеко, на окраине.

368 И лицо Герта побледнело, утрачивая всю энергию и

силу. Он вмиг стал тем, кем так не хотел выглядеть, — дряхлым старым человеком.

— Жилые кварталы... — С лица Лэна сползла улыбка.

Что-то прошептав, Герт бросился вниз по лестнице. Я дернулся было за ним, потом сообразил, что для нас есть и другой путь, побыстрее. Расправил Крыло и прыгнул с башни.

— Зря! — крикнул вслед Котенок. Я его не слушал. Работая крыльями, поднялся выше, попал в поток горячего воздуха, идущего от пылающих складов, заскользил к месту последнего пожарища. И только сейчас, через минуту после падения первой колбы, тишину разорвал крик.

Преданный город просыпался.

Я почти долетел до горящих домов, когда с башни под мной стартовал Крылатый — мой ровесник, а значит — Младший. Приблизился и крикнул, явно не узнавая меня:

— Вверх! Шоки приказал найти Летящих!

Что ж, вверх так вверх... Я стал подниматься, потихоньку удаляясь от Крылатых, один за другим рвущихся в небо. Искать Летящих я, конечно, не собирался. Уже через минуту, заложив вираж, я снова скользил к земле.

Пылало пять или шесть домов — уже не черным, а самым обычным огнем. Глаза резало от яркого света, пока я не догадался поднять щиток светумножителя. Вокруг суетились люди — в основном взрослые и девушки. Крылатых почти не было, они ловили несуществующих диверсантов.

Пожар тушили — но чертовски неумело. Даже двигались все как-то скованно... Собообразив, в чем дело, я стал носиться среди толпы, хватая людей за руки и крича, чтобы они сняли очки.

Крылатые не освещали улиц, и мысль о том, что снаружи может быть светло, не приходила им в головы...

Откуда-то из соседних домов ведрами по цепочке начали передавать воду. Пользы от нее оказалось немного. Черный огонь от воды лишь расползался вокруг, подступая к соседним зданиям. Постепенно попытки тушить прекратились, люди стояли молча, глядя на обреченные дома.

— Песком надо тушить, — сказал я, ни к кому не обращаясь.

— Поблизости песка нет, Даня. — Мне на плечо легла рука Герта. Он тяжело дышал, видно, бежал всю дорогу. — Никто не ждал налета...

Дома горели. Начали отваливаться ставни, глухо, неохотно лопались стекла. Гул пламени изменился, прозрачные языки огня врывались внутрь, захлестывали комнаты, словно одержимые жадой разрушения.

— Все выбрались? — спросил Герт. Я пожал плечами — наверное... Иначе люди не стояли бы так тихо.

И в этот момент распахнулись ставни на втором этаже одного из горящих домов. Не вывалились, а распахнулись, вместе с застекленными рамами. Комната была уже заполнена пламенем, и силуэт мальчишки у окна казался вырезанным из темной бумаги. Мальчишка вскарабкался на подоконник и замер. Под ним было метра четыре и охваченная Черным огнем булыжная мостовая.

Толпа молчала. И я вдруг понял — они прекрасно знали, что из этого дома не все успели выйти.

Герт рядом тяжело выдохнул. Отпустил мое плечо.

Мальчишка продолжал стоять. Любой Крылатый, даже самый неопытный Младший, прыгнул бы вниз — в этом был крошечный, но шанс. Но мальчишке было лет семь, не больше.

Он еще не научился бояться высоты.

Герт беспомощно посмотрел на меня — даже не на меня, а на складки Крыла, свисающие с моих плеч. Неужели он не понимает: к мальчишке не подлететь, не выхватить его с подоконника в лучшем стиле Супермена. Пламя сожжет, искорежит тонкую ткань Крыла, засосет в окно, как в аэродинамическую трубу...

Герт бросился к дому — перепрыгивая через лужицы горящего камня, петляя из стороны в сторону. Сухая стариковская фигура казалась такой нелепой в этих акробатических прыжках, что я едва не расхохотался.

Что со мной?

— Прыгай! — Я скорее угадал, чем услышал крик Герта. Он стоял под раскрытым окном, подняв руки, и пламя лизало его ноги. Брюки дымились. — Прыгай!

Мальчишка шагнул было вперед, потом отшатнулся... Герт ждал, он словно не чувствовал боли.

Всему есть мера. Герт расплачивался за свое «да» разрушению города. Я знал, какой будет окончательная цена для Герта.

И, наверное, не меньше заплатим мы с Лэном.

Мальчишка все-таки прыгнул. В тот самый миг, когда Черный огонь закончил глотать здание и оно осыпалось,

370 заваливая мостовую, где стоял в огне Герт.

Толпа шарахнулась — от груди камня снопами летели искры, шел удушливый дым, накатывались волны жара. Я остался один возле могилы Герта. Нет, не один...

Лэн стоял рядом, я не заметил, когда он появился. По лицу Младшего текли слезы.

— Скажи что-нибудь... — попросил я.

Лэн медленно повернул голову:

— Данька, это из-за меня, да? Герт погиб, потому что...

— Нет, — хватая его за руку и оттаскивая от огня, сказал я. — Это судьба. Ты не виноват, Младший.

Чья-то рука жестко ударила меня в грудь — не то останавливая, не то сбивая с ног. Я поднял голову. Шоки.

— То, о чем вы говорили, — бесцветным голосом сказал Шоки. Лицо его было черным от копоти, он явно летал над горящими зданиями.

— Да, — ответил я. — Ты не верил.

— И сейчас не верю... — Шоки медленно поднял руки, провел ладонями по лицу, словно стирая копоть. Следы от его пальцев оказались еще чернее. — Это провокация.

Он уговаривал сам себя.

— Война началась, — ответил я.

Шоки покачал головой:

— Нет. Мы не поддадимся. Мы не будем нападать...

Во мне что-то оборвалось. Зря, все зря. И Герт погиб бесполезно. Может, это и есть наша с Лэном расплата?

И тут заговорил мой Младший:

— Ты все готов простить, Шоки. Герт сгорел — тебе и на это плевать?

— Герт? — Лицо Шоки дрогнуло. Наверное, и для Крылатых семья что-то значила...

— Летящие сожгли город, — продолжал Лэн. — Ты примиришься?

Как он может так говорить? Обвинять Летящих в том, что совершил полчаса назад? Козырять смертью Герта, когда на глазах еще не высохли слезы...

— Замолчи! — крикнул Шоки. — За твои слова придется отвечать Даньке! Мы не начнем войны! Вы спровоцировали атаку!

Я оглянулся — вокруг нас сжалось кольцо Крылатых, взрослых, девчонок, все полуодетые, растерянные, еще ничего толком не осознавшие.

— А кто ответит за твои слова, Шоки? — прошептал я.

— Я сам.

— Ответь. — Я почувствовал, как оттянули пояс пустые прежде ножны. — Если ты не поведешь Крылатых в бой — мы найдем другого вожда.

Главное — противопоставить Крылатым Шоки, а не себя.

— Ты хочешь драки? — с радостным облегчением спросил Шоки.

— Я хочу войны с Летящими.

— Ее не будет.

— Тогда я хочу драки.

Шоки достал меч — плавно, неспешно. Толпа сразу наступила пошире. Посмотрел на меня, прикидывая что-то, и сказал:

— Дуэль на земле. Без Крыльев.

В воздухе у него было бы мало шансов. На земле их не было у меня. Шоки был старше, опытнее, сильнее.

— Хорошо. — Я положил руку на рукоять Настоящего меча. Неужели мой враг — Шоки? А почему бы и нет... Он ослепил меня, он разрушил наш план...

Он пытался спасти свой город.

Достав меч Крошки Туака, я посмотрел на Шоки Настоящим взглядом.

Шоки хотел умереть.

От неожиданности я замер, опуская меч. В лице Шоки были лишь усталость и смерть — его собственная смерть. Он устал — так, словно ему было сорок, а не двадцать. Он не верил ни в Свет, ни в Тьму. И даже в маленький домик под чужим солнцем, как все остальные Старшие, он не верил.

Нападение на город подкосило Шоки. Он не хотел принимать решений, он хотел лишь умереть.

И его первый выпад был ударом вполсилы, достаточно легким, чтобы я смог его отбить.

Мы кружились, держа мечи наготове, и человеческая стена вокруг колебалась, растягивалась, давая место для боя. Догорающие здания, всеми мгновенно забытые, казались вовремя поставленной декорацией.

— Шоки, — прошептал я, — мы сможем победить. Вместе мы победим...

Удар — гораздо более красивый, чем эффективный, размашистый удар по шее. Я пригнулся, пропуская меч над головой. Шоки раскрылся... но я не ударил.

— Шоки, я не буду атаковать, давай пого...

Мечи жалобно взвизгнули, скользнув друг по другу. Вот теперь Шоки начал атаковать по-серьезному, и лишь Настоящий взгляд помогал мне предугадывать и парировать удары.

— Шоки, если ты убьешь меня...

Удар, прыжок, защита.

— ...или я тебя, значит, Герт погиб напрасно...

Наконец-то я его разговорил.

— Дед давно выжил из ума. — Шоки чуть замедлил движения. — У нас нет шансов, Данька.

И снова удар, такой быстрый и точный, что я не успел среагировать. Клинок с визгом ударил по гарде, и мой меч выпал из вывернутой кисти. Шоки наступал, не оставляя шансов подобрать меч. Правда, есть еще и Настоящий меч... и Крыло, чтобы удрать, навсегда потеряв уважение Крылатых.

Я стоял, глядя на Шоки, и в глазах его была смерть.

— Ты не хочешь умирать один, — сказал я так тихо, чтобы расслышал лишь он. — Ты хочешь увести с собой всех, отдать Крылатых на растерзание Летящим.

Клинок Шоки дрожал у моего горла.

— Я буду лишь первым, Шоки, — вполголоса продолжил я. — Затем — все остальные. Ты потерял волю к борьбе... а из-за этого погибнут тысячи.

— У нас нет шансов, Данька.

— Пока мы с Котенком живы — шансы есть.

— Много?

— Нет. Чуть-чуть надежды...

Шоки криво улыбнулся. Опустил меч, оглядел притихших «зрителей». Сказал:

— Будем считать, что мы со Старшим Данькой успокаивали нервы в поединке. Алк!

Белобрысый неуклюжий парень протолкался сквозь толпу и ожидающе посмотрел на Шоки.

— Кто погиб?

— Мальчишка и старик в этом доме... — Алк вяло махнул рукой. — Две девчонки, которые убирали в Клубе.

— Боеспособные не потеряны, — жестко заключил Шоки.

— У Кира рука обожжена.

— Залижет. Меня всем слышно?

Толпа молчала, но Шоки и не ждал ответа.

— Тогда слушайте! Я говорю не для Крылатых — они пойдут за мной. Для девушек, взрослых, стариков — сообщаю. Мы пойдем возвращать Свет. Небоееспособным рекомендую идти в ближайшие города... или к торговцам.

Я подумал о том, какой смысл имеют у Крылатых слова «отправился искать Свет» или «ушел туда, где светло», и понял, что Шоки предельно точно обозначил свое отношение к походу. Мы идем умирать.

Может, потому он и согласился со мной?

Из толпы вдруг вышел мужчина, лет на пять старше Шоки, темноволосый, смуглый. Я его помнил, это он говорил Шоки, что обо мне придется заботиться... когда мне выкалывали глаза.

— С каких пор взрослые мужчины небоеспособны, Старший Крылатых?

Шоки удивленно приподнял брови:

— А когда вы воевали с Летящими?

— Еще недавно, Шоки. И вспомни, кто охраняет караваны торговцев?

— Взрослым не принято воевать, — упрямо продолжил Шоки. — Вы свой долг выполнили. Теперь...

— Теперь должны воевать за место под чужим солнцем? Так?

Шоки замолчал.

— Не спорь, Младший, — почти ласково сказал мужчина и похлопал Шоки по плечу.

Забавно. Значит, Лэн всегда будет для меня Младшим... Был бы, не отправься мы возвращать Свет.

5. Поход

— Об этом знаешь только ты, — сказал Шоки Котенок.

Мы были втроем, Лэн поднялся в свою комнату и закрыл дверь. Я не стал его останавливать... я еще помнил, как он улыбался, глядя на горящий город.

— Значит, мы — приманка? — Шоки пока никак не обозначил своего отношения к услышанному.

— Даже не вы — взрослые. — Котенок мило улыбнулся. — Это хорошо, что они решили пойти в бой... Удобно.

— Летящие заметят наше продвижение и встретят вас на подступах к главной башне. — Котенок потер мордочку лапкой и задумчиво добавил: — Да, заметят нас и встретят вас... Взрослые будут вести бой на земле до тех пор, пока Летящие не навалятся всей силой. Тогда в схватку вступят Крылатые. Если у врага и будут какие-то резервы — на охране башни или поблизости, — они их тоже введут в бой. А мы с Данькой и Лэном проникнем в башню.

— И что?

— Этого я сказать не могу, — твердо заявил Котенок. Еще бы, он ведь и сам не знал... — Но если мы проникнем в башню — мы победим.

— Тучи разойдутся? — поинтересовался Шоки.

— При чем тут тучи? Над ними солнца нет. — Котенок казался совершенно спокойным.

Шоки посмотрел на карту, где змеилась небрежно начерченная линия — путь к главной башне Летящих.

— Еще вопрос, Котенок... По пути мы проходим перевал Семнадцати. Там башня Летящих...

Котенок поморщился:

— Обогнем.

— Котенок, я поведу людей почти на верную смерть. Я должен дать им хоть маленькую победу в пути.

— Хорошо, — легко согласился Котенок. — Разрушим.

Шоки встал из-за стола, посмотрел на меня. Сказал:

— Данька, надеюсь, я не зря тебе поверил.

— Если я ошибаюсь, то умру, — просто ответил я.

— Это будет справедливо, — согласился Шоки. — Мы выходим через час, собирайтесь.

Дверь за Шоки хлопнула, и мы остались одни. Я спросил:

— Котенок, что в главной башне?

— Победа, — вылизываясь, ответил Котенок.

Мне вдруг стало противно. Я встал, прошелся по комнате, посмотрел еще раз на картину Керта — ту, где Летящие и Крылатые неслись навстречу друг другу, сливаясь на горизонте водоедино...

— Котенок, тебе не кажется, что мы перестали быть друзьями? — тихо поинтересовался я. Летящие и Крылатые на картине все длили и длили свой бесконечный полет, а Котенок молчал — я чувствовал, что он смотрит на меня. **375**

— Даня, малыш, — совсем незнакомым, нежным и грустным голосом сказал Котенок. — Не сердись на меня... и на Свет, если можешь... Да, я веду себя не как друг. Прости.

— Что с тобой? — Я обернулся.

Солнечный котенок плакал.

— Что с тобой? — беспомощно повторил я.

— Ты думаешь, это просто — быть инструментом Света? — Солнечный котенок поднял мордочку. — Да, я уже не твой друг. Дружат равные. А я веду по пути, которым ты должен пройти, заставляю тебя взрослеть и уметь быстрее, чем это возможно.

Обида прошла, и осталась печаль.

— Котенок, я понимаю... Я верю тебе, я люблю тебя.

Солнечный котенок замотал головой:

— Не надо, Даня. Это не то, что мне нужно. В любви равных нет. Понимаешь, во мне слишком много человеческого, детского... без этого было нельзя, ты не поверил бы мне иначе... Но зато мне, мне самому, так трудно...

— Котенок... — Я протянул руку и коснулся теплого меха. — Зачем мне становиться взрослее?

— Мальчишка не взял бы Настоящий меч... и не прошел бы весь путь.

— Так, может, тебе стоило увести из нашего мира взрослого человека?

Котенок хмыкнул.

— А взрослый бы не пошел за мной. Взрослые — для тех миров, где фотоны-протоны и лазерные пистолеты. Прости. И не надо меня любить.

— Хорошо, — сказал я серьезно. — Не буду. Но когда мы пройдем путь до конца и победим, мы ведь потом сможем стать друзьями?

— Если для меня будет «потом».

Опустив голову, я прижался к Котенку. Тепло, свет, покой... Хотя бы на час, на полчаса, пока еще есть время.

— Скажи, с кем мне сражаться Настоящим мечом?

— Не могу. Это не метод Света, Данька. Пусть я веду тебя и заставляю делать выбор, но сам выбор — за тобой. Ты поймешь.

— А если не пойму?

— Тогда придет другой.

Я еще посидел так, прижимаясь к Котенку. А когда поднял голову, рядом стоял Лэн. Глаза у него были сухими, но красными.

- Старший, я собрал вещи.
- Хорошо, — сказал я Лэну. — Хорошо. И знаешь что...
- Знаю, — покорно ответил Лэн. — Я не буду тебя любить.

Перевал Семнадцати назвали так давным-давно, еще когда в небе светило солнце. Я-то думал, что Семнадцать — это Крылатые, сражавшиеся на перевале против врага, или Летящие, убитые в бою отважным героем.

Ничего подобного. Семнадцать человек шли через перевал, тащили какой-то груз на продажу. Их накрыло лавиной, стащило вниз по склону — прямо к цели их путешествия, и... все остались в живых. Чудо, правда? Вот перевал и назвали в честь события.

Еще неделю назад я бы огорчился недостатком романтики. Сейчас мне было как-то все равно. Я выслушал рассказ Шоки и пожал плечами. Дошли — и ладно. До главной башни Летящих было теперь полдня пути.

Башня Летящих, которую Шоки решил разгромить по дороге, была перед нами. Невысокая, пузатая, как бочонок, стоящая вплитирку к скале, по которой струился маленький негромкий водопад. Крылатые — те пятьдесят пар, что Шоки отобрал для атаки, — затаились на склоне горы под башней. Еще три сотни пар Крылатых и с полтысячи взрослых мужчин шли следом. Не так уж и много, даже в старину тысячу бойцов за армию не считали. Но и Летящих не должно быть больше тысячи.

— Как ты думаешь, здесь народу много? — спросил я у Шоки, который медлил дать сигнал к атаке. Старший Крылатых смерил меня недоумевающим взглядом:

- Какого народу?
- Ну... Летящих...

Шоки лишь покачал головой, потом сказал:

— Сейчас проверим. Больше десятка быть не может.

Шоки ошибся.

Когда Крылатые бросились в атаку — Младшие летели над самым склоном, Старшие поднимались скачками, так было легче, — из амбразур башни навстречу им посыпались стрелы. А с верхушки башни, из распахнувшегося люка, 377

выпрыгивали и летели вниз черные тени. Десятка два Летящих да еще арбалетчики, палящие почти непрерывно.

— Тьма! — Шоки вскочил, затравленно посмотрел на меня, потом на своего Младшего. Бросил ему: — Охраняй!

Младший Шоки, невысокий крепкий парень лет пятнадцати, молча кивнул. А Шоки кинулся к башне.

— Хочется в бой? — спросил я у парня. Тот не ответил. Меня он явно недолюбливал, а свое задание едва терпел. Охранять чужого Старшего, который прикидывается героем, а само — младше его!.. Мне такое отношение не нравилось, но я молчал. Охрана, как ни странно, мне была необходима...

Когда я решил пойти вместе с маленьким штурмовым отрядом, это не встретило одобрения ни у Котенка, ни у Шоки. Оба считали, что мне не стоит отвлекаться, рисковать своей драгоценной жизнью. Ха!.. Кончилось тем, что Котенок и Шоки сдались, но отобрали у меня меч Туака — чтобы уж точно не лез в бой. Я не спорил, мне действительно хотелось не драки — одиночества. Котенок и Лэн слишком хорошо меня знали, чтобы хоть на миг расслабиться рядом с ними.

Крылатые и Летящие схлестнулись. У башни кружили две стаи — иначе и не скажешь. Через мгновение я уже не мог различить, где друзья, а где враги. Блеск мечей, хлопанье крыльев, слившееся в ровный шум, редкие вскрики, предвещающие падение очередной жертвы.

Нас все-таки было куда больше. Летящие обречены.

И мне стало их немного жалко.

Я вспомнил старого Летящего, умиравшего в своей башне. Какая разница, за что воевать? Разве не могло так сложиться, что я оказался бы среди Летящих?

Глупости. Чужие, невесть как закравшиеся в голову мысли. Я ведь хочу помочь людям... помочь Свету...

Я вдруг понял, почему пошел к этой башне. Мне нужен знак, нужно доказательство моей правоты. Я не хочу умирать за Свет. Я должен понять, почему выбрал его сторону.

Пустые ножны Настоящего меча потяжелели. Я не удивился. Должен быть знак и должен быть выбор. На дороге, которой вел меня Солнечный котенок, очень много поворотов...

Из тучи сражающихся вырвался Летящий. Скользнул над самой землей, раскинув черные крылья, опустился метрах в трех от нас. Кровь на клинке тьмы светилась розовой изморозью.

Младший Шоки сделал шаг, заслоняя меня.

— Не ты. — Летящий качнул мечом. — Уйди, мне нужен он.

Мой охранник ждал. Он оценивал силы реально и тянул время, не лез в безнадежную атаку.

— Сам выбрал... — Летящий сделал быстрый выпад, Младший Шоки уклонился, попробовал ударить. Летящий небрежно отбил его меч и пошел в атаку. Клинок казался продолжением его руки, движения были точны и стремительны. Настоящее зрение помогало мне угадывать следующий выпад — но мой телохранитель не имел такого подспорья.

А у меня не было меча. Настоящий меч должен дожидаться своего врага... даже если угрюмого парня, которому я так не нравился, изрубят на кусочки. Я знал это той холодной, взрослой частью себя, что помогла мне пройти Лабиринт Меча. Я знал, что Младший Шоки обречен... и что смерть его даст те драгоценные секунды, за которые успеет прийти помощь.

Летящий прижал Младшего Шоки к валунам, в изобилии разбросанным вокруг. Крылатому нужно было две-три секунды, чтобы взлететь или просто запрыгнуть на камни...

Я бросился на Летящего со спины, прекрасно понимая, что шансов нет. Враг не мог не заметить мое движение... и клинок тьмы встретит меня в прыжке. Я погибну сам — и даже не спасу своего «защитника»...

Я видел Настоящим взглядом в секунды, которые растянулись, стали бесконечно долгими, как напряглась спина Летящего, как замер в его руке меч. Он почувствовал мой рывок... и ждал удара в спину.

Выбросив вперед руки, я изо всех сил толкнул Летящего. Черная фигура качнулась, но устояла, словно я врезался в камень. Ноги подвернулись на склоне, и я упал.

Развернувшись, Летящий нагнулся, одним движением сгреб меня за воротник Крыла и поднял. Лицо его было совсем рядом — взрослое, холодное... и удивленное. Я чувствовал запах — едкий, неприятный запах того, кто уже не был человеком.

— Почему ты поступил так? — Губы Летящего почти не двигались. — Ты должен был остаться в стороне. Или ударить мечом.

— И проиграть? — прохрипел я. Воротник сдавил горло, я задыхался.

— Да. Что тобой движет?..

Лицо Летящего вдруг исказилось гримасой боли, посерело, руки ослабли и разжались. Я снова упал, едва успев подставить руки, и, сидя на земле, увидел — из груди Летящего торчит острое меча. Младший Шоки воспользовался нашей «беседой» не для бегства.

— Что вами движет?.. — повторил Летящий, ощупывая кончик меча пальцами. Мои глупый поступок удивил его больше, чем собственная смерть. — Что?

— Тебе уже не понять, — глядя в мутнеющие глаза, ответил я.

Летящий грудой щебня обрушился на землю. Каменная кисть откатилась ко мне, и я шарахнулся в сторону.

— Что случилось? — Шоки тяжело приземлился рядом. Бросил на меня быстрый взгляд, подошел к своему Младшему, вытирающему меч.

— Все в порядке, я справился, — хмуро ответил тот. Тоже мне герой. «Я справился»...

Шоки похлопал его по плечу, взглянул вверх. Бой у башни уже кончился, Крылатые облепили площадку наверху, рубили закрытый люк — зло посверкивали мечи.

— Разнесем по камешкам. — Шоки минуту смотрел на башню, а потом неожиданно сказал: — Сюда пришел мой брат, когда решил стать Летящим.

Я принял эти слова без всякого удивления. Сказал:

— Только не сразу, Шоки. Вначале посмотрим, на чем стоит эта башня.

Мы спускались по винтовой лестнице — я, Шоки и его Младший. В некоторых комнатах еще были Крылатые — рылись в шкафах, рассматривали чужое оружие, книги, написанные странными замысловатыми значками. Понятно, Крылатым не так часто удавалось захватить башню... И все-таки мне было не по себе от этого сбора трофеев.

Лестница привела нас в подвал — там было пусто и темно. Очки в полной тьме не помогали, и Шоки, ругнувшись, сходил за факелом Летящих — его багрово-черный свет был лучше, чем ничего.

— Что ты здесь ищешь? — неожиданно спросил Младший Шоки. Он первый раз заговорил со мной, и я торопливо ответил:

— Здесь должен быть Солнечный камень.

— У Летящих? — Тон Младшего был достаточно красноречив.

Я еще раз осмотрел подвал — круглое просторное помещение с каменным полом.

— Если здесь есть Солнечный камень, Летящие его замуровали, — скептически сказал Шоки.

Я не спорил. Ходил и искал люк, пока руку не обдало холодом, идущим из неприметной щели в полу.

Там была еще одна комната, с низким потолком и чуть поменьше. Вдоль стены стояли кресла — на вид удобные, но из тяжелого, как камень, дерева. В центре комнаты, укутанная плотной тканью, лежала широкая плоская глыба. Я подошел и осторожно потянул край полотнища.

Зеркало... Ткань оказалась мягкой, гибкой, но абсолютно зеркальной с изнанки. Я стащил ее до половины, когда почувствовал волну леденящего холода, скользящую по ногам.

Шоки вскрикнул и заслонился рукой, его Младший отступил на шаг. Сжимая зеркальную ткань, я отошел к ним.

На полу лежал черный валун, испускающий холодный черный свет.

— Это... это не Солнечный камень, — сообщил Шоки.— Что это, Данька?

Откуда мне знать... Я словно в первый раз окинул комнату взглядом. Кресла по кругу, камень в центре. Что они здесь делали, Летящие? Молились и поклонялись черной глыбе? Грелись в ледяных лучах? «Питались» — как Солнечный котенок? Просто отдыхали?

И что же это такое — Камень Тьмы?

Стараясь не замечать пробирающего до костей холода, я вернулся к камню. Сел рядом с ним на корточки, тихо произнес:

— Может, ты умеешь видеть и думать? Если это волшебство, то всякое бывает, точно?

У меня немели руки и лицо, но я старался не замечать этого. Я должен, должен понять...

Крылатые испугались... а мне не страшно. Честно. Я бояться разучился. Ты просто светишь наоборот, вот и все...

Светишь наоборот...

Я протянул руку и коснулся черной поверхности. Пальцы обожгла мгновенная боль — словно в тело вонзились тонкие иглы и принялись высасывать кровь.

Больно... Темно... Пусто...

В какой-то миг я понял — понял все: и что такое Солнечный камень, и почему воюют Свет и Тьма, и кто мой главный враг. Лишь на миг — потом знание ушло. А камень под моей рукой дрогнул, словно каждый кусочек его выворачивался наизнанку.

Свет — Настоящий свет, теплый, радостный, добрый — залил подвал. Я даже не сразу понял, что руку обжигает не холод, а жар. Это оказалось так похоже... Те же тонкие иглы, которые под завязку накачивают теплом.

— Свет... — Голос Шоки дрожал. — Это было заклятие Летящих, ты снял его, Данька?

Шоки по-прежнему прикрывался рукой, только теперь от ослепительного сияния, и я невольно улыбнулся.

— Да, Шоки, — ласково и снисходительно, словно Лэну иногда, сказал я. А потом нагнулся к Солнечному камню, чтобы Крылатые не услышали, и тихонько прошептал: — Тебе все равно, как светить, верно? Тебе хорошо. Легко.

Солнечный камень не ответил — если он и мог слышать, то уж не говорил-то точно. Я погрел немного руки над ним, потом встал. Шоки со своим Младшим как замороженные смотрели на Свет. И даже не замечали, как стены подвала трескаются, как целые камни в них хрустят, рассыпаясь в песок.

— Пойдемте, Крылатые, — сказал я. — Башня Летящих не привыкла к такому свету. Она развалится минут через пять. Пойдемте.

Главная башня Летящих была видна издалека. Черная игла, впившаяся в небо, маячила за скалами, то приседая, то вытягиваясь в такт подъемам и спускам тропы. Хотелось верить, что нас еще не заметили.

Мы с Лэном и Котенком шли в хвосте колонны. Когда Крылатые остановились на очередной привал, мы успели перекусить, прежде чем идущий впереди Шоки добрался к нам.

— Мне кажется, нас заметили, — без предисловий начал он.

Котенок иронично посмотрел на Шоки и спросил:

— Как ты дошел до этой мысли?

— Чувствую. — Шоки не собирался обижаться.

— Нас заметили давным-давно, — сообщил Котенок. — Не зря в той башне, где Данька нашел Солнеч-

ный камень, оказалось так много Летящих. Это было последнее предупреждение.

— Так. — Шоки помрачнел.

— Теперь мы разделимся, — продолжил Котенок. — У нас будет своя цель, у вас — своя.

Я отошел, присел прямо на землю. Котенок что-то разъяснял Шоки, повторяя давно обговоренные вещи. Лэн постоял возле них, потом подошел ко мне, присел.

— У вас дождь бывает? — спросил я, глядя в ровные серые тучи.

— Очень редко, — подумав, словно об очень важной вещи, ответил Лэн.

— Победим — будет. — Мне вдруг захотелось пообещать ему что-то иное, кроме неизбежного боя в башне.

— Хорошо, — согласился Лэн. И задумчиво сказал: — Знаешь, наверное, очень обидно бороться-бороться, а в самом конце — умереть.

— Ты чего? — Я насторожился.

Лэн хмыкнул:

— Мне до конца не дойти, Данька. Я знаю.

— Брось...

— Внутри все холоднее и холоднее, — словно не слыша меня, говорил Лэн. — И это уже не страшно. Понимаешь?

Я кивнул. Глупо было валять дурака.

— Помни про ключ. — Лэн вдруг хлопнул меня по плечу, и я вздрогнул. Жест был совершенно нормальным... только не для Лэна. — Когда умирает Крыло, то и тот, кто в нем, гибнет.

Надо было сказать, что ключ я ломать не собираюсь — что бы ни случилось. Вот только я боялся, что неправду Лэн почувствует, — и промолчал.

— Помни про ключ, — повторил Лэн.

А потом к нам подошел Котенок, и мы сидели, глядя, как уходят по тропе Крылатые и взрослые.

Теперь мы шли среди скал, без всякой дороги. Шли медленно — и Котенок нас не торопил. Он то сидел у Лэна на руках, то забирался к нему за пазуху и спал там, изредка высываясь, чтобы дать новое направление. Когда мы остановились на ночлег, а Котенок так и не отошел от моего Младшего ни на шаг, я не выдержал и спросил, в чем дело.

— Маскировка, — охотно объяснил Котенок. — Мой свет Летящим легко почувствовать, но когда я с Лэном — он его гасит.

— А я?

— А ты нормальный, — неожиданно встрял Лэн. Он улегся прямо на камни, явно собираясь уснуть. — То, что в глазах свет, — надо еще увидеть. Надо подойти... посмотреть.

— Ты все теперь используешь. Котенок, — тихо сказал я. — Даже беду. Даже горе. Это стало «маскировкой».

— Мы много лет воевали с Тьмой чистыми руками. — Котенка мои слова не задели. — Не убей, не пошли на смерть, не предай... И Тьма росла. Хватит. Мы воюем честно, но если обстоятельства сложились в нашу пользу — почему бы и нет?

— Тем более что обстоятельства так легко направить в нужную сторону. Лэн, ты не собираешься ставить убежище?

— Забыл, — с ноткой удивления отозвался Лэн. Раскинул руки, и его Крыло вздулось, превращаясь в черную палатку.

Теперь Котенка и моего Младшего не было ни видно, ни слышно. Поставил палатку и я.

В эту ночь мне приснился сон. Странный сон, в нем я разговаривал с другом — которого у меня никогда не было. Взрослым другом в черном комбинезоне, как у Летящего. В темноте я не видел его лица. Но это казалось не важным. Мне нужен был совет — просто совет. Что делать, если Свет стал страшнее Тьмы, и с кем драться, и как не предать ни себя, ни друга. Я рассказывал о том, что случилось, словно и впрямь передо мной был собеседник, хотя уже понимал, что сплю, и отчаянно балансировал на границе сна и яви. Мне нужен был совет — от приснившегося друга, от моего второго «я», от Света, от Тьмы...

— Ты все пытаешься выбрать между Светом и Тьмой? — спросил тот, кто мне снился.

— Да.

— Не стоит... Не сравнивай правду, которая стоит за людьми. Сравнивай людей.

— Почему?

— Да потому, что не вера делает нас, а мы — веру. Сражайся за тех, кого любишь. И если при этом ты на стороне Света — пусть гордится Свет.

384 — Понял, — сказал я, просыпаясь. — Понял...

Дул ветер, и убежище подрагивало. Я лежал под унылое пение, пока не услышал, как хлопнуло свернувшееся Крыло. Встал, вытянул руки, и тугая ткань плеснула со всех сторон.

Котенок был на руках у Лэна, шерстка его вздыбилась от возбуждения.

— Пора. — Котенок окинул меня подозрительным взглядом. — Ты готов?

— Готов. Гордись.

Котенок не понял.

— Теперь можно не таиться, — все еще недоуменно поглядывая на меня, сказал он. — Крылатые и Летящие сцепились насмерть. Летим к башне.

— А там? — Я вспомнил, как пробирался в башню вырывать Лэна и как падали Крылатые, атакуя башню на перевале Семнадцати. — Будем стену долбить? Или сунемся поверху, у всех на виду?

Котенок хихикнул:

— Вход найдется, Данька. Там много дверей... для своих.

Мы взмыли в холодное небо, и башня сразу выросла, выползла из-за скал — черная игла, воткнувшаяся в тучи. Она была совсем рядом, и десять минут полета слились в один миг. Я успел соскучиться по Крыльям за эти дни...

А вход нашелся сразу. Котенок выскользнул у Лэна из рук и уверенно полетел к одной из амбразур, опоясывающих башню метрах в десяти над землей. Амбразура была забрана мелкой решеткой — даже Котенок бы не пролез, и он повис, выжидательно глядя на нас.

Почему-то ему хотелось, чтобы *это* сказал я.

— Попробуй, Лэн, — попросил я Младшего.

Когда от прикосновения его рук решетка уползла в стену, я полез в амбразуру первым. Мне так хотелось увидеть лица врагов... и не чувствовать ничего, кроме тяжести меча в руке.

Но нас никто не подкарауливал.

6. Настоящий враг

В башне было темно и тихо. Мы стояли в маленькой комнате, где одна стена была полукруглая, а из открытого люка в потолке спускалась лесенка. Металлическая, тоненькая и несерьезная, совершенно не подходящая к такому ме-

сту. На стене чадил черным пламенем факел, и очки позволяли видеть в его свете — багрово-фиолетовом, неверном, похожем на сумрак фотолaborатории.

— Вверх, — без всякой интонации выдохнул Лэн. — Они там.

— Точно? — зачем-то спросил я.

Наши взгляды встретились.

— Я их чувствую, — спокойно разъяснил Лэн. — Они... они зовут.

Солнечный котенок тревожно посмотрел на Лэна, потом молча подошел к лесенке и взлетел вдоль нее — в люк.

— Лэн. — Я говорил, стараясь не замечать нарастающий в груди холодок. — Тебе не стоит туда ходить. Я справлюсь сам. У меня Настоящий меч.

— Я еще не Летящий. — Лэн улыбнулся странной, незнакомой улыбкой. — Я могу держаться... пока мы рядом.

Я подошел вплотную, взял Лэна за локоть, посмотрел в глаза. Они были прежними. Только в глубине, в черном провале зрачков, дрожали багровые отблески факела.

— Лэн, мы любим тебя. Мы верим...

Зря я это сказал. Не время было и не место. Слова повисли в темноте, пустые и мертвые, прекрасно подошедшие башне Летящих, но не нам с Лэном. Летящие тоже могут любить и верить, просто у них другая любовь и другая вера.

— Пойдем, Данька, — чуть грустно произнес Лэн. — Котенок уже злится, я чувствую.

Он уже мог ощущать злобу и боль...

— Да, Лэн. — Я кивнул.

Железные прутья лестницы оказались холодными, а сама она — очень длинной. Я карабкался первым, за мной — Лэн. Где-то вверху, над головой, крошечным оранжевым солнышком светился Котенок.

Скоро мы оказались в большом круглом зале. Тоже пустом. Факелов было больше, и багровый свет резал глаза. Посреди зала начиналась узкая винтовая лестница, уходящая вверх.

— Нам что, до самого верха карабкаться? — запоздало удивился я.

— Нет. — Лэн покачал головой. — Еще метров сто, не больше.

Я попытался представить себе сто метров подъема, и ноги противно задрожали. А ведь наверху придется драть-ся...

— Боишься? — резко спросил Котенок.

Вместо ответа я пошел к лестнице. Пол в зале был выложен черно-белыми каменными плитками, по нему были в беспорядке разбросаны люки, откуда торчали железные лестницы. Это, наверное, что-то вроде поста охраны, куда вели все пути с нижних этажей башни. Вот только охраны не осталось, все ушли воевать...

— Данька! — отчаянно завопил Лэн.

Я обернулся — и увидел, как из люка, мимо которого я только что прошел, взмыла вверх черная тень. Летящий тяжело опустился на пол — кланули когти, оставляя щербины в камне. Он повернулся, глянул на Лэна, и по лицу прошла тень улыбки. Потом посмотрел на Котенка — и сморщился, как от боли.

Мои друзья его не интересовали. Без опаски повернувшись к ним спиной, Летящий направился ко мне. Уверенной, твердой походкой, и сумасшедшая мысль пронзила меня: это и есть мой Настоящий враг... Я опустил руку — и без всякого удивления встретил рукоять Настоящего меча.

— Ты пришел. — То ли мне почудилось, то ли в голосе Летящего и вправду мелькнула радость. — Ты наш. Я знал.

И я узнал лицо — так похожее на лицо Шоки.

— Я не ваш!

— Наш, наш, — успокаивающе, мягко произнес Летящий.

А я все не решался вырвать из ножен Настоящий меч и совсем забыл, что у меня есть и обычный.

И в этот миг Солнечный котенок прыгнул на Летящего. Это был скорее прыжок, чем полет, — но очень сильный и быстрый прыжок. Котенок пролетел над головой Летящего и с громким шипением вонзился когтями ему в лицо.

Летящий закричал. Вскинул руки, пытаясь оторвать Котенка от лица, но так и не смог его коснуться. Шерстка Котенка пылала ослепительным белым светом, и от лица Летящего шел дым — словно этот свет мог обжигать.

Оцепенение прошло. Я выхватил меч Туака и бросился к Летящему. А тот уже катался по полу, закрывая лицо руками и тихо скуля. Котенок отскочил в сторону и нервно мотал в воздухе лапками. На пол падали дымящиеся черные капли.

«У меня только двадцать коготков», — говорил когда-то Котенок. Очень острых коготков, как выяснилось... **387**

Острие моего меча прижалось к горлу Летящего, и тот сразу затих, замер.

— Я не ваш, — сказал я, словно это было самым главным.

— Ты свой, — неожиданно спокойно ответил Летящий. — Ты выбрал не ту сторону...

— Я знаю, что я выбрал!

— Решать тебе.

Подошел Лэн, тоже с обнаженным мечом. Удивленно посмотрел на меня — «чего тянешь?»

— Почему ты не нападал, Летящий? — шепотом спросил я.

— Ты меня отпустил. Тогда, над горами. Я должен был постараться. Увести тебя к нам.

— Убить его? — поинтересовался Лэн.

Я покачал головой.

— Нет, Летящий. Ты бы меня не увел. Я выбрал свою сторону давным-давно.

— Тогда убивай меня, — не то посоветовал, не то приказал Летящий.

— Не буду, — сам удивляясь своим словам, ответил я. — Уходи. Убегай куда хочешь. Тьме конец, и вам всем тоже. Забейся в самый глубокий подвал, потому что здесь скоро будет Свет.

— Глупый мальчик. В наших подвалах слишком много Света, чтобы там прятаться.

— Какого Света? — неожиданно вступил в разговор Котенок. Летящий скосил на него глаза — залитые кровью из множества глубоких царапин — и ответил:

— Свет один, и Тьма одна. Мы строим башни над залежами Солнечного камня.

— Чтобы спрятать их от Крылатых? — Я был уверен, что это так.

— Не только. И Тьма может брать силу от Света. — Летящий скривил лицо в улыбке, запрокинул голову, вглядываясь в Лэна, и закончил: — Так же, как Свет — от Тьмы.

Лэн ударил. Коротко, без замаха, его меч был слишком близко к груди Летящего. Но сил у него хватило.

— Зачем? — спросил я, глядя, как черный песок осыпается вокруг клинка.

— Враг, — коротко пояснил Лэн.

Несколько секунд мы молча стояли рядом с черной песчаной горкой, еще сохраняющей форму тела. Потом Котенок сказал:

— Я иду вниз.
— Пошли, — согласился я.
— Нет, ты не понял. Вы идете наверх. А я должен проверить, есть ли внизу Солнечный камень.

— Зачем?

— Это сила.

И я понял, что он не пойдет с нами вверх — на поиски правителя Летящих. Не пойдет — и все тут.

— Без этой силы мы не сможем победить? — спросил я.

— Эта сила понадобится для другого. — Котенок явно не был расположен к объяснениям. — Идите. И не бойся, Данька. Я уверен, ты узнаешь своего врага... и Настоящий меч поможет.

Между нами словно поставили стеклянную стеночку. Я не стал спорить, я кивнул и сказал:

— Идущие наверх приветствуют тебя, Котенок.

Он не понял или сделал вид, что не понял. Подошел к люку, откуда поднялся Летящий, и прыгнул в темный провал. В комнате сразу стало сумрачнее.

— Может, подождем, пока он вернется? — чужим голосом спросил Лэн.

Я посмотрел на него — пристально, внимательно. Потом поднял щиток — ко всем чертям этот багровый полумрак! И сделал то, что собирался никогда не повторять, — глянул на Лэна Настоящим взглядом.

На фоне Тьмы Лэн был едва виден. И ничего в нем не оставалось из того, что когда-то я увидел в своем Младшем. Мрак, Тьма, Ночь клубились в теле, которое еще было человеческим.

— Лэн, там, в горах, Крылатые сейчас бьются с Летящими, — очень осторожно начал я. — Они отвлекают Летящих от башни, ты же знаешь. Если мы задержимся, их перебьют начисто.

Мне показалось — или Тьма в Лэне чуть расступилась?

— Я забыл...

— Держись, Лэн. — Я боялся, что и эти слова окажутся мертвыми и ненужными, но все было нормально. — Лэн, мы почти у цели.

Минуту мы стояли друг против друга, и во мне не было страха перед Лэном, а в Лэне — стыда за то, что творится с ним.

— Может, останешься здесь? — не то спросил, не то предложил я.

— Еще хуже будет. — Лэн отвел глаза.

— Тогда идем.

И мы двинулись вверх по винтовой лестнице — туда, где ждал меня мой Настоящий враг. А я так и не знал, кем он будет: правителем Летящих или... кем-то другим.

Но Настоящий меч оттягивал ножны, не собираясь никуда исчезать. И лестница вела нас по каменной трубе башни, навстречу бою, навстречу выбору, который станет последним.

И это был очень долгий путь.

Поднявшись метров на пятьдесят, мы поневоле остановились — усталость брала свое. Можно было заставить Крыло поделиться силами, но тогда не осталось бы никакого резерва для боя.

Мы стояли рядом на одной ступеньке, Лэн привалился спиной к стене, я — к перилам, за которыми был уходящий вниз круглый колодец. Достаточно широкий, чтобы туда упасть, и слишком узкий, чтобы можно было расправить крылья. Коленками мы уперлись друг в друга, и я чувствовал, что у Лэна дрожат ноги.

У меня, конечно, тоже.

— Данька, я боюсь, — вдруг сказал Лэн.

— Летящих?

— Ну... их тоже...

Факелов на лестнице было очень мало, и Лэн, наверное, плохо видел меня даже в очках. Зато я видел, как побледнело у него лицо.

— Данька, если что-то случится, ты не забывай про ключ. Он ведь убивает не только Крыло, но и того, кто в нем.

— Замолчи! — крикнул я, мгновенно забыв, что нам надо быть осторожными. — Дурак!

— Пусть дурак, но ты помни о ключе, — повторил Лэн упрямо. — И еще... Знаешь, ты лучший друг, который может быть. Спасибо.

Вот тут я ничего не нашелся ответить. А Лэн продолжал:

— Знаешь, я не к месту скажу, только, может, если... забуду потом. Друзья — это всегда ненадолго. Друзья или умирают, или предают. А когда ты появился, я подумал, что бывает и по-другому. Только мне не повезло.

Я сглотнул шершавый комок, застрявший в горле, и хотел сказать, что еще ничего не потеряно, что мы победим и Лэн станет прежним... Но он вдруг выпрямился, отрываясь

390 от стены, и резко закончил:

— Ты, главное, не умирай. Ладно?

Я просто взял его за руку, и мы постояли так несколько мгновений. Если слова становятся мертвыми, не надо ничего говорить. А потом мы стали подниматься дальше.

И лестница кончилась.

Этот зал был меньше нижнего, потому что башня сужалась. Но по круглым стенам вместо окон тянулись от пола до потолка зеркала. В них отражались черные факелы, и мы с Лэном, и другие зеркала... Зал казался бесконечным, уходящим во все стороны.

— Это здесь, — сказал Лэн.

В зале никого не было, но я чувствовал, что Лэн прав. Может, потому, что от зеркальных стен тянуло холодом, пробирающимся сквозь Крыло.

Винтовая лестница вилась дальше, уходя в потолок, на самый верх башни. Но я знал, что туда не надо. Это — здесь.

Кое-где на стенах между зеркалами были высечены надписи непонятными замысловатыми буквами — рунами. Когда я смотрел на них Настоящим взглядом, буквы подергивались, извивались, словно боялись, что я их пойму. Пламя факелов дрожало, словно по залу гулял неошутимый для нас ветер.

— Мы здесь! — крикнул я. — Эй, мы пришли!

И почувствовал короткий укол страха — а если никто так и не появится, если боя не будет, если все останется по-прежнему?!

— Эй! — снова крикнул я.

— Я тоже здесь, — деревянным голосом отозвались из-за спины. Повернувшись, я еще успел заметить, как из одного из зеркал выступила черная фигура Летящего.

Летящего с очень знакомым голосом и лицом.

— Проваливай, Ивон, — не испытывая никакого страха, сказал я. — Мы пришли не за тобой. Сохрани себе еще пару минут жизни... если вы это называете жизнью. Нам нужен правитель.

— Я — правитель, — бесстрастно ответил Ивон, подходя ближе.

— Врешь, — зачем-то сказал я. Ивон совсем по-человечески пожал плечами. Сказал:

— Правитель — это название Крылатых. Мы называем правителя — Нынешним. Нынешний — тот, кто лучше справится с возникшей проблемой. Проблема — ты. Нынешний — я.

- А меня в расчет не берете? — хрипло спросил Лэн.
- Нет. Чего ты хочешь от нас, Данька?
- Я хочу не от вас. Я хочу для. Для Крылатых. Я хочу

Света.

Ивон снова пожал плечами:

— Света? А почему ты уверен, что Свет лучше Тьмы? Ты ведь смотрел со стороны Света... и из него трудно увидеть Тьму. Попробуй узнать и нас, а потом решай.

— Те, кто узнал Тьму, обратно не возвращаются.

— Может быть, потому, что Тьма ближе для людей?

Я не нашелся, что ответить. А Ивон продолжал:

— В тебе есть что-то очень сильное, Данька. Свет нашел тебя первым и привлек на свою сторону. Обидно. Но подумай, чем Свет лучше Тьмы?

От такой наглости я даже засмеялся. И Лэн тоже, только как-то нерешительно. А Ивон скривил губы в улыбке, неумело, но старательно:

— Пусть мы — Тьма. Но мы не лили Черный огонь на города.

Лэн дернулся, как от удара, а меня стало подташнивать.

— Мы не лили Черный огонь... и мы не обманывали людей...

— Вы превращали их в Летящих!

— Очень редко. Обычно к нам приходят сами. Правда, Лэн? Ведь и тебя Керт почти уговорил. Ты просто струсил в последний момент. Ты трус, а для Света это очень плохо. Глупый напуганный мальчик. Тебе было бы куда легче с нами... Данька, зачем ты ввязался в нашу жизнь? Ты хочешь быть героем? Это не получится. Даже Настоящий меч тебе не поможет. Надо ведь знать еще и Настоящего врага...

Слова Ивона падали, как тяжелые холодные градины, и я все уворачивался от них, отбивался, но ответить ничего не мог...

— Хочешь вернуться домой, Данька?

Что? Я даже отпустил рукоять меча.

— Одна дверь была в долине... но ее залили Черным огнем. Потаенные двери такого не любят, они сгорают. Вторую дверь ты разрушил сам, Данька. Вместе с нашей башней. Я не злюсь на тебя, ведь ты считал, что прав. А значит, с точки зрения Тьмы, ты и был прав. Раз оказался сильнее... что ж. Но третья дверь еще осталась. Посмотри на стену за моей спиной.

Да, она была там, Потаенная дверь. Деревянная дверь, выкрашенная белой масляной краской, со стеклянным набалдашником ручки.

— Уходи, Данька. Уходи с Лэном, если хочешь. Оставь споры Света и Тьмы для тех, кто уже не человек, и для тех, кто человеком не был. Для того, кто может послать двух мальчишек на смерть, а сам побежать на обед.

Он знал про нас все. И про то, что было в башне, тоже.

— Решай, Даня. Мы враги, мы ими и останемся, но вовсе не обязательно убивать друг друга.

И тут заговорил Лэн:

— Не выйдет, Ивон. Я не уйду, понимаешь? Это моя земля! А если я не уйду, то и Данька останется!

Теперь Ивон повернулся к Лэну:

— Жаль, Лэн. Они хорошо над тобой поработали, и не мне переубеждать тебя... Керт!

Лэн отшатнулся ко мне. А из зеркала — не того, откуда вышел Ивон, другого — выступил еще один Летящий.

Его я не знал. В отличие от Лэна.

Когда он был человеком, ему было лет девятнадцать-двадцать. Возраст для Крылатого предельный. Но Летящие освободились от многого, им возраст не мешает летать.

— Привет, Младший.

Голос у него был совсем живой и человеческий. Только мне показалось, что говорить таким голосом для Керта мучительно трудно.

— Я не твой Младший. — Голос Лэна упал до шепота.

— Мой. Ты забыл, как я подошел к тебе и предложил быть моим партнером? Как ты радовался, надевая Крыло... как я учил тебя летать.

Лэн дрожал, как в лихорадке. Я подошел к нему, но он словно и не заметил этого.

— Ты зря тогда испугался, Младший. Это не так страшно, как ты думаешь. И больно лишь вначале. Но ничего, Лэни. Ты просто пошел своим путем. И это верно. Лишь для Света путь всегда один — прямой, как луч. Во Тьме миллионы миллионов путей. Ты все равно пришел, Лэни. Мы снова будем вместе.

Я молчал — зная, что мне ничего не надо сейчас говорить.

— Я же отдал тебе ключ, Лэни. Раз ты испугался и решил вернуться. Только зря ты не оставил ключ у себя. Данька его не отдаст. Точно, Данька?

Лэн повернулся и посмотрел на меня. И я понял, что надо соврать. И еще понял, что здесь врать нельзя.

— Не отдам. Это подарок. Пока я жив или ты жив — не отдам.

— Вот так, — удовлетворенно сказал Керт. — Не бойся. Мы спасем тебя, даже если Крыло убьет твое тело. Ничего не бойся, я снова твой Старший.

Он подошел к Лэну вплотную и положил руку ему на плечо. И Лэн не отодвинулся, не отшатнулся!

— Ничего у вас не выйдет, — прошептал я.

Лэн повернулся ко мне, жалобно начал:

— Данька...

И замолчал.

— Ты не можешь видеть его так, как видим мы, — задумчиво сказал Керт. — Иначе понял бы раньше. Он взрослый, наглый и беспощадный. Ты никогда не стал бы его Младшим, если бы видел... Вот если Данька сам станет Летящим, если его не придется убивать... Все изменится. Возможно, мы все станем друзьями — как это называют люди.

— Мы не станем Летящими! И не погибнем! — Я снова взялся за рукоять Настоящего меча.

— Если не станешь — то погибнешь. — Ивон развел руками, и меня обдало холодным ветром.

— Нас же трое, — добавил Керт.

— Против тебя одного, — тихо закончил Лэн.

Вот так.

Я отступил назад, к стене, к зеркалам, откуда тянуло холодом.

Еще не все потеряно. Нет, я не пойду на Лэна с Настоящим мечом в руках. В конце концов, у меня есть ключ.

Весь вопрос в том, кто из двоих? Ивон или Керт? Тот, кто отнял у меня человеческие глаза, или тот, кто отнял друга?

Или мне не нужны ни ключ, ни меч? Если не прав был я?

...Дома, пылающие в Черном огне...

...Плачущий Шоки...

...Герт, который никогда уже не увидит Света...

А стоит ли его видеть?

— Данька. — Голос Лэна был жалобным, молящим. — Пойдем. Это не страшно! Даже я уже не боюсь...

— А ты и не был никогда трусом, — сказала я своему
394 Младшему. — Ты просто не умел прятать страх, как

другие. Мы же все боимся. Даже Керт с Ивоном боятся — против кого я поверну Настоящий меч.

Клинок зашелестел, выползая из кожаных ножен. Он был совсем обычным: не сиял колдовским огнем и не рвался из рук, стремясь убить врага.

Это был просто Настоящий меч, и лица Керта с Ивоном — те лица, что были над Тьмой, побелели.

Свободной рукой я достал из внутреннего кармана Крыла ключ. Поймал взгляд Лэна и покачал головой.

— Да не собираюсь я его ломать, Лэн. Пусть он будет у меня в руке — до конца. Это твой подарок — а мне редко делали подарки друзья. Потому что друзей не было.

— Зачем тебе этот Свет, Данька?! — крикнул Ивон. Выдерж-ка оставила его.

— Не знаю, — честно ответил я. — Так уж получилось, что я не люблю темноту. Может, у Света и есть только один путь, зато видно и все остальные. Да ты не бойся, Ивон. И ты, Керт, зря пятишься. Настоящий меч не для вас. Я нашел врага.

Они разом посмотрели на Лэна. А он не отрываясь смотрел на меня. Мой Младший был совсем рядом, я дотянулся бы острием меча, даже не сходя с места...

Повернувшись к Лэну спиной, я посмотрел в зеркало. На себя самого — взрослого и недоумевающего. Почему я до сих пор не сломал ключ, не убил Ивона Настоящим мечом?

— Так получилось, — сказал я своему отражению. — Нельзя делать то, что противно, и оправдываться, что в душе взрослый.

Клинок ударил по зеркалу, и оно взорвалось тысячью тонких осколков, на каждом из которых дрожало, умирая, мое собственное лицо.

Больно. Очень больно.

Словно тысячи иголок со всех сторон вонзились в тело.

Багровое пламя факелов на миг померкло. Раздался тонкий звон — и еще одно зеркало лопнуло. Странно — в нем я уже не отражался. Ни таким как есть, ни взрослым. А потом, словно все зеркала были связаны между собой, их стекла стали взрываться, рассыпаясь серебристыми искрами.

Пол был усеян стеклом, и в зале стало куда темнее. Зато исчез холод, идущий от стен.

— Как ты понял? — Взгляд Ивона был скорее удивленным, чем испуганным. — Но не важно. Меча нет. Ты проиграл.

Да, Меча не было. Он исчез так естественно и быстро, что я не сразу заметил, что рука пуста. Боль еще оставалась, медленно уходя с кожи в глубь тела, и я неловко потянулся к поясу, вытягивая второй меч — старый меч работы Крошки Туака.

— Не поможет, — сказал Керт. — Нас трое. Мы сильнее. Бросай меч.

У них больше не было нужды говорить как люди.

Держа меч перед собой обеими руками, я ждал. Керт стал заходить ко мне справа, Ивон слева. Потом медленно, неохотно достал меч Лэн и двинулся вслед за Ивоном.

Из всех сил я напрягал Настоящее зрение — но понять их замысла не мог. Может, потому, что клинки Летящих пылали черным светом, слепящим глаза.

— Нас больше. — Ивон улыбнулся — как-то механически, по привычке. — Ты проиграл.

— Нас поровну, это вы проиграли, — неожиданно сказал Лэн.

И ударил Ивона, который начал разворачиваться к нему.

Меч Лэна был самым обычным мечом, он и воткнул-то его неглубоко, от силы сантиметров на десять. Но Летящим достаточно и небольшой раны. Ивон еще кричал — воющим голосом, когда его тело начало каменеть.

Вот только Керт был совсем рядом. Он прыгнул к Лэну, и клинок из слепящей тьмы вонзился в грудь моего Младшего.

— Ты всегда был романтичен. Слишком. — Керт не был глупым бандитом из дешевого боевика и сказал эту фразу, уже повернувшись ко мне, ловя мое движение. И я замер, глядя, как Лэн оседает на усыпанный стеклом пол, а из груди его тянется видимая лишь Настоящим взглядом дымная полоса. Мечи Летящих забирали что-то у своих жертв... Вот только на этот раз, похоже, Керту достался лишь Мрак.

Нападать было глупо, но я не мог стоять, подлавливая Керта на неосторожном выпаде, когда рядом умирал Лэн. Я метнулся вперед, ударил...

И меч Керта перерубил меч Туака у самой рукояти. Не зря оружейник говорил о плохой стали... Еще через секунду Керт ударил меня — не мечом, а ногой, и я упал на пол, отлетев к самой стене.

Странно — я не боялся. Керт подходил ко мне, и прорвавшие ботинки когти на его ногах царапали пол. В руку

396 мне больно вонзился осколок зеркала. Спина ныла от

удара. Моей второй, взрослой, сущности уже не было. А я не боялся.

Может, я и сам по себе уже взрослый?

Рука Керта сгребла воротник Крыла, приподняла меня:

— Все, Данька.

— Ты хорошо рисовал, Керт, — выдавил я, жадно глотая воздух.

— Я и сейчас рисую. Хорошо рисую.

— Жалко, что я не увижу.

Осколок зеркала по-прежнему был в моей руке — тонкая стеклянная игла. И эту иглу я аккуратно вонзил Керту в живот.

Руки Керта разжались. Он уронил и меня, и меч. Стал медленно, почему-то клацая зубами, вытягивать осколок из тела.

У меня было лишь несколько секунд. Я нагнулся, хватая меч Керта. И вскрикнул от боли в обожженной руке.

Мечи Летящих не для меня. Наверное, во мне слишком много Света...

Носком ботинка я пнул меч, и тот послушно скользнул по полу, зазвенел, скатываясь по крутым ступенькам винтовой лестницы. Потом звон смолк — как-то сразу, видно, меч упал в проем. Но есть и еще один клинок...

— Затягиваешь, — сказал Керт, наступая ногой на меч Лэна. Видимо, он тоже не мог воспользоваться чужим оружием, мечом Крылатых. — Но я сильнее.

Конечно, сильнее. Мне все-таки четырнадцать... А ему двадцать. И в нем сила Тьмы, он на своей территории.

— Если бы не Лэн... — Керт скосил глаза на своего бывшего Младшего. — Ты бы умер в горах. Обидно. Зря я его отпустил. Паршивец.

Очень спокойно, равнодушно он пнул Лэна в бок.

Лэну, разумеется, теперь все равно...

Мне — нет.

В этот удар я вложил все силы, что еще оставались в Крыле. И всю точность, которую мог дать Настоящий взгляд. Я толкнул Керта на Потаенную дверь.

Не знаю, чего я хотел. Чтобы Керт расшибся о камень или...

Керт пролетел метра три, прежде чем ударился спиной о Дверь. И она распахнулась — легко, словно ее открывали по сто раз на дню, — настезь, прямо в яркий солнечный свет, в толпу, спешащую по людной улице незнакомого рода...

Летающий не издал ни звука. Он боролся молча — выбросил вперед руки, и из пальцев выдвинулись, цепляясь за дверной косяк, тонкие длинные когти. Керт смотрел на меня, балансируя на грани миров, а за спиной его шли люди. Шли совершенно спокойно, не оглядываясь.

Может быть, они его и не видели. Но вот на Керта свет солнца действовал. Он еще пытался втянуться обратно в дверь, но руки его уже каменели, и черная перепонка крыльев осыпалась невесомой угольной пылью — на идущих людей, на освещенный порог, на Потаенную дверь.

И вряд ли это пройдет бесследно...

С легким хлопком тело Керта взорвалось, рассыпалось прахом — лишь теперь люди внизу шарахнулись в разные стороны. И в тот же миг стена вокруг Потаенной двери не выдержала. Солнечный свет развел ее, как струя пара — кусок льда. Каменная кладка с грохотом обрушилась наружу, и наступила тьма.

Потаенная дверь исчезла.

Я подбежал к проему, из которого плескало холодным ветром. Камни еще падали вниз — до земли было метров двести. То, что осталось от Керта, провалилось в мой мир.

В глубине души я чувствовал, что мог бы убить его и сам. Взять меч Лэна, ударить в тот миг, когда Керт пытался забраться обратно. Но хорошо, что этого делать не пришлось. Потому что я не должен был его убивать своей рукой... не хотел бы.

Здорово он все-таки рисовал.

Я отошел от стены, вернулся к Лэну; сел рядом и стал немело щупать пульс. Стоило глянуть один раз на его рану, чтобы бросить это занятие.

Но я все равно искал удары сердца, которое уже не билось.

7. Я теряю друга

Я так и сидел возле обвалившейся стены, держа на коленях ножны Настоящего меча и глядя на неподвижного Лэна, когда ко мне подбежал Солнечный котенок.

— Я знал, что ты не ошибешься, — только и сказал он.

— Ты все знаешь наперед, — без всякой злобы ответил я.

— Нет, Данька! Я не думал, что... что Лэн...

Он подошел к Лэну, потрогал ему лицо лапкой.

398 Потом потерял мордочкой о щеку. И где-то в пусто-

те, которая была внутри меня, вспыхнула маленькая теплая звездочка.

— Котенок, ты же теперь сильнее! Ты вырос! Ты почти Настоящий волшебник, оживи его!

— Мне мешает «почти», — пробормотал Котенок и подошел ко мне.

Минуту мы смотрели друг на друга, потом я сказал:

— Все нормально, да? Последняя Потаенная дверь на Землю разрушена, Солнца здесь по-прежнему нет, мой друг погиб. Все хорошо.

С гор доносились порывы холодного ветра, словно обрадовавшегося случаю побывать внутри неприступной прежде башни. У ветра был запах гари, сладкой гари сгорающих людей.

«Мы жили, — вспомнил я слова Шоки. — Мы привыкли к равновесию, а ты хочешь его разрушить».

— Равновесие Тьмы должно быть разрушено, — хмуро сказал Котенок.

И я понял, что теперь он может читать мои мысли.

— По-твоему, Тьма ушла? — спросил я и бережно положил ножны Настоящего меча на пол. Мне они больше не понадобятся... никогда. Потом я встал, подошел к Лэну, сел рядом и стал аккуратно разгибать жесткие, холодные пальцы, сжатые в кулак. Так, чтобы мертвый Лэн не дрался и после смерти.

— Что ты делаешь? — поинтересовался Котенок.

— Прощаюсь, — отрезал я и закрыл глаза. Расплакаться мне только не хватало.

— Данька, но мы победили! Не переживай так, Лэна не вернешь...

— Победили? А где солнце?

— Солнцем буду я.

— Что? — Я захохотал, не открывая глаз. — Ты? Карманным солнышком?

— Нет, довольно большим, — без тени иронии сказал Котенок. — Данька, здесь, в подвале, сотни тонн Солнечного камня. Я выпью его свет, я стану огромным, как эта башня, и буду светиться очень ярко.

Я еще ничего не мог понять.

— И надолго тебе хватит этого света?

— Ненадолго, на пару суток. Но ты же помнишь, любовь — это тоже Настоящий свет. В этом мире миллионы Крылатых, у которых теперь не осталось ничего — только

вера, что солнце вернется в их мир. Они будут любить меня, и этой любви... этого света мне хватит, чтобы светить им.

— А если разлюбят? Если забудут, что такое Тьма... и что такое Свет?

— Тогда я умру, — просто сказал Котенок. — Честное слово, мне этого не хочется.

— Лэну тоже не хотелось.

Котенок замолчал.

— И что, ты теперь полетишь на место их старого солнца? — спросил я.

— Нет, что ты, Данька. Я для этого буду слишком маленький. Я стану летать вокруг этого мира. Стану неправильным солнцем... но это хоть что-то.

— Ты молодец, — сказал я. — Ты хорошо все придумал. Иди питайся.

Где-то над нами прошелестели крылья. Я даже не поднял голову, чтобы посмотреть, Крылатый это или Летящий. Разницы в общем-то нет.

— Чего ты хочешь больше всего, Данька? — неожиданно спросил Котенок.

— Домой.

— Я смогу тебе помочь.

— Да? — Я посмотрел на Котенка. — И как же?

— Когда я стану солнцем, я ничего не забуду, Данька. Но мне будет уже не до того, чтобы помочь тебе. Это будет казаться мне слишком мелким, маленьким. Извини.

— Да ладно уж. — Я невольно усмехнулся. И вспомнил, как Котенок лежал у меня на руках, умирая от голода. Каким он был маленьким, несчастным. И как я плакал, не зная, как его спасти.

— У меня будет только один миг, — серьезно сказал Котенок. Если он и прочитал мои мысли, то никак этого не выдал. — Миг, когда я уже буду Настоящим волшебником, но еще не забуду нашу дружбу. И смогу исполнить любое твоё желание.

— Можно я скажу его? — тихо-тихо попросил я.

— Дань, это не поможет. Я исполню Настоящее желание. Не то, чего ты попросишь, а то, чего ты хочешь.

Я вновь посмотрел на Лэна. Тьма стерлась с его лица. Оно было прежним — бледным, спокойным, добрым. Лэн бы меня простил. Только я — не он.

400 — А чего я хочу, Котенок?

— Многого, — поколебавшись, сказал Котенок. — Чтобы Лэн ожил, чтобы Настоящий меч вновь был с тобой, чтобы я не уходил, чтобы солнце появилось. Но домой, кажется, ты хочешь сильнее всего.

— Тогда иди, — сказал я.

И Котенок, словно ждал этих слов, побежал вниз по винтовой лестнице. Минуту я слышал топот его лапок, потом он стих.

Вот и все. Я погладил Лэна по холодной руке. Я больше не боюсь друзей, даже мертвых. Друзья или предают, или умирают, но в любом случае они перестают быть друзьями. Лэн, например, умер. Котенок — наоборот.

Я подошел к проломленной стене, посмотрел вниз. Полкилометра, не меньше. Можно взять Лэна на руки, спланировать вниз и там дожидаться, пока башня рухнет и из-под нее взлетит в небо бывший Котенок. Потом я окажусь дома... а здесь Крылатые будут славить солнышко, с почестями похоронят Лэна, а про меня сочинят красивую легенду. Что я погиб в бою... или, наоборот, предал Свет, решил стать Летящим, был убит Лэном, но и его убил...

Нет, не буду я удирать из башни. И Лэн пусть останется здесь. Когда башня рухнет, она станет ему памятником.

Я долго стоял у пролома, глядя то вниз, то на горы, где временами полыхал Черный огонь. Крылатым трудно... но ничего. Сейчас в небе появится солнце, и Летящие в панике разлетятся. Или окаменеют в полете и осыплются на горы черным песком.

Потом башня зашаталась, и я понял, что Солнечный котенок начал превращаться в солнце. И еще вдруг понял, что не окажусь внезапно посреди своей комнаты. Просто в стене появится Потаенная дверь.

И мне стало легко. Потому что с Настоящим волшебником, который знает твои тайные желания, не поспоришь, и обмануть его не получится. Зато от его подарка можно отказаться. Если хватит смелости.

А я не боюсь.

Со стен падали камни; факелы, горящие черным светом, тухли один за другим, словно откуда-то подул невидимый и неосязаемый для меня ураган. Башня дрожала, по мрамору пола разбегались косые трещины. С долгим гулом рухнула винтовая лестница, и я слышал, как у земли грохочет обвал, в то время как верхние пролеты еще падают сквозь башню.

Я сел возле мертвого Лэна и положил руку ему на плечо. Тихо сказал:

— Не бойся, я тебя не брошу. Ты же меня не предал.

Снизу накатывал грохот. Я видел, как задрожала Тьма вокруг — снизу, из-под черной выжженной земли, начинал пробиваться Свет. Пелена туч в небе вспыхнула, сгорая, — вспыхнула обычным красным пламенем, и мир мгновенно превратился из темного в кроваво-красный. Башня начала крениться — медленно, неотвратно.

— Ты не забыл про меня, Котенок? — закричал я в умирающую Тьму. — Можешь забыть! Я не открою Потаенную дверь!

И в этот миг сквозь пол ударил белый луч. Камни вспенились, исчезая, но когда луч коснулся меня, я не почувствовал боли. Только тепло, вливающееся в тело. Вот он, Настоящий свет...

Словно сто Солнечных котят прижались ко мне, согревая своим теплом.

Я не думал о том, что делать. Я словно бы знал это. Медленно, чтобы не расплескать ни капельки Света, я лег на пол рядом с Лэном. Положил одну руку ему на лицо, а другую на грудь — туда, куда вонзился меч Тьмы. И почувствовал, как Свет течет сквозь меня — в Лэна. А башня все кренилась и кренилась, а рана под моими пальцами затягивалась так медленно...

— Ты чего обнимаешься? — слабо спросил Лэн; в грохоте я едва услышал его. Но я ждал еще пару секунд, пока он не зашевелился, а последние капли Света не вошли в него.

И вот тогда я вскочил и закричал, уверенный, что все равно уже поздно...

— Бежим, Лэн!

Я пихнул его к пролому в стене, это было совсем легко, потому что башня наклонилась на сорок пять градусов и продолжала заваливаться. Шагнул следом и, увидев, что Лэн заколебался, не понимая, что происходит, пнул его пониже спины. Потом прыгнул сам, в падении расправляя Крыло.

Башня словно ждала этого мига. Верхние этажи оторвались и плавно полетели вниз, еще в воздухе разваливаясь на отдельные глыбы камня. Потом башня переломилась посередине — там, где я выбил кусок стены. Я видел, как чуть ниже меня расправил Крыло Лэн — на фоне светящейся, вспучивающейся земли его силуэт был четким, словно нари-

сованным. А каменный дождь валился на нас, и я понял, что увернуться невозможно.

Только в этот миг земля под нами расступилась, и вверх поплыло солнце.

Оно совсем не напоминало Котенка. Обычное солнце... ну маленькое, километра два в диаметре, и слишком уж пушистое. Мы падали прямо в него.

Черные камни, из которых была сложена башня, вспыхнули и рассыпались в пыль. А мы прошли сквозь солнце, как две пылинки, пролетевшие сквозь исполинский солнечный зайчик.

Я почувствовал тепло — и только. Ну... еще словно что-то шершавое знакомо лизнуло меня в щеку. Но, может, мне показалось.

Мы опустились на землю километрах в трех от башни. Впрочем, башни уже не было. Только облако пыли, повисшее в воздухе. А в небе горело солнце, поднимающееся в зенит. Пока еще слишком большое, но я знал — Котенок остановится на такой высоте, чтобы казаться Настоящим солнцем. А потом будет кружить вокруг этого мира. Кружить до тех пор, пока его любят.

Я стоял, глядя на солнце, и плакал. Лэн подошел, складывая Крыло, и нерешительно сказал:

— Данька, нельзя смотреть на солнце...

— Можно, — глотая застрявший в горле комок, прошептал я. — Можно, Лэн. Это наш Котенок.

— Я понял.

Мы долго так стояли, пока солнце не стало совсем-совсем обычным. Для меня, конечно. А Лэн спросил:

— Данька, а что со мной было?

— Нас контузило, — не колеблясь, соврал я. — А Котенок нас спас. И стал солнцем для твоего мира.

— Ясно, контузило, — без особой убежденности сказал Лэн. Потрогал порванное на груди Крыло, но ничего не стал спрашивать.

— Теперь у вас будут рассветы и закаты, — сказал я Лэну. — А ночью звезды, это солнца других миров. А еще есть радуга и... и...

Я снова заплакал. Лэн обнял меня за плечи. Спросил:

— Данька, а мне показалось или нет, что последняя Потенная дверь в твой мир...

— Была в башне.

— А как же ты теперь?

Я промолчал.

— А Котенок... когда стал солнцем, не мог вернуть тебя домой?

Я снова не ответил.

— Данька... Спасибо.

— Вот еще, — буркнул я, чувствуя, как пустота внутри тает — вся, до конца, заполняясь не то светом, не то теплом. — Словно ты бы по-другому сделал.

— А кто был Настоящим врагом, Данька?

— Не спрашивай, ладно?

— Хорошо. Пойдем?

— Почему пойдем? Полетим.

Я расправил Крыло. Ох и досталось же ему... От горячей земли шел ветер, я поймал его, даже не глядя Настоящим зрением. Следом поднялся Лэн. Мы мчались вверх, не сговариваясь, все выше и выше, словно хотели догнать Котенка, попрощаться или просто поблагодарить — за все. Но когда земля развернулась под нами цветным ковром — пока еще мрачным, черно-сери-бурым, с редкими пятнами темно-зеленой травы, а воздуха не стало хватать, солнце было еще высоко.

— Теперь все изменится! — крикнул я Лэну, жадно глотая воздух. — Знаешь, как это красиво — леса, поля, реки, — когда летишь над ними!

— А ты знаешь?

— Я догадываюсь!

Лэн засмеялся. Холодный ветер гладил нас, что-то тихо шептал, раскачивал в вышине. И нигде не было Тьмы. Нигде. Я знал, что даже там, куда Солнце-Котенок еще не успел заглянуть, Тьма сменилась простой ночью. И Крылатые смотрят на звезды, а Летящие прячутся в самые глубокие норы.

— У нас есть Солнце! — крикнул Лэн.

— У нас есть Свет! — подхватил я.

— У нас есть Крылья!

— У нас есть мы!

И снова мы хохотали, планируя к горам — туда, где Крылатые сражались с Летящими. Нам не нужно было сговариваться, куда лететь, — мы знали это и так.

Нас ждали.

Маленькая кучка Крылатых стояла на ровном плато, откуда можно было видеть башню. Но смотрели они не на ее руины, и даже не на солнце, а на нас. Я увидел Шоки

и обрадовался. Но потом увидел, сколько Крылатых лежат на камнях вокруг, — и вся радость куда-то ушла.

— Вы вернули солнце, — сказал Шоки, когда мы приземлились. Сказал даже не с радостью, а с изумлением.

— Мы все его вернули, — попытался возразить я, но Шоки лишь покачал головой.

— Что нам делать теперь? — спросил Шоки. Нормально спросил, без издевки, а словно ожидая приказаний.

— Да что хотите, — вмешался Лэн. — Кто хочет, может наниматься к торговцам. А кто хочет — просто жить.

Шоки послушно кивнул.

— Многие погибли? — риторически спросил я.

— Особенно среди взрослых, — кивнул Шоки. — Им досталось от Летящих, прежде чем мы смогли ударить.

— У кого-нибудь еда есть? — спросил Лэн.

Со всех сторон к нам протянулись руки — с остатками полетных рационов. Крылатые знали, как пьют силы Крыло, и никто не считал вопрос неуместным. Пока мы ели, Шоки рассказывал, как шел бой, как Летящие зажали колонну взрослых в ущелье, но почти до конца не снимали постов. И лишь когда они перестали ожидать атаки и расслабились, Крылатые набросились на них из засады.

— Почти никто не ушел, — с хмурой ненавистью сказал Шоки. — А потом, когда взошло солнце, оставшиеся окаменели прямо в воздухе.

Наверное, нам бы еще многое могли рассказать. Про каждую минуту боя и про то, как погиб каждый из ребят. Только я это все слушать не хотел. И Лэн, наверное, тоже.

— Мы полетим, — сказал я Шоки. — Ладно?

Шоки запнулся на полуслове и с сожалением спросил:

— Так скоро? У вас еще есть какие-то дела?

— Нет, — вмешался в разговор Лэн. — Но мы ужасно устали. Полетим домой, отдохнуть.

— Конечно, — кивнул Шоки. И, словно осененный неожиданной мыслью, спросил: — А мне можно с вами? Надо сообщить в город, как дела.

Я пожал плечами. Почему бы и нет?

Шоки с видом человека, которому оказали огромную милость, подозвал к себе кого-то из Старших, смутно знакомого мне по единственному визиту в Клуб.

— Гнат, вы с Алком остаетесь руководить Крылатыми. Я лечу в город, а вы прочешете окрестности и развалины башни... А где Алк?

Гнат поморщился. Неохотно сказал:

— У него ранили Младшего. Они там, у обрыва.

Шоки, не говоря ни слова, зашагал к обрыву. Мы с Лэном двинулись следом.

Алка я узнал, он сидел вместе с Шоки за столиком в Клубе Старших, когда я туда приходил. Наверное, они были друзьями.

При нашем появлении Алк поднял голову и беспомощно, неестественно улыбнулся. Он сидел на корточках, держа на коленях голову совсем еще маленького, лет одиннадцати, мальчишки. Крыло на груди Младшего было прорвано, и там пузырилась розовая пена.

— Вот, — зачем-то сказал Алк. — Уже когда солнышко всходило. Старший Данька, ты не сможешь помочь?

Я лишь покачал головой. Не было во мне ни капли Настоящего света, я отдал его Лэну весь, без остатка.

— А что делать? — Алк спросил это с такой надеждой, словно я был знаменитым врачом или могущественным магом... Впрочем, они так и думают.

— Верить и любить, — словами Солнечного котенка ответил я. — У нас нет ничего, кроме веры и любви, Алк. И не было никогда ничего другого.

8. Мы отправляемся в путь

Мне никогда не доводилось летать с настоящим Старшим. И теперь, когда мы втроем отправились в наш город, я увидел, как дается Шоки полет.

Нет, он летел довольно быстро, а иногда так удачно ловил воздушные потоки, словно имел Настоящее зрение. Наверное, ему помогал многолетний опыт. Вот только не было в его полете той легкости и красоты, которая была у любого Младшего, и лицо было таким сосредоточенным, словно он выполнял тяжелую работу.

Предлагать Шоки отдых было неудобно, смотреть, как он летит, — неприятно. Мне помог случай.

На грязно-бурой цепочке холмов, где исходили паром от света солнца лужи и зеленели редкие пятна травы, мы увидели караван.

Самое удивительное было в том, что караван шел по тропе. Солнце лишь пару часов назад зажглось в небе, и вряд ли сейчас хоть кто-то в мире Крылатых занимался повседневной работой. А торговцы продолжали свой путь.

— Ты видишь их? — крикнул я Шоки. Тот кивнул, распластавая в воздухе крылья и явно радуясь возможности отдохнуть.

— Спускаемся! — не то приказал, не то просто сообщил я и заскользил вниз.

Караван начал медленно останавливаться; охранники неторопливо разбрелись вокруг быков, изготовили к стрельбе арбалеты.

Пусть только посмеют...

Я опустился метрах в двадцати от замершей колонны, через мгновение, раскинув черные крылья, рядом сели Лэн и Шоки. Так втроем мы и двинулись к маленькой группке в голове колонны. Там было несколько охранников и двое торговцев... торговков...

— Привет, Дания, — помахала мне рукой Гарет. Реата, стоявшая у нее за спиной, подмигнула мне.

У меня внутри все опустилось, а сердце забухало часто-часто. Гарет сделала несколько шагов, подходя, положила руку на мое плечо.

— Я рада, что ты победил, — продолжила она. — Сумрак не воюет со Светом. Этому миру потребуется многое... очень многое из других миров. И только мы сможем дать ему зерно для посевов, животных для пастбищ, стекла для окон... — Гарет улыбнулась. — Солнцезащитные очки и крем от загара.

— А расплачиваться придется Светом?

— Нет, конечно же. Свет — вовсе не самый выгодный товар, Дания. Умелые бойцы стоят куда дороже.

Я молчал. Не собирался я спорить с торговцами, и единственное, что хотел сказать, спускаясь к каравану: «Убирайтесь навсегда!»

Вот только Гарет я этого сказать не смогу.

— Сумрак не воюет со Светом, — повторила Гарет. — Он достаточно силен, чтобы позволить себе мир.

— Мы не случайно встретились, — прошептал я.

— Конечно. — Гарет кивнула. — А что было случайного в твоей жизни с тех пор, как ты встретил Котенка? Все происходило так, как хотел Свет.

— Не все, — очень тихо, чтобы не услышал Лэн, ответил я. — Там, в башне, я поступил по-своему...

— Да, — неожиданно легко согласилась Гарет. — Поэтому ты мне и нравишься, Даня.

Может быть, мне показалось. А может быть, она и вправду говорила искренне. Только я отступил назад, словно мне стало страшно.

Так оно и было — на самом деле. Сумрак не воюет со Светом, а Свет — с Сумраком. Но и мира между ними нет... Не может быть.

— Прощайте, — не то Гарет, не то всему каравану, не то своему детству сказал я.

— Прощай, — кивнула Гарет. — Мы не встретимся больше под этим небом.

Крыло отозвалось болью, когда я взмыл в небо — голубое небо с пушистым оранжевым солнышком. Крылу был нужен отдых — но я не мог сейчас отдыхать.

Хорошо, что ни Лэн, ни Шоки не стали ничего спрашивать. Мы летели домой — над голыми скалами, над речушками, над обратившимися в груды щебня башнями Летящих, над городами Крылатых, где улицы пестрели от высыпавших из домов людей.

А над городом Лэна небо было пустым, и по улицам носилась лишь малышня. Отсюда на войну ушли почти все.

— Я лечу на площадь, — сказал мне Шоки, когда мы стали снижаться. — Надо все рассказать...

— Я туда не полечу. Извини. — Я глянул на Шоки с неожиданным даже для себя вызовом. Но он не спорил. Завис в воздухе — и я почти физически почувствовал боль, бьющуюся в его Крыле.

— Это был мой последний вылет, Данька, — как-то очень строго сказал Шоки. — Я выложился весь, мне больше не взлететь. Но я рад, что мы воевали рядом... жаль только, что не я первым нашел тебя.

Что я мог ему сказать?

А Шоки протянул руку — это очень трудно сделать, когда паришь на месте, и коснулся моего плеча.

— Женщина торговцев сказала, что вы не увидите под этим небом. А мы с тобой не увидимся никогда. Я чувствую. Спасибо тебе, что мы можем видеть это небо. Прощай.

Он сложил Крыло и провалился вниз, лишь перед
408 самой землей начиная тормозить.

— Что это с ним? — хмуро спросил Лэн.

— Не знаю, — признался я. — Летим домой, Лэн.

Мы сели на площадку своей башни и спустились в дом по винтовой лестнице. Первым делом я стянул Крыло, бросил его на кровать, забрался в ванну и полоскался минут двадцать, смывая с себя сладкий запах гари и мелкий, как пыль, песок. Потом постоял минуту под ледяным душем и до боли растерся полотенцем.

Голова стала ясной, и даже настроение улучшилось. Но усталость не ушла, лишь отползла куда-то глубоко внутрь. Натянув шорты, я вышел в свою комнату.

На моей кровати спал Лэн. Крыло он не снял, и черные перепонки крыльев слегка подрагивали, отзываясь на обрывки его снов. Наверное, Лэн дожидался меня, чтобы о чем-то поговорить, но усталость взяла свое.

Я лег рядом, подложив руки под голову и бесцельно глядя в потолок. Почему-то мне казалось, что я не смогу уснуть — слишком близко была башня Повелителя Летящих, и Настоящий враг, и мертвый Лэн, и Солнечный котенок... Но Лэн ровно дышал во сне, и пятнышко света, просочившееся сквозь полузадернутые шторы, лежало на моей руке теплым прикосновением.

Я уснул.

Пробуждение было резким, как от толчка. Тело ныло, наверное, я спал так крепко, что даже не поворачивался во сне. Лэн повернулся на бок и уткнулся мне в плечо. Пятнышко света переползло ему на щеку.

Осторожно, чтобы не разбудить Младшего, я встал, подошел к окну и распахнул шторы. Хорошо, что дом Лэна стоит почти на окраине. Солнышко садилось за горизонт, лишь край его сверкал над горами. Но зато никакие дома его не загораживали, и комнату наполнял мягкий вечерний свет.

— А звезды ночью будут? — сонным голосом спросил Лэн, садясь на кровати.

Да, что-то я не сообразил, что Крылатых легче разбудить светом, чем тумаками или ведром холодной воды.

— Должны быть, — авторитетно пообещал я.

Лэн подошел к окну, и минуту мы стояли рядом, держась за руки и глядя на уползающего за горизонт Котенка.

Друзья умирают или предают... но обычно у них нет другого выбора.

— Данька, а как пускают солнечные зайчики? — вполголоса спросил Лэн.

— Как правило — с помощью зеркала.

— Я сейчас... — Лэн выбежал из комнаты, но почти сразу вернулся. В руках у него была маленькая шкатулка.

— Это в ней Герт хранил Солнечный камень, — смущенно сказал Лэн. — Я ее взял... на память.

Он раскрыл шкатулку, и я увидел, что изнутри она выложена зеркалами.

— Подставь под солнечный свет, пока он еще есть. — У меня вдруг перехватило дыхание. Лэн пожал плечами и повернул раскрытую шкатулку к окну.

На темной ткани отдернутых штор задрожал маленький солнечный зайчик. Мы с Лэном опять переглянулись, потом я осторожно кивнул.

— Не уходи, останься, — шепотом попросил Лэн.

Секунду мне казалось, что ничего не случится. Потом пятнышко света дрогнуло, обретая объем и становясь куда ярче.

— Глупые мальчишки! — заявил Котенок, планируя на пол.

— Это еще почему? — остолбенел Лэн.

— Могли и раньше сообразить! — прыгая ему на руки, сказал Котенок наставительно. — Думаете, болтаться в небе и светить для всяких охломонов интересное занятие? Ни фига подобного!

Я сел на подоконник, стараясь сдержать улыбку. Лэн с Котенком на руках подошел ко мне.

— Ты что, даже поздороваться не хочешь? — сварливо спросил Котенок.

— А мы утром виделись, — парировал я.

Котенок моргнул, потом поднял лапку и принялся ее яростно вылизывать.

— Ну привет, привет, — сказал я, осторожно беря Котенка на руки. Тот подумал секунду и лизнул меня в ладонь.

— Сливки будешь? — предложил Лэн, незаметно подмигивая мне.

— Да они наверняка прокисли, пока мы сражались, — махнул лапкой Солнечный котенок.

— У меня стуженные есть.

— Да?

Лэн, не говоря ни слова, высочил из комнаты. Мы с Котенком остались одни.

— Данька, — не поднимая глаз, произнес Котенок, — там, в башне, я не мог по-другому... Я ужасно рад, что ты смог ожить...

— Об этом не надо говорить. Никогда. Ладно? — попросил я очень серьезно.

И Котенок понимающе кивнул.

— А кто сейчас там?.. — Я взглядом указал на темнеющее небо.

— Я.

— Это как?

— Ну, за солнышко остался тоже я, только большой и важный. А себя прежнего я отослал к вам, раз уж вы догадались подставить Настоящее зеркало под Настоящий свет. — Котенок ухмыльнулся. — Тот я, который большой и важный, очень сочувствует мне маленькому. Дурак. Ему даже сливок не попробовать...

— Сливки вот, — сообщил Лэн, входя.

Котенок прыгнул с моих рук, недоверчиво обошел вокруг чашки с густыми, как сметана, сливками. Потом спросил:

— И это что — можно лакать?

— Если хочешь, развлекаю водой...

— Нет уж! — твердо заявил Котенок, отхлебывая хороший глоток сливок.

Пока они препирались, я тихонько спустился вниз. Достал из шкафа пару свежих Крыльев — для себя и для Лэна, покидал в сумку какой-то еды. Постоял секунду перед одной из картин Керта — той, где Крылатые и Летящие неслись навстречу друг другу. Здорово, когда умеешь рисовать... Вот только, наверное, обидно видеть, что жизнь не похожа на твои картины.

Я поднялся в свою комнату, молча бросил Лэну новое Крыло и принялся одеваться сам. Котенок, вылизывающий блюдце, покосился на меня:

— На прогулку собрались?

— Не темни, — пристегивая к поясу меч Крошки Туака, сказал я. — Не получится.

— Солнечные котятя темнить не умеют, — гордо сказал Котенок. — Куда собрались?

— Это ты куда собрался?! — возмутился я наконец. — Скажешь, Свет отправил тебя к нам просто так? В жизни не поверю! Опять где-то надо сражаться с Тьмой...

Котенок фыркнул. Потом повалился на пол и стал подергивать в воздухе лапками, не прекращая хихикать.

— Ты чего? — хмуро спросил Лэн, натягивая Крыло.

— У... у-уморил, — не то прошептал, не то пропищал продолжающий смеяться Котенок. — Вечный герой! Мальчик с мечом! Берегись, Тьма, к тебе идет...

Солнечный котенок замолчал и скакнул в сторону, уворачиваясь от брошенной подушки. Увидев, что я тянусь за второй, скривил мордочку и быстро сказал:

— Глупый мальчишка, никто не собирается втягивать тебя в новую потасовку! И я тоже сыт ими по горло!

— А почему тебя отпустили к нам? — подозрительно спросил я, продолжая держать подушку в вытянутой руке.

— Чтобы я вернулся в твой мир и отрапортовал об успехе! Ну и вы, конечно, можете со мной пойти...

Пальцы разжались сами собой, и подушка упала на пол.

— Не шути так, — попросил я, чувствуя, как голос предательски становится жалобным.

— А я и не шучу.

— Но ты же говорил, что только три Потаенные двери ведут из одного мира в другой!

— Да. Только три. Зато есть миллионы дверей, чтобы выйти в еще какой-нибудь мир и уж там поискать те, что ведут на твою Землю.

Это было так просто, что я даже обрадоваться не смог. Лишь одна мысль оставалась в голове: почему я не понял этого сам?

— Злишься, что сам не догадался? — мягко спросил Котенок. — Брось, тебе было трудно поверить в еще один мир...

— Но мы ведь были в мире... этого... Тамала вместе с Гарет, — через силу произнес я.

— Ты же старался забыть эту прогулку. — Котенок ехидно улыбнулся. — Перестань, Данька. Мы сможем вернуться. Это главное.

Я кивнул, соглашаясь, и посмотрел на Лэна. Тот сидел на кровати, положив на колени меч в черных кожаных ножнах, сосредоточенно вычерчивая на полу носком ботинка какие-то узоры.

— Лэн...

Он поднял глаза.

— Ты пойдешь с нами?

— Кто там меня ждет, в вашем мире. — Лэн кисло

412 улыбнулся. — Кому я нужен.

— Мне, — сказал я. И жестко добавил: — Или этого мало?

— Нет, — серьезно ответил Лэн. — Немало... Котенок, а скоро мы дойдем до Данькиного мира?

— Дойдем, — невпопад, но оптимистично заверил Солнечный котенок. Помолчал, но, увидев, что ответ нас не устроил, скромно сообщил: — Может быть, часов за десять, может быть, — за десять лет.

— Тогда мне нужно проводить тебя, Старший, — быстро сказал Лэн. — Мало ли что...

Забавно, что дружба порой нуждается в оправданиях больше, чем предательство.

— Спасибо, Младший, — только и ответил я.

Солнечный котенок тихо замурлыкал. Потом сказал:

— Очень рад, что все так хорошо складывается.

— У тебя все поначалу хорошо, — отрезал я. — Будем искать Потаенную дверь?

— А чего ее искать? — пренебрежительно отозвался Котенок, подходя к стене. И слабый оранжевый свет вычертил контуры решетчатой железной двери.

— Фотоны-протоны? — любопытствовал я.

— Скорее — электроплетки и серебряные пули. — Котенок быстро отошел от двери. — Должны быть еще, повеселее...

Следующая дверь оказалась за коллекцией оружия, развешанной на стене. Ничего так дверь, веселенькая, похожая на витраж из разноцветных стекол, сквозь которые пробивался свет.

— Годится, — решил Котенок. — Открывай, Данька. Я иду первым, а вы с Лэном сзади.

Я послушно направился к двери и толкнул ее вперед — ручки на ней не было. Но перед тем как войти, обернулся и посмотрел в окно, за которым уже начиналась ночь.

Интересно, что в этом мире продадут в следующий раз? Может быть — Тьму?

И что продали в том мире, где мы сейчас окажемся?

Плечом к плечу мы с Лэном шагнули в Потаенную дверь.

Содержание

РЫЦАРИ СОРОКА ОСТРОВОВ

5

МАЛЬЧИК И ТЬМА

199

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким
издательским ценам в наших фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Повелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10,
тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2,
тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 754-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17
- г. Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Лукияненко Сергей Васильевич
Рыцари Сорока Островов
Мальчик и Тьма

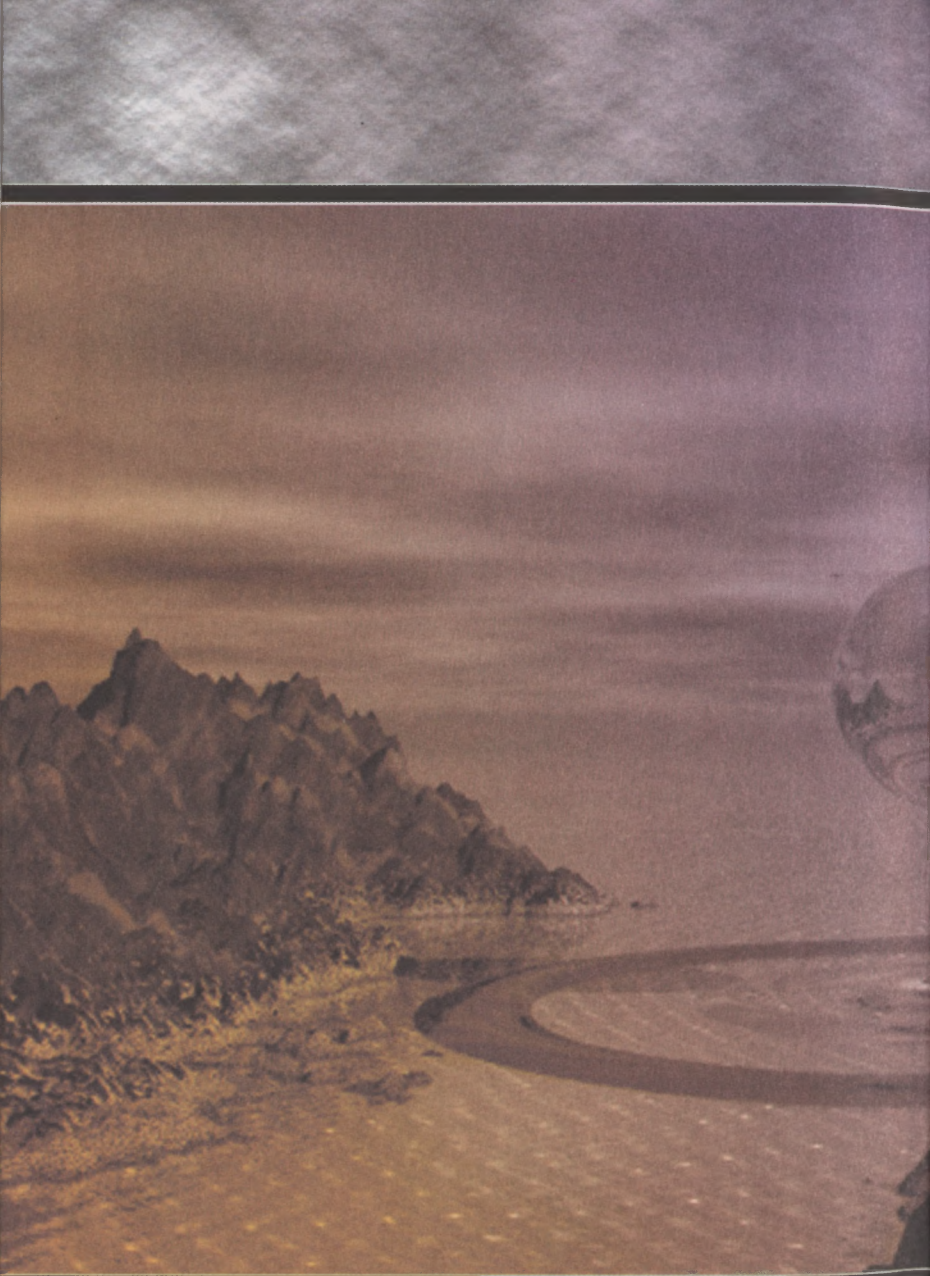
Редактор О. Пуля
Художественный редактор О. Адашкина
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Технический редактор О. Панкрашина
Младший редактор А. Рычкова

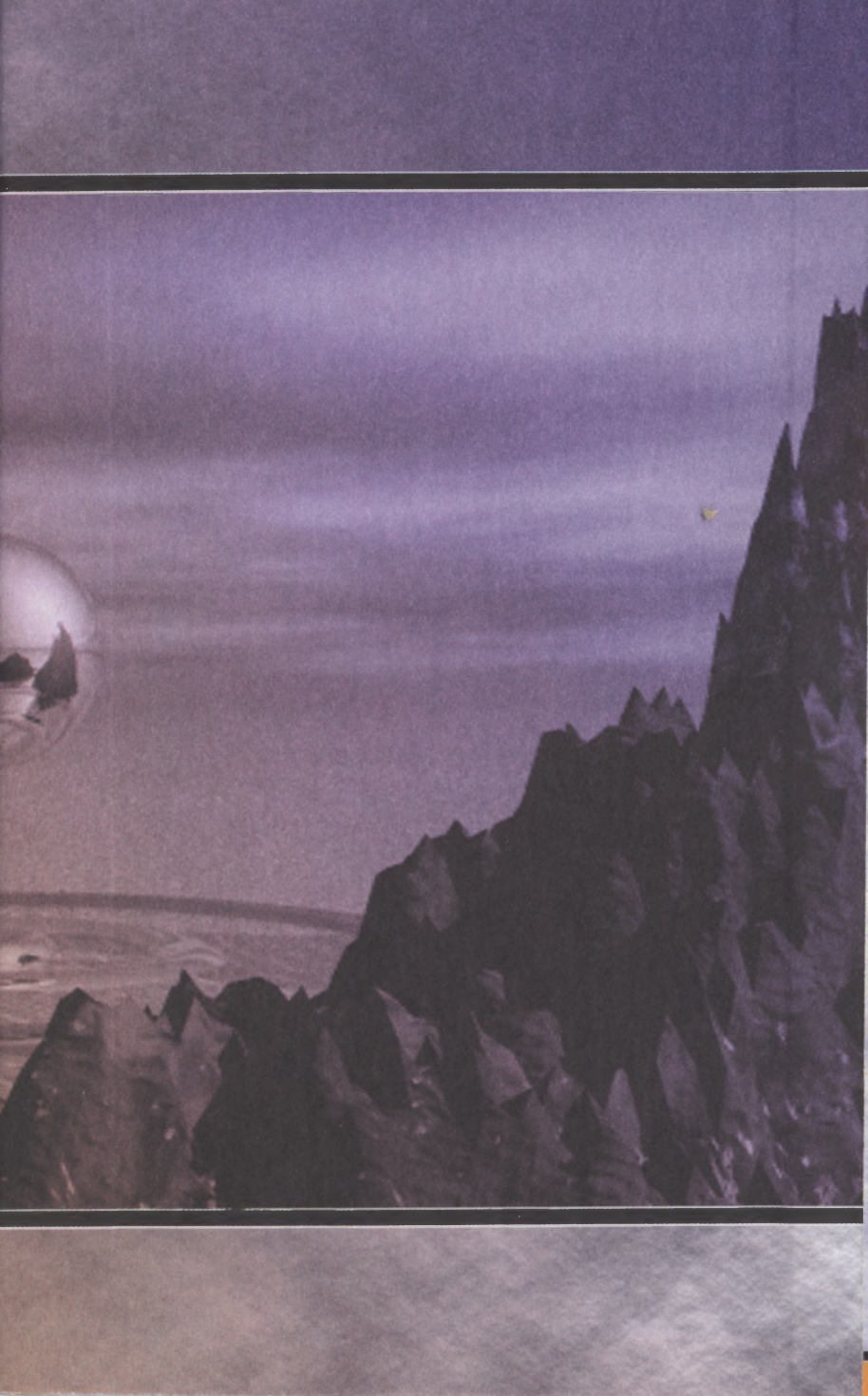
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: asipub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП
«Издательство «Самарский Дом печати»
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

ISBN 5-17-016310-X

9 785170 163106

«Рыцари Сорока Островов» — роман, с которого началась популярность Сергея Лукьяненко. Штормы и призраки, странные ритуалы, полуигровые правила вполне реальных поединков и войн... Как разобраться в этой кровавой игре, выдуманной злым, чуждым разумом?

«Мальчик и Тьма» — роман, сразу же после выхода прозванный «черной жемчужиной Сергея Лукьяненко». История поисков. История приключений. История страшных чудес и странных миров. История о том, что истинного врага найти порою не легче, чем истинного друга. Да и как может быть иначе, если за дело берутся Сумрак, Свет и Тьма...

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й